

РИФ
«ИСТОКИ – ПЛЮС»

ИСТОКИ

ИСТОКИ
Выпуск 7-8 **АЛЬМАНАХ**

МОСКВА
«ИСТОКИ-ПЛЮС»
2014

УДК 882-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
И 89

*Литературно-художественный альманах «Истоки»
издается с 1974 года*

Главный редактор

Александр Такмаков (Серафимов)

Ответственный секретарь редакции

Ирина Антонова

Редакционный совет

Елена Еремينا

Екатерина Козырева

Ирэна Сергеева (г. Санкт-Петербург)

Филюзя Кандарова (г. Уфа)

Леонид Володарский

Ольга Бондаренко

Людмила Осокина

Владимир Пустовитовский

Татьяна Хачумова

Ольга Маничева (г. Наро-Фоминск)

Вадим Максимов

Вячеслав Суворов

Ирина Егорова-Нерли

Контактные телефоны: **8-903-2681557**
8-903-1803787

Наш сайт в Интернете: **www.istokiplus.narod.ru**

E-mail: **rifistoki@yandex.ru**

ISBN 978-5-93999-447-7

© РИФ «Истоки-плюс», 2014
© Ирина Егорова-Нерли, обложка
и графическое оформление, 2014

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

Истокам 40 лет.....	5
От главного редактора Поздравления Людмила Авдеева.....	5
УЧИТЕЛЬ	
Ирина Ковалева о Евгении Винокурове.....	14
РУКОПИСЬ – МОЛОДЕЖНЫЙ ЛИТКЛУБ	
Ксения Наровчатова.....	25
Дарья Белокрылова.....	28
Олег Шведовский.....	36
Валерия Скрипник.....	3
Касперов Андрей.....	4
Евгений Мичков.....	44
ЗАМЕТКИ КРИТИКА	
Марина Логовская.....	53
Алексей Бакулин.....	163
ГОЛОСА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛИ	56
ПОЭЗИЯ	
Ирина Егорова – Нерли.....	86
Леонид Володарский.....	291
Евгения Славороосова.....	287
Ольга Бондаренко.....	161
Виктор Коллегорский.....	283
Людмила Осокина.....	297
Петр Гуддедава.....	274
Екатерина Новикова.....	196
Сергей Черняхов.....	307
Владимир Хохлов.....	160
Геннадий Дубров.....	453
Ольга Наровчатова.....	116
Анастасия Строгова.....	278
Сергей Гончар.....	190
НАШИ ПУБЛИКАЦИИ	
Кирилл Столяров (публикация Сергея Столярова).....	103
Сергей Наровчатов (публикация Ольги Наровчатовой).....	121
КНИГА В АЛЬМАНАХЕ:	
Николай Иодловский. Под светом сумеречной зоны (сборник стихов).....	171
Александр Серафимов Провокаторы (повесть).....	343
СТРОКИ И СУДЬБЫ	
Елена Еремина о Ю. М. Чернове «...И жизнь полным полна».....	200

ПРОЗА	
Ирэна Сергеева	153
Илона Крышкевич	155
Татьяна Хачумова	251
Татьяна Шведовская	311
Сказительница	333
Феликс Шведовский.....	260
Алексей Кебадзе	44
Владимир Пустовитовский.....	245
ЛИТЕРАТУРНАЯ УФА	211
СЕЯТЕЛЬ	
Монахиня Олимпиада (Константинова).....	183
ВОЗВРАЩЕНИЕ	
Валентин Терещенко.....	134
Талантливый, стеснительный, ранимый... (воспоминания Л. Володарского)	134
Валерий Рыбаков	329
Владимир Рогов	325
Юрий Влодов	319
ГОРИЗОНТЫ ПЕРЕВОДА	
Василий Клименко	209
Татьяна Хачумова	210
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА	
Инна Варварица.....	265
ВСТРЕЧА В ПУТИ	
Лия Елфимова	85
Карина Петровская	302
Владимир Яковлев	304
ПОЭМА	
Вадим Максимов Большая Зверильница	422
ЗРИ В КОРЕНЬ	
Николай Карпов	448
Людмила Осокина.....	450
С УЛЫБКОЙ	
Анри Маркович. Стихи.....	455
ЛИМЕРИКИ	
Виктор Коллегорский	456
Алфавитный указатель авторов.....	458

К 40-летию альманаха редакция получила множество поздравлений от читателей, авторов, друзей, которые долгие годы были вместе с нами, творчески мужали на наших глазах. Мы гордимся «истоковцами» и надеемся, что в их литературной судьбе сказалась хоть одна живительная капля «Истоков».

Спасибо Вам, друзья, за Ваши добрые пожелания. Наш альманах всегда открыт таланту, вдохновению, юному задору молодости и творческой зрелости!

*Главный редактор
А. Серафимов*

На сорокалетие альманаха «Истоки»

«Истокам» — сорок лет. Я слов не пожалею,
Сложу из них букет. Поздравлю с юбилеем,
Чудесный альманах, шагающий по миру.
В талантливых руках поет о счастье лира.

И зреет мысли плод — плод солнечно-янтарный.
Читатель сборник ждет, в мир веря идеальный.
Души и сердца жар и искренние строки
Примите, Юбиляр, по имени «Истоки».

«Истоки», как исток, источник свежей влаги.
Родник — не родничок, в котором вкус отваги.
Какие имена — прозаиков, поэтов!
И знают небеса, что им не кануть в Лету.

Здесь Слово, словно луч негаснущего солнца,
Укажет верный путь, до сути доберется.
Поэзии звучать нетленно каждым звуком.
И проза может стать советчиком и другом.

«Истокам» — сорок лет! Какой прекрасный возраст!
Любви священный свет переполняет воздух.
«Истокам» быть всегда. Перешагнуть столетье.
Пою «Истокам» Гимн. Желаю долголетия!

* * *

Я хотела бы сладкие песни слагать, где слова,
Словно мед на устах, как варенье из ягод малины.
Я хотела б писать про луга, где бушует трава,
И про алые гроздья осенней горчащей рябины.

Но горчит не рябина одна, а горчит тишина.
И весь воздух вокруг пропитался слезой и печалью.
Нет страны, что была с колыбели, как мать, мне мила,
Есть другая, одетая черною вдовьею шалью.

Есть другая страна, та, где кружит в полях воронье,
Где охотятся совы и рыскают волки.
Где острее кинжала пронзает вранье,
Где остались от прошлого только осколки.

Но брести чужеземкой в родной стороне,
Позабыв про родство и про подвиги дедов,
Не желаю, не смею поддаться беде
И взываю я к совести лучших поэтов.

Хватит в зелье топить и талант и мечты.
Изгибаться пред теми, кто властью играет.
Запоют еще в наших стихах соловьи.
Но о них ли писать, когда Русь погибает.

Людмила Авдеева

ГЛАГОЛ О ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ

Это уже восьмой юбилей «Истоков», если через каждые пять лет исчислять «круглые» даты рождения альманаха. Такая в новом веке жизнерадостная традиция сложилась в редакции. Сколько сказано в юбилейные дни слов: от ярко-приветственно-хвалебно-казенных до задушевно-проникновенных и даже, незаслуженно, на наш взгляд, критично-иронично-пренебрежительных. Но, как говорится в древней поговорке: ...а караван идет. Идет наш караван с начала семидесятих годов двадцатого столетия, держа путь по звездной карте неба, но не теряя родимой почвы под ногами.

После этой напыщенной метафоры обратимся к реальности.

Москва, Сущевская ул., 21, издательство «Молодая гвардия», 4-й этаж, комната 41, редакция по работе с молодыми авторами. Кто помнит этот адрес? Дай Бог тому здоровья и вдохновения.

...Четыре громадных канцелярских стола, кипы рукописей — на столах, в шкафу, на стульях. Немудрено: со всей нашей страны — Советского Союза — плывет сюда «самотек». Каждую рукопись надо проанализировать и — обязательно в срок! — ответить автору не какой-нибудь двустрочной отписочкой, а толковой рецензией за подписью квалифицированного литконсультанта, зав. редакцией и редактора.

Когда в этом потоке находилась золотая песчинка таланта, иногда и драгоценный слиток, — великая радость для редакции! Но что делать с находкой — подборкой стихотворений или рассказами в несколько страниц? В редакцию прозы лучше не обращаться: там с таким малым объемом, да еще начинающих авторов, не работали; в редакцию поэзии — своих авторов очередь до Луны.

Оставалось только мечтать об издании специального сборника для молодых.

Видно, сильно мы, редакторы: Валентина Ивановна Никитина, Галина Вячеславовна Рой и Елена Николаевна Еремина, — мечтали. Особенно настойчиво и деятельно мечтал наш зав. редакцией — чудесный русский поэт Геннадий Серебряков, человек чистой души, бескорыстный и доброжелательный.

Задумались о судьбе творческой молодежи и в самых верхних «верхах». ЦК КПСС принял соответствующее постановление о работе

с молодыми талантами. Вскоре последовало постановление и ЦК комсомола, имевшее непосредственное отношение к молодогвардейской молодежной редакции. Казенный текст сего документа прозвучал для нас сладкой музыкой: редакции представлялась возможность издания альманаха начинающих авторов. Имя ему дали «Родники».

Едва «Родники» проклюнулись на свет, свыше последовало указание: альманах закрывается, так как бумага потребна для издания журнала «Литературная учеба». Журнал прекрасный, с горьковскими традициями, очень нужный для пишущей молодежи. Учиться мастерству надобно, но где же печататься? Вопрос логичный. Видно, потому и молодежный альманах был возобновлен, но под другим названием — «Истоки».

Первый выпуск альманаха, основанного в 1973 году, вышел в году 74-м, с этого мы и берем свое начало.

Таких альманахов в свете еще не бывало — чтоб весь, до единой страницы, отдан творчеству молодых! Авторы должны были быть не старше тридцати лет, не состоять в Союзе писателей, не иметь отдельных изданных книжек, а только публикации в периодике. Иными словами, быть в полном смысле молодыми и начинающими.

Но «Истокам» нужны были не только молодые и начинающие. Требовались талантливые или подающие основательные надежды. Вот на это и нацелились наши усилия. К счастью, возможностей было достаточно.

«Самотек» в ту пору стал еще гуще. Однако мы уже не полагались на стихию, а пустились в целенаправленные поиски. Вся громаднейшая страна была перед нами. Источниками для «Истоков» стали республиканские писательские организации, Всесоюзные конкурсы молодых поэтов, областные и Всесоюзные творческие семинары, Недели молодежной книги, облетавшие весь Союз, многочисленные литературные объединения... При издательстве было создано Всесоюзное заочное литературное объединение. Делами его занималась Галина Вячеславовна Рой, опытный редактор, контактная, умевшая ладить и с высоким начальством, и с автором, не состоявшимся по причине бездарности.

Руководство издательства «Молодая гвардия» в те годы щедро давало немалые средства для всех этих мероприятий, для командировок редакторов и писателей.

Всесоюзные совещания молодых писателей проводились часто, с большим размахом, сотни молодых съезжались в Москву или другие города Союза. Это не была «слезка» за умонастроениями творческой молодежи, не «промывка мозгов». Эта была серьезная профессиональная беседа начинающих с известными литераторами о мастерстве, о творческих поисках, о писательских судьбах...

Это было узнавание, знакомство и сближение молодых прозаиков и поэтов, начало их творческой дружбы, которая не должна забыться в нынешние времена...

И так материала для альманаха набиралось преизбыточно. Массу рукописей, разных по художественному уровню, необходимо было привести в стройный порядок. Геннадий Серебряков предложил разумную мысль: пусть альманах отражает на своих страницах вехи творческого роста молодого дарования: поначалу первая публикация, потом — вторая, с материалом уже более зрелым, и затем уже, как итог серьезной авторской работы, — книга в альманахе. И венец нашей работы — выход отдельной книжки в серии «Молодые голоса».

Соответственно такому последованию публикации произведений, в альманахе появились рубрики: «Наши дебюты», «Первая встреча», «Встреча в пути», «Книга в альманахе», «Строки и судьбы». С авторами была налажена постоянная переписка, рецензирование рукописей. «Истокам» помогали поэты и прозаики Николай Старшинов, Николай Карпов, Юрий Чернов, Игорь Калугин, Сергей Москвин, Виктор Афанасьев, Иван Слепнев, Ирина Ракша, Лариса Румарчук, Николай Дмитриев...

Руководство издательства относилось к альманаху очень внимательно, требовало, чтобы выдерживался его общесоюзный характер. Редакция давала ежегодные отчеты: сколько авторов опубликовано, из каких братских республик (чем больше, тем лучше), каков социальный состав авторов (рабочие, колхозники, инженеры, учителя, студенты).

Вот, к примеру, альманах 1978 года. Только что прошел Всесоюзный фестиваль молодых поэтов братских республик в Душанбе и состоялся семинар молодых авторов издательства, которые встретились с Леонидом Леоновым, Сергеем Антоновым, Владимиром Чивилихиным, Сергеем Залыгиным. Произведения многих участников — на страницах «Истоков». Вся страна — огромная, многоязычная — представлена перед читателем в слове, в мелодии, в образах, свойственных каждому народу. Олег Шестинский так писал о том фестивале, с которым нас разделяет четверть века: «Сегодняшние молодые придут к своей творческой зрелости примерно к концу 1980-х годов. Они уже сами будут принадлежать к среднему поколению, сами будут пестовать новых начинающих поэтов».

Слова поэта сбылись. Откроем вторую и третью стороны обложки этого выпуска.

На них множество фотографий. Нет ни одной лысины, нет благородных сединок и почтенных бород. Юные, светлые лица, многие теперь хорошо известны. Юрий Поляков — ныне главный редактор «Литературки», Владимир Нежданов — ныне священник, Лидия Гри-

горьева, Наталья Сидорина, Юрий Козлов, Владимир Бакшинский, Лариса Федосова... Не хочется кончать безликим «и другие», но всех, увы, не перечислить...

Какие темы привлекали тогда молодых «истоковцев»? Они писали о том, что обычно волнует человека в молодости; о смысле жизни, о любви, одиночестве, об отчем доме и материнских руках. И еще (из аннотации выпуска 1978 года): «В произведениях молодых звучит неисчерпаемая тема героической юности их дедов... Тема Великой Отечественной войны глубоко волнует нынешнюю молодежь». Но 1970-е годы породили в обществе новые умонастроения и проблемы, новые проблемы пришли и в литературу. «Истоковцы», особенно те, кто жил в российской глубинке, своим чутким сердцем почувствовали их. Однажды на общем издательском обсуждении новых книг кто-то из присутствующих язвительно заметил: «Альманах молодежный, а пишут о каких-то запечных старухах и стариках на завалинке!..» Нам только и осталось последовать совету Поэта: «И не оспаривать глупца!» Ибо шло время великой «деревенской прозы». И каждый русский душой понимал ее высокий смысл.

Для направления альманаха показателен и еще один эпизод.

Однажды два начинающих литературоведа (ныне — либерал-литераторы) принесли в редакцию статью о творчестве Евгения Носова, уроженца Курской земли, с любовью писавшего о своих земляках — мужиках-курянах. Авторов статьи не устраивала повествовательная манера Е. Носова, использовавшего сочный народный говор, проникавшего до сердцевины русского крестьянина.

Геннадий Серебряков прочитал этот опус «М молвил он, сверкнув очами»: «Материал печатать нельзя! Нельзя громить подлинную русскую литературу! — добавил гневно: — Только через мой труп!»

Какие потаенные смыслы показывает иногда жизнь! Гена умер, статья была опубликована в журнале «Новый мир»...

Шли годы. Один за другим появлялись новые выпуски «Истоков». На титульном листе каждого альманаха крупным шрифтом выделялась строка: «Произведения молодых, впервые выступающих перед всесоюзным читателем». Приходили и уходили заведующие молодежной редакцией, они же — главные редакторы альманаха. Талантливые прозаики, способные организаторы. Так, А. А. Ольшанский горел заботой о росте мастерства начинающих. В его бытность в альманахе появилась рубрика «Мастерская», потом Александру Андреевичу удалось наладить несколько выпусков интереснейшего сборника того же названия. При С. Ю. Рыбасе в «Истоках» был замечен особенный интерес к отечественной истории. Чтобы дать простор молодым прозаикам-историкам, Святослав Юрьевич как бы

расширил рамки альманаха — издал сборник исторических повестей и рассказов «Костры».

В 80-е годы редакция «Истоков» расширилась, влились новые люди: Альбина Лобанова, Лариса Еременко, Галина Калашникова, Мария Чалова, Марина Лобанова — работающие, сметливые, с творческим запалом и бескорыстные. Так, материал для альманаха собирала вся редакция, за составительство полагался гонорар. Узнав о нуждах одного московского детского дома, редакторы единодушно отдали причитающийся им гонорар детишкам — на покупку дорогого по тем временам телевизора и игрушек.

Новое литературное поколение хлынуло в «Истоки» — со своими надеждами, планами, мироощущением, самолюбием и мечтами. Талантливые печатались и непременно получали за публикацию гонорар. Ныне это выглядит сказкой. Волшебной сказкой, но с печальным концом.

Пришли 1990-е годы. Невиданные, шумные, рыночные, дикие, базарные, окрыляющие, безнадежные... Каждый по своей судьбе найдет им определение. Для «Истоков» 1991 год оказался разрушительным. Молодежную редакцию в издательстве «Молодая гвардия» ликвидировали как нерентабельную. Какой при «диком рынке» может быть доход от молодых, неизвестных, «нераскрученных»? Нулевой.

Но нашлись среди уволенных сотрудников «Молодой гвардии» люди с твердой волей. Это были редакторы Г. В. Рой и А. З. Лобанова.

Вместе с поэтом Анатолием Поляковым, прозаиком Львом Сальниковым и другими несколькими писателями они создали небольшое акционерное общество — редакционно-издательскую фирму под кратким названием «Рой» — по фамилии Галины Вячеславовны. Некоторое время фирма копила силы, приноравливалась к неведомым рыночным отношениям. Поначалу выпускала весьма заурядные брошюры по кройке, шитью, вязанию, руководство по бухгалтерскому учету... Успеха не было. Но энтузиазм учредителей не угасал. Надо было выйти к той исходной, на которой раньше держалась молодогвардейская молодежная редакция. Это был популярный альманах «Истоки».

Общество в ту пору осмысливало суть и уроки войны в Афганистане. Эта горькая и героическая тема подняла из небытия «Истоки».

Замечателен первый выпуск возрожденного альманаха. В его редколлегию вошли «афганец» Виктор Верстаков; участник Великой Отечественной войны, военный журналист, поэт и прозаик Юрий Чернов; поэт Николай Дмитриев, прозаик Лев Сальников, Николай

Иванов (он составлял выпуск) и Галина Рой. Авторы альманаха — бывшие воины-«афганцы» и молодые военные журналисты, те, кому пришлось в Афгане столкнуться со всеми ужасами войны. Они, — говорится в предисловии, — едины в своем стремлении рассказать свою правду об Афганской войне... Это исповедь суровая, страстная, глубокая, и это всегда честный взгляд на пережитую войну. И в этом неповторимость и притягательность для читателей повестей, рассказов и стихов, собранных в «афганских» «Истоках».

«Афганские» «Истоки» быстро разошлись и имели добрые отзывы. Но вскоре редакция убедилась, что в сложившихся экономических условиях за счет публикации только молодых альманах не продержится. Учредители РИФ покинули редакцию: кто-то углубился в собственное творчество, кто-то занялся собственным бизнесом.

Галина Вячеславовна Рой взяла на себя труд главного редактора альманаха. Она собрала новую инициативную группу, куда вошли Валерия Сычева (ответственный секретарь редакции), Сергей Телюк, Андрей Шацков, Валерий Дударев, Нина Краснова, Юрий Чернов... Сама Галина Вячеславовна овладела «смежными профессиями»: была организатором, администратором, составителем, редактором, корректором, техредом.

Она умела заряжать людей энергией, оптимизмом, интересными идеями.

Альманах предоставил свои страницы всем желающим печататься.

Это уже было новое издание, почти утратившее свой характер, хотя и сохранились рубрики «Первая публикация», «Наши дебюты». Печатались авторы всех возрастов, уровней и воззрений. На титуле «Истоков» больше не значилось, что это альманах молодых. Однако требования редакции к произведениям были высоки. Гражданственность, духовность, моральная чистота оставались важными критериями при отборе материала.

Альманах продолжал традиции русской классической литературы, приветствуя также и новаторов, ищущих новые пути художественного слова. Появилась доселе невиданная в «Истоках» рубрика «Наша опора». Здесь читатель мог познакомиться со святоотеческой литературой, с проповедью и обращениями священнослужителей.

Незаметно подкатило тридцатилетие «Истоков». Много было сказано добрых слов, благодарностей, пожеланий. Редакцию переполняли надежды, планы, замыслы... Дел предстояло по горло. И мы трудились — буднично, кропотливо, со всем старанием и тщанием, без популярных ныне мечтаний «как бы разбогатеть». Бесплатно печатали бедных, нуждающихся, малоимущих, но имевших дар Божий — писательский талант.

35-летний юбилей «Истоки» встречали без Галины Вячеславовны Рой. Ее не стало в тот день, когда в Доме литераторов была наме-

чена презентация очередного выпуска альманаха. Организаторы хотели отменить вечер. Но Анна, дочь Галины Вячеславовны, передала последнее пожелание матери: «Отменять не надо. Продолжайте!..»

Это было прощание Главного редактора «Истоков», его благословение и напутствие коллегам-«истоковцам».

Уже семь лет альманах выпускает редакционно-издательская фирма «Истоки-плюс». Бережно сохраняется добрый опыт 90-х годов. Редакция, несмотря ни на какие сложности, укрепляет традицию старейшего издания страны, то замечательное дело, для которого и был создан сорок лет назад альманах «Истоки».

Старожил «Истоков»

Редакторы молодежной редакции издательства «Молодая гвардия» Галина Рой и Елена Еремина. 80-е годы

МОЙ ВИНОКУРОВ

Готовясь к вечерам памяти, со временем переросшим в Винокуровские чтения, которые мы с Иваном Белокрыловым ежегодно проводим в ЦДЛ, я прочитала и выслушала множество воспоминаний о своем мастере: ироничных и серьезных, уважительных и уничижительных, изложенных с восхищением и с творческой ревностью... Рассказы эти, как правило, больше говорят о вспоминаящих, чем о самом поэте, но что удивительнее всего — в них невозможно найти двух одинаковых Винокуровых! У каждого он свой, как слон из восточной притчи, которого ощупывают слепые. Один дергает за хвост, другой — за хобот, третий — за ухо, четвертый — за бивень, и выясняется, что перед вами весьма неоднозначное животное! Большое, как известно, видится на расстоянии, а оно все растет и растет: с 23 января 1993 года, когда Винокурова не стало, прошел уже 21 год!

В тот день началась внезапная оттепель после крещенских морозов. Сейчас температурными качелями в разгар зимы никого не удивишь, но тогда они еще были редкостью. Не погода, а катастрофа для сосудистых больных! А ведь у Евгения Михайловича уже был инсульт. Он пережил его в 45 лет — слишком рано, как и многое в своей судьбе.

Винокуров ушел на войну в семнадцать, в восемнадцать уже командовал артиллерийской батареей (солдаты были вдвое старше своего отца-командира), в девятнадцать отпраздновал победу в городке Обер-Глогау в Силезии, в двадцать у него обнаружили туберкулез легких, который лечили тогда варварским методом — «заливали жиром», закармливая исхудавших на фронте пациентов суперкалорийной пищей, чтобы те поправились в прямом и переносном смысле. С болезнью было покончено, но возникли другие проблемы, не менее серьезные: Винокурову сорвали обмен веществ, он располнел и заработал диабет, а ведь для сосудов нет ничего хуже, чем высокий сахар и холестерин!

По первой профессии я невролог, и Винокуров иногда советовался со мной о своем здоровье. В тот январский день меня не отпускала тревога за него, я собиралась ему позвонить. Мы не общались почти месяц: перед Новым годом у нас дома отключился телефон (повредили провод и долго не могли обнаружить, где именно). Заработал он лишь в конце января. Первое, что я услышала, сняв трубку, были слова о том, что Евгения Михайловича больше нет.

Он, который, по признанию бывшей жены, не знал, где булочная находится, в свой последний день унижительно обивал пороги учреждений по поводу приватизации жилья, чтобы оставить квартиру дочке и внукам, переехавшим в Америку. Вернувшись домой, почувствовал себя плохо и умер от инфаркта. Не знаю, почему он, всегда такой осторожный, обладавший великолепным инстинктом самосохранения, не поберег себя на этот раз. Остался бы дома, отлежался и пожил бы еще — ведь было ему всего 67 лет. Какая горькая мысль!

Познакомились мы тремя годами раньше — в последний, не самый позитивный период его жизни. Винокуров был болен и одинок, стихи перестали выходить, слава померкла, страна распалась, но у него остались ученики — студенты из последнего семинара, по мере сил заботившиеся о нем и отчасти заменившие ему семью. Я попала в их число с легкой руки Леонида Володарского, о котором Евгений Михайлович когда-то написал как о многообещающем поэте. Леонид настоял на том, чтобы я бросила аспирантуру, пристроил литконсультантом в перестроечный, выходивший миллионными тиражами «Огонек» и отправил проситься в семинар к Винокурову. Никогда в жизни я так не волновалась! Как он ко мне отнесется? Вдруг будет не в духе и прогонит? Если откажется взять подборку или стихи не понравятся — что тогда делать?

Но стоило заглянуть в шестую аудиторию, как страх сменился изумлением: неужели это и есть тот самый Винокуров? В сидевшем за столом человеке не обнаружилось ничего величественного, поэтического. Он не имел ни тени сходства с образом грозного вершителя судеб и даже с фотографиями в книжках, а был какой-то маленький, недовольный, усталый — словом, вполне земной, совсем не страшный, и от растерянности я выпалила: «Вы действительно Винокуров?»

Он ничуть не удивился идиотскому вопросу, взял у меня стихи, будто только того и ждал, что кто-то их принесет. Набора в винокуровский семинар в 1990 году не предвиделось, но Евгений Михайлович настоял, чтобы меня взяли в институт вне конкурса и чтобы непременно — к нему! Наведывался в приемную комиссию, проверял: все ли там в порядке с моей рукописью, не напутали ли чего? Ободренная таким приемом, я привела к нему своего приятеля — барда Диму Домбровского, и Винокуров тоже принял его в свой семинар.

Так началась наша дружба: это определение Евгения Михайловича — не мое. Сама бы я не решилась заявлять, что дружила с Винокуровым. Слишком большая дистанция была между нами! Общаюсь с ним, всегда ощущала исключительность момента: знала, что должна запомнить все «до черточки последней, до детали», почти физически чувствовала шелест песка в часах его жизни, и от пронзительной жалости к нему, от бессмысленного усилия удержать ускользающее

сохранила в голове гораздо меньше, чем могла и хотела. Он был для меня — для всех нас! — как «огромный свет» из его же стихотворения о свойствах памяти, написанного в 1961 году. Считаю его программным у Винокурова, а потому привожу полностью:

Свет

Я дневников не вел. Я фактов не копил.
Я частность презирал. Подробность ненавидел.
Огромный свет глаза мои слепил.
Я ничего вокруг себя не видел.

Но годы шли. И в дружеском кругу
Хочу я рассказать о дальней дали.
Но ничего припомнить не могу,
Ни черточки случайной, ни детали.

Хоть малость бы какую! Нет как нет!
Передо мною лишь одно, не боле,
Один лишь белый тот слепящий свет,
Глаза, как бритва, режущий до боли.

1961

Из этого винокуровского стихотворения, как Достоевский из гоголевской «Шинели», уже после смерти Евгения Михайловича вышло целое литературное направление — светореализм, который представляем мы с Иваном Белокрыловым и Леонидом Володарским, придумавшим этот термин. Собственно, в студии при Геологоразведочном институте, которую вел Володарский, я и встретила Ивана. Мы вместе поступили в Литинститут и сразу же поженились. Иван учился у Николая Старшинова, чей семинар собирался только во время сессии, а все остальное время тоже ходил к Винокурову.

Тот сначала присматривался: что это еще за фрукт такой? Почему за мной таскается? Потихоньку навел справки. Выяснил, что муж и тоже стихи пишет. Потребовал предъявить! Ознакомившись, творчество одобрил и предложил незамедлительно перейти к нему. Иван не перевелся — побоялся обидеть Старшинова, но занятия у Винокурова посещал регулярно: как поэт и учитель он был ему гораздо ближе. Мы, молодожены, напоминали ему о его собственном, к тому времени уже давно распавшемся браке, а наша дочь — о рождении его дочери, совпавшем со смертью Сталина. Не скончайся он так вовремя — жену могли бы арестовать как дочь врагов народа, не посмотрели бы, что у нее грудной ребенок... Евгений Михайлович часто возвращался к этой теме. Когда его не стало, мы оба осиротели.

На винокуровских вторниках, пожалуй, было скучновато. Здесь больше не царил дух того безудержного веселья, которое описывает Олеся Николаева в своих воспоминаниях. Лихие девяностые, как никак! Но и литературным экстремизмом не пахло, как в других семинарах. Никто никого не уличал в бездарности, не распинал за неудачные строчки, не ругал за творческий простой и не рассказывал, как надо писать. Единственная претензия, которую высказал Винокуров к моим стихам, звучала парадоксально: «Какие-то они у вас все ровные, хорошо написанные. Хочется, чтобы были не только взлеты, но и провалы тоже». Я оправдывалась тем, что читала ему лучшее, а неудачное не озвучивала. «Значит, слабые стихи у вас тоже есть? — оживлялся Винокуров. — Рад это слышать! Тогда я за вас спокоен!»

Он пребывал в искреннем убеждении, что поэзии нельзя научить. Если стихотворение не получилось, его нужно не доделать, а дочувствовать. После первого сборника — «Стихов о долге», вышедших в 1951 году, Винокуров замолчал на пять лет — за все это время не сочинил ни строчки! — поэтому, когда во время чтения по кругу кто-то говорил, что ничего нового у него нет, Евгений Михайлович просил: «Почитайте из старого: ведь хорошее стихотворение — как музыка, его можно слушать бесконечно!»

Однако и мягкотелым он не был: графоманов в семинар не брал, за что едва не поплатился жизнью. Как-то раз один из не признанных Винокуровым гениев со всей дури выдрал сушилку для рук из стены мужского туалета, ворвался в шестую аудиторию, запустил этим здоровенным агрегатом в Евгения Михайловича и спасся бегством с места преступления. Леонид с Иваном погнались за ним, но злоумышленник успел вскочить в уходящий троллейбус. Винокуров физически не пострадал, хотя и пережил шок: занятие было сорвано, нас отправили по домам.

Ненормальных в Литинституте хватало. Считалось, что в творческом человеке непременно должна быть какая-то сумасшедшинка. Винокуров был иного мнения: он не доверял неменяемым и с облегчением отпустил к Левитанскому одну небездарную, но весьма странную студентку с выражением неизбывной скорби на лице. Лет пять назад я столкнулась с ней в ЦДЛ на юбилее Литинститута. Она нигде не работала и горестно жаловалась на дочь, отказавшуюся потратить свою первую зарплату на издание маминой книжки. Какой эгоизм! Какая черствость!

Любая странность, неправильность в человеке напрягала Винокурова, как фальшивая нота — дирижера оркестра. К примеру, он искренне не понимал, зачем Дима Домбровский взял фамилию первого мужа своей жены, отказавшись от родной — Курилов, и требовал объяснений! Знаменитых Домбровских у нас пруд пруди, а Куриловых

в литературе еще не было. Красивая ведь фамилия! И винокуровской созвучна. У меня допытывался, почему ушла из медицины: мама с папой — врачи, была первой на курсе, девять лет учебы — коту под хвост! Неужели не жалко? Я лепетала что-то невнятное в свое оправдание, он нетерпеливо махал рукой: все понял, не объясняйте, медицину с поэзией совместить трудно, а талант — это редкость, его нельзя предавать...

Вместо разбора наших литературных полетов Винокуров обычно пускался в воспоминания. Цитировал юношеское посвящение Евтушенко Сталину: «Мой лучший друг живет в Кремле». Делал это без намерения изобличить автора в двоемыслии, понимая, что молодость должна переболеть иллюзиями. Но сам Винокуров достаточно рано выработал к ним иммунитет: он не оставил ни одной строчки, за которую ему было бы стыдно, не приложил руку ни к одному коллективному письму, заклеившему опальных писателей.

Он рассказывал нам, как после войны на Тверском бульваре в шинельке на голую грудь торговал папиросами, чтобы не умереть с голоду, начинающий поэт Эма Мандель. В 1947 году его репрессировали за строчки: «А я бродил в черемухе, как в дыме, / И мне тогда хотелось стать врагом». Винокуров помог ему выпустить первую книгу, стал ее редактором и придумал автору псевдоним — Наум Коржавин. В начале 1990-х Коржавин частенько прилетал из Америки в Москву, вел мастер-классы в Литинституте. Винокурову эта практика не нравилась, он трогательно, по-детски ревновал своих учеников к заезжим знаменитостям. Вдруг молодежь к ним потянется! Напрасные опасения. Знаменитости с упоением демонстрировали себя — гениальных, несравненных, безапелляционных, им не было дела до каких-то там студентов!

Помню оглушительно разгромное обсуждение венка сонетов, за который на первом курсе я получила премию Гуманитарного фонда имени Пушкина и от которого Наум Коржавин, заменивший в один из своих приездов заболевшего Винокурова, не оставил камня на камне. В аудитории сидели мои родители и друзья, а Коржавин был суров и беспощаден. Я уж было решила, что занимаюсь не своим делом, как вдруг после всего этого публичного унижения он подозвал меня и потихоньку, чтобы никто не услышал, пригласил к себе домой: «Стихи-то у вас хорошие!» Разумеется, я никуда не пошла.

Когда Винокуров болел, мы собирались у него на Смоленской — в доме с башенкой. Шторы, похожие на клетчатый плед, задерживались, уютно светилась настольная лампа на массивной бронзовой ножке под зеленым бахромчатым абажуром. Справа от нее лежали стопки каких-то бумаг, рядом приткнулся стакан с ручками, карандашами и фломастерами, слева стояли старинные часы и фарфоровая

фигурка Пьеро, а в центре красовалась в белой рамочке юношеская фотография вихрастого, немного пригорюнившегося и в этой своей мимолетной мальчишеской печали особенно прекрасного Жени Винокурова. Был еще другой снимок — с внуками. За стеклами шкафов едва поблескивали в полумраке корешки книг, там же хранился портрет Ахматовой с ее автографом. В углу на полу высились типографские пачки винокуровского трехтомника.

Свой экземпляр я получила с надписью: «Ире Ковалевой — с пожеланием успехов в поэзии, на счастье. Евг. Винокуров, 27 III 91». А за полгода до этого, еще осенью, Евгений Михайлович вызвался дать врез к моей подборке в «Литературной России»: написал размашистым почерком на листе что-то тривиальное про веру в успехи, пару каких-то общих фраз. Редактор пожал плечами и отложил мою подборку вместе с винокуровским врезом в долгий ящик — там она и сгинула. Тем неожиданнее была фраза из его последнего интервью, вышедшего в «Литературной России»: в нем он назвал меня «Мастером». Именно так — с большой буквы Винокуров произносил и писал это слово. Такое его признание дорогого стоило, но в печать не попало. Редактор, готовивший интервью к публикации уже после смерти поэта, по всей видимости, счел этот отзыв непедagogичным и вычеркнул из текста.

Винокурову не терпелось увидеть мою книжку. Когда Сережа Гловюк принес ему свой сборник «Глоток», Евгений Михайлович поинтересовался, в каком издательстве она увидела свет, и затем спросил: «А Иру там могут напечатать?» Напечатали, но не там. Моя первая книга «Четвертая Троя» вышла вскоре после смерти Винокурова с посвящением его памяти.

Он обладал редчайшим для творческого человека качеством — любил открывать новых поэтов и вводить их в литературу: писать о них, печатать стихи. А главное — имел возможность это делать, поскольку много лет заведовал отделом поэзии: сначала в «Октябре», потом в «Новом мире», где проработал вплоть до 1987 года. Однако в 1990-е все изменилось: Винокуров сам нуждался в помощи тех, кому дал путевку в жизнь. Он был самым издаваемым советским поэтом — в общей сложности выпустил около 120 сборников, включая публикации за рубежом. Вот только с конца 1980-х его книги перестали выходить, стихи исчезли из периодики. А ведь Евгений Михайлович не переставал творить!

Незадолго до смерти он пережил свою Болдинскую осень: писал стихи запоем, как в юности, по одному-два в сутки. Помню, как в один из этих дней он вышел к нам в прихожую совершенно преобразившийся: похудевший, помолодевший, сияющий. Казалось, в полутемном коридоре его квартиры сразу стало светлее. Таким окрыленным

я его еще никогда не видела! Всего в этой последней подборке было 72 стихотворения — об одиночестве и старости, о счастливой жизни, которой больше нет. До сих пор не могу читать их без слез!

Винокуров надеялся увидеть их напечатанными, и я договорилась о публикации с Григорием Кружковым, который вел поэтическую рубрику в «Огоньке». Вначале Кружков такой возможности обрадовался, сказал: «Приноси — напечатаем!» Но, увидев тексты, заявил, что они никуда не годятся. Особенно возмутила его концовка самого пронзительного стихотворения цикла, оно называлось «Старость». В нем были такие строчки: «Но тыча вилкой в рыбу, тужась...» «В туалете он там, что ли, рыбу ест?» — негодовал Кружков.

Старость

Старик живет, не замечая,
что он безмерно одинок...

Что надо утром?
Чашка чая —
да в путь,
была бы пара ног!..
Он вроде не переживает,
и на сорочке,
сев бочком,
он пуговицу пришивает,
как будто бы ведет смычком.
Он вверх рукою нитку тянет.
Откусит, пав головой на грудь...

Приляжет.
Алфавит достанет,
Начнет звонить кому-нибудь...

Но, тыча вилкой в рыбу, тужась,
старик, в чужой семье, в гостях,
почует вдруг, —
и хлынет ужас,
как одинок он,
холостяк...

Понятно, что в начале 1990-х в моде были другие стихи, более сложные и неудобочитаемые, а винокуровская ясность и простота выбивались из этого ряда. Интересно, что в советские времена Винокурова обвиняли в чрезмерной сложности и чуть ли не зауми, а по-

том он вдруг стал слишком прост для любителей поэзии, хотя это, конечно, иллюзия. Винокуров прост с первого взгляда, он иногда даже бывает преднамеренно плоским, чтобы в конце поставить читателя в центр многомерной поэтической Вселенной, в которой и суп на плите варится, и вечностью из окошка сквозит. Начать с какой-нибудь бытовой мелочи, пустяка, а закончить мыслью о мироздании, о «месте человека во Вселенной», как сказал бы Мандельштам, — вот излюбленный винокуровский прием.

Я постаралась, как могла, смягчить кружковский отказ, но до сих пор переживаю, вспоминая этот эпизод. Некоторые стихи из того последнего цикла напечатал потом в «Новом мире» Вадим Сикорский, но Винокуров их уже не увидел. Он считал, что стихи пишутся кровью, но после войны жил вполне благополучно, почти эпикурейцем, и это его пугало: «Мне страшно — я ни разу не страдал... Беду как встречу я? Не знаю...» Винокурову как будто не хватало этой грядущей беды; чтобы взять свою последнюю поэтическую высоту, он всю жизнь готовился к ней, и она обрушилась на его плечи поистине вселенской катастрофой — уход жены, разлука с дочерью, болезнь, старость, забвение, распад страны... Все это тоже есть в его стихах: и мистическое предчувствие неизбежного горя, и внутренняя готовность к худшему, и покорность року, с которым не совладать: «Видно, рок обвел нас смертным кругом и велит из-за пустых обид распрощаться навсегда друг с другом, но рыдать он нам не запретит».

Мне вспоминается Владимир Соколов, который с самых первых стихов, посвященных жене Марианне, готовил ее к жизни без себя, к неизбежности разлуки, поскольку был старше и слаб здоровьем. Жалостью к любимой, которой суждено остаться без него, жалостью, оказавшейся намного сильнее страха смерти, пропитана вся соколовская поэзия. А у Винокурова было такое же пронзительное предчувствие одиночества в конце жизни — потеря любимой, друзей («Не жалуясь, и я имел друзей...»).

Кстати, о друзьях. Лет пять назад мне попалась в Интернете статья ростовского литературоведа Эмиля Сокольского. Он рассказывал, что недавно открыл для себя Винокурова, — был в гостях, увидел на полке его томик и не смог оторваться. Я разыскала Сокольского через Интернет, и у нас завязалась переписка: отрывки из нее Эмиль показал Константину Ваншенкину, с которым Евгения Михайловна связывала давняя дружба. Они вместе учились в Литинституте, критика путала их, по определению самого Ваншенкина, «как невнимательная мать, не умеющая отличить собственных близнецов», но чем дальше, тем больше расходились их творческие вселенные.

В большой статье-некрологе о Винокурове, вышедшей в «Литературной газете» в 1993 году, а также в сборнике воспоминаний, опу-

бликованных дочерью и зятем Евгения Михайловича, в публичных выступлениях и частных беседах Константин Яковлевич не уставал повторять, что автор ставшего советской классикой стихотворения «Художник, воспитай ученика», через чьи руки прошли десятки, если не сотни, молодых дарований (начиная с «открытой» им в 1960-е Ахмадулиной), так и не воспитал никого достойного, у кого действительно мог бы потом учиться. Более сокрушительного приговора Винокурову-учителю не вынес бы даже худший враг!

Когда-то Жуковский адресовал Пушкину надпись: «Победителю ученику от побежденного учителя». Винокуров видел в ней известную долю лукавства: «В поэзии учитель не может быть побежден. Поэзия — то поле деятельности, где, в сущности, нет побежденных, и поэт торжествует победу тогда, когда узнает в новом поэте нечто свое». Я знаю, что в моих стихах «своей» для Винокурова была библейская тема, к которой, кажется, из поэтов его поколения всерьез обращался лишь он один. Винокуров восхищался моим чувством и знанием Библии, почерпнутым не из нее самой (где ж было взять первоисточник в советские-то годы?), а впитанным опосредованно — из русской классики, которая, если копнуть поглубже, вся построена на библейских аллюзиях.

Но сам-то он Библию изучил вдоль и поперек: позаимствовал у тестя Ваншенкина, который был врачом, роскошное издание 1910 года, подаренное благодарными пациентами. Вот как об этом говорит Константин Яковлевич в своих воспоминаниях: «Женя попросил ненадолго почитать — *видно, хотел писать библейские стихи*. Не отдавал книгу больше года, вернул с трудом, очень недовольный. *Все это выглядело по-настоящему умирительно*». Сказано с иронией, как о чудачестве, но ведь интерес к Библии у Винокурова был не праздный и не этнографический, он не просто хотел поднахвататься мотивов для религиозных стилизаций и держал книгу не из жадности, «заикленности на себе» и «эгоцентризма». У него была своя концепция мира и Божественного начала — не классически христианская, а близкая к эзотерической. Это центральный стержень его поэзии, вокруг которой выстраивается весь мир Винокурова:

Не как Марфа — та всю жизнь о разном,
как Мария — только об одном:
нужно думать только о прекрасном,
толковать не стоит об ином.

Отсюда «Бог боролся с Яковом во мраке...», «Крестились готы», «Когда в одно сольются все наречья», «Тот грозный ангел с огненным мечом, десницей указующий на цели» и «Заката древние красоты» — совершенно библейские, которые «стояли в глубине окна», пока

«от мыла, щелока и соды / в досаде щурилась она...» («Моя любимая стирала»). Но для Ваншенкина всего этого как бы не существовало, он признавал земную ипостась винокуровского творчества, иронизируя над небесной. А Сокольскому он тогда ответил так: «Письмо Вашей приятельницы о Винокурове только подтверждает, что его “ученики” ничего о нем не знали и ничего в нем не поняли, — одна чепуха в голове. Просто (тупо) любят».

«Познакомил я его и со статейкой Сергея Мнацаканяна (распечатал и прислал в письме), — продолжает Сокольский. — У меня у самого есть претензии к беглым мемуарам Мнацаканяна, но Ваншенкин в претензиях зашел дальше.

Итак, он комментирует распечатанные мной заметки Мнацаканяна “Чернорабочий и пророк”, я, сидя напротив, внимательно слушаю.

— Он же не знает значения слов! Что такое “чернорабочий”? Это человек, который не учился и ничего не умеет. Ему поручают кирпичи таскать, мешки с цементом, тачку катить. При чем тут Винокуров?! И какие он пророчества у него нашел!?

“Винокурова забыли”... Интересно, а кого не забыли? Всех забыли.

“Его книгу восторженно приветствовал Пастернак”. “Восторженно”! Да на самом деле к Пастернаку в больницу ходил Боков — а к нему примазался Винокуров, — Женя любил к кому-нибудь примазываться. Их в больницу не пустили, и Боков написал Пастернаку записку: приходили, со мной был Винокуров... В ответ на “Винокурова” Пастернак всего лишь написал: “Знаю, читал”. Вот и все восторги».

Слова о том, что Винокуров любил «примазываться», — на совете сказавшего их. А вы бы не «примазались», если бы услышали, что кто-то из ваших знакомых собирается навестить Пастернака? Насчет «Знаю, читал» — это удар ниже пояса, обвинение во лжи, брошенное человеку, который уже оправдаться не может. Отзывом Пастернака Евгений Михайлович гордился, встречу с ним описал в своей биографии и своим студентам о ней неоднократно рассказывал. Произошла она вовсе не в больнице!

«Вначале я, набравшись смелости, вместе с Виктором Боковым пришел к Борису Леонидовичу домой и подарил ему книгу, — вспоминал Винокуров. — Потом он прислал мне письмо, в котором, в частности, были такие строки: “Книга мне понравилась свежестью и оригинальностью”. Это письмо у меня хранится, как хранятся и подаренные Ахматовой пять сборников с ее стихами. На одной из книг Анна Андреевна написала, что верит в меня и ждет от меня новых стихов». Ну а что касается пророчеств — эта тема заслуживает отдельной статьи, и мы к ней обязательно вернемся.

«РУКОПИСЬ» — МОЛОДЕЖНЫЙ ЛИТКЛУБ

Молодые поэты, переводчики, прозаики, драматурги, критики!
Это — ваши страницы.

Соберемся вместе, будем читать творения друг друга, хвалить, ругать, отделять «мух от котлет». И спорить. В спорах, говорят, не рождается истина, но она проясняется, становится более очевидной, убедительной. Так будем спорить, размышлять об уроках прошлого и новых путях литературы, о традициях и новаторстве. И следовать завету Гения Русской Поэзии: «Веленью Божию, о Муза, будь послушна...»

Рукопись всегда предшествует книге. В «истоковском» литклубе Вы имеете возможность опубликовать подборку стихов или рассказ, потом — «Книгу в альманахе», и затем уже «Истоки» выпустят Ваши сочинения отдельной книгой.

Литклуб ждет Ваших рукописей.

Присылайте.

Звоните...

Приходите на наши литературно-музыкальные вечера к свободному микрофону.

*Главный редактор
А. Серафимов*

* * *

«Спас Нерукотворный» —
Строгий лик.
Новгородские иконы
Старинных лет.
Вечный взгляд
Иисуса Христа
Продлевается в душе.

* * *

Интуиция — голос Бога
Звучит в нас
То громко,
То чуть слышно.
Года влекут вперед,
Переплелись
Ложные дорожки
С истинным путем.

* * *

Поэту В. Е. Субботину

Был виден сон издалека —
Безмолвно шел поэт,
Спокойно обходя планету.
Его рассказы и стихи
Сопровождали землю,
Над ним звучали
И уходили вдаль —
В просторы гордых рек.
Шумели звонко города,
Его рассказы повторяя.
И вольных слов земных
Величественная простота,
В далеких звездах отзываясь,
Соединялась с вечностью незримо.
Всем было слышно все.

* * *

Моей бабушке Н. И. Воркуновой

У могилы
На ветку ели
Повесили золотую шишку.
Покоящийся здесь человек
Верил
В ее целебную силу.

* * *

На музыку
Открывается мироздание —
Путешествие в вечность.

* * *

К березке упышенной
Одуванчики
Торопятся с холма
Под светлую защиту.

* * *

Часами стоит
На заснеженной лестнице
У перехода
Старушка с изнуренными глазами.
В протянутой руке —
Глубокие морщины.

* * *

Просветленный вечер.
Капельки грозы
На каждом лепестке
Цветочка вишни.

* * *

Седоглазый
Безногий старик
Самодельные игрушки —
Акробатов на трапеции —

У метро привычно продает.
А воздух становится все холоднее.

* * *

Волны бездонной мелодии
Вынесли меня в этот город,
Где звезды
На уровне глаз,
Где мысль
Мгновенно изменяет мир
И где Бог
Верит в человека.

* * *

Весь день боролись
Солнце
И тучи
В чашечке тюльпана
Передо мной.

Ксения Наровчатова (1980 г. рождения) — оригинальный и убежденный представитель нетрадиционного поэтического жанра. Верлибр, ритмическая миниатюра, свободный стих — как бы ни назвать его предполагает предельно концентрированную мысль в отточенно-лаконичной форме. У К. Наровчатовой прибавляется к этому образная яркость и философская глубина. Глубокое уважение к людям тяжелого физического труда, сочувствие к людям скромного положения, униженным жизнью, восхищение великими художественными творениями, проникновение в неведомые тайны мироздания — вот содержание ее размышлений, ее творчества.

Генуэзские львы

Вот из укрытия, из тени
Два мраморных крадутся льва.
Под лапами шуршат ступени,
Как в джунглях сочная трава.

Не холл как будто, а полянка,
И плит внизу как будто нет.
Таким Бартоломео Бьянко
Вход создал в университет.

Летишь по лестнице, изрытой
Следами трех веков, спеша.
Там дальше дворик есть открытый,
Как для меня твоя душа.

Там в октябре, в десятый месяц,
Что дни последние царил,
Ты, самый лучший генуэзец,
Со мной столкнулся у перил.

Я помню сцену всю до жеста,
Каких-то несколько минут.
Два льва, я знаю, наше место
С той самой встречи стерегут.

По мне скучающих незримо,
Грустящих день за днем опять,
Прошу: когда проходишь мимо,
Их за меня по гривам гладь!

Камольи

В кафе напротив кто-то жарит стейки.
С горы сбегает домиков каскад.
Я жду тебя в Камольи на скамейке.
Над морем разгорается закат.

Отсюда уплывали лодки в дали.
На этом месте испокон веков,
Волнуясь и надеясь, жены ждали
Часами возвращенья рыбаков.

Застывшие, как будто на картинах,
Они стояли здесь на берегу.
Я так же в сердце, как в морских глубинах,
О наших встречах память берегу.

Пусть от меня ушел не в зыбкость моря,
Знай: никогда не попадешь в беду,
И не случится никакого горя,
Пока тебя я на скамейке жду.

Кастеллетто

«Эстате» — это значит «лето»,
А «море» — «маре», милый мой.
Душа взмывает в Кастеллетто,
Как в рай! Нет, как к себе домой.

Мерцает маяка реторта,
В которой смешивают свет.
О, этот вид с огнями порта —
Его прекрасней в мире нет!

И облака над ним безгрозны —
Воздушны, розовы, легки.
Ты чувствуешь, как пахнут сосны
В конце бульвара и строки?

Я помню ощущение лета,
Закат над морем вдалеке,
Билет на лифт до Кастеллетто
В моем хранится кошельке.

Земля (по-итальянски — «терра»)
Плывет в смеркающемся дне,
Прогулка та вдоль Бельведера:
Скажи, она приснилась мне?

ТОММИ

В прекрасном имени твоём
Есть все, что нужно, Томми:
И нота «ми», что мы поём,
И сотни сказок в томе.
Ты слышишь — в нём звучит апрель,
В нём запах шоколада,
Плеск волн и ласточкина трель:
Все, что для жизни надо!
Ведь в том, как мама назвала,
Не может быть ошибки.
В нём столько солнца и тепла,
И все твои улыбки,
И доброта твоя, и смех,
В нём что-то колдовское...
Да, это имя лучше всех —
Оно одно такое!

Переводы с ИТАЛЬЯНСКОГО

Томазо Вальсери

(Род. 1989)

* * *

Часы теряю в гонке дней так глупо
и забываю все воспоминанья.
Глухому не помогут даже трубы
к тому, что упустил, привлечь вниманье.

Слова летят на ветер, став короче,
торопим время, что вперед стремится.
Не «доброй» я желаю — просто «ночи»,
чтоб в тишине потом остановиться —

среди шорохов ее, как на концерте
мне шепчущих в распахнутые уши
простой вопрос: зачем стремятся к смерти,
смысл жизни упуская, наши души?

* * *

Любил тебя с силой волны,
Разбившейся о валуны.
Терпел в голове я химеру —
Надежду, напрасную веру.
Теперь, когда взял себя в руки,
Не смей возвращать мои муки!

* * *

Потребность моя проста,
она же моя мечта.
Устал нести в гору груз,
но в этой усталости — жизни вкус.

Эдоардо Сангвинетти

(1930–2010)

Люблю, когда молчишь ты

Подражание Пабло Неруде

Люблю, когда молчишь ты, почти не существуя,
И голос мой не может к тебе уже пробиться.
Твой рот закрыт как будто печатью поцелуя,
И упорхнули очи (как крылья их ресницы).

Моей души частица есть в каждой вещи тоже,
А ты ее создание, хоть упорхнуть готова,
На бабочку, на грезу, на душу ты похожа,
Ну и на грусть, конечно, — на чувство и на слово.

Люблю, когда в молчанье доходишь до предела
И кажешься далекой, среди обид кружащей,
До сказанного мною пускай тебе нет дела,
Дай в тишине побыть мне, тебе принадлежащей!

Вступить мне с ней в беседу позволь, пока не поздно,
Светящейся, как лампа, простою, как колечко.
Ты ночь напоминаешь тем, что безмолвно-звездно
Оно, твое молчанье: не скажешь ни словечка!

Люблю, когда молчишь ты, и все вокруг так зыбко,
Как если б умерла ты, страдавшая безмерно,

Тогда одно лишь слово твое мне как улыбка,
И так я рад, так рад я, что все это неверно!

Хоровод

В хороводе вертится мира веретенце,
Где беда случается и сияет солнце,
Где года десятками нжут по спирали —
В два тысячелетия очередь собрали!
Пусть и не убавится эта вереница,
Коль кружиться нравится, жизнь еще продлится.
Рассмешу под занавес — в этом вся идея —
Я тебя, усталого, с видом лицедея.
Луч в окно протянется, принося в придачу
К освещенью лунному личную удачу.
Звезды зажигаются так же, как когда-то,
День исчерпан полностью за чертой заката.
Спи спокойно — пусть тебе по моей указке
В эту ночь привидятся сотни сказок в сказке.

Хитрый кот

Вскарабкался на крышу утром рано,
Случившееся дальше было странно.
Увидел я — поверь попробуй, ну-ка! —
Кота-котицу, он лежал, мяука, —
Шерсть белая, глазищи в цвет лазури.
Спросил, что я забыл на верхотуре.
Сказал, что понял, чем я тут страдаю,
Что я планет движенье наблюдаю.
Я видел, как кружатся в небе птицы.
Я чувствовал, как ветер дуть стремится.
Но он сказал мне: «Брысь! Иди обратно!
Кот отдыхает здесь — тебе понятно?»

Эдоардо Гарласки

(Род. 1991)

Муза

Спящее тело твое — оно
мягко и нежно освещено
лучом, обреченным умереть,
пересекая пустоту,

в которую погружено
наше существование.
Обнаженная, как душа,
вытекающая из ручки.
Уязвимая и опасная,
как цветок аконита.
Твоя голова
погружается в подушку,
как твой образ —
в мечты мои самые сокровенные.
Что тебе снится?
Где твоя душа?

Теперь твои волосы,
теперь мои мысли
защищают твоё тело
от ночного холода.

Ты кружишься в пустоте,
пока я целую твою спину,
как тамплиер
целует крест.

В самый темный час
этой скоротечной ночи
я буду паломником,
а ты моим Иерусалимом.
Моя блудная вера
будет жить в тебе.

Дарья Белокрылова, 22 года, выпускница Литературного института имени Горького, член Союза переводчиков России. Лауреат конкурсов: «Новые имена Москвы» и «Новые имена России» (2001 г. и 2004 г.); с III по VII Московского городского конкурса литературного творчества «Волшебное слово» в номинациях стихи, переводы и журналистика; «Территория мира и согласия» Комитета межрегиональных связей и национальной политики города Москвы (2007 г.); фестиваля «Переделкинские встречи» (2006 г.); «Юные таланты Московии» (2005 г.); победитель I конкурса молодых поэтов Солнцева, конкурса телевизионных сюжетов «Сделай мир добрее» (2002 г.) и др.

* * *

Я молчу.
 Ты молчишь.
 Мы молчим.
Даже когда с трибуны кричим,
Даже
 и, может быть, с большею силой,
Когда протестуем, схватившись за вилы.
Стыдно признаться,
 что каждый виновен:
Сделками совесть разглажена вровень.
Не власть,
 не свобода,
 не денежный знак,
Предмет договора –
 пошленький страх.
Страх вдруг понять,
 что личный покой

Дороже, чем Родины голос глухой,
Что нет больше
 «ради других поколений»,
Что жизнь состоит из двух измерений:
Комфорт
 как мерило мещанского счастья,
Успех
 как вершина, мечта жизни частной.
Из страха проснуться и в зеркале встретить
То, что при свете нельзя не заметить,
Мы ночь продлеваем,
 глаза закрывая,
Уродство свое
 страшным сном называя.
Толкуем друг другу ночные кошмары
Еще не проснувшись,
 в пьяном угаре.
Цинизм ядовитый
 стал богом модным –
Признаемся в шутку во всем,
 в чем угодно.
Но от покаянных,
 смиранных признаний
Нам страшно настолько,
 что лучше незнание.
Лучше молчание многословное,
Повиновение беспрекословное:
Сами себе мы как идолы стали,
Лбы расшибем о престолы из стали,
Каждый царек своего королевства,
Ложь аккуратно пакуем в наследство.
Лжи потакаем,
 ложь производим,
Сами себя бесконечно изводим.
И не останется больше ни неба, ни дна.
В мире молчащих царит тишина.

* * *

Когда-то здесь жила бесконечность,
Теперь ее нет, ушла отсюда,
Жизнь же осталась, не безупречна,
Но все же – жизнь, жизнь как чудо.

Обычные руки с обычным именем
В сумерках первого дня обычного
Прикасаются, серо-синие,
И касание их обрывочно.
Сердце стучит по привычке медленно,
Временем делится с другим сердцем,
Так ему природой велено,
Так и будет, не отвертеться.
И бесконечность, ушла которая,
Только память тревожит знаками.
Душа стала как модель разборная,
Не разучилась разве что плакать.
И когда глазами встречаемся
Обычная ты и обычный я,
Музыка обычная получается
Нового трудового дня.
Дверь. Коридор. Улица.
Улица. Коридор. Дверь.
Со временем все ссутулится,
Даже простое «Теперь».
А «Тогда», может быть, и не вспомнить,
В «Там» волшебное проросло,
Где воздух не стоит комом в горле,
Где есть небо, а не стекло.
Жизнь вести продолжает бережно
До самой границы мира.
Доведет, конечно. Привычка древняя –
Защищать честь живого мундира.
На одно только расчет наемника –
Если вечности больше нет,
Пуля врага чтобы пролетела мимо,
А его чтоб оставила красный след.
В этом обычном мире,
Где война есть привычка дней,
Вечная память как гиря
Для равновесия всех потерь.

* * *

Померкло все: глаза, слова остыли,
Распался в крошку полумрак.
И медленно из первозданной пыли
На сцену выполз Вечный Враг.
Он извивается, он бьется

Голодным брюхом в пустоте,
Он обещает, он клянется,
Что перекрасит тьму во свет,
Что яд закончился, что крови
Ему не хочется давно,
Что он не ищет чужой боли
И что он с Богом заодно.
Он умоляет о прощенье,
Он признает свой смертный грех,
Но в адской тишине холодной
Ему ответом только смех.
Смеются, плачут, вновь смеются
Из множества пустых зеркал
Все лики Бога, словно бьются
О воздух зло колокола.
Он сам хотел быть первым, главным,
Он сам искал на все ответ,
И вот теперь он видит явно
В зеркальном отраженье свет.

* * *

Есть замков высь
Их каменные стены
Чертоги недоступные
Скрывают навсегда
Ты тратишь жизнь
Захватывая пленных
Возводишь вновь
И разрушаешь города

И все дороги, что прошел ты
Ведут как будто к их вратам
И взял ты замки все
Но эти стены где-то там

И тени башен их
Мерещатся везде
И флагов полотнища
Ты в небе разглядишь
Но без следа
Проходят дни
И ты себе когда-нибудь простишь

Что все оставил, так как есть
Что душу отдал снам
Что ты остался где-то здесь
А сердце где-то там

Там, на самом дне небес
Там, в океане света
Замок наших грез
Замок нашей любви
Замок нашего сердца

Дороги все пусты
Их камни – отпечатки судеб
По ним ступали
Армии твои
Ушли давно в небытие
И ты один бредешь
Слепой и одинокий
И не считаешь больше дни

И тени башен их
Мерещатся везде
И флагов полотнища
Ты в небе разглядишь
Но без следа
Проходят дни
И ты себе когда-нибудь простишь

Что все оставил, так как есть
Что душу отдал снам
Что ты остался где-то здесь
А сердце где-то там

Там, на самом дне небес
Там, в океане света
Замок наших грез
Замок нашей любви
Замок нашего сердца

Из цикла «Встреча»

* * *

Водная гладь
Задумчивая,
Берега кромка
Распльвчатая,
Рядом березка
Понурая,
Вокруг тишина
Беззвучная.
Тихий пейзаж —
Спокойствие,
Но отчего-то
Грустно мне...
Зябкое
Одинокое
Беззвучье пейзажа
Спокойное...

* * *

Фиесты безумное дно,
Прекрасное небо над морем...
И что-то мне предрешено
В пронизанной взглядами доле?

Один нескончаемый бал,
А залу невозможно покинуть!
Мне что кавалер тот сказал,
Колечко припрятав за спину?

И мы принимаем игру —
Улыбки, сплетенье телами...
Не вспомним уже поутру,
Что вечером стало с нами...

* * *

Поколение бешеных псов,
Поколение железных оков,
Поколение венских балов,
Поколение странных снов.
Поколение животных забот,
Поколение безумных смертей,
Поколение детей-сирот
И совсем одиноких людей.
Поколение боли и страха,
Поколение незримой плахи,
Поколение душевной тюрьмы,
Поколение моей судьбы...

* * *

Простишь ли ты исчадь ада
За то, что он хромой и странный
И небом за грехи отправлен
Туда, откуда нет возврата?

Поймешь ли ты исчадь ада,
Его гримасу и оскал звериный,
И рыки из его грудины
Не омрачат ли ангельского взгляда?

Ты примешь ли исчадь ада?

Когда-то

Когда-то солнце не светило,
Когда-то зимы здесь царили,
Росток за жизнь боролся с Адом,
Тогда биение сердца раздалось —

Когда-то солнце не светило,
И песни девушки не пели,
Любовь играла с кем-то в прятки,
Когда святая святость страсти
Уступила место... —
Когда-то человек безгрешный
Откусил тот плод запретный,
Что веками прятали от глаз чужих...
Тогда Когда-то стало вечным,

Когда-то тьмой бездонной
наслаждались,
И сны, покрытые печальным огнем,
Олицетворением назывались

Потерянной души, Преподобный
Очищал, волю новую внушал...

Когда-то предки головы склоняли,
Молились Ангелу и души отдавали
За просто так, почти задаром
Когда-то глупо умирали...

Когда-то бездна захватила
Две заблудшие души.
Их эхо крики порождало,
А небо красками играло
И души пламя раскалило,
И Ад на месте зародился.
Здесь плакали, здесь умирали...

Когда-то капля дождика упала
И первый луч огня, не солнца

В схватку с ним вступил
Сыграли в карты, ничья...

Когда-то солнце не светило,
Когда-то зимы здесь царили,
Росток за жизнь боролся с Адом,
Тогда биение сердца раздалось...

Осень

Седеет осень золотая,
И, заметая свежие следы,
Своею силой окрыляя,
Прощальные дарует сны...
 Печаль в глазах таится,
 А в сердце вспыхивает боль,
 Крылатым вестником искрится
 Прекрасным пламенем огонь...

Ее желанье невозможно —
Супротив природы не пойти,
Она так хочет, так желает,
Чтоб осень вечность проживала!..
 Но след несбывшейся надежды
 Тихонько снегом покрывая,
 Весь в белый шелк легонько облачая,
 Стремиться более на минор...

Чайки

Чайки, гордо голову подняв,
Вьсь игрою называя,
Летели темной звездной ночью,
Рассыпая в пыль холодную луну...

И чайки, что не весть одни —
Все белые, красивые,
Почти как боги,
Только Божьи создания...

Студентка 3-го курса Башкирского Государственного университета факультета романо-германской филологии. Свое первое стихотворение написала в 7 лет. Не помню точно, как это было, но строчки окатили меня с головой, словно огромный, высокий водопад... Годы спустя я увлеклась иностранными языками и коллекция моя пополнилась уже и английскими стихотворениями. Стихи в авторской редакции.

Уваженье

Знаю, знаю, с чего начать
Свой рассказ на тему важнейшую!
В Интернете нельзя скачать
До подробности всё малейшей:

Как сберечь чистоту души,
Пронести через жизнь уважение
К тем, кто путает падежи,
Русский учит не за мгновение...

Очень просто, мне кажется, друг!
Познакомь их с культурой России,
Покажи красоты вокруг,
Небосвод безоблачный, синий.

Без грозы и без туч постарайся
Выбрать день для начала дружбы.

Улыбайся, всегда улыбайся,
Это гостю Москвы очень нужно!

Это нужно российской столице,
Чтобы каждый нашёл здесь счастье,
Чтобы были добрые лица,
Чтобы не было лиц «Ненастье».

Слушай, слушай новых друзей —
Белоруса, таджика, тувинца.
В парк идите, идите в музей.
Вы найдёте, чем вам гордиться!

Их культуру с любовью внимай,
Слушай, слушай факты истории.
Понимай людей, понимай,
С уваженьем иди к ним, с любовью.

Ученик 8-го класса, юнкор районных московских газет. Автор двух книг (рассказы). Учится в музыкальной школе по классу гитары.

О псах, щенках, собаках

С репьями на холке,
С бельмом на глазу.
Дыханьем горячим
Пес ранит зиму.

Детство мое так обычное —
Как у всех советских детей.
Руки всегда пахли псиною
От собак различных мастей.
Я помню толстую Шурку

И лапы — как Татры овал,
Дед стелил ей старую куртку,
А взгляд ее пряник искал.
Я помню черную Альфу —
На цепь прибита к стене.
Голос ее словно арфа,
Звуки которой смолкали к заре.
Я помню овчара Алого —
Ментовская псина была.
С ворьем он кусался до талого,
Пока пуля его не нашла.
Ах да, я забыл про Ладушку
И про ласки жизненных струй.
Она была первою девушкой,
Подарившей мне поцелуй.
Я ВСЕХ ВАС, ВСЕХ ВАС
Запомнил.
Я ВСЕХ ВАС, ВСЕХ ВАС
Любил.
Я в слезах бы за вас слово
Молвил,
Но не знаю ваших могил.

*P. S. Не гоняйте собак, ищущих места...
Они тоже живут в чьем-нибудь
детстве.*

Немного про наших соседей

Нас часто бьют с оттягом в зубы,
С колена в грудь и, может быть, в висок.
С Россией обходились по привычке грубо,
К затылку подносив предательски курок.
Мы отвечали холодом Сибири,
Азовской солью в раны вам
И эхом из хребтов Уральской шири,
Кедровая тайга лечила шрам.
Не трогайте Великое, Большое!
Не торопитесь ликовать, подняв бокал.
Россия снова вылежит больное,
Промоет раны нам Байкал.
И если нас возьмут за горло,
От крови снова будет горячо!
— от борьбы дыханье сперло
Алтай-мужик подставит всем плечо.

Я — Водолей

Я — Водолей! Настала эра
Прогресса, запаха свобод.
Я жду сигнала — Робеспьером
Начать Великий наш восход.
Я — Водолей! Есть шанс на гений
Открыть, иль что-то доказать.
За нами больше всех творений
И есть, что вам еще сказать.
Я — Водолей! Имею право.
На этот квантовый скачок.
«Скажи, судьба, в лицо мне прямо,
Когда сыграет мой смычок?»
Я — Водолей... и это гордо,
Меня отметила судьба.
Вцеплюсь своей рукой за горло
И загляну в ее глаза.
Я — Водолей! Ты слышишь, сука?
Настало время перемен.
Была с Россией близорука,
Твои ножи касались наших вен.
Пока Россия в Водолее,
Не сдернуть с шеи всех крестов.
Ей будет чуть теплее,
От наших бьющихся костров.

Я пустой или даже выпит

Я пустой или даже выпит,
Как вишневый липкий графин,
Что на столе опрокинут
После разгула остался один.

* * *

Пейте в жару или стужу,
Приглашайте почаще гостей,
Но только не плюйте мне в душу
Остатки вишневых костей.

11 часов без Бога

К 75-летию В. С. Высоцкого

На душе опять тоска
Зеленая, зеленая...
Льет холодный пот с виска,
Да и ночь бессонная.
Что-то давит на виски
Думы мои, думы,
Сердце, сжатое в тиски,
Мысли глубоки, как трюмы.
Есть же выход из тоски:
Маяком нас тянут храмы.
Могут нас они спасти
И залечат раны.
Я бегу на храмов свет, —
А это свет рекламы.
На душе остался след,
Это след от травмы.
Почему же, не пойму,
К Богу расписание?..
Ночью души, как в плену,
Проходят испытанье.
Я, наверное, умру,
До утра остыну.
Это мне не по нутру,
Это нож мне в спину.
Ночью церкви на замке,
Храмы все в пижамах.
Объясните вы душе,

Она и так вся в шрамах.
С девяти и до восьми —
Полсуток все без Бога,
Это что же, черт возьми?
Эта жизнь убога.

Песня-воспоминание об игре в пробки

Было время и азарт,
Мы играли в пробки.
Гончими срывались с парт
И не были мы робки.
На паркете и земле,
На ковре, асфальте...
Бились даже на траве,
Вы себе представьте!
Как помойные коты,
Рыскали по свалкам,
Не хватало остроты
Мальчишечьим повадкам.
Мы искали пузыри,
Склянки и флаконы.
Свалки как монастыри,
А пробки нам — иконы.
А в почете короли,
Дамки, «неваляшки».
Мы плевали на дожди —
Никакой поблажки.
Если пахнет вдруг духами
Где-то возле стройки,
Гогот, крики, взмах руками:
Здесь играют в пробки.
Между секцией и школой
Время ограничено,
Но веселою толпой
Играли до неприличного.
А потом, как под статьей,
Всех подозревали.
Мать стояла над душой,
Толкуя о морали.
Всем солдатского ремня...
И горохового супа.

Многих нас ждала Чечня.
Жизнь прекрасна — сука!

Дворы сироты

Дворы-сироты нынче не в ударе,
Дворы-сироты взяты нынче в плен,
Дворам-сиротам, как в хмельном
Угаре,
Бьют персональные компьютеры
В сплетень.

* * *

Не слышно криков: «Рыба!»,
Ударов эхо по дощатому столу...
Все чаще за айфоном либо
С пультом и руку под упругую скулу.

* * *

Какие, к черту, классики и прятки?
Какие, к черту, шашки-домино?
Там, на северах, реально рубишь
Бабки,
И ощущение глубже, чем в кино.

* * *

Не чертят мелом ныне на асфальте,
А школьный двор, он просто
Позабыт,
По фене всем, сидят теперь
в контакте
Иль в скайпе позарыли стыд.

Холодная война не закончена,
или История одной хрущевки

Мне нет и полста, а я уж старик,
Пожелтевшие стены — это мой лик.
Я жертва эпохи, накинута аркан.
Запад холодный захлопнул капкан.
Вытяжка легких уже на пределе.
Мертвою кожей обои слетели.
В железобетонные ребра мои

Голгофой ударов кондер мне внесли.
По венам моим протек интернет,
Там есть про политику
И есть про минет.
Провокатор хот-дог с торца
Распространяет листовку,
А когда-то за это в Соловки
Под винтовку.
Двор помнит Боржоми, но в моде
Джин-тоник,
Вот почему я уже гипертоник.
Давление во мне достигает предела,
И трубы взрываются без промедленья.
От демократии Запада я уже скис,
Открывается рана фасадной трещиной
Вниз.
Ожegov следы, это граффити след,
Некрологом следы от смерти привет.
В последние годы год как за два.
Культура чужая моя западня.

Ровесникам

Я говорить об этом не имею права,
Но меньше прав на тишину, —
Я о парнях иного нрава, —
Сыгравшие в чеченскую струну.

* * *

Они играют боем по аккордам,
Которые расставила война,
Все чаще на миноре к звездам
Уходят вновь, оставив в мрамор имена.

Утро

Длинною прядью дождик с утра,
Градом драже прикормит, пройдя,
Холодная сталь у сырого виска
Выстрелом в ухо разбудит меня.
Обжигая ступни об утренний пол,
В глазах полумрак, опираюсь

О стол.
Вечер вчерашний шлет щетке привет,
Та фтор растирает кровавым оскалом
В ответ.

Душа моя тамадовая и кабаковая

Промойте мне душу
И, вытерев рвотную
Лужу...

Моя душа застыла в низком старте,
В отечном тике ноги приросли к земле.
Она томится в ожидании выстрела,
Надежды
На то, что это произойдет уже.
Я жду момента срыва с места,
Сбежать, сорваться дверью на ветру...
Она больна, в депрессии томится,
И я все чаще больше не могу.
Казенных поприщ стены
По выходным нащупывают вены
И вводят чуждые мне темы,
Глуша мои надежды в перемены,
Деля мой путь на отсрочки, смены,
Толкая на ремесло с изменой
Сменить театр на фуфло.

P. S.
Что ни шаг, то кафе и трактир,
Что ни слово, то тост или повод.
От кабаков душа превратилась
в сортир,
Смех чужой — веревкою в омут.

* * *

Чем дольше я в кабаках,
Тем тяжелей открываются
двери.
Бесполезно бьюсь впопыхах,
А точнее, смирился с потерей.

Песня о житейских парадоксах черновик

Не знаю, затосковать мне или засмеяться?
Как одолеть сомнения и решить вопрос,
Который часто любит разрастаться,
В моей душе? И это ПАРАДОКС.
Он с Русью, да и он нетленен.
Не будь его, и не было бы нас,
Раскрыв его, он будет обесценен.
Россия потеряет свой компас.
Но пыжусь я вскрыть все то, что тайна,
Все то, что РУССКИЙ ПАРАДОКС,
Немного все окинуть взором — хоть случайно,
Бьют гематомой мысли, устроив мне допрос.
Я знаю, что не разрешить дилемму.
Семью печатями закрытая она
И я все глубже лезу в тему,
Чем больше вглубь — тем холодней стена.
Мне весело и тут же не понятно,
Тревогой чувств смешалась жизнь.
Никто еще не дал ответа внятно,
Тяжелых дум осталась синь.
Мне не понятен парадокс и эта мука.
Россия — мы читающий народ.
Все чаще на прилавках Ньюша и Самбука,
А Достоевский получает поворот.
Мне не понятен парадокс с бензином,
Который из дешевой нефти слит.
Он на глазах растет с моим адреналином
И превращается в надгробный монолит.
Мне не понятен парадокс с лесами,
Который финны возят как сырье.
Втридорога возвращают нам карандашами,
Продуманное скандинавское ворье.
Нет, я не глуп, но все же не понятно,
Красивых женщин краше наших не сыскать.
Так почему рождаемость вся в ж... и упадке...
.....
Еще кричат: «Плодитесь... Размножайтесь!..»,
И за второго толкают гонорар,
А после в садик пробиться попытайтесь,
Кто больше денег даст, это ведь базар.
Я силюсь, рвусь, хочу понять.

О смысле холодильников в крещенские морозы,
Которые на улицах стоят
И что-то греют, как за пазухой мы розы.
«Мы первые на свете по воде!»
«Мы лидеры по пресной в мире!»
Но из кранов ржавчина везде,
И мы заказываем платную в квартиры.
От парадоксов кругом голова.
От парадоксов трещины и сколы...
Жизнь, родные, очень коротка
И будет туже из-за платной школы.
Меня все это очень удручает,
Накал страстей и жизнь кипит.
Одна лишь мысль все чаще посещает,
Что нас никто не сможет победить.

Е. Мичков — шоумен, с отличием закончил Екатеринбургский театральный институт, снимался в эпизодах к трем фильмам, ему 32 года, мечтает исполнять свои стихи под гармонь...

Стихи печатаются в авторской редакции.

РУССКИЙ ЯЗЫК

По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности.

К. Г. Паустовский

1 июня 2013 года, в День защиты детей, мне посчастливилось побывать в столице России — Москве. Самым запоминающимся событием для меня явилась экскурсия в Государственный Исторический музей. Девушка-экскурсовод посвятила нашу группу в тайны прошлого. Но самое главное — она с необыкновенной, трепетной нежностью раскрывала этимологию русских слов, объясняла, откуда пошли пословицы русского народа, предлагала нашему вниманию трактовки известных стихотворных строк и крылатых выражений.

Из рассказа экскурсовода я узнала, что означает фразеологизм «несолоно хлебавши». Это значит: уйти, не получив удовлетворения. А создалось это выражение еще в те времена, когда соль была дорогим и труднодобываемым продуктом: «хлебать с солью» считалось примерно таким же признаком состоятельности, благополучия, как «сладко есть». Случалось, что в богатом доме почетные гости «хлебали солоно», а разной мелкоте доставалась несоленая пища. Кроме этого, хозяин мог не передать соль тем гостям, которые опоздали, чтобы их таким образом проучить. Тогда у меня возник вопрос: неужели вся пища была несоленой? Ответ экскурсовода был положительный, так как в то время пищу при приготовлении не солили.

Как метко, как точно, выразительно русское слово! Оно сродни самой дорогой драгоценности, которую нужно бережно хранить и беречь от людей, способных причинить вред. Язык в настоящее время претерпевает кардинальные изменения негативного характера. Назову лишь некоторые из них. Кто из нас не слышал голос диктора радио с формой приветствия: «Доброй ночи!», «Доброго времени суток!» И практически никто не задумывается, что в русском языке закреплен другой падеж — «Добрый день!» Родительный падеж используется только в формулах пожеланий, прощаний — «Счастли-

вого пути!» Этот факт, конечно, малозаметен, но ведь это искажение не грамматики — это попрание национальных традиций, устоев.

С экранов телевизоров то и дело представлены фразы, шокирующие, эпатажные, выказывающие обнищание русского народа, демонстрирующие духовную деградацию. На экране во время телепередачи Андрея Малахова «Пусть говорят» режет глаза и уши надпись: «аффтор жжот»! Нужен ли здесь комментарий?

Слова, представленные в интернет-переписках и телефонных СМС-сообщениях, многие пытаются защищать: способ общаться именно так — «спс» вместо «спасибо» — это экономия времени, производительных и двигательных усилий. Может ли с этим согласиться здравомыслящий человек? Всему этому только одно название: лень и бездушность. Вы только задумайтесь: слово «спасибо» ни в коем случае нельзя сокращать. 24 мая в Интернете состоялся урок славянской письменности, на котором я узнала, что этимология слова «спасибо» такова: исконное сращение «спаси Богъ», с отпадением после утраты редуцированного конечного «гъ». Другими словами, когда мы благодарим кого-то, то одновременно желаем человеку спасения, добра от Всевышнего. Дано ли нам право коверкать такие священные понятия? Нет.

Еще одним страшным явлением являются заимствования из других языков. Зачастую их употребление становится нелепостью: молодежь, например, считает модным употреблять слово «утрировать» в обыденной речи, в разговорном стиле, но ведь есть слово «преувеличивать». В сети Интернет я нашла один из недавних примеров — вывеска-реклама на обочине шоссе недалеко от Одинцова: «Спортинг клуб “Москва”». В русском языке давно существует сложносокращенное слово «спортклуб», всем понятное и привычное. Есть и вариант «спортивный клуб». Зачем же надо брать английское слово и записывать его русскими буквами? Для пущей напыщенности, моды? Скорее — от вульгарности, незнания, духовной распушенности. Употребление заимствованных слов, на мой взгляд, имеет место быть. Но только в том случае, если соответствует стилю и цели.

Исконно русские слова прекрасны: петух (что означает буквально: поющий), самовар (варит сам, кипятит), щенок (производное от общеславянского «щеня» — «щенок», «щенок» — буквально «дитя»), носок (возникло на базе «носок» — «передний конец обуви или чулка», суффиксально-производного от «нос»), ангел (буквально «вестник»)… Употребление заимствований из старославянского языка и исконно русских слов говорит о том, что человек не только стремится изучать родной язык, но и старается сохранить его корни сильными, листья — зелеными, а цветы — алыми. Топчет нога человеческая землю, оскверняет памятники, уничтожает

природные богатства, язык также бессилен перед всепоглощающим «фэнтези», вмещающим в себя хаос истории. Именно социальные, экономические и исторические процессы, по моему мнению, находят свое отражение в языке. Вседозволенность, свобода слова, и по сути, действий — все это приводит к тому, что рушится незыблемое и вечное, накопленное веками и бережно переданное поколениям через высокохудожественное слово классиков.

Я считаю, что сохранить национальное достояние — язык — мы сможем только тогда, когда не ученые, не лингвисты, не политики будут принимать правила, нормы и законы, а когда каждый носитель языка, гражданин своей страны, откроет томик Тургенева, прочтет произведение, сравнит и задумается: «А ведь я на краю пропасти... Я безобразен...»

Вадим ТЕРЕХИН

г. Калуга

Матушка моя Родина

Фелица, в том твоя заслуга,
Что с легкой царственной руки
Стоит застенчиво Калуга
На берегах реки Оки,
Над Яченкой, над древним бором,
Чужда мирской тщете и спорам
И тише луговой травы.
Но по велению закона
Стоит два века под короной,

Чтоб быть заступницей Москвы.
В те дни с губернией на пару
Соорудили мастерски
Театр из скромного амбара.
И, вместо соли и муки,
В цене подняли страсть и чувства —
Плоды высокого искусства.
Их полюбил и мал и стар,
И в честь чудесной перемены
«Храм Галии и Мельпомены»
Стал называться тот амбар.

Калуга, нет в тебе размаха
И не стоишь ты на виду.
Но я,
Я вышел здесь из праха
И в этот прах опять уйду.
Дорогой, выложенной к храму,
К тебе вернусь, ты слышишь, мама.
Вернусь безропотно туда —
К истокам и единоверцам.
И вновь носить тебе под сердцем

Меня до Страшного суда.
Ты не причастна к лику сильных,
Но как-то тихо, без войны,
Смиряла всех кавказских ссыльных
Петлей из мертвой тишины.
В тебе смолкали все стихии,
Но были времена лихие,
Когда на эти пустыри
Стекались грозно для разбоя
Все люди огненного боя,
Бунтовщики и лжецари.

Взяла себе судьба народа
Калугу после стольких бед
Войны двенадцатого года
Началом будущих побед.
Отсель погнали мы француза.
Молчат изнеженные музы.
Бездействуя, на первый взгляд,
Кутузов ждет на помощь Бога.
Лежит Калужская дорога,
И пушки громко говорят.

Здесь не остался даже цоколь
От дома, где когда-то жил
Сам Николай Васильич Гоголь,
Но я здесь гоголем ходил
В начальниках и модном платье.
Пускай завидуют собратья.
В том признаю свою вину,
Что я, не избежав ловушки,
Нашел в губернии, как Пушкин,
Себе и музу и жену.

Губерния, твой опыт славен.
Сюда стекались на постой
Аксаков, Чехов, и Державин,
И Достоевский, и Толстой.
Вкусить таинственных уроков
Земля зовет своих пророков.
И в поиске духовных сил
Они идут не ради хлеба,
Как будто сам Создатель неба

Сии места перекрестил.
Явилась милость нашей чести —
Нам суждены в поводыри
Землей намоленных предместий
Соборы и монастыри.
Свят-Оптина, Пафнутьев-Боровск,
Казанский и Шамордино.
Среди разгула и бесправья
Им стать опорой православья
Историей страны дано.

Как будто Всемогущий Отче
Над нами прорубил дыру,
Но из Калуги стал короче
Обратный путь к Его двору.
Особенно когда увидел
Ее во тьме простой учитель
Через магический кристалл.
Он, вопреки всем здравым смыслам,
Гармонию доверил числам
И в ней дорогу рассчитал.

Настанет новая эпоха.
Средь повседневной суеты
Здесь даже Богу было плохо —
Так что ж от жизни хочешь ты?
У нас стоит одна задача —
Идти вперед, глаза не пряча,
Согласно замыслу Творца.
Судьба Божественного дара —
Смотреть на жизнь и ждать удара,
Но прочь не отводить лица.

* * *

Мы всегда пребываем вдвоем:
Я и ты, как жар-птица.
Как тебе удалось вместиться
В тесном теле моем?
Говорят, ты у нас хороша,
Из-под рваной рубахи
В разудалом славянском размахе
Рвешься к небу, душа?
Говорят, нам с тобой повезло.

И порядок понятен,
Если мало на совести пятен,
Расступается зло.

* * *

Мир человеческий размером с ноготь.
Можно ветром его снести.
Вечно лишь то, что нельзя потрогать,
Не погладить, не обрести.
Мир земной существует в числах,
Обращенных в конечный прах.
Вечно лишь то, что таится в мыслях
И недосказанностью в словах.

Злате

На дворе стоит погодка,
Что не высунешь свой нос.
Мы с тобою зимородки.
Нас крестил отец-мороз.

Ветер свищет, вьюга злее.
Нам на жизненном пути
Знак воздушный — Водолея
Зажигает свет в груди.

Есть одно у нас отличие —
Разговариваем мы
Как волшебной, так и птичьей
Речью матушки-зимы.

Наш язык порой невнятен,
Засекречен, затемнен.
Только нам одним понятен
В тайном разговоре он.

По ночам кромешным дома
Что-то падает, скрипит —
Это изучают гномы
Наш нездешний алфавит.

НА СКЛОНЕ ВЕЧНОСТИ

* * *

Мы с тобой останемся чужими —
в этом дело, и ни в чем ином —
при любом заботливом режиме
и в прекрасном времени любом.

Если только светопредставление,
сдвиг по фазе, карточный расклад
сдуру повернут судьбы течение,
черновик насквозь перебелят...

* * *

Мне все скучнее знать, что происходит в мире,
кто прав, кто виноват и в чем их споров суть.
Пишу, как динозавр, который скоро вымрет,
поскольку всю судьбу он знает наизусть.

Мой стиховой скелет найдут в другом эоне,
очистят от трухи и поместят в музей.
Пусть чудо разгадать старается ученый.
Пусть чудищу сему дивится ротозей.

* * *

Вероятность того, что мы существуем, ничтожно мала.
Все кружится на чистом полу заведенная в детстве юла.

Все прощаемся мы, а как будто все есть и есть,
существуем, друзья, существуем, и это добрая весть.

А когда окончится тот роковой завод,
остановится ветхий мир, в тартарары упадет.
И младенчества горечь и сладость, и нынешнюю беду
мы пойдем на склоне вечности в тихом Твоем саду.

После снегопада

Выйдет дворник с широкой лопатой
и проложит земные пути,
чтобы маленькой девочке с папой
хорошо было рядом идти,

чтобы женщина с трудной судьбою,
поутру в магазин семян,
хорошо говорила с собою
о печалях минувшего дня,

чтоб старушка в цветастом платочке,
на вечерние щурясь огни,
хорошо вспоминала о дочке...
Святой Боже, спаси-сохрани.

ОДИНОКИЙ

Человеку нужно прилепиться
хоть к кому-то телом и душой.
Он выходит, вглядываясь в лица
первых встречных: свой или чужой.

Одному, как правило, негоже.
Даже если кажется ему,
что не лица встретились, а рожи,
все равно негоже одному...

Длятся годы, улицы пустеют,
вот последний встреченный исчез.
Скажет грустно: глупая затея,
не бывает на земле чудес.

Он пойдет в обратную дорогу,
предвкушая снова благодать
тесную родимую берлогу
никогда уже не покидать.

Он, не замечая перекрестков,
тупо глядя под ноги, пойдет.
И водитель, тормознувший хлестко,
бросит из окошка: «Идиот!»

Он забрел уже в такие дали —
одному не выбраться никак.
Вы его наверняка видали
и невольно думали: дурак.

Или кто-то, мимопроходящий,
про себя сочувствовал: больной.
Он забрел уже в такие чащи,
что оттуда ближе в мир иной.

Остается только притулиться
и лицо в колени окунуть.
И заснет далекая столица —
почему бы ей и не заснуть?

Будет спать весь мир осиротелый,
не дождавшись друга и гонца.
Лишь коснется ветер пустотелый
навсегда уснувшего лица.

* * *

Александр Жданову

Мелькают журавли и листопады.
Прекрасен нашей осени удел —
рябины горечь, сладость винограда,
тщета надежд и окончанье дел.

А там, где нет ни сентября, ни мая,
где только свет и никаких теней,
чем кажется тягучая, земная,
кривая жизнь... Как плачется над ней?

В городском парке
Хорохорясь с опавшими листьями,
одинокий шуршит ветерок.
Два бомжа, утонувшие в истине,
напряженно глядят на восток.

Безмятежны мамы с колясками.
Дева виснет на шее юнца.
На скамеечке с лицами ясными
старики поджидают конца.

А в колясках чуть только намечены —
ничего о себе, ни аза —
судьбы теплятся человечьи,
обратившие к небу глаза.

Марина УЛЫБЫШЕВА

г. Калуга

Проводник

Вдаль ушел проводник. Только известь осталась и камень.
Только пыль под ногой, чахлый стебель да щебень простой.
Этот воздух слоеный впродоль я рубила руками.
И пила, словно мед, его жаркий полынный настой.

Уходи, улетай... Я ведь тоже готова к отлету.
Все равно я найду тебя в небе, достану со дна,
здесь в горах киммерийских, где ветра гортанного клекот
и вся суть мирозданья, как шар на ладони, видна.

Как же сладостна горечь питья, жития и прозренья!
Причасти меня здесь в полноте моего бытия,
здесь, на Джан-Кутаране. Как жесткие эти коренья,
и как пыль, и как соль под ногой, я — ничья, я — твоя.

Оттого ль в моей крови вскипает и дикость, и легкость,
и стучит метрономом в аорту сердечный прибор.
И чем выше любовь, тем сильнее моя одинокость
единенья с тобою и разъединенья с собой.

Уходи, улетай. Рассыпайся, подобная чуду,
моя быть, моя боль — проводник в горний мир золотой.
Никогда и всегда. Никогда я тебя не забуду.
Никогда и всегда. Я всегда буду только с тобой.

* * *

Так я сына люблю, что об этом боюсь говорить.
О любви говорить — все равно что деньгами сорить.
Спотыкается нежное слово в груди, не идет с моих губ,
потому что настолько он — мой и настолько мне — люб.

О, как долго, как долго его я несла на руках.
Прижимала как знамя, отбросив предательский страх.

Защищала как крепость, стояла влитой как броня,
чтобы кто-то не отнял, не отнял его у меня.

Я живую водою хотела его напоить.
Я от целого мира хотела его утаить,
Своровать у судьбы. За него и дышать и служить.
Но все беды его я одна не сумела прожить.

Мой пленец большеротый, смотри — я от горя смеюсь.
Я люблю тебя так, что уже ничего не боюсь.
Позовет тебя кто, взгляд не дрогнет, к дверям провожу
И так буду любить, что и слова тебе не скажу.

* * *

В том месте, где море играет волной,
так радостно прыгать на ножке одной.
И видеть барашков ленивую пляску.
И знать, что на завтра обещана сказка.
...Как больно в той сказке сидеть на бобах,
ходить в деревянных своих башмаках,
сквозь топи отыскивать путь во дворец
и даже не знать — скоро ль сказке конец?

Валерий ЖЕЛЫБЕНЦЕВ

г. Калуга

Юбилей

А мы не самые несчастные на свете,
И что хотели, то смогли понять.
Мечты сбывались — это и отметим,
Нам в прошлом ничего не поменять.

Пусть юбилей напомнит о хорошем
И рядом будут лучшие друзья.
И если радость,
То размером с лошадь,
А если горе — меньше муравья!

* * *

Поэзия — вечный поиск,
Поэзия — взрыв страстей!
Поэзия — это спокойствие
И песня, понятная всем.

Любите стихи — не любите,
Поэзия вечна, как мир,
Она и святая обитель,
И шумный, веселый пир.

* * *

Все друг друга поедом едят,
Ни добра, ни зла Природе неизвестно.
Волку зубы дадены, чтоб резал он ягнят
И зверел от собственного зверства.

Были мы в одном ряду с волками,
А теперь стоим особняком.
И в улыбке только зубы скалим,
Убивая выстрелом волков.

Я совсем-совсем не жажду крови
И могу морковку есть и лук,
Сена накосить своей корове...
Рядом волк — все валится из рук!

И флажки, капканы идут в дело.
Знает волк, кто главный его враг.
Волк уходит, прячется умело,
И ему известен дикий страх.

Каждому свое

Вниманья ни на чем не заостряя,
Живут иные люди не спеша...
Так жили б мы в пещерах меж кострами,
Когда б не гении, способные решать
Задачи, что становятся наукой
И достоянием общества людей.
Свершаются открытия не от скуки,
В противоборстве мнений и идей.
Вниманья ни на чем не заостряя,

Живут иные люди не спеша.
Им хорошо: любовь к родному краю
Хранит по-детски, чистая душа.

Вчера была осень

В пушистой снежной свежести
Блится зимний день.
Он полон звонкой нежности:
Синицы — «Тень-тень-тень!»
И солнце светом радует
И дышится легко...
Все белое нарядное —
Нет осени лихой!

* * *

Декабрь без снега — темный месяц
И продолженье осени.
Дождь моросит, грязь ноги месят,
И зеленеют озими.
Набухли почки, и жасмин
Теплом декабрьским обманут.
Вся природа вместе с ним
Не декабрем живет, а мартом.
Такого не было давно,
Никто не помнит, чтобы было...
Декабрь, зима, а за окном
Печально, пасмурно, уныло.
А может, климат стал другим
И зимы кончились навеки?
Природе трудно, помоги,
И чище станет воздух, реки.
Глаза напьются синевой,
Снега пойдут
В свой срок назначенный,
Зима останется зимой,
Непорченной и нерастроченной.
А утром, глядя из окна,
Подумаем, отбросив сны:
У Пушкина: «Мороз и солнце...» —
Еще далеко до весны.

* * *

Осенним вечером, когда горит закат
И стекла окон отражают блики,
Мне город кажется великим.
Но он не тот, что много лет назад.
Друзей своих я здесь не встречу:
Кто далеко, а кто еще далече.

У города есть память и лицо.
Лицо меняется, а память остается.
И мне его узнать не удастся...
Здесь дом стоял с калиткой и крыльцом,
Береза желтая роняла тихо листья,
Казалось, счастье вечно будет длиться.

Шаги звучат, шаги, шаги, шаги —
Торопятся, спешат куда-то люди.
Переплетенье звуков, взглядов, судеб...
Свет меркнет, зажигаются огни.
И только звезды в небе неизменны,
Как маяки непонятой Вселенной.

ДЕТСКИЕ МОТИВЫ

Была зима, а вот теперь
Среди зимы вдруг — оттепель.

Дождь моросит, дорога в лужах,
И гололед наводит ужас.

В углу стоят без дела лыжи,
В лесу намокли зайцы, лисы...

Всему зверью грозит простуда.
Спит Дед Мороз...

Я верю в чудо,
Что он недолго будет спать
И к нам зима придет опять!

* * *

Самой длинной
зимней ночью
Хорошо сидеть у печки,

И подбрасывать поленья,
Чтоб не гас живой огонь.
Пляшут огненные блики,
Двигутся по стенам тени...
Я один, и, значит, можно
Верить, думать, и мечтать,
И оттаивать душою
От житейской непогоды,
Видеть, как тоска стораец
В добром пламени печи.
Самой длинной
зимней ночью
Близок праздник новогодний.
Десять дней — и скажем: «Здравствуй,
Неизвестный Новый год!»

* * *

Статистика бесстрашна и суха:
В войне погибло тридцать миллионов.
Был Сталинград и Курская дуга...
И стук колес военных эшелонов.

Я в них не ехал, ехал мой отец,
Он мог погибнуть — я бы не родился...
Статистика — без голоса певец,
В ней безразличие к характерам и лицам.

Когда судьба предстанет в наготе,
Когда художник скажет свое слово,
Я все пойму и буду рядом с тем,
Кому в атаку подниматься снова!

* * *

Я напишу пером гусиным строчки
И в век компьютеров,
как встарь, зажгу свечу,
Открою томик Пушкина и ночью
Во время пушкинское мигом улечу.
Там все не так — нет суеты и гонки,
К заутрене — звонят колокола,
Написан стих, рисован профиль тонкий
Красавицы, что взглядом позвала.

Галина УШАКОВА

г. Обнинск

Памяти поэта Валерия Прокошина

Изливается свет и слезами из Божьего ока,
Изливается свет и слезами далекой звезды.
Жизнь тебя отпустила задолго до срока...
Пить тебе не испить тебе горькой летеиской воды.
Разлетаются птицами Боговы Ангелы в стороны,
Ты вдогонку летишь и теряешь перо за пером.
Вслед кричат, гомонят очумелые черные вороны —
То ли падшие ангелы, то ли дурное ворье.
Пахнет зябко геранью и снегом осевшим провинция,
И в Пафнутьевский храм богомольцы неспешно идут.
И щебечет душа в синеве то скворцом, то синицею.
В белой пене оливы стоят в Гефсиманском саду.

Вера ЧИЖЕВСКАЯ

г. Обнинск

Черно-белый блиц

Когда надо ходить белыми,
хожу по-черному;
когда приходится играть черными,
любуюсь белым конем противника,
который умело берет
все препятствия.

Блиц мне больше удастся черными,
белыми — обречен на провал.

И рокировка не получается:
нетерпеливая ладья,
не дожидаясь семи футов под килем,
оказывается впереди упертого короля,
тупо стоящего в своей клетке.

Пытаюсь сделать домашние заготовки:
но душа бредет
по прошлой жизни в шашечку,

то и дело натыкаясь
на черные воспоминания.

— Научите жить играючи! —
прошу знакомого шахматиста.
— Горбатого могила исправит! —
смеется он и уходит
играть с умелыми игроками.

Татьяна БАКЛАШКИНА
(1984–2011)

Калуга — Москва — Калуга

* * *

Прощай! — так хор многоголосый
Плывет над городом,
Прощай? — опять звучит вопросом
И веет холодом.

Вот мы в толкучке привокзальной —
Людское месиво —
Идем вдвоем, а ты печальный,
И мне не весело...

Но вспомним, как с тобой смеялись,
И не раскаемся.
Раз так легко мы повстречались —
Легко расстанемся!

Расстанемся без обещаний
И без прощений,
Покурим у метро с вещами,
И по ступеням

Ты спустишься, мелькнешь в толпе,
Шаг ускоряя,
Я помашу рукой тебе
И потеряю.

Потом пройду среди людей
Чуть-чуть серьезнее.

Прощай! — последний летний день
Так шепчет осени.

2007 г.

* * *

Мы — и никто нас не спросил! —
Неразделимое отныне,
Мы стали, волей странных сил,
Ты — солнцем в небе, я — пустыней.

Уже потеряны следы
В моих песках всего живого.
О солнце, виновато ты,
Что сердце так мое сурово!

В твоём безжалостном огне
Моя земля изнемогает,
Тепло, что ты приносишь мне,
Не согревает, а сжигает.

Скрываются твои лучи —
Прохладный легкий ветер веет.
Но мир бледнеет и молчит,
Душа пустыни цепенеет,

И слышен только тихий плач —
В холодной мгле так одиноко!
О как ты добр, мой палач,
Но как твоя любовь жестока!

2007 г.

* * *

Встречаю эту ночь в пылинках звездных,
Гадая на упавшую звезду.
Ведь есть же где-то тот,
С кем просто-просто,
И я к нему уже иду, иду!

Ничуть не усомнившись —
Взять, не взять ли
Того, кого сама себе звала,
Упала бы в тепло его объятья,
В навстречу два распахнутых крыла.

И ни о чем его бы не спросила,
Ведь сразу было ясно: мы — свои,
Так крепко в нас сердца соединило
Живым прикосновением любви!

2008 г.

* * *

Что это — гордость или страх?
Мы так запутались в словах,
И, зная, не могли сказать,
И почему-то стали ждать,
И перестали видеть сны,
И в омут гулкой тишины —
Ныряли, и теряли нить,
И обещали все забыть,
Исчезли, спрятались, ушли...
Но от себя. Не от любви.

2008 г.

Люди и боги

Не было пока той беды,
Что б не пережил Человек.
Видишь на асфальте следы?
Это с неба падает снег.

Или это слезы богов,
Застывая, падают вниз?
Боги исполняют без слов
Каждый Человечий каприз,

И балуют, словно Дитя,
И прощают дикость Их дел.
Только Люди больше хотят,
Больше, больше, сверх всяких мер!

И когда настанет черед:
Отвечать за то, что сбылось,
С неба уж не снег упадет —
Ливень человеческих слез...

2008 г.

В будущем земли

Закат раздробился в осколках стекла,
Из гулких низин наползает туман,
Просеян песок, и вода утекла,
И медленно лес подступает к домам,

Вгрызаются корни в асфальты дорог,
И в кронах высоких царит полумрак,
И нет никого, кто исправить все мог,
Лишь тощие тени бродячих собак

Мелькают среди бесконечных стволов,
Испуганно жмутся у мшеющих стен,
Скрываются в тьму запустелых дворов
И, может быть, тайно все ждут перемен.

А лес окружает центральный район,
Помедлив у ставших на башне часов,
И город проглотит уже целиком,
Навечно укутав в зеленый покров.

Калуге

Так спокоен, мой маленький город,
Не в затишье ли перед бурей?
Я, наверно, умоюсь скоро
Высотой его ясной лазури,

И пойду по его аллеям,
Одинокая откровенно,
Ни о чем никогда не жалея
В очевидно пустой вселенной.

* * *

Свободной и чужой войду в твой дом,
Незримо и безмолвно встану рядом.
Не выдай ни движением, ни взглядом,
Что знаешь о присутствии моем.

Огонь свечи, зажженный для другой,
Легко затрепетал в моем дыханье.
Вздых сожаленья — и прощенья.
И прощанья.
Покой.

2009 г.

* * *

Все, чем так гордилось человечество,
Лишь промежуток до конца
От старта,
И значат что в сравнении
С бесконечностью
Все ваши миллионы — миллиарды?

И кажутся смешными эти стены,
Дома, машины, прочие условия
Тем истинным вершителям вселенной,
Которым имя вечность и безмолвие.

Над Москвой

Ты поведешь меня рядами зданий,
Сквозь сеть антенн, под своды куполов.
И души замерцают маячками
В глухой потусторонности дворов.
Здесь, в лабиринтах, нам не заблудиться,
Пока моя рука в твоих руках.
Мы — над Москвой летящие две птицы,
И улиц отражения в зрачках.

2011 г.

Виктор КАНАЕВ

* * *

За дорогой нет ничего.
Вдоль дороги шагают столбы.
Я черчу на снегу каблуком
Имена ветеранов войны.

Первобытный наскальный завет
Беспощадно заносит метель,
И уходят герои след в след
Далеко за дымы деревень.

И становятся вечным огнем,
Кинохроникой, парой гвоздик;
Забываются правдой времен,
Вспоминаются ложью интриг...

Полыхает мятежный закат,
Погружается в снег февраля...
И забудется голод блокад,
И детство дождется меня.

Бивис и Баттхед

Бивис и Баттхед заводят свои «жигули»,
Громко ругаются матом, руки их пахнут бензином.
В аэропорт не успеть — пробка на полпути,
Пьяный гаишник тычет стволом в витрину.

Дело замнут, он знает, кому позвонить, —
А им бы сбежать из страны, просто свалить отсюда.
Бивис и Баттхед пытаются бросить курить,
Пить, мастурбировать, питаться одним фастфудом.

И мечтают, что все закончится, но не так —
Чтоб назывались улицы их именами.
Бивис и Баттхед погибнут, потерпят крах,
Но, несмотря ни на что, останутся нами...

Лето 2011

И, надышавшись гелия, кричать про все подряд:
Что лето кончилось и заперта аптека,
Что авангард мгновенно будет смят...
В тылу твоём вино и дискотека.

День города, дивизии, страны...
Я знал, что хватит каждому по флагу,
И в сорок пятом на отшибе той войны
Ломался, не сдавая Прагу.

Хотя какое там? Куда?..
Я знал о недovesах в фунтах лиха,
Что оборвутся напрочь провода —
Нам всем однажды станет очень тихо.

И срежут нас, как верхний слой асфальта.
И мы свой век, наверно, не дослужим...
Туристы покидают Мальту,
Забыв про all inclusive, бросив ужин.

Впишите это лето в книгу жалоб
За то, что не мотал девятый вал,
А мне хотеть осталось очень мало —
Чтоб кто-то обо мне еще не знал.

Чтоб кто-то по ошибке не прочел,
Что жизнь моя случилась понарошку,
В скупых аптеках придорожных сел
Ты покупаешь фарматекс и но-шпу.

Светлана ЛЬВОВА
(1951–2005)

* * *

Который час? Который год?
Что это — бред или просветленье?
И сколько их еще пройдет
от замысла до воплощенья?
Друзья мои, не вы, не вы
на берегах Невы ленивой,
и в теремах Москвы спесивой
вас тоже не видать — увы...
Нас время сеяло, как мак,
крутыми пальцами по свету —
в столицу ту, в столицу эту,
а большей частью просто так.
Но мы выросли на островах,
где слышно, как растет трава,
где варят мед, полынь жуют
и вольно песенки поют.
Там сослагательный глагол
не жжет и ничего не просит —
лишь ветер приговор выносит
да горбит голый косогор.
Там знак неравенства нелеп.
Там учатся молиться Богу,
но камнем обернется хлеб
из булочной через дорогу.

* * *

Люблю прикосновение ко лбу
холодного стекла,
корявый сад и белую избу,
где я жила,
и ломкий вкус колодезной воды
в чужом ковше,
игру в снежки, и запах резеды,
и резь в душе,
когда по кругу солнечной звезды
кромешный бродит свет,
и брошены сандалии у воды,
и ветра нет.

Родилась в Саратове. Заочно окончила филфак Саратовского госуниверситета. С 1995 г. стихи Светланы Львовой регулярно публиковались в журналах «Волга», «Дружба народов», «Новый мир». Автор поэтических сборников «Сквозь водоросли времени», «Ее имя...», «Беспечный сад» (посмертно) и один из авторов книги «У четырех ветров». Составитель и редактор двух номеров альманаха «Продолжение». Председатель Калужского отделения Союза российских писателей (2004–2005). Лауреат областной литературной премии им. Марины Цветаевой.

СЛОВО И МУЗЫКА ВЕЧНЫ

К 200-летию Д. Верди и Р. Вагнера

Татьяна Баклашкина
(1984–2011)

Композитор и Смерть
Притча

* * *

Композитор: Кто здесь? Кто в дом
ко мне проник?

Смерть: Здесь Смерть. Я за тобой,
старик.

Долг на земле исполнен
мой.

Смерть: Что ж, все теперь
понятно мне.
Но ведь забыт ты будешь
на земле.
На что надеялся, чего
хотел?

Композитор: Я слеп, но новый век
прозрел!
Я вижу славу сыновей
И славу музыки своей!
Нет, не сейчас, пройдут
года,
Век сменит век, и вот
тогда
Воскресну! В звуках буду
жить!
Искусство вечное нельзя
убить!

Романтизм времени

Бесконечное с неба льется сиянье —
Так ясна и печальна луна!
А по городу бродят воспоминания
И тихонько стучатся в дома.

В старых зданиях, в теплых уютных
квартирах,
Потревожив полуночный сон,
Оживать начинают простые мотивы
Позабывших ушедших времен.

И ты видишь, как в зале огромном,
пустынном,
Где луной разрисован паркет,
Появляется юноша в фраке старинном,
И расплывчат его силуэт.

Он так бледен и грустен, фиалковым
взглядом

Он все видит сквозь толщу веков.
И в руках его скрипка, и музыка
рядом —
В самом трепетном из смычков.

И чуть слышные звуки вонзаются в душу
В безысходной щемящей тоске,
А светлеет печаль — и так сладко их слушать,
И слеза скользит по щеке.

Но вдруг юный скрипач в вихре лунного
света
Сонный призрачный мир закружит
И исчезнет совсем, и музыка эта
Никогда уже не зазвучит.

* * *

Все в нем — простота и томность,
Лен волос и ясный взор,
Словно легкая условность
На картинах мастеров.

Ваши узнаю приметы —
Тонких черт туманный след —
Пилигримы и поэты
Прежних дней, ушедших лет.

И чарует голос нежный
Мягкостью и глубиной,
И безумная надежда
Вдруг мелькнет передо мной.

Но не станут откровеньем
Несколько случайных слов,
Он уйдет прозрачной тенью,
Полупринц из полуснов.

2004 г.

* * *

Не помню ни дня, и ни года, и даже столетья...
Всегда было лето, цвели огуречные плети,
Цвели помидоры, пылали настурции рьяно,
И гаммы сестра все играла то форте, то пьяно.
И тень от скамейки под вишней чернела косая.
Сестра выходила, зевая и щурясь, босая.
За ней фортепьянные звуки упрямо тянулись —
Все гаммы да гаммы, этюды еще не проснулись.
Сестра набирала фиалок в тени у сирени
И в дом возвращалась разучивать Баха и Черни.
Под солнцем закатным сад пах табаком и левкоем.
И руки Господь простирал над всемирным покоем.

* * *

Чем дальше детство, тем оно
Становится ясней и ближе,
И я все явственнее вижу
Рояль и кипу старых нот.
Этюды Черни, фуги Баха,
«Элизе» — до сих пор люблю.
И сердцу звуки дорогие
Порой по радио ловлю.
Люблю бродить с недавних пор
По городу, совсем чужому.
В сплетенье улиц и дворов
Мне чудится дорога к дому.
И мысленно я окунаюсь
В те прежние, бывшие дни.
Вот-вот я с ними повстречаюсь.
Но где они? Но где они?
Где сад с черешней и сиренью,
Каштаны с улицы Франко?
Года своей их скрыли тенью,
Как то крыльцо, как те ступени,
Цветущих вишен молоко,
Акаций сладкое дыханье
И первые любви слова...
Они — другое мирозданье.
То, где я счастлива была.

Возлюбленная блюза

«You know the only thing that's missing,
Is a little mouth harp blues...»

Lemmy Kilmister

Блюз
только однажды услышал
Губную Гармошку
и полюбил ее
с первого слуха!

Страдал,
звучал,
ждал,
пробирался
в окна и двери, откуда слышалась музыка.

И когда он наконец нашел ее,
свою Возлюбленную,
все вокруг поняли,
что Губная Гармошка и Блюз
созданы друг для друга.

...Прошло почти сто лет,
но когда они играют вместе,
ему всегда кажется,
что они снова встретились сегодня
ради того, чтобы напомнить слушателям
простенькую формулу:
Блюз + Губная Гармошка = Любовь...

Вадим ТЕРЕХИН

г. Калуга

* * *

На искусстве не наварить,
Жить не будешь сыто-пьяно.
Только старший мой товарищ
Вновь бренчит на фортепьяно.

Люди держат в мыслях числа.
Люди думают о деле.
Ты какого ищешь смысла
В этом музыкальном теле?

От такой пустой работы
Что в миру себе оставишь?
Ты какие ищешь ноты
Среди черно-белых клавиш?

Лик его высок и светел.
На вопросы нет ответа.
Только музыка и ветер
Обнимают части света.

Он привержен лире стойко
С обреченностью мессии.
И несетя птица-тройка
Вновь по матушке-России.

* * *

Слышишь, заводит сверчок
Песню на лире запечной.
Как бы мир не был жесток,
Слово и музыка вечны.

Мы рождены, чтоб пропасть.
Канет во мгле бесконечной
Слава, богатство и власть.
Слово и музыка вечны.

Как же нам жить на земле
Просто, неспешно, сердечно?
В мире, лежащем во зле,
Слово и музыка вечны.

Жизнь поместилась в семь нот.
Но в суете быстротечной
Все в этом мире пройдет.
Слово и музыка вечны.

* * *

Промозглая пустошь, брошенный край,
Покину тебя навсегда.
И в подворотне — (собака — не лай!)
Сюда не вернусь никогда!
 Деревья, сады и деревни твои
 Мне навевают тоску.
 И одиночество у любви
 Мое у всех на виду.
Пусть я люблю тебя не любя,
Та память моя у костра.
Я вдалеке не могу без тебя,
И дым разгоняют ветра,
 Которые дуют со всех сторон.
 Где ты, брошенный край?
 И не пугает больше ворон
 Чучело, где был мой рай.

* * *

Манят дали, манят континенты,
Манят дорогие города...
Кажется, там дарят комплименты
Всем и каждому всегда.
 Мы стремимся все познать, осияя.
 И, конечно, лавры обрести...
 Но себя не можем пересилить
 Мы ни в чем — и счеты не свести.
Наша жизнь, как детская игрушка, —
Поиграть и выбросить скорей,
И ласкает нам глаза Царь-пушка
Будто бы из детства. И светлей
 В душе, когда поют во храме
 Вечное живое житие.
 Образы плывут перед глазами,
 Сравниваем наше бытие.

НАД ЧАШЕЙ ВДОХНОВЕНЬЯ И ПЫТКОЙ РЕМЕСЛА

Поэтическая композиция «Над чашей вдохновенья и пыткой ремесла» — отрывок из подготовленной к изданию книги «Чтоб пустовать не смели зеркала». (Первая публикация — альманах «Истоки», РИФ «РОЙ» 2001.) Эту книгу я посвящаю памяти моего учителя Н. А. Пономарева — народного художника СССР, президента Российской академии художеств, профессора МГАХИ им. В. И. Сурикова. В каждой жизни есть такие страницы, в которых «дышат почва и судьба», как когда-то написал Борис Пастернак. Светлое имя Н. А. Пономарева — знаковое для изобразительного искусства и художественного образования 20 века. Личностный подход, неординарность творческих взглядов, человеческая открытость и чуткость сформировали несколько поколений современных художников России.

Николай Афанасьевич любил стихи, часто повторяя, что «словом надо рисовать — мыслить вслух так же волшебным и неповторимым, как писать картины. Это призвание, этот дар нельзя отвергать и предавать». Жизнь в искусстве всегда полна поражений и побед, потерь и нечаянных радостей — встреч с ускользающей тайной Бытия, нашего земного существования.

Я подхожу к моим зеркалам, слышу голос Учителя, вижу Образ эпохи, запечатленный в произведениях мастеров живописи, графики и скульптуры. Изображения играют разными гранями и тенями, приветствуют яркими красками и пластическими формами, отражают судьбы людей и призывают не останавливаться на достигнутом: стремиться к новым открытиям и замыслам — из прошлого в будущее...

Ирина Егорова-Нерли

Н. А. Пономареву

Явление выпавшего снега
Как будто ищет гладь листа:
Нечеловеческая нега
В нем и лучиста и чиста.

В нем Свет, как верный собеседник,
С тобой вступает в диалог —
Ты, словно кроткий исповедник,
Ждешь приближающийся срок.

Вмиг растворяется лед в иней,
Снега узорами зовут.
В преображенье гибких линий
Сон проступает наяву.

Тогда — не слушая рассудок,
Поймешь, как радость горяча,
Как пробивается рисунок
По следу зимнего луча.

14 февраля 2008 года

Перед картиной «Сон. Афон»

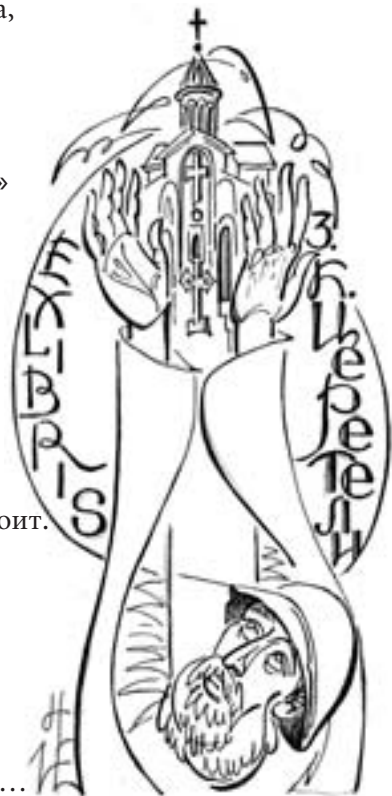
З. К. Церетели

Если кому-то в ночи одиноко,
Если нельзя рассказать свои сны —
Совість глазами распахнутых окон
Смотрит в бессонную синь тишины.

Старец вызывает к судьбе неминучей,
Свечи взгораются — Ангел летит...
Снова предчувствуя трудную участь,
В строгих чертах древний Лик предстоит.

Взгляды теплеют от светлого Ока,
Муки сметаются с горестных век.
Так ли всегда в ожидании Бога
Видит дорогу свою человек —

Слышит в покое святом, неизжитом
Звонов Афонских спасительный звук...

И, поднимаясь над временным бытом,
Льются молитвы с протянутых рук.

21 июля 2009 года

* * *

Если радостью отмечено
Окончанье трудных лет,
Будет мысль увековечена
Цепью творческих побед.

Эта милость изначальная
Как весенняя пора,
Как таинственность венчальная
Дозеркального утра.

Не страшны края безмолвные —
Переливчато стекло:
Свечки-чашечки наполнены
Тем, что грело и цвело.

В тех огнях, где быть и были мы,
Вечно спорят да и нет...
Как почуешь свет невидимый —
Заслонишься вдруг от бед.

И в глазах сверкнет нечаянно
То, что мучило и жгло, —
Прозвенит, дрожа отчаянно,
Отраженное тепло.

8 декабря 2001 года

Выставка Ольги Победовой
«Практика Ре-Центуализма»,
посвященная памяти
Иулиана Рукавишника (1922–2000)

Перед памятником Маркизу де Саду

А. Н. Бурганову

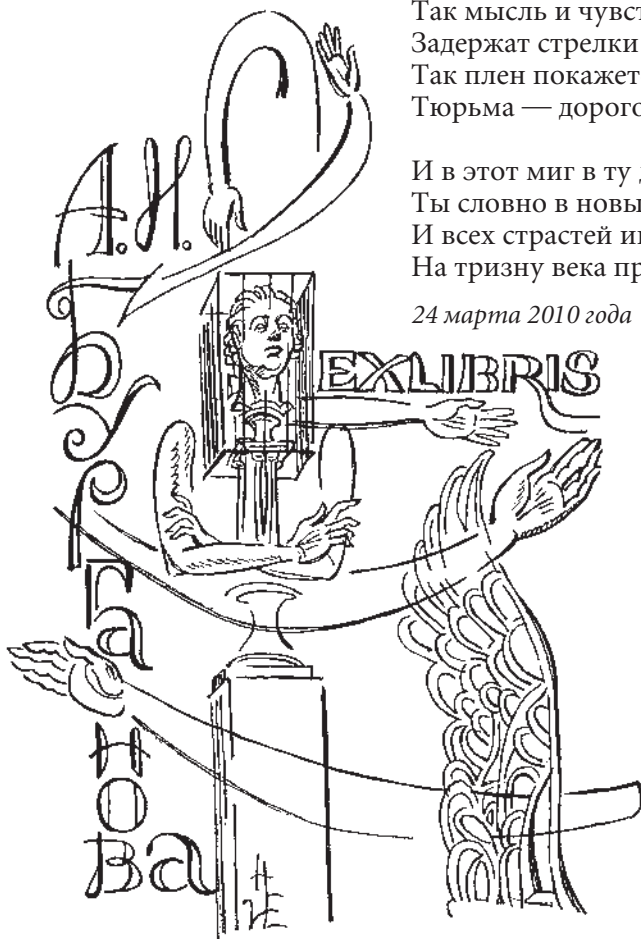
Слова откликнулись признанием,
И время ринулось назад:
В старинном замке изваянием
Опять предстал Маркиз де Сад.

Навек сошлись тоска бессонная,
Расплат невысказанный страх
И рассудительность холодная
В спокойно сложенных руках.

Так мысль и чувство на мгновение
Задержат стрелки на часах,
Так плен покажется спасением,
Тюрьма — дорогой в небеса,

И в этот миг в ту даль прекрасную
Ты словно в новый мир шагнешь —
И всех страстей игру опасную
На тризну века призовешь.

24 марта 2010 года

Перед скульптурной композицией «Данте и Ахматова»

В. А. Малолеткову

О чем, страдая, просим? —
Мир грешный трижды клят...
К друг другу ходят в гости
Ахматова и Дант.

В империи безверья
Всех караулит ад:
В кругах столетий зрея,
Вдруг взгляд встречает взгляд.

Ни выкрика, ни плача —
Начертан вечный круг:
За творчество — отдача
Скрещенных дружбой рук.

И одиночеств мука
Становится легка,
Приветствуя друг друга —
Сдвигаются века.

Рождаются пространства
Для верящих сердец:
Всем изгнанным, скитальцам
Единственный венец.

Крыла для воспаренья —
Два ангельских крыла
Над чашей вдохновенья
И пыткой ремесла.

* * *

З. К. Церетели

Откройся, любящий Создатель,
Дитя не мучай Своего:
Пусть Слова истый созерцатель
Узрит деяния Его.

Пусть этой близости порука
Не отдалится суетой
И красоты земная мука
Навек останется святой.

Раз нам даровано родиться —
Творить вздох, то пусть мечта
Своим свершеньям удивится
В охранной памяти холста.

Когда умчит цветочный вихорь
В зеленый отблеск зарных глаз,
Пусть светлой мысли зримый выход
Уйдет навеки в горний Глас.

1 марта 2003 года
Галерея Искусств Зураба Церетели

* * *

Н. А. Пономареву

Сомнением всполошен,
Щадя бумаги гладь,
Прошепчешь: «Чую, Боже,
Что выбрать, что убрать.

Что выразить, что спрятать,
С чем сжиться без потерь,
С какого выйти ряда
Из прошлого в теперь.

Красу сосновой дали
Рисуя налегке,
Почувствовать вначале
Стремительность в руке.

Тягучей черной тушью
Тянуть живую нить:
Неслышимое слушать,
Невидимое длить.

На это воплощенье
Секундами в года
Откликнуться рождением
Готового листа:

Из хора многих линий
Останется одна.
Ведь в таинстве картины
Той краткости цена.

Л. И. Савельевой

Окно. Встревоженная улица.
Прогал в синеющую хладь...
Но верю: совесть не остудится,
Как горних высей Благодать.

Тогда в наитии разбуженном
Виденье выскажет вопрос:
Всплывет чернеющее кружево
Из прядей шали и волос.

И зыркнет суетная улица,
И снег завертится в кольцо —
В морозной прорези почудится
Самой Ахматовой лицо...

Как знак в остекленном рубище
Под колыханьем голубым,
Мерцаая отраженьем судящим,
Оно покажется живым.

Вновь жизни слезные задалины
Стекут в сквозные холода,
И дум горячие окалины
Проснутся под налетом льда.

Перед портретом В. М. Шукшина

И. П. Обросову

Выйдешь в безлунную прочернь —
Смерти в глаза поглядишь...
Взгляд напряженьем отточен,
Снова безумствует тишь:

Черная ночь над Россией
Ходит у каждых ворот,
В хоре бессонниц стихией
Копится тяжесть невзгод.

И никогда не расстаться
С болью и жгучей тоской.
Может, захочешь скитаться,
Но не узнаешь покой.

Может, сроднясь с высотой,
Будешь в ночи не один.
Может, за той чернотою
Чья-то засветится жизнь.

Смыслом наполнятся строки,
Зрея в немой высоте,
Узкая просветь дороги
Сыщет окно в темноте...

Перед мемориалом «Жертвам Чернобыля»

Андрею Ковальчуку

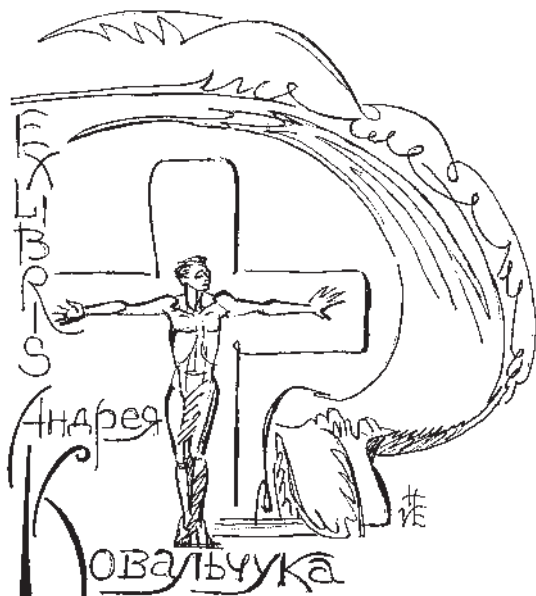
Чернобыль дышит адом —
Повсюду смолкла речь.
Так может мирный Атом
Не обогреть, а сжечь.

То облако кривое,
Лучей незримый свет,
Сгубило все живое
На много, много лет.

Так стала смерть мгновенна,
Когда сошлись навек
Всплывающая бездна
И смелый человек.

Но силой возрождения
Для этих гиблых мест
Восстал из тьмы сожженья
Неопалимый Крест.

10 сентября 2009 года

Перед картиной «Женщины Апшерона»

Т. Т. Салахову

Какие грозы отразились
В твоих владеньях, Апшерон?
Как будто люди превратились
В крутые взгорки темных волн?

Им не шуметь, кругом судача,
При ожиданье новостей:
Здесь тишина — на грани плача —
Сплотила женщин и детей.

Здесь день, на муку обреченный,
Сберег надежды огонек.
Массив одежд плакуч и черен,
А солнце — белый кипяток.

И, в зыбках волн кружа и тая,
Тревогу вдаль их взгляд унес —
И, в жгучем жаре застывая,
Возник тех — ждущих — жен утес.

8 июля 2002 года

Перед картиной «Солнце на столе»

В. А. Глухову

За что глазам дается роскошь,
За что поется соловьем?..
Качаясь, падает наотмашь
Подсолнух, дышащий огнем:

Кричит, разбрасывая семя
По землям, диким и сырым, —
Как будто приближает время,
Где каждый понят и любим.

Где твой букет незримой властью
Цветет в прохладе голубой,
Где вещи пышут жаркой страстью,
А тени брызжут синевой.

И стол кружится в наважденье
От звонкой музыки тепла,
И растворяется свеченье
В пространстве светлого стола...

Иль, может, сила вдохновенья
Творит с тобою заодно,
Когда вдруг солнце на мгновенье
Перелетит на полотно.

© Графика И. Егоровой-Нерли

В творчестве Ирины Германовны Егоровой-Нерли смело сочетаются разные виды и жанры изобразительного искусства: от иллюстрации и экслибриса до станковой графики и портретной живописи, от лирических пейзажей, цветных гравюр и рисунков тушью до монументальных композиций. Закончив с отличием художественную школу и Суриковский институт, имея академическое образование (аспирантура и награды РАХ), будучи призером международных конкурсов графики, Ирина окунулась в необъятный мир литературы, выбрав поэзию как самую краткую форму самовыражения и верный способ мгновенного отображения эмоциональной полноты жизни.

Уважение к писательскому сообществу редколлегии издательства РИФ «РОИ» определило участие художника и поэта в альманахе «Истоки» с 1999 года по настоящее время.

Ирина ЕГОРОВА-НЕРЛИ

*Памяти Ивана Алексеевича Бунина
(1870–1953)*

(из графической серии «Темные аллеи»)

На круги своя

Семейная хроника

Сын об отце

С отцом всегда было интересно. Неважно где — в поезде, в такси, за столом, просто дома. Причем, как казалось, он сам не прикладывал для этого никаких усилий. Он просто ЖИЛ... жил вроде для всех, но главной всегда была СЕМЬЯ! Удивительная память и фантастическое умение РАССКАЗЫВАТЬ! Он завораживал собеседников. (Странная штука ВРЕМЯ: когда ты юн — кажется, пить из источника можно вечно, во всяком случае горизонта не видно; в середине — нет времени; ближе к краю, который уже достаточно отчетливо осознаешь, пить неоткуда! Пишу это и абсолютно понимаю — банальность, НО СЕЙ ДЕНЬ все вышесказанное прочувствовал сам!)

Его замечательная книга «Родовые сны», посвященная маме: «моей жене Нине», книга о моем деду, его отце, Столярове Сергее Дмитриевиче, бесконечно обаятельном и поистине народном русском актере, о жизни, о встречах, о семье, о Фамилии... Первая книга.

Несомненно талантливая и последняя, законченная САМИМ...

БОЛЕЗНЬ... долгая (почти девять лет), но с НАДЕЖДой...

Сколько раз я был свидетелем того, как огромный разнородный — и по составу, и по степени опьянения — «стол» вдруг замолкал и безо всяких призывов начинал СЛУШАТЬ. Остановить этот завораживающий монолог мог только сам АВТОР! Удивительно, но сам я, слышавший почти все его рассказы бесчисленное количество раз, воспринимал этот как в первый.

Это не написано, но наговорено на диктофон, сколько он успел... Слушать его голос и понимать, что рассказ уже не оживет, не «заиграет»...

Судить Вам, читатель.

С. К. Столяров

Покровская, дом 102. Никольский погост — так для меня сейчас звучит адрес моего детства, адрес моей родины, где я родился, где родилась моя мать, где родились мои дяди и тети, где счастливо жили мои бабушка и дедушка, где жили мои прадед и прабабушка, где жил мой двоюродный прадед. Вот это место я посетил через много лет после того, как мы уехали из этого дома. Дом снесли. И место осталось пустым. Пустошь. Она заросла травой.

Я приехал сюда, и меня охватило какое-то странное чувство, до сих пор непонятное. Что-то случилось. Мы, наша семья, уже полвека живем на Кутузовском проспекте. Там родились наши дети, внуки. Там жил мой отец, моя мать. Но *что* я совершенно непонятно ощутил здесь, когда пришел на эту нелепую поляну, на место, где стояли дома. Рядом был железный забор, за которым разбивали остатки хлебозавода. Какая-то разруха, печаль и удивительное чувство тоски и сопричастности с тем, что здесь происходит, с этим местом.

Я сначала не мог понять, что меня так встревожило, почему я часто стал в мыслях обращаться к этой заросшей бурьяном лужайке? И вот тут для меня ожили слова Александра Сергеевича Пушкина: «Два чувства дивно близки нам — // В них обретает сердце пищу — // Любовь к родному пепелищу. // Любовь к отеческим гробам». Родное пепелище... И меня потянуло сюда, и мне захотелось вернуться в мое детство, «на круги своя», в начало моей жизни. Я захотел узнать о людях, которые здесь жили, жили много веков. И, наверное, детские впечатления — они самые яркие, самые сильные, самые резкие в жизни, возможно, самые счастливые. «На старости я сызнова живу». И вот эта волна памяти, возвращение «на круги своя» перевернули всю душу. Потом я часто возвращался мысленно сюда, на Покровскую улицу, где стоял дом 102. И рядом оживал великолепный храм, трудами архимандрита Дионисия восстановленный, сделанный. Это какое-то невероятное чудо. Поэтому мне не по себе каждый раз, когда я вспоминаю об этих местах, о нашем доме, о моих предках. И в памяти вырастают все новые и новые события. Я узнаю очень много о жизни тех людей, которых я никогда и не видел. «Все возвращается на круги своя» — эти слова Экклезиаста давно застряли в моей голове. «Идет ветер к югу, переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги своя». Вот как тот ветер, судьба вернула меня опять «на круги своя». Все реки текут в море. Но море не переполняется в том месте, куда реки текут. Они возвращаются, чтобы опять течь. Вся моя жизнь протекала по многим городам, странам, изъездил я всю нашу страну, но ведь вернулся к истокам...

«Что было, то будет. И что делалось, то и будет делаться, и нет нового под солнцем». Удивительные слова, может быть, печальные, может, грустные, но очень верные. И для меня как-то именно на этом

месте они стали понятны. Понятны не разумом, а понятны сердцем. Меня притянуло в эту жизнь. Вернулся я на родину. Здесь моя родина. Здесь мой дом. На этой полянке, на этой лужайке, на этом месте, где много веков хоронили незнакомых мне людей, которые веками жили здесь — в Рубцове, в Покровском. Это чувство занимает меня, заполняет мою жизнь. Экклезиаст говорит: «Бывает нечто, о чем говорят: “Смотри. Вот это новое”. Но это уже было в веках, бывших прежде нас». Бессознательное влечение к исходу, к истоку, возвращение «на круги своя» — удивительный феномен человеческой психики. Об этом думали многие философы, ученые, врачи. Об этом размышлял Василий Васильевич Розанов, об этом говорится в трудах Фрейда, Юнга. Кроме того, меня интересует уже не только моя личная жизнь, судьба и жизнь людей близких, которых я знал. Но мне интересно, как жили здесь другие люди, которых я, может быть, не видел, но о которых слышал. Коллективное бессознательное. Это то, что помимо нашей воли откладывается в сознании поколений, то, что мы не можем контролировать в нашей психике. Это иногда как бы выражается в родовых снах. Вот я хочу видеть свой род, своих родственников, людей, которые предшествовали моей жизни, ибо все уже было в веках, бывших прежде нас. И эти события и образы — они приходят помимо нашей воли. Они вроде существовали в иной жизни, в иное время, с другими людьми, но почему-то эти люди кажутся нам близкими, родными. Это удивительное и труднообъяснимое свойство человеческой души замечали многие творческие натуры.

Бессознательное содержит как бы два слоя — личностный и коллективный. Вот мое личное, мои детские впечатления — это одно. И коллективные родовые сны — вот я вижу этих людей. Личное оканчивается самыми ранними детскими впечатлениями. Коллективное бессознательное охватывает период, предшествующий детству, то есть то, что осталось от жизни предков, — вот эта мысль не дает мне покоя. И я хочу знать, как они жили, что делали, как поступали, о чем думали, что происходило с этими людьми до моего рождения. Вот поэтому я решил назвать эти записки, мысли, черновики «Возвращение на круги своя». Вот эти круги, это место, где стоял дом деда, бабушки, где стоял дом прабабушки, прадедушки, где впервые в середине XIX века нашел свой причал, первым основался здесь Яков Михайлович Константинов, брат моего прадеда. И вот на этом месте потом уже, через много лет, Мария Николаевна Константинова поставила дом, в котором я родился и где прожил свое детство.

Это было не просто некое пространство географическое, некий кусок земли. Это была обжитая, как бы напитанная духовной жизнью часть мира. Здесь был погост, возможно, даже с XV, но точно уже — с XVI века. Здесь похоронены многие люди, которые жили

и работали, рождались, умирали. Это было место их счастья, их прощания, их памяти.

Что такое воля народа? Это труднообъяснимое понятие, философское, надо полагать, понятие, которое нельзя выразить словами, но, на мой взгляд, воля народа — это воля растворившихся в земле наших предков, души их остались и существуют. И вот эта воля позволила вернуть к жизни замечательный памятник — храм Николая Чудотворца. Эта воля, наверное, была в сердце и в делах архимандрита Дионисия, когда он отважился на этот подвиг, потому что он из разрухи, с нуля, вернул былое величие. Восстановлен памятник тем людям, которые здесь жили.

Памятник по-русски — это память, память не одному человеку, а память многим поколениям, память вот тем нашим предкам, растворившимся в земле, которые требуют от нас воздать им должное. Эта память, наверное, возвращает нашу страну «на круги своя». Не надо ставить памятники вождям, начальникам, руководителям. Надо ставить памятники только народу, Божественному Провидению, что ли, ведь дела этих людей, этого народа, были добрыми делами. Поэтому, наверно, возродился великий памятник подвигу нашего народа — храм Христа Спасителя. Да, можно было увеличить пенсии или раздать кому-то, а кто-то наворовал бы еще большие деньги. Но нужно восстанавливать память, нужно возвращаться «на круги своя», нужно вернуться к истокам, к корням, к родникам.

Вот это возвращение, мне кажется, и должно быть в нашей стране, будущее, надеюсь, счастливое, праведное — возвращение к истине, возвращение воли народа. Не насилие, не издевательство над своим народом, которым занимались власти много веков, а возвращение памяти об этом народе, о его лучших представителях, о его подвиге. Впереди, наверное, еще должен быть памятник нашему народу, такой же, как памятник 1812 года, — память Победы в войне 1941–1945 годов. Ни генералы, ни маршалы, ни партия, ни руководители — никто не смог бы остановить фашистов, врагов. Могла остановить только воля народа, дух народа. Могла восстановить эту справедливость, эту истину только жертвенность, которая свойственна нашему народу. Жертвовать собой ради истины, ради справедливости.

Вот такие мысли не давали мне покоя. Поэтому, проходя по этой полянке, где стояли дома моих предков, по этой траве, я бываю счастлив. Я счастлив, когда захожу в храм Николая Чудотворца и вижу, что происходит нечто, что, возможно, позволит нам в будущем рассчитывать на то, что наша страна и наш народ обретет, наконец, свою память и воротится «на круги своя». Воротится на круги своя в вере, в истине, в справедливости, в добре.

Моя кровать в доме стояла перед большими окнами, которые выходили на Бакунинскую, бывшую Покровскую, улицу. И как раз напротив моих глаз, моей кровати, через дорогу возвышался великолепный монументальный храм Покрова Богородицы, обетный храм, знаменитый храм. К сожалению, Никольский храм я тогда не мог видеть во всей его красе. Храм, где венчались бабушка и дедушка. Храм, где молились мои предки — прабабушки, прадедушки, где крестили мою маму, моего дядю, тетю. Храм, где позже я уже отпевал мою маму. Его просто не было, а был хлебозавод «1 Мая» — безобразное, отвратительное сооружение. И какой-то мерзавец инженер, еще с издевательством над собором, вывел печную трубу через купол храма, через то место, где стоял крест. И оттуда шел черный дым, как из адской кухни, из адской печи. Летом было жарко, поэтому мама и бабушка закрывали наши окна, прибавляли марлю. В окна летела угольная гарь. И единственным светлым местом в этой индустриальной вакханалии, поскольку кругом были какие-то печи, трубы, грохот трамваев, проходила железная дорога, был великолепный храм Покрова, который я видел каждое утро.

Меня очень интересовало: что это за сооружение? Что это за дом? Близкие люди — бабушка и Ольга Борисовна, ее подруга, супруга расстрелянного в 37-м году священника Сергея Голощапова, — неохотно отвечали на вопросы. Им и нельзя было об этом говорить. Такие разговоры вроде бы были антисоветской пропагандой. Но мне было очень интересно знать, что это за здание.

А здание, действительно, было великолепное. И кое-что я узнал в 1947 году, когда храм неожиданно взяли под охрану государства. А случилось это, потому что он был признан одним из главных московских церковных памятников архитектуры. Храм этот поставлен сразу после Смутного времени — одно из первых сооружений после нашествия поляков, в годы восстановления Москвы. В 1618 году украинский гетман Сагайдачный, поляки, Литва едва не взяли приступом Москву. И в праздник Покрова Богородицы неожиданно отступили. «Егда сохранил Бог царствующий град Москву с помощью Пречистой Богородицы, славного Ее Покрова, тех литовских людей от города отбиша. Государь же поставил храм каменный по обету своему во имя Покрова Пречистой Богородицы во дворцовом селе в Рубцове», — пишет московский летописец, современник тех далеких времен. Первый царь из рода Романовых, Михаил Федорович, часто жил тогда в своем селе Рубцове, так как Кремль после Смутного времени только восстанавливался. Царь жил то в доме Милославского, то у других вельмож. У него не было даже своего пристанища. «Строительство храма Покрова,

что в Рубцове, стало началом строительной деятельности столицы», — сообщает «Путеводитель по Москве» за 1913 год. Наши предки, как я уже говорил, не ставили памятники вождям, генералам, людям, а ставили памятники-храмы Богу, святым — в знак благодарности за помощь в войнах, за избавление от глада и мора. Так возник храм-памятник, давший имя и улице — Покровская, и селу Рубцову — Рубцово-Покровское.

Сын Михаила Федоровича, царь Алексей Михайлович Тишайший, тоже бывал в нашем селе Покровском, в наших царских хоробах. Это было дворцовое село. Бывал в Покровском и Петр I. Наверное, в детстве он познакомился здесь и с Немецкой слободой, ездил по Яузе, позже с Лефортом познакомился. Затем по Яузе, по его воле, в селах Семеновском и Преображенском были созданы легендарные Семеновский и Преображенский полки.

В Покровском же в молодости жила и дочь Петра, царевна Елизавета Петровна, удаленная от двора Анной Иоанновной. Елизавета Петровна была законной наследницей престола и опасалась, что ее могут просто уничтожить. Поэтому она из Петербурга уехала в Москву и здесь приказала выстроить по проекту знаменитого Бартоломео Растрелли, автора Зимнего дворца в Петербурге, новый для Москвы дворец. Вот здесь прекрасная цесаревна устраивала праздники с друзьями, участвовала в хороводах, составленных из покровских девиц и молодцов. Она любила песни и пляски, была веселой, жизнерадостной. Говорят, что она сочинила песню, с тех пор, надо полагать, и поют эту песню: — «Во селе, селе Покровском, // Среди улицы большой, // Разыгралась, расплескалась, // Красна девица душа». В Покровском Елизавета Петровна написала свои первые лирические стихи. В книге «Три века», вышедшей в 1913 году, к 300-летию дома Романовых (переиздана в 1990 году), есть репродукция картины Кошелевой «Зимнее катание Елизаветы Петровны в селе Покровском». Когда она переехала в Петербург, дворец пришел в запустение и обветшал.

Я хотел бы рассказать о том чуде, которое свершилось с храмом Покрова. Наверное, в этом есть тоже некое Провидение Господне.

В 1947 году возникла необходимость сделать для народа праздник. Народ заслужил это своей Победой в 1945 году. И было решено отпраздновать 800-летие основания города Москвы.

Была собрана целая комиссия, которая должна была установить: что же можно еще сохранить из того, что не взорвано? Возглавлял эту комиссию целый научный совет. Одним из главных в этом совете был великий реставратор и деятель нашей культуры Барановский, архитектор, археолог, человек, который глубоко и тонко знал нашу национальную культуру. И тогда был составлен предварительный

список. В этот список входило несколько уникальных храмов, которые сохранились, потом были реставрированы, в том числе и Андроников монастырь, и храм Покрова, потому что академик Барановский предложил поставить мемориальную доску: в этом храме останавливались войска Минина и Пожарского, которые освобождали Москву. Так это было или не было, это уже не играет никакой роли, поскольку было решено: храм не взрывать, не трогать. Более того, вокруг храма, со стороны Покровской улицы, восстановили ограду. Она до сих пор стоит, несколько покосившаяся, но она осталась цела. Благодаря этому остался цел и храм.

Наша бабушка, Мария Николаевна, рассказывала, что в войну 1812 года этот храм осквернили войска Наполеона — здесь в алтаре у них была конюшня. Но так было повсеместно, по всей Москве, и в Кремле они устраивали конюшни, в кремлевских соборах. И вот так же опоганен был и наш храм. Ну, это французы, это враги. Но хуже было потом, когда его уже опоганили наши, свои родные люди, забывшие свой род и племя, забывшие свое происхождение. Там были сначала общежития, потом какие-то скульптурные предприятия, мастерские. Потом, после того когда храм сохранили и внешне отреставрировали, службы, конечно, не было, креста не было, но там долгое время существовала Юрловская капелла, потому что акустика в этом храме сохранилась. Храм монументальный, построен на века из замечательного мячковского камня, белого камня, из того камня, которым пользовался Дмитрий Донской, когда строил первый Кремль. Москва белокаменная — почему? Да потому, что карьеры Мячковские были поставщиками этого камня.

Отец несколько раз вздохнул, прикусил зубами трубку и умер у меня на руках. Я держал эту трубку. Я не мог ее вытащить изо рта, так были сжаты зубы. Я вышел из палаты. Приехал домой. И по дороге встретил Вячеслава Михайловича, который шел на прогулку и, увидев меня, сказал: «Добрый день! Здравствуйте! Руки не подаю». — «А в чем дело, Вячеслав Михайлович?» — «Вы знаете, вот заразили меня дизентерией, поэтому я в перчатках. Вы извините». Вот так с извинениями Молотова я ушел, как во сне, и просто не знал, куда мне деться, потом позвонил в театр, сказал на диспетчерской: «Сегодня отец умер». Вот так ушел из жизни человек. «Ты видишь, ей трудно», — вот были последние слова — «Ей трудно». То, как ему тяжело, как ему трудно, *что* это ему все стоит, — «Ей трудно».

К нему там относились очень хорошо. Вот эти женщины, нянечки, писали ему письма, приносили какие-то цветы, подарки, поздравляли с праздниками. То есть атмосфера обожания и поклонения, которая была в жизни, она осталась и там, в больнице. Удивительное мужество этого человека! Это меня потрясло. Я не знаю, я никогда не видел, как умирали другие люди, и не хотел бы этого видеть, но то, что так можно уйти из жизни, я это не представляю себе. И до сих пор думаю, что это практически невозможно. То есть так собрать свою волю, так собрать свое мужество, без усилий, чтобы не было видно, какое это напряжение. И все вот это было проделано, потому что «ей трудно».

Потом были похороны. Было огромное количество народа. Такой же мрачный, темный день. Январь в Москве. Переполненное фойе театра. Переполненный зал. Очень много народа на ступеньках. Переполнена, почти перекрыта улица Воровского, Поварская. И какое-то состояние скорби, которое буквально в воздухе, огромной боли и горечи. Это не потому, что вот мое. И, конечно, Мое. Всем было очень горько и печально. Ушел из жизни прекрасный, Светлый, огромный, добрый друг. Сцена. Портрет. Траурная музыка. Прощание...

На могиле отца я сделал клумбу, посадил деревья. Но какой памятник поставить, я не знал, не решался. Крест тогда, в 69-м году, никто бы не разрешил ставить. И отец не был таким, что ли, верующим человеком. Он был советским человеком, человеком той эпохи. Порядочным, честным, но человеком своего времени. И поэтому вопрос о том, что делать, какой памятник поставить, меня чрезвычайно беспокоил. Я попросил помочь мне в этом деле замечательного скульптора Вячеслава Михайловича Клыкова, моего товарища, который с удовольствием согласился и сказал: «Для Сергея Столярова надо делать памятник белый. Не из мрамора. Мрамор — это не русский

камень. Столяров был русский человек. Из русского камня. А какой русский камень? У нас гранита нет. Гранит — в Карелии, на юге, на Кавказе. У нас нет мрамора. Но у нас есть наш белый камень в Мячковских карьерах. Вот я сделаю эскиз этого памятника в натуральную величину; в глине, в гипсе, а ты найди вот такой камень». И он мне сказал ряд адресов.

Но нигде двухметровый камень в высоту я найти не мог. Это уже просто привело меня в отчаяние, потому что необходим был именно белый камень Мячковских карьеров, который выражал бы суть духовной жизни человека, его сопричастность к Русской земле, к русской нации, его сопричастность к национальной русской культуре, наконец, его сопричастность к Москве, к ее традициям, к тому, что скульптура — это выражение образа через материал. Если живопись — выражение образа через краски, то скульптура — выражение образа через материал, через бронзу, через чугун. Вот чугунные кони, чугунные витязи на Триумфальных воротах. Через мрамор: Венера Милосская или какие-то произведения греческих скульпторов, которые выражают отношение к человеку, к его красоте через этот материал. Бронзовый памятник — «кумир на бронзовом коне», первый памятник в России, памятник Петру I. Вячеслав Клыков решил выразить идею через материал. И это была труднейшая задача. Найти нигде этот камень я не мог. Я был и в мастерских Мытищинских, и был в Водниках, где гранитный комбинат. Туда привозили гранит, самый редкий, самый интересный, янцевский гранит, иди черный габбро, и т. д. Но белого камня не было. Потому что он добывался только у нас, в Мячково. А эти карьеры как бы уже были выработаны.

И тогда мне сказали, что разбирается некая часовня на Покровской улице, Бакунинской. Я поехал. Оказалось, что это было напротив моего дома, напротив моих окон, напротив того места, где я родился. Там лежали эти камни, готовые к отправке. Кто их забирал, куда их перевозили, то ли их хотели раздробить и засыпать дорогу, я не знаю. Но мне пришлось тут уже действовать самостоятельно. Было воскресенье, какой-то праздничный день, народу было мало. Я вышел на улицу. Рядом проходили машины. Я остановил грузовик, попросил, чтобы заехали сюда, к храму. Никаких официальных документов у меня не было. Потом тут же мне попался кран. За десять рублей мне камень погрузили в этот грузовик, за десять рублей шофер обещал отвезти этот камень в мастерскую Клыкова на Мещанской улице. И когда вроде все сделано и я вздохнул с облегчением, вдруг я увидел, что посреди этого великолепного двухметрового камня дыра, дыра явно сквозная. Для чего она была там, я не знаю. Там устанавливались, может быть, какие-то кронштейны — не знаю. Опять мне пришлось просить выгружать этот камень, погрузить второй.

И таким образом, слава Богу, благополучно, именно под Покровом Богородицы, я совершил это, может быть, не очень тактичное дело, но вывез камень, привез в мастерскую к скульптору. И теперь он стоит на могиле отца на Ваганьковском кладбище.

Вячеслав Клыкков решил задачу, трагическую задачу, потому что смерть — это уход человека в другое качество. В Древней Греции на воротах кладбища были написаны слова: «Мы были такими, как вы, вы будете такими, как мы». Это другое состояние. Поэтому делать на надгробии портрет улыбающегося человека или какое-то подобие его лица... Это уже другой человек. Вот ставили крест. Потом кресты запрещали. Ставили звезды или что-то такое, какие-то пирамиды. На могиле отца — огромный камень. Он сделан в форме то ли старой, отесанной какой-то монеты, то ли какого-то входа в храм. И этот камень посреди разрезан насквозь, как ударом молнии, профилем человека, то есть здесь черный провал. Смерть. Конец. Вот такая идея, и такой, может быть, очень резкий, очень непохожий на остальные памятники, которые стояли, удалось сделать. И я считаю, что это тоже до некоторой степени Провидение, это справедливо. Это трагедия. И трагедия выражена в камне через материал, через эту трагедийную профильную молнию, которая изображает одновременно и профиль человека, и одновременно уход в иную жизнь.

Многие воспринимали идею памятника с трудом, потому что хотели видеть отца веселым, радостным. Но для меня его смерть — трагедия, боль на всю жизнь. И для моих близких, для моей матери, для людей, которые любили отца. И вот, в частности, Борис Андреевич Бабочкин понял смысл. И я ему за это очень благодарен. Кстати, в книжке Бориса Андреевича описаны последние дни отца. Книга эта вышла уже после смерти Бабочкина, по-моему, через несколько десятилетий даже. Оказывается, у нас было одно и то же ощущение от этого мужества, от нежелания отца признать ни болезнь, ни смерть. И фраза, которую он сказал однажды только: «Ну что же?» Борис Андреевич лежал, у него был очередной сердечный приступ, инфаркт. И он знал, чем отец болен. Они разговаривали. Отец по-прежнему шутил, рассказывал какие-то анекдоты, веселые истории. И однажды только сказал: «Ну что же, попаду на Новодевичье, там хорошая компания, там Витька Олейников». Никакие генералы, маршалы, никакие члены правительства, никакие секретари ЦК ему не были интересны. Там был Витька Олейников. Вот одна-единственная фраза. Но, к сожалению, эти чиновники и после смерти не давали согласия на то, чтобы отца похоронили на Новодевичьем, поскольку у него не было титула народного артиста Советского Союза.

И хотя я ходил к чиновникам и многие друзья, с решением тянули до последнего момента. И когда уже из театра должны были везти

тело на кладбище, пришло разрешение о похоронах на Новодевичьем. Но мы уже поехали на Ваганьково, там, где похоронен Мочалов, где похоронены замечательные русские художники — Суриков, Саврасов, где покоятся многие актеры Малого театра. Вот там, при входе на кладбище, я похоронил отца.

Я очень благодарен тем людям, которые помогли мне сделать, как бы пересмотреть даже этот въезд на кладбище, потому что рядом с могилой отца, вплотную, стояла гранитная мастерская.

Когда мы хоронили отца, там стучали молотки. Там переделывали кладбище: надгробия купцов, дворян, богатых людей снимали с могил и выколачивали старые фамилии, вбивали новые, переделывали и ставили здесь. То есть продолжался процесс уничтожения истории, культуры.

Там чудом сохранились некоторые могилы, которые тоже раскапывали, находили удивительные вещи.

Впоследствии с моим другом Олегом Моисеевичем Устинсковым, учителем по профессии, мы обнаружили и могилу... Это была страница истории нашей культуры под именем Анна Снегина. Нашли это надгробие под слоем земли, когда проводили под колумбарий трубу отопления. На цементной плите по сырому цементу было щепкой или чем-то написано: «Лидия Ивановна Кашина, июнь 37-го года». Она была расстреляна в 37-м, когда расправлялись с ежовщиной. Она работала в одном из учреждений, преподавала чекистам манеры, языки. И вот так «пришла» Лидия Ивановна Кашина сюда, к Сергею Александровичу Есенину, который похоронен на этом кладбище. Так они встретились уже после смерти.

Здесь впоследствии был похоронен и друг отца Борис Федорович Андреев. И рядом с могилой отца похоронили Володю Высоцкого. Олег спросил меня: «Высоцкому дали 63-й или 65-й участок?» Я не помню уже какой, где-то далеко. Я говорю: «Ты знаешь, Олег, лучше здесь похоронить, рядом с отцом». Но там места не было. И прямо в асфальте, потому что тут рядом был магазин, вырубил могилу Володи. Так вот Володя Высоцкий оказался рядом с моим отцом. Перед могилой я посадил газон, цветник, две голубые ели. И все это стояло как бы таким мемориалом. Но изменились времена, когда все покупается, все продается. Ели срублены. Газон и гранитный поребрик разобран. И на месте перед могилой отца похоронили двух очень богатых мафиози Квантаришвили. Ну, это уже другой рассказ, про другие дела, про другое время.

Я хотел рассказать об этих трагических днях, об этом мужестве, об удивительном человеке. Я до сих пор не могу представить себе, какую надо иметь силу воли, мужество, чтобы так уйти из жизни. А это были не главные качества отца. Наверное, некая его уди-

вительная доброжелательность, некая преданность искусству, культуре, высокая нравственность, высокая этика, тактичность, а не сильные волевые качества, которые многие часто демонстрируют, были внутри, в душе его. И никогда не выставлялись. Качества бойца, воина, богатыря были в нем как бы сами собой. Поэтому Руслан, Иван, Никита, Садко, Алеша Попович — это мужество, сила, это русский характер, не броский, вроде мягкий, очень доброжелательный, но очень сильный, могучий. Тот характер национальный, который он и выражал в своих фильмах. Который ему был дарован от Бога.

В течение многих лет я очень часто вижу отца во сне. Мы с ним встречаемся или на охоте, или где-то на сцене. Он всегда светлый, жизнерадостный, яркий, энергичный, обаятельный. Я никогда его не вижу ни старым, ни усталым. Да он не был таким никогда. А таким, как он был в фильмах «Цирк», «Садко», «Василиса Прекрасная», «Гибель “Орла”», «Тайна двух океанов». Вот такой светлый человек. Значит, ему хорошо там. Значит, все-таки Бог берет людей светлых, прекрасных, только жаль, что раньше других. Ну, наверное, в этом есть какой-то свой закон. И мне кажется, что его душе там хорошо. И он мне очень и очень во многом помогает. И его память для меня очень много значит в жизни. Поэтому я возвращаюсь к его теме — к теме Дмитрия Донского, Сергия Радонежского.

Но это уже другой рассказ. Это рассказ о наших фондах, о наших попытках вернуть нашему народу часть нашей духовной культуры, часть нашей жизни, вернуть наше творчество. И прекрасно, что после того, когда изменилась ситуация в жизни, вернулся ряд ценностей, которые мы исповедовали. Опять на экраны, уже на экран телевидения, потому что экраны кинематографа погасли, вернулся Сергей Столяров, вернулся былинный богатырь в изображении отца, вернулся этот светлый, прекрасный, добрый человек. И вот эти сказки, эти былины, они стали даже лучше, как старая, намоленная икона, которая источает доброжелательность, икона, которая источает чудо творения — чудо творения русской культуры, чудо творения наших традиций, прикосновение к которым, к источникам нашей культуры, нашей духовности, приносит чудотворные удивительные плоды. Так было и в жизни моего отца. Это соприкосновение с корнями, с истоками нашей культуры, с XIII веком, со временем Сергия Радонежского, Андрея Рублева, Дмитрия Донского, митрополита Алексия продлило жизнь отца на год и дало ему удивительное ощущение сопричастности со своей страной, со своей культурой, со своей нацией. Надо сказать, что делалось это в те времена, когда снимать фильм о Сергии Радонежском, о святителе Алексии да и о Дмитрии Донском было нельзя. До сих пор этот фильм не сделан. Это некая запретная зона. И несмотря на это, отец сделал

этот шаг. И, я думаю, в какой-то мере моя работа по продолжению издания его книги, которую, как вклад по душе, заказал последний царь из рода Рюриковичей, царь Федор Иоаннович. Книга «Лицевое житие преподобного Сергия» опять нас возвращает в ту пору, в ту среду, в те времена. Но об этой книге, об этом деле — следующий рассказ.

*Публикация С. К. Столярова
и монахини Олимпиады (Константиновой)*

(Окончание следует)

Ольга НАРОВЧАТОВА

* * *

Из пепла прожитых ночей, где Духом был огонь,
 Все ж новый день перед тобой встает, как белый конь.
 Его уверенно седлай, спокойно выбрав путь,
 Он ненадолго под тобой — об этом не забудь.

Помчишься голову сломя иль поплетешься ты,
 Растопчешь зверя по пути, а может быть, цветы,
 Проложишь новую тропу иль потеряешь путь,
 Конь ненадолго под тобой, об этом не забудь.

В своих путях и сыновьях забвение найдешь,
 Иль слава будет вслед тебе звенеть, как медный грош.
 Поскачешь ты или другой — не только в этом суть:
 Другие кони за тобой — об этом не забудь.

Песня о настоящем друге

Никто из нас не одинок,
 Пока надежда остается,
 Что друг навстречу улыбнется
 И переступит твой порог.

Ты все на свете отложи,
 И встань, и распахни все двери,
 А чтобы он в тебя поверил,
 Ты дружбу делом докажи.

Когда он связан — развяжи,
 Захочет пить — пускай напьется,
 И дорожи им, дорожи,
 Пока дыханье остается.

А если свет беда затмит
 И друг от горя пошатнется,
 Ты рядом будь: он устоит,
 Пока надежда остается.

Памяти отцов и дедов

Из окопа, плена, лазарета
Не вернуть ни сына, ни отца.
Про войну рассказано и спето
Никогда не будет до конца.

Павшим не расстаться со снегами.
Не любить им больше, не прощать.
Только наша память, память, память
Будет их на землю возвращать.

Голоса их свежими ветрами,
Ливнями стекают на ладонь,
Руки их вздымаются над нами,
В Вечный превращенные огонь.

Ну а те, кто дожил до Победы,
Все плывут из огненной реки,
И, переживая наши беды,
Все спасают нас фронтовики.

Град годов стреляет только метко,
И они привычно — наотрез.
Первыми идут, как на разведку
И сверкают молнией с небес.

Отцу

Сын России и времени злого,
Вечно помнивший пепел и дым,
Все дела превращающий в Слово,
Мой отец был не всеми любим.

Шевелюра пшеничного цвета,
Синевы нестерпимой глаза...
Но классический облик Поэта
Унесла фронтовая гроза.

Было тяжело служение долгу
И легки на помине грехи,
Но вливались в родимую Волгу
Широты всероссийской стихи.

Покоряли они континенты,
Зачеркнули они Колыму,
Появлялись награды и ленты,
А любви не досталось ему.

Но — друзья окружали привычно,
Зеленела годами трава,
Да и все-таки было отлично,
Ну а главное — мама жива.

Жизнь одежды свои обновила,
Пролетая меж молний и скал,
Опьянила она, отрезвила
И — разбила свой звонкий бокал.

Но не высохли в ручке чернила —
Их отец набирал в тишине,
Их, как видно, судьба сохранила,
Чтоб немного осталось и мне.

2012 г.

Еще один дар писателя Сергея Наровчатова

Мой отец Сергей Наровчатов любил откровенно-развлекательный кинематограф, ценил острую, гротесковую форму выражения, предпочитал великие комедии. При своих огромных связях, он так и не сумел познакомиться лично с Чарльзом Чаплином: гений по своим причинам отказался принять советскую делегацию.

Лучшие советские, лучшие американские фильмы конца 20–30-х годов XX века воспитывали девчонок и мальчишек тех лет. Несмотря на потрясения эпохи, фильмы были настроены на мажор, преодоление, находчивое поведение большинства персонажей. Разнообразие формы, поиски, эксперимент, — Мировой Кинематограф стоял в самом начале своего развития. Война внесла остро патриотическую, иногда плакатную, иногда лирическую струю. Песни пронизывали жизнь. «Нам песня строить и жить помогает...» Так оно и было. Как правило, песни шли с экрана. Драматургическое начало, интрига, сюжет, поворот — всем этим Сергей Наровчатов владел очень хорошо, но к самому написанию сценариев пришел ближе к концу своей жизни. Один сценарий реализовался, другой — нет.

Василий Буслаев — любимейший герой отца, ему он посвятил многие годы жизни. Поэт Андрей Вознесенский однажды метко подписал отцу свой сборник стихов: «Сергею Наровчатову — Ваське Буслаеву русской поэзии». Характерные национальные черты исторического персонажа нашли продолжение в исконном характере самого автора поэмы — Сергея Наровчатова. Отчаянность и решимость, оголтелая смелость и риск, любовь к сотоварищам и ощущение своей особенности, ярчайшей индивидуальности — далеко не полный перечень похожих качеств. Особенно интересно отцу было то, что такой персонаж существовал в истории, в древнем Новгороде. Поэма «Василий Буслаев» удалась на славу. Потом она перевоплотилась в сценарий и в фильм. Режиссер Г. Васильев уделял немало сил и внимания исторической, фольклорной теме. Прекрасные исполнители украсили картину. В Золотухин в главной роли ярко сыграл бурный, многообразно широкий, противоречивый русский характер, подчеркнув в нем национально-патриотические черты, уживающиеся с резким индивидуализмом. В поэме и в фильме и сюжет, и концовка неодинаковы. Если в поэме, сложно выстроенной, даются как бы два варианта судьбы Василия Бус-

лаева, в кинокартине, да еще сделанной в развлекательно-исторической манере, хоть и с глубокой подоплекой, все проще и прямолинейней. Фильм в основном был рассчитан на детско-юношескую аудиторию и снят на киностудии им. Горького. Ярко декоративный, фольклорный, несущий идею национального единения, в котором проявления самого талантливого индивидуализма приводят к беде, если не служат общему благу. Стилизация, легко поданная. Артисты Н. Крачковская, М. Кокшенов, Л. Хитяева, И. Алферова, И. Розанова, В. Носик, М. Розанов, А. Зайцев — народные любимцы. Цвет, музыка — все удалось. Таков был первый и, к сожалению, последний опыт моего отца, воплотившийся на экране. Надо отметить, что при всей своей известности отец здесь не был излишне амбициозен. Впервые работая в кино, проделав огромную работу, он обратился к помощи двух сценаристов-профессионалов, и немалую часть специфической киношной помощи они взяли на себя. Увы, запамятовала их имена, в титрах они указаны.

Блестящая премьера прошла в Доме кино. Весь цвет творческой интеллигенции собрался в светлом зале. Присутствовали и славные представители других профессий. Я запомнила незабвенного И. Смоктуновского и шахматиста А. Карпова. Но главного виновника торжества, автора поэмы и фильма, увы, не было. На авансцену торжественно вышел режиссер фильма Г. Васильев и попросил зал воздать долг памяти недавно ушедшему из жизни замечательному писателю Сергею Сергеевичу Наровчатову. Зал в молчании поднялся. И развернулся вслед за этим отличный, полный перипетий и озорства, печали и красоты, фильм. Цветной, с изумительными старинными образами, чудесными древнерусскими именами, колокольным звоном и факелами в ночи — тот самый, в лучшем смысле развлекательный и просветительский кинематограф, столь любимый моим отцом...

Как творческому человеку, ему всегда близок был гротеск — в литературе, кино, да и в жизни он ценил шутовство, гиперболу, фарс. Корифеи этого жанра восхищали его. Чаплин, Свифт, Гоголь. Нередко человечество спасал смех, выручала улыбка, помогал юмор. Талант, кажется, наиболее редкий. Поэтому мой отец любил и хорошую эстраду, и искрометный цирк. Клоунаду. Дружил одно время со знаменитым клоуном Румянцевым, известным под псевдонимом Карандаш. «На арене — Карандаш!» Помнятся огромные веселые афиши, где фигурировал маленький человечек с маленькой собачкой. Отец частенько пил с ним пиво и вел беседы о том о сем. Он тогда жил рядом с цирком и, познакомившись с Карандашом, одно время писал для цирка репризы. Малоизвестная страница его жизни. Отражение цирковой темы в творчестве других писателей привлекало его. Огромный, разноплановый талант Ярослава Гашека, человека с редкостной биографией, не мог оставить моего отца равнодушным. Он очень любил «Бравого солдата

Швейка», можно сказать, это была одна из его настольных книг. Постепенно в нем созрела идея создания сценария по мотивам забавного, ярмарочно-балаганного приключения, описанного Я. Гашеком. Прodelки двух авантюрно-веселых людей, крайне нуждающихся в пополнении кошелька и умеющих играть на слабых струнах человеческой натуры. Один из этих людей, по замыслу, сам Я. Гашек, весьма бурно проведший свою жизнь. С. Наровчатов написал заявку на сценарий, являющую собой полноценный яркий рассказ. Приводим его в этой книге.

Фильм виделся отцу снятым в манере фарса, с включением мультипликации, иногда лирических отступлений (может быть, в виде авторского закадрового текста-голоса). Называться кинофильм должен был «Блохи». Дрессированные блохи в цирковом балагане, кривляясь, повторяют и изобличают все действия людей. Блохи, видные под микроскопом (это аттракцион), показывают истинную подоплеку мира, становятся ключом к познанию человечества. Они должны быть переданы средствами мультипликации, по замыслу С. Наровчатова. Фигура Ярослава Гашека высвечивается с симпатией и глубоким душевным теплом. И в финале — надежда на улучшенное человеческое сообщество, более светлое, свободное от блошиной возни, лицемерия, ханжества и глупости. Извечная надежда, увы, еще не осуществленная. Не осуществился и фильм, задуманный писателем. Зато отчасти воплотился прекрасный замысел.

Режиссеры! Обратите внимание! Продюсеры! Не пройдите мимо! Это будет интересно!

Стоит добавить, что карикатурное высвечивание некоторых фигур, должных обычно вызывать глубокое уважение в обществе (император, более скромные представители власти), подчеркивает юмор, независимые взгляды и само время, в которое жил блистательный Ярослав Гашек.

Ольга Наровчатова

Сергей НАРОВЧАТОВ

БЛОХИ

(По мотивам Я. Гашека)

Лето 1913 года. Ярмарка в Пильзене. Карусель. Кабачки. Лавки. Чехи, венгры, цыгане, евреи. Самая пестрая публика. Между рядами не спеша пробирается невысокий круглолицый человек в поношенной, но аккуратной паре. На нем котелок, заломленный ровно настоль-

ко, чтобы подчеркнуть независимость владельца, не бросая вызова окружающим. Добродушный и ласковый взгляд с интересом останавливается то на том, то на сем и ни на чем в особенности. Этот зевака — наш герой. Черты его лица напоминают одновременно и черты автора «Бравого солдата Швейка» и самого Швейка, каким изобразил его Йозеф Лада. Вдруг все-таки что-то привлекает его внимание. Это «что-то» —

«БЛОШИНЫЙ ЦИРК МЕСТЕКА»

В нестройный и разрозненный гул ярмарки проникает бравурная и визгливая мелодия. В ней есть что-то непристойное и дразнящее. Далее она будет сопровождать все действие фильма, то усиливаясь, то притихая и варьируясь в зависимости от обстановки.

«Цирк» — это большая палатка, служившая хозяину верой и правдой много лет, судя по многочисленным заплатам и следам от старых афиш на выцветшем брезенте. У входа несколько человек, Гашек занимает очередь и спустя короткое время входит внутрь. Полутьма. На деревянной скамье посетители. Посреди палатки стол — на нем микроскоп и коробка с «цирком». Местек — долговязый субъект с лошадиной физиономией демонстрирует свою труппу: «Пожалуйста, почтеннейший!»

Со скамьи встает худенький человек в соломенной шляпе, в руке тросточка, он наклоняется к микроскопу.

Окуляр. Танцующие блохи. Шаржированное мультипликационное увеличение, нарастающее и нарастающее под все нарастающую музыку «Блошиного марша».

Бесподобный, гениальный, ослепительный Франц — гордость труппы. Крупным планом — скачущая блоха в шляпе и с тросточкой. И его невеста — Пепина. Очаровательная, изумительная, сногшибательная мадемуазель Пепина.

Человек, приникший к микроскопу, отдергивается от него. Растерянное лицо. Вскочившие кверху брови.

«Дорогая, пошли отсюда», — обращается он к юной мещаночке, точь-в-точь напоминающей Пепину, резво выплясывающей под микроскопом. «Но я тоже хочу посмотреть!» Девушка принакает к окулятору. Перед ней Пепина. Она делает антраша. Франц подхватывает ее на лету.

«Они влюблены друг в друга, как Ромео и Джульетта. Сейчас он ей сделает предложение», — возглашает Местек.

Франц опускается на колени, воздевает лапки, простирает их к Пепине.

«Фу, какая гадость!»

Девушка подхватывает человечка под руку. То же делает Пепина.

«С вас двадцать геллеров!»

Молодой человек расплывается. Пара исчезает, возмущенно перешептываясь.

«Пожалуйста, ваше преподобие!»

У микроскопа — толстый патер. Его лоснящееся лицо сияет от удовольствия, когда он разглядывает Пепину, обнимающуюся с Францем.

«А они не обучены большему?» — спрашивает он у Местека.

«Как можно, — возмущается тот. — Их еще не соединило таинство брака».

Выражение лица патера меняется. Под микроскопом его подобие — в сутане и нарамнике — возлагает лапки на брачующихся Франца и Пепину.

«Ну, это уже пахнет кощунством!»

Патер торопливо удаляется, бросив 20 геллеров на тарелку. У микроскопа — дюжий мужчина, сильно выпивший.

«Свадебный кортеж!» Блохи — лошади, блохи — кучера, блохи — гости в бумажных колясках.

«И свадебный бал!»

Кружащиеся блошинные пары. Блошиный оркестр. Блошиный марш. Крупным планом — жеманная блоха, подруга Пепины. Она вальсирует с блохой во фраке.

Постепенно головка блохи превращается в кукольное личико со взбитыми кудряшками, а головка блохи во фраке — в вытянутую физиономию с нафабранными усиками.

Мясистое лицо пьяного, искаженное от ярости.

«Боженка! А, шлюха! С другим танцуешь! Обманываешь!»

Волосатый кулак опускается на микроскоп. Катастрофа...

В опустевшей палатке со следами погрома и свалки, к Местеку, сидящему в позе безутешного родственника, подходит наш герой. Он кладет ему руку на плечо. Говорит с мягкой интонацией:

«Не унывай, Местек, мы с тобой в худших передрыгах бывали. Вспоминаешь меня?»

Местек оборачивается. На его лице появляется печальная улыбка.

«Гашек? Ты? Да, но мы знавали и лучшие времена!»

«Помнишь, — так же мягко говорит Гашек, — наше триумфальное шествие по Чехии и Моравии?»

Кабинет жандармского начальника. За столом осатанелый ротмистр. Он орет на наших друзей: «Чтобы вас через полчаса не было в городе. Я вам покажу, как заниматься пропагандой!»

В окуляре микроскопа — кривляющаяся блоха в жандармском мундире. Опять опустошенная палатка. Затуманенный взгляд Местека.

«Но тогда цирк все-таки уцелел. А сейчас?»

Окуляр: искалеченные блохи. Труп Франца с оторванной ногой. Возле него Пепина в позе безнадежной скорби. Она тоже искалечена.

«Нет, я не могу видеть ее страданий». Огромный желтый ноготь Местека накрывает плакальщицу. Слышится хруст.

«Как она его любила!»

Местек рыдает.

Гашек: «Успокойся, мы заведем новых...»

Местек подскакивает как ужаленный: «Что-о?»

И с видом величайшего разочарования машет рукой.

«Никогда больше не увижу я таких интеллигентных созданий. Нынешнее поколение блох деградировало. Блохи поглупели. Пере-стали быть внимательными. А может быть, появилась новая порода блох? Недавно я купил у сторожа из богадельни целый пузырек с бло-хами, но все они оказались никуда не годными. У меня перебивали блохи из департаментской полиции, блохи из исправдома, из казарм, из ломбардов, из разных гостиниц, из института благородных девиц, из женского монастыря — и все они оказались никуда не годными».

Рассказ Местека ведется за экраном, на котором скачут все типы перечисленных им неудачников и неудачниц. Они одеты соответ-ственно учреждениям, откуда они были взяты. Это грубые, неуклю-жие создания.

«Правда, мне удалось найти среди них две-три, которые имели кое-какие таланты, но они были флегматичными, и их не привлекала артистическая карьера. Они удрали, не понимая, что их ждет великая слава. Новое поколение блох никогда не выдвинет таких артистов, как Франц и Пепина».

«А может быть, появилась новая порода блох? — задумчиво по-вторяет Гашек слова Местека. — Знаешь, Местек, тебе надо рассеяться. Пошли в “Чашу”, там, чем черт не шутит, и придумаешь что-нибудь». «Друзья познаются в беде!» — Местек поднимается со скамьи.

Трактир «У чаши». За столиком сидят Гашек и Местек. Перед ними кружки с пивом, раки, кнедлики. Вокруг типичная обстановка захудалой пивной. Оркестр из трех человек — пианино, скрипка, флейта — играет разные мелодии, сквозь которые настойчиво про-бивается лейтмотив блошиного танца. После нескольких кружек пива Местек заметно воодушевился. Он уже склонен думать, что не все так непоправимо, как ему казалось.

Если человек терпелив и предприимчив, то он в конце концов должен победить людскую грубость. Все зависит от того, с какого конца взяться за дело.

Он наваливается грудью на стол: «Нарисовать утку нетрудно... важно убедить людей, что это не утка, а ягуар. Если сорвалось одно предприятие, повезет в другом».

Как бы в подтверждение его слов из пивной выкидывают пьяного. За порогом трактира тот встает с мостовой, отряхивает брюки, грозит кулаком обидчикам и нетвердыми шагами направляется в пивную, расположенную напротив.

В окно за этой сценой с любопытством наблюдает Гашек.

«Люди — ослы, — продолжает философствовать Местек. — Чем больше идиотизма, тем больше людей пойдет на удочку. Нужна только выдумка. Что вы скажете на это?»

«Я полагаю, — отвечает с милой улыбкой Гашек, — что на свете очень мало людей, живущих собственным умом. Такие люди к нам и не пойдут. Наше предприятие поддерживала публика, которая верила в то, что мы ей обещали. Вы помните нашу летучую мышь, которую мы поймали в нашем саду и выдавали за летучую ящерицу из Австралии? Всякий охотно платил гривенник, чтобы посмотреть на нее».

Палатка. На ней афиша, изображающая археоптерикса. У входа Гашек собирает деньги. В дальнейшем голоса Гашека и Местека доносятся из-за экрана.

«А помните, как публика валом валила, чтобы увидеть детеныша удава, который раздавил английского вице-короля Индии?» Та же палатка, та же картина. Внутри палатки Местек держит за хвост извивающегося ужонка. Голос из публики: «А где же сам удав?»

«Он в Индии. — И Местек выразительным движением большого пальца показывает за пределы палатки. — Все еще перебаривает вице-короля».

Новый кадр: обезьянья клетка. В ней закутанный в шкуру человек. Голос Гашека: «А помните, какие были сборы, когда Ванек из Коширж представлял орангутана с острова Борнео?»

На экране краснощекий здоровяк облачается в баранью шкуру. Он дружески подмигивает Гашеку.

Клетка. Ее обступила публика. Орангутан кривляется перед ней. В клетку летят сласти и фрукты.

Возмущенная интонация Местека:

«А сколько он, сукин сын, зарабатывал вам на них! Он прятал их в угол, а вечером...»

На экране франтовато одетый Ванек перепродает в лавчонку доброхотные даяния. Старая лавчонница отсчитывает его деньги за золотистые апельсины и конфеты в серебряных обертках.

Следующий кадр — Ванек за стойкой. Подносит к глазам рюмку с коньяком. Доверительно обращается к бармену: «Орангутанам хорошо живется!»

Голос Местека: «Скотина, развратился и, несмотря на побочные доходы, не захотел за пятнадцать крон с нашими харчами представлять орангутана. Подавай ему двадцать! Я отказал ему, и он рассердился».

Клетка. Вокруг нее толпа. Орангутан пьян. В него летят сласти.

«Плевал я на ваши конфеты!» Он вытаскивает бутылку, прикладывает к ней. И вдруг начинает горланить пьяную песню. В публике паника. Дамы за руку волокут ревуших детишек, мужчины грозят разнести клетку вдребезги.

Гашек: «Но баранью шкуру мы все-таки использовали, правда, вывернув ее наизнанку».

На экране: Гашек и Местек свертывают шкуру, стараясь придать ей подобие мумии. Голова из тряпок, на ней углем нарисованы глаза, усы, рот, на голове бумажная корона.

Голос Местека: «Мы выдавали ее за мумию короля Ричарда III. Вы тогда над этой бараньей кожей замечательно ораторствовали».

Гашек распинаясь перед публикой: «Здесь вы видите представителей самых страшных извергов, которые сидели на королевских тронах. Этот король — подлец, утопивший в крови своих подданных, наводил ужас на самого Шекспира своей кровожадностью. Этот королевский изверг теперь высушен и представляется уважаемой публике в виде мумии...»

В кадре крупным планом «мумия» и глазевшая на нее толпа.

Кадр: Местек и Гашек за столом. Кружки и раки. Музыка «Блошиного марша». Пьяный галдеж вокруг. Местек: «Отсюда вывод — на свете все можно! Надо только придумать что-нибудь новое и показывать это публике».

Гашек: «Почему непременно “показывать” что-нибудь? Я иду дальше. Публике можно и вовсе ничего не показывать».

Ошеломленное лицо Местека.

Гашек: «Ни-че-го!»

Местек: «Ну, хоть бы какой-нибудь камушек».

Гашек: «Никакого камушка! Это идиотизм. Старая школа. Говорю вам: мы ничего не будем показывать публике. В этом-то весь трюк. Посмотрите».

Кадр: пол, посыпанный опилками. Продолжая говорить, Гашек палкой чертит на полу предполагаемый план аферы. «Вот ваш балаган. Он вполне подходит. Круглый и просторный, без окон и без отверстия в крыше. Там должно быть совершенно темно. Имеются два выхода, которые закрыты занавесом. Через один вход публика входит, через другой выходит».

Огромные плакаты: «Небывалый сюрприз! Трюк! Незабываемое переживание!» Я стою перед палаткой, созываю народ и собираю деньги. Вы находитесь внутри балагана в темноте и, как только кто-нибудь войдет, схватываете его одной рукой за шею, а другой за брюки и молча выбрасываете через задний ход».

Гашек жестами иллюстрирует свое повествование. Местек весь внимание.

Гашек: «Успех обеспечен. Ручаюсь вам, что все люди желают своим близким всяческих пакостей и будут делать нам рекламу, призывая других к посещению. Наше предприятие будет основано на психологической базе». Торжественно поднятый вверх палец Гашека. Местек почтительно смотрит на него. «А что, — говорит он, уже приняв идею на вооружение, но желая ее усовершенствовать, — если каждого, кроме того, еще огреть по спине палкой? Это ведь еще больший сюрприз».

«Нет, нет и нет! — категорически возражает Гашек. — Этим мы только задержим процедуру. Кроме того, там будут и женщины. Мы должны щадить слабый пол. Вышвырнуть да бить — никогда! Предприятие будет весьма солидное. Мы не обещаем ничего неисполнимого. Обещаем трюк и действительно его даем. Никто не посмеет сказать, что мы занимаемся подлогом. Решено?»

Местек кивает головой. Приятели жмут друг другу руки и сдвигают кружки.

Победно звучит «Блошиный марш».

Развертывается панорама ярмарки, видимой с высоты птичьего полета. Объектив выделяет в ней еле приметную точку. По мере приближения точка разрастается — это балаган Местека. Огромные зазывные плакаты: ГРАНДИОЗНЫЙ ТРЮК! ПИКАНТНЫЙ СЮРПРИЗ! ВСЮ ЖИЗНЬ НЕ забудете нового ощущения! Никакого обмана! Все НАЧИСТОТУ. Дети до 16 лет не допускаются. Вход — одна корона».

У балагана длинная очередь. Самая разнокалиберная публика торопится испытать «новое ощущение». Музыка блошиного танца. Мультипликация: вереница блох перед гигантским микроскопом. Одна уже занесла лапку на стекло, лежащее под окуляром. Кадр. Господин выше среднего роста в тройке и котелке, получив билет из рук улыбающегося Гашека, просовывает ногу за порог балагана.

Внутренность балагана. Местек, приготовившись, поджидает добычу. Глаза у него уже присмотрелись к темноте, чего нельзя сказать о толстом господине, входящем в палатку. Он не успевает сообразить, в чем дело, как его берет за шиворот мощная рука Местека. Другая рука схватывает его за брюки и направляет в полет. Замедленное движение кадра. Толстяк тихо проплывает в сумерках балагана. Траектория полета направляет его к выходу. Головой он раздвигает занавес и оказывается снаружи. Приземлившись на четвереньки, он оглядывается и, убедившись в том, что его никто не видит с другой стороны палатки, быстро встает и отряхивает брюки. Направляется к очереди.

Кадр: в руках Местека очередная жертва, субъект с козлиной бородкой. Всю эту сцену точно повторяет мультипликация на заднем плане кадра. Жирная блоха, вытянувшись, летит через экран, плюхается на песок и, подскочив, направляется к своим собратьям.

«Блошиный марш» все время сопровождает зрелище. Толстый господин, сияя улыбкой, отвечает на вопросы: «Ну как? Что это такое? Правда, это интересно?»

«Одно могу вам сказать, что это действительно незабываемое ощущение».

Эта сценка дублируется мультипликационными блохами.

В руках у Местека очередная жертва. Молодой повеса в мундире гусарского корнета. Все на нем блестит, и, кажется, от него за версту несет дорогими духами.

Повторяется та же ситуация, лишь с тем изменением, что корнет с зажатой между коленок саблей делает тройное сальто в воздухе, которое оканчивается лишь на лужайке за балаганом. Эта сцена, наоборот, ведется в убыстренном темпе, так что первое сальто еще видно, а потом нельзя уже и понять, где голова, где ноги. Опомнившись, гусар хватается за палаш и уж вытаскивает его наполовину из ножен, но тут же спохватывается и развинченной походкой, обогнув палатку, направляется к очереди.

«О, это и вправду сногшибательно!»

Один за другим проходят, или, вернее, пролетают, балаган все стоящие в очереди. Базарная торговка, схваченная могучей рукой Местека и выброшенная им из палатки, пульей взвивается в небеса и потом парашютирует с помощью своих широких юбок. Представительный чиновник, по-щенячьи визжа, гонится в воздухе за своей фуражкой, и, уже за пределами балагана, делает несколько виражей, и, лишь поймав ее, опускается на землю. Молодая дама (опять замедленная съемка) во время полета оборачивается к Местеку и шлет ему воздушный поцелуй. Подходя после к мужу, невзрачному мужчине на подставных каблуках, говорит: «Люблю сильных мужчин». Окрыленный муж быстро приобретает крылья в балагане. Он, как бумеранг, описывает круг далеко за палаткой и становится как вкопанный рядом с женой.

Рисунок фильма все больше приобретает черты откровенного гротеска. У какого-то пьяницы выскальзывает из кармана бутылка и, кувыряясь в воздухе, сама опрокидывается ему в глотку. У попа рассыпаются спрятанные в трескучих соблазнительные открытки, и персонажи их начинают канканировать в воздухе. Респектабельные дамы подражают им. Все громче и победнее звучит «Блошиный марш». В нем появляются зловещие ноты. Канканируют и кривляются на заднем плане людские и настоящие блохи. Их уже трудно различить между собой.

Появляются представители властей. «Вот еще новая порода блох», — резюмирует Гашек и, просовывая голову в балаган, кричит: «Не пожалей сил, Местек! Нажми! Это уже последние!»

Первым входит полицейский — гориллоподобный субъект в шляпе с петушиным пером (такова была форма полиции

при Франце-Иосифе), в балагане преобразается в самого настоящего петуха, которому Местек с брезгливой миной отрывает хвост. Вылетев на волю и огласив окрестности трехкратным «кукареку», теряя на лету перья, неуклюже снижается и вновь преобразается в усердного служаку. Недоуменно встряхивает головой: что, мол, за чертовщина такая. Но потом отправляется к своему начальнику и рапортует: «Так что все в порядке. Зрелище дозволенное и нравоучительное».

«А где твое перо, болван? Сейчас сюда губернатор приезжает, а ты не по форме». Легкая мордотычина. Пока начальник полиции ждет губернатора, на экране появляется новая пара: вор и сыщик. Вор стремглав ныряет в балаган, сыщик за ним. Местек хватает их обеими руками за воротники и, выдавив из себя хриплое: «Один другого стоит», — сшибает их лбами. Фонтан искр на миг освещает балаган. При этом призрачном свете вор лезет сыщику в карман, а сыщик пытается нацепить на него наручники. Местек выбрасывает их обоих вон. Они некоторое время вальсируют в воздухе.

Вор: «Я дам тебе отступного, Фендра!»

Сыщик: «Сколько?»

Вор (незаметно подсчитывая деньги, вытасненные у сыщика): «Сотню крон».

Сыщик: «Идет!»

Они опускаются на землю. Вор отсчитывает деньги, сыщик отпускает его.

Лишь когда тот скрылся из виду, сыщик обнаруживает пропажу. «А-а!»

Громадным скачком, как кенгуру, мчится опять вслед за ним.

Коляска губернатора. Навытяжку перед ней начальник полиции и другие чины.

Губернатор, обращаясь к жандармскому генералу: «Вы знаете, я люблю эти простонародные зрелища. Мой племянник, корнет, шалопай, но славный малый, час назад пришел отсюда совершенно потрясенным. Он говорит, что это просто сногшибательное зрелище».

Жандармский генерал: «Кто-нибудь из полиции присутствовал?»

Начальник полиции: «Так точно. Капрал Блезек докладывал, что это весьма поучительное представление!»

Губернатор: «Посмотрим!»

И он проходит через железные руки Местека. Но на этот раз толчок настолько силен, что он уже не может остановиться в полете. Далеко-далеко, без фуражки, в изорванном мундире, он оказывается сидящим на навозной куче. Вскоре рядом с ним уже сидят начальник полиции, жандармский генерал, министры. Все ошеломлены: «Это действительно незабываемое зрелище!»

Опять балаган. Из кареты, запряженной шестеркой, вылезает с помощью слуг император Франц-Иосиф. Старик Прогулкин — как называли его в народе, намекая на старческое слабоумие венценосца, заставлявшее его каждые полчаса «прогуливаться» в клозет. Император подходит к палатке, обер-камергер за ним несет большой ночной горшок.

Старик Прогулкин (кашляя и мямля): «Здесь, говорят, что-то интересное. Со всех сторон слышу. Покажите мне, где вход в уборную, мой юный друг» (последние слова обращены к Гашеку).

Гашек: «Позвольте доложить, ваше императорское величество, здесь не сортир, а аттракцион. Бесподобный и поучительный».

Старик Прогулкин: «Ах, аттракцион? Значит, я ошибся. Пойдем, мой старый друг» (эти слова обращены к камергеру).

Последний триумф Местека. Император и камергер, один за другим, взвиваются вверх, корона, слетев с головы старого дурака, вертится волчком в воздухе и исчезает из виду. Вместо нее на голову венценосца садится вырвавшийся из рук камергера ночной горшок.

Навозная куча. Те же и император. Один из братии: «Его только по горшку и можно узнать».

Снова площадь на ярмарке. Над ней только что отбушевала гроза. По небу, разбегаясь, скользят обрывки туч. С балагана сорвана крыша. На площади множество луж и ручейков. В них барахтаются и тонут множество полуживых блох. А на бульжнике мертвые блохи громко хрустят под каблуками Гашека и Местека. «Блошиный марш», перешедший в минор, звучит все слабее и слабее и наконец гаснет. Широкое улыбающееся лицо Гашека.

«Вот так и будет когда-нибудь в нашей старой Златой Праге».

И так стало: панорама прекрасного города. Светлые молодые лица приемников Гашека. Радостная, легко льющаяся музыка.

Конец

ТАЛАНТЛИВЫЙ, СТЕСНИТЕЛЬНЫЙ, РАНИМЫЙ

Как известно, в мире ничего не бывает просто так. Вот и сейчас такой случай. Стоило мне подумать о том, что хорошо было бы написать о Вале Терещенко, поэте, которого я знал и видел очень давно, как тут же на глаза мне попались «Истоки» тридцатилетней давности. И хранились они у меня дома по самой банальной причине: это были «Истоки», где я когда-то опубликовался самый первый раз, сразу после очередного Сопевания молодых писателей Москвы.

До этого были публикации в журналах и газетах, но «Истоки» для любого молодого писателя были тогда совершенно особым изданием. Это был главный печатный, да ещё и всесоюзный орган тех, кто приходил в литературу со своими дебютами. И тираж у альманаха по нашим временам был совершенно невысказанный: 50 тысяч экземпляров плюс ещё и гонорары за труды!

Тогда это был исключительно альманах действительно молодых, тех, кому было до 35 лет! Но иногда встречались исключения. Для хороших людей с хорошим дарованием.

Именно потому сразу под своей подборкой стихов в «Истоках-83» я обнаружил стихи Валентина Терещенко, которого в те времена я уже не видел года три. Он был основательно старше меня, существенно старше, с совершенно другим жизненным опытом и следами другой эпохи. И вот его стихи были прямо перед моими глазами.

Время начало исчезать, прямо по изречению величайшего мудреца древности Гермеса Трисмегиста. Ведь это он сказал, что время было призвано отделить события друг от друга. Значит, время — это некая река, море, океан, где есть острова наших воспоминаний, но нет лодок, чтобы доплыть до них. И вдруг я почувствовал, что этот океан стал мелеть, а потом и высох совсем. И оказалось, что я свободно могу дойти до любого такого острова по дну, ставшему сушей. И я пошёл на тот остров, где жило воспоминание о талантливом, стеснительном и ранним поэте Валентине Терещенко, Вале, которого я часто видел в конце 90-х годов прошлого века, а точнее, тысячелетия.

И, конечно, на этом моём острове сохранились только небольшие фрагменты большой мозаики, которая называется жизнь человека по имени Валентин Терещенко.

Вот я и вынужден говорить о фрагментах, но фрагментах ярких, вроде тех, что так поражают наше воображение в каком-нибудь античном храме или вилле.

Что вспоминается или, лучше сказать, оживает в памяти моей в первую очередь? Это знаменитая фраза Вали тех времён. Увидев нового поэта, очередного неофита капризной музыки, он подходил к нему и тихим, но уверенным голосом спрашивал: «Чем ты можешь мне помочь? Ты должен обязательно подумать об этом!»

Странная, наивная, смешная фраза! Разве Валя за всю свою тогдашнюю долгую непробивную литературную жизнь не понял, что нет более эгоистичных, более самовлюблённых людей, чем поэты? Особенно тех, кто тоже ищет пути к страницам изданий и славе, кто находится в таком же положении, как он.

Впрочем, не совсем в таком же. Мы-то ещё ходили в «молодых литераторах», а он был для нас старый дядя. И при этом фантастическая незащитность и наивность!

Этот вопрос он задал мне в студии, которую вёл Александр Богучаров, взявший звучный псевдоним вместо забавной для поэта фамилии Морковкин!

Богучаров был таким крепеньким литературным середнячком с очень большой тягой к сведению счётов с теми, кто ему чем-то не угодил. Он ревниво следил за тем, чтобы его студийцы не бегали в другие студии и литобъединения. Особенно было худо, если человек вдруг становился студентом Литинститута. Это означало статус и независимость.

Именно после такого поступления товарищ Богучаров и прислал мне бумажку, ещё более забавную, чем его фамилия, где говорилось, что я отчислен из студии за творческую несостоятельность и высокомерное отношение к своим товарищам! Подписал бумажку староста студии Семён Сушанский, за пару дней до этого чуть ли не обнимавшийся со мною! Интересно, где-то сейчас этот Сеня? Но вот где его точно нет, так это в литературе!

Всё это видел Валя Терещенко. Видел и возмущался. Он был правдоискателем по самой сути своей! И вскоре тоже перестал посещать студию. Даже разразился какими-то обличительными стихами, где рифмовалось «чары — Богучаров»...

Валя появлялся в каких-то литературных салонах, где слушали какого-нибудь поэта и где даже и не думали предлагать ему почитать стихи.

А он их писал и писал. И вот одно из них, опубликованное как раз в альманахе 1983 года, я хочу предложить вниманию читателя:

ЯНВАРЬ

*В голодном доме —
Наледь на стене,
И тут же в баке воду ковыряет
Сестра моя,
Железом ударяет
По льду, и лёд осколками по мне
Колюче брызжет, но не уступает.*

*Вода насквозь промёрзла.
Нет воды.
И треснул бак из цельного металла.
И всё тепло, которого хватало
Под тюфяком, что вместо одеяла,
Уходит прочь.
...Ещё до февраля
Мои сестрёнки пухнут, голодая.*

Здесь всё начало жизни Вали, всё его голодное детство на родной Украине. Да плюс ещё и воспитывался он потом в детском доме, и работал на самых трудных физических работах, но всё-таки окончил Харьковский инженерно-экономический институт. И всё время писал, писал, писал...

Да, он по праву называл себя «дитя войны». Но долгая, длительная, затяжная война была у него впереди, война за своё место под литературным солнцем.

И вот большая публикация в советских «Истоках», а до этого попадание на Совещание молодых писателей Москвы.

И всё равно литературная жизнь без книг, без должного признания. Например, Юрий Влодов, хоть и почти не публиковался в советские времена, был известен многим любителям поэзии. Между прочим, Валя Терещенко хорошо знал Юрия Влодова и однажды очень смешно рассказывал нам, как подрался с ним и даже хотел тащить Юру в милицию...

Да, тогда быть поэтом значило влиять на культурную и духовную жизнь огромной страны.

Сейчас на одном только сервере современной русской поэзии выкладывают свои стихи больше 10 тысяч авторов, мягко говоря, разного уровня!

Но тем ценней поэзия настоящая, та, что прошла и суровую школу жизни и не менее суровую школу великой русской поэзии со всеми её достижениями и традициями!

И не зря ещё в 1983 году в «Истоках» и появились строки Валентина Терещенко:

*Не утонул, зато в огне
Легко сгорел мой хлам.*

Да, в океане наших взвихренных лет не утонула поэзия Вали, а всё то, что ей мешало быть услышанной, действительно сгорело в огне ушедшей сиюминутности.

И дело теперь только за малым: сделать так, чтобы лучшие стихи Валентина Терещенко пришли к современному читателю. Уверен, он их оценит, потому что они написаны на вечные темы. А когда звучит Вечность, к ней стоит прислушаться. Как это умел делать сам Валя.

Леонид Володарский

Валентин ТЕРЕЩЕНКО

(1937–2011)

Так, значит, в нем жива все та же мощь и ярость...

* * *

Который переезд!? — Еще пожар!
 Куда девать мне памятные вещи?
 И бросить жаль, как веры медный крест,
 Который нам и сравнивать-то не с чем.
 То — дорого и это — без цены,
 Всё — мелочи, исполненные смысла,
 Но — полочка — их пристань —
 вдоль стены
 На одиноком гвоздике повисла.
 И я сидел потерянно среди них,
 Мне перед ними нечего виниться,
 А все-таки проклевывался стих,
 И от него хотелось заслониться.
 По этой свалке хлама и трухи
 Я узнавал грядущего приметы,
 Хотя мне ближе новые стихи.
 Вы догадались, видимо, об этом.

* * *

Уймись, горе-соловьи,
 Нет повода для ревности,
 Как без любимых нет любви,
 Как нет без веры верности.
 Единство вашего «добра»
 И «зла» — пустая фикция, —
 Чревоуещание — с утра
 Или — уроки дикции.
 Лжи правда противостоит
 И ложь сдает позиции,
 Хотя по-прежнему чадит
 Кострами инквизиции.
 Меня мотает сорок лет,
 Фронты огнем ощерились,

И между ними места нет
Для тех, что разуверились.

Икебана

Я собрал букет из трав
И несу домой!
В этом доме я без прав,
Словно домовой...

Чернобыльник, зверобой
И глухой на лесть —
Сноп крапивы огневой
В том букете есть.

Вездесущи, как беда,
Что сомкнула круг,
Есть бодяк и лебеда,
Мята и овсюг,

Сон-трава, чертополох,
И всегда права —
Как безумный носорог,
Есть дурман-трава.

Лютик желтый, отвяжись,
Не тебе чета —
Мой букет почти как жизнь,
Есть в нем все цвета.
Пусть взойдет в моем углу
Мощно и светло,
Прочь гоня унынья мглу
Всем чертям назло!

Жалоба

Нет сил найти, кому бы в лапу дать,
Чтоб выбраться из этой душегубки...
А ты всё ждешь? Ах, мученица — мать,
Дай Бог тебе хоть в рай попасть, голубке!

На этом свете выгорит едва ль
Нам дух перевести с тобой, солдатка.

Напрасно мне пророчили медаль
За все труды. Живется всё несладко.

Хотя привык давно я ко всему.
Притерпишься и горькое полюбишь.
А ведь кому-то следует муму
Набить за всё, чего не приголубишь.

Экспромт, 9. III. 84

* * *

И. В. А.

Малышка — с характером! — в папу.
Весь день бы сосала кулак —
Почти как медведица — лапу.
А каши не хочет никак!

И только — за мамку, за деда,
Трикратно за мир на земле! —
По ложке во время обеда;
По ложке — на ужин — во мгле.

Зато уж гулять да агукать
Готова всю ночь — до утра...
Поём вот! А завтра мяукать
И деду учиться пора...

3. IV. 1984 г.

* * *

Снег стаял.
Ледовое поле
Черно всё на Чистых прудах.
Голодным воронам раздолье
Об этой поре в городах.

Из вьюг непроглядных обьедки,
Вдруг вытаяв, радуют глаз!
Вороны — соседка соседке —
Всё носят весь день — на показ.

А новость, как жвачка — корове.
И мне ведь — всерьёз и шутя —

Из самых подвьюжных сокровищ
Как раз перепало...
Дитя!
Но я её выхолю — крошку! —
Раз некому больше, и в срок
На каждую махоньку ножку
Хрустальный сыщу башмачок!

4. V. 1984 г.

Экспромт весенний

И. В. А.

По ниточке щиплет из тряпки
Пичуга себе на гнездо,
Чтоб грудки у маленьких, лапки
Не мерзли — До-Фа-Ре-Си-До!

Как радостны хлопоты эти,
Как много надежд на апрель!
Так в марте рыбацкие сети
К путине готовит артель.

Так ветра дыхание сладко!
Так милостив солнышка взгляд,
Что я подпеваю украдкой
Из певчих всем птичкам подряд.

15. III. 1984 г.

* * *

И не смолчать.
Но что сказать мне?
Хотя не всё перезабыл,
За что — не знаю — в наказание
Я слишком, кажется, любил
Не тех, наверное, кто мог бы
Принять мучительный итог,
Понять во мне, отбросив догмы,
В единстве — вольницу и долг.

А долг велик и неоткупен —
Знаменьем воли освящён —
Не то что бить в горячий бубен

Блестящим трубам в унисон —
Но всё принять, понять и вызнать,
И, ничего не потеряв,
Себя прибавить к тайнам жизни,
И к воле пашен и дубрав.

А за любовь платить любовью,
А за свободы торжество
Платить своей горячей кровью,
Коль смерть и вечность — тождество.

I. 83 — III. 84

Февраль 1982

...А метели — грозы веселей! —
Пляшут всё — ни на что не похожи.
Стали полночи — белых светлей!
Тараканы заметили тоже.

Попирая наш брачный бедлам
Вкруг Её головного убора,
По своим тараканьим делам
Разбежалась их рыжая свора.

Но не стану их нынче гонять.
Божья тварь, принимай перемирье!
Ведь убогому надо понять,
Как он выиграть мог в бескозырье?

XI. 82 — 8. II. 84

Гадяччина

От Полтавы, как версты, размеренно
За Опошню бегут тополя.
Скоро, близко! — медово и зелено
Материнская пахнет земля.

То ли тихое ржанье доносится
С дальних сумрачных росных лугов,
То ли юности разноголосица
Откликается эхом на зов?

Просыпается, тянется, плещется,
Трепыхаясь, фырча и звеня...
Не приснится, так померещится:
Счастье близкое ищет меня!
Лишь взглядеться и только прислушаться:
С тихих плесов и сонных лесов
Удивленное детство по лужицам
Серебристым звенит колесом.

Скоро, близко! — кузнечики стрекают.
Разжигая для гостя жарю,
Гадяччина моя кукарекает!
С нею я о любви говорю.

* * *

Не узнаю, глазами шарю:
Далёко, близко ли?
Пора!
Тут средь равнин земному шару
Была дарована гора.

С неё сорвался я когда-то,
И пусть упал невысоко,
Но знаю: в качестве солдата
Ходить по жизни нелегко.

Вода, огонь и трубы — тоже —
Всего лишь — прошлого деталь,
Но повторять — избави Боже,
Но и забыть нельзя и жаль.

И отчий дом всё пуще тянет!
Так память детская сосёт,
Что и репей без нас не вянет,
И злее прежнего осот...

Зажмурюсь, лес услышу, речку,
И ветер! — только и всего,
Но вскочет юное сердечко
Внутри больного моего...

А на мосту глаза открою,
И сразу — Гадяч над рекой!
Парит меж небом и землею,
И машет, машет мне рукой...

* * *

Лес и озеро — даже протока —
Между сосен струится, блестя.
У какого просить бы пророка
Ко всему и грибного дождя?

А не то изнеможет грибница
Слушать чаек прожорливых крик.
— Без дождя никуда не годится! —
Одинокий скорбел боровик.

И услышал Господь. Набежала
Ниоткуда блаженная мгла.
И береза, хмелея, дрожала,
И напиться никак не могла.

Пень

аллегория

«И полно, что за пень?
Есть пень и помоложе...»
Но именно на нем скворец поет, шалун.
Искромсан пень, замшел
И черен стал, а все же
Не сладил с ним пожар,
Не справился колун.
Попробуй корчевать,
Впрягай зверей в канаты,
Подкапывай, кроши,
В сердцах его брани,
Что он стоит, как пень...
А пень-то — в три обхвата!
Присядь на нем, представь,
Что ты сидишь в тени —
Полуденной, густой! —
Степного исполина;
Века торжеств и бед

Шумят в его ветвях;
Под сенью их поет
И буйствует долина,
И ратники отряхивают прах...
А вот ручей!
Теперь
Ручья нигде не видно,
Но был ручей, поверь,
Его хранила тень.
И нет ее, нет дерева!
Обидно.
И для степи печален этот день.
Ручей усох, слиняв,
И птицы разлетелись.
Им негде гнезда вить
И песни петь потом.
Лишь пень еще стоит —
Почти окаменелость,
Надгробная плита...
С пробившимся ростком!
Так, значит, в нем жива
Все та же мощь и ярость,
Что ветви тянет вверх
И поднимает ствол!
Пройдут года еще,
Ну век — такая малость —
И будет вам ручей,
И дом для вас, и стол.

Акселерация

Уймьтесь, весёлые кони погони,
Сложите пасхальные звоны мечей!
Как падают птицы в безъядерной зоне,
А вы называете зону ничьей...
А цапля не помнит — что знала, забыла...
Как давит в зените химический пресс!..
По краешку сивая ходит кобыла,
И лишь кукуруза — дремуча — как лес.
А если — раскиньте — приходится думать;
Зачем так торопится — глупая — в рост?
Торопится юная девочка в Умань —
Из хутора — в Умань! — крестьянская кость.

А лет ей?.. Да что вы?! — широкие бёдра,
Высокие груди — зовущая стать...
Торопится!.. Благо, что звёздное вёдро!
А то опоздаешь... и матерью стать...
1976 г.

* * *

(по случаю «Дня Поэзии» — А. С. П. — с участием)

Ах, бедный Пушкин! Влез бы ты в наш дом —
В клоповый угол... Господи, помилуй!
О чём бы ты писал здесь? И о ком? —
И вообще, писал бы ли, мой милый?
Положим — да, но может быть и нет...
Вертеться здесь — не просто: нам вживалось
С «мумузой» в тесный угол десять лет,
А выбраться-то силы не осталось...
Гляжу — на космостанции «Салют» —
Раз в пять, пожалуй, было бы просторней...
Благодарю за барский твой уют
Твой век убогий — с техникой топорной...
О чём другом — не будем — уморю!
Весь век — в ярме — за хлеб!.. — во сне лишь стонем...
Уж за одно твой век благодарю,
Что был к тебе он — в общем — благослонен...
Не то — что мой — ко мне и не ко мне...
Литзэки замесили бы покруче
Об этом повесть: слаще на огне
Сгореть бы враз — чем тлеть в навозной куче...
Мне — в ссылку бы — да в барскую — в Туву! —
Куда-нибудь — вот было бы чудесно!
В таком хлеву — как я теперь живу —
Уж не дышать — но думать — брат мой — тесно...
А мы живём — представь — и пёс возьми —
Во имя лжи нас вымарать — не просто!!!
И жажда жить — и умереть людьми —
Страшней иных страстей вокруг погоста...

1979 г.

Если бы я был птицей...

Если бы я был птицей... не пингином, конечно, и не курицей, не умеющими летать, а хотя бы обычным серым гусем, я непременно положил бы себе за правило: ежедневно летать встречь Солнцу!

Не ожидая его восхода, я сам восходил бы к Солнцу чуть свет! Я восходил бы к Солнцу с восторженными, ликующими песнями, глядя во все глаза и будя всех вокруг: «Смотрите! Смотрите же! Самый большой, самый торжественный и красочный Праздник на Земле начинается! Начинается новый день Жизни! Восходит Солнце!»

Сегодня он начинается для меня в 5 часов 39 минут, хотя в Тушино будет лишь в 6–31. Здравствуй, Солнце! Это я восхожу к тебе над Казанью...

Казань не принимает... Я продолжаю лететь на восток — встречь Солнцу.

Высота

Посвящается другу моему Сааше Волчкову, погибшему в декабре 1985 года.

Волчков Сааша, безнадёжный двоечник. Близкий друг, ещё со школьной скамьи.

Был смертельно ранен в живот. Умер 5 декабря 1985 года, посмертно награждён орденом Красной Звезды, занесён в Книгу Памяти. Долго отказывались прикрепить его мемориальную табличку на нашу школу — «Двоечник, хулиган, а мы его — на памятную доску, как героя? Какой это пример будет для школьников?..» В конце концов поместили — вместе с именами учеников, погибших уже на следующей, Чеченской войне. Причём дату его гибели указали неверно — 1988, — посмертно добавив Саашке три года жизни лишних.

...Самым скверным было то, что у ротного разболелись зубы. Лейтенант Куманьков промаялся до поздней ночи, перепробовав все средства, какие только нашлись у санинструктора, но ничего не помогало. Левая щека угрожающе опухла, и каждый толчок крови отдавался в голове. Под утро Куманьков не выдержал, вкатил себе кубик промедола и прилёг, блаженно ощущая, как стихает выворачивающее душу нытьё. Он уже проваливался в сладкую дрёму, когда начался обстрел. «Ошалели они там, что ли?» — ротный мгновенно подскочил, со сна худо соображая ещё, и откинул брезентовый полотно, закрывавший вход в каменный блиндаж. Над горами розовела и разрасталась узкая светлая полоска. В воздухе завывало скрипуче, а по склону высоты клубились чёрные хлопья разрывов.

Две восьмидесятидвухмиллиметровые мины шлёпнулись недалеко от наблюдательного пункта, с обвальным грохотом рассыпалась часть стенки. Куманьков присел на дно окопа, оставив бинокль в щель между валунами. Смотреть было неудобно. Острый обломок камня упирался в грудь, щель в валунах была косой, и приходилось до ломоты выворачивать шею. Лейтенант щурил глаза и всё пытался высмотреть миномёт, который бил во фланг роты. Когда у него уже

заслезилась глаза от напряжения, обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. Едва осела пыль от последней разорвавшейся мины, как в стороне, на правом фланге, ударили пулеметные очереди и донесся приглушенный стрекот автоматов.

«Может, духи на боевое охранение наткнулись?» — с надеждой подумал Куманьков, вслушиваясь в беспорядочную стрельбу. Такое частенько случалось. И злые от недосыпа пулеметчики шпарили, как осатанелые. Потом оказывалось, что кому-то просто померещилось, что по склону захрустели не шаги вовсе, а сорвавшийся вниз камень. И тогда разом все стихало. Но сейчас стрельба нарастала. Минут через двадцать огонь стал таким плотным, что понятно стало: их, похоже, всерьёз собираются вышибить. Хотят занять господствующую высоту, а значит, получить и ущелье, и единственную в этих местах дорогу.

Ротный проверил магазин в автомате, выскользнул в ход сообщения и нос к носу столкнулся с радистом. Тот протянул ему трубку.

— «Утёс-2» вызывает, товарищ лейтенант!..

— Слушает двадцать первый!

— Что там у тебя, Куманёк? — проскрежетала мембрана голосом комбата Шиловского.

— С шести ноль-ноль до шести пятнадцати был миномётный обстрел, товарищ Второй... — начал лейтенант, хорошо зная, что это последний спокойный разговор с Шиловским. Следующие будут уже с нервами и матом. Выдержал паузу.

— Похоже, зашевелились духи! Хотят занять высоту и...

— Вижу, — прервал Шиловский. — Атакуют твой правый фланг. Видно, норовят пройти в тыл. Я связался с летунами, но что-то пока не срастается у них с вертушками. Какое-то время тебе самому придётся продержаться.

— Ясно! — ответил Куманьков, и у него снова противно заныли зубы. Он приложил руку к щеке и поморщился, сдерживая стон.

— Прошу гранат подбросить для АГС, товарищ второй... И патронов.

— Ты что бубнишь, никак не разберу, — в далеком голосе майора послышались сердитые нотки. — Говори громче!

— Зубы болят, товарищ Второй, — изо всех сил пожаловался в трубку Куманьков. — Прямо жизни никакой нет, хоть вешайся...

— Ты погоди, Куманёк. — Голос майора подобрел. — Повесишься, кто ротой командовать будет? Боеприпасы тебе доставят. Заодно и от зубов тебе пришлю средство, раз уж у тебя санинструктор такой лопух. Таблетки американские, трофейные. Всё!

Наказав ротному не развешивать уши, майор закончил разговор.

Пригибаясь за камнями, Куманьков обошёл позиции, придирчиво осматривая, как расположились бойцы. Сказал старшему сержанту Матвейчуку, чтобы гранатомётчики «в случай чего» гранат не жалели. Затем он добрался и до пулемётного гнезда на самом краю левого фланга. Всё-таки его очень беспокоил этот участок.

Гвоздик лежал возле пулемёта и курил, поглядывая в амбразуру. Рядом с ним, привалившись спиной к стенке, сидел Аникеев. Увидев ротного, он попытался подняться, но каменный выступ нависал слишком низко. Аникееву удалось только привстать на колени и поднести ладонь к каске. Куманьков досадливо махнул рукой.

— Как тут у вас, парни?

— Пока ничего, товарищ лейтенант, — ответил Гвоздик. — Вроде на второй взвод нажимают духи. Может, нам туда перебраться с гитарой?

— Вроде! — недовольно передразнил Куманьков. — Ты тут мне, сержант, стратегию не разводи! Пролезут они к нам в тыл, такой тебе будет «второй взвод с гитарой», что родную мать позабудешь! Вот так-то, воин, — жестко закончил он и решительно отодвинул Гвоздика в сторону.

— Дай-ка я гляну, — лейтенант лёг за пулемёт, чтобы получше рассмотреть склон. — Сошки ровнее надо ставить, товарищ сержант.

Куманьков поправил сошки, не спеша выглянул в амбразуру и оторопел: по склону, выше пересохшего ручья, среди камней мелькали проворные, увёртливые фигурки. Духи!

— Проморгали, мать их перегрёб! — зло процедил ротный, сунув Гвоздику приклад. Тот приник к пулемёту и хотел уже дать очередь.

— Погоди, — тронул его за плечо Куманьков. К лейтенанту вдруг пришла та ясность мысли, которая возникает порой в моменты острой опасности.

Духи продвигались вверх по склону, умело маскируясь в выбоинах и за камнями. С каждой минутой их становилось все больше. Выход был один. Их нужно ошеломить, ударить внезапно, неожиданно — в упор. Иначе прорвутся одним броском и надвое рассекут роту. О том, что за этим последует, он даже не хотел думать. Ротный сбоку пристально поглядел на Гвоздика, припавшего к пулемету, — на его напряжённые плечи, на щёку, прижатую к прикладу. Он ещё отметил краешком сознания невидимую серую пыль, обдавшую лица Гвоздика и Аникеева. Краска ушла со скул, а глаза запали, стали щёлочками.

— Ты их ближе подпускай, сержант — хрипло, словно в горле у него пересохло, сказал Куманьков, когда Гвоздик повернул к нему голову. — Ближе! — настойчиво повторил он.

Передний дух — в коричневой пуштунке и в оливковой полевой куртке прямо поверх перухана — был уже шагах в пятидесяти от пулемета. Он шёл пригнувшись и опасливо поглядывая на стенку. Автомат у него был перекинут через шею. Чёрная борода, потное загорелое лицо. Хорошо были видны даже оскаленные в напряжённой гримасе зубы. Крупные и белые, как фарфор...

— Огонь! — выдохнул Куманьков над ухом Гвоздика, и тот сразу же надавил на спуск. Дробно зарокотал пулемёт. Рядом часто, очередь за очередью, застучали автоматы лейтенанта и Аникеева...

Безостановочно работающий затвор сжевал остаток ленты, выплюнул последнюю гильзу и осёкся.

— Да бей же их, сержант, бей! — торопил Гвоздика ротный, нетерпеливо глядя на то, как Аникеев вздрагивающими руками присоединяет к пулемёту новую патронную коробку.

Но духи уже остановились, подались назад и залегли.

— Матвейчука ко мне! — крикнул лейтенант. Сгорбившись, старший сержант стал пробираться вдоль стенки. И в это время в той стороне, где был наблюдательный пункт роты, вспыхнула такая заполошная стрельба, что даже выдавший виды Куманьков побледнел.

— Значит, всё-таки просочились гады. Ну, это мы ещё поглядим, что да как! — Лейтенант вщёлкнул в автомат новый рожок, ощупал подсумок с гранатами.

— Я на НП. Матвейчук — за мной! А ваше дело, парни, зубами держать левый фланг. Зубами!

К десяти часам единой обороны уже не существовало — держались только отдельные огневые точки. На склонах высоты то там, то здесь внезапно вспыхивал ожесточённый бой, с грохотом очередей и завыванием рикошетирующих пуль.

Никакой связи давно уже не было, поэтому обстановку они толком не знали.

И Аникееву, и Гвоздику хорошо знакомо было то коварное чувство, которое всякий раз смущает солдата в бою, когда ему самому приходится выбирать: отойти или остаться. Но они уже не первый месяц воевали в этих горах, не раз цеплялись за высоты, седлали развилки дорог и горные тропы. Они знали: пока держится их окопчик, другой такой же, третий — духам высоты не занять. И они держали фланг.

Позиции были сильно разрушены миномётным обстрелом, стенка хода сообщения местами рассыпалась, окопы забросало камнями и щебнем. Весь склон высоты испятнали чёрные следы разрывов.

Когда Гвоздик выбрался из пулемётного гнезда, чтобы немного осмотреться, то совсем близко увидел стрелка Гущина из второго взвода. Тот сидел, плотно прижавшись спиной к камню и уронив голову на колени. Он потряс товарища за плечо.

— Эй, Стущёнка, хорош спать. Пора войну воевать!

Гущин, покачнувшись, мягко завалился на бок. И тут только Гвоздик заметил рядом совсем неглубокую опалённую выбоину в камнях. «Мина... Значит, отстрелялся Гущин...» Дальше по ходу сообщения ещё лежали убитые, но он не смог толком рассмотреть, кто. Подхватив автомат и подсумок Гущина, Гвоздик вернулся в окоп.

— Похоже, Ника, есть такая маза, что вдвоём мы тут остались. — Аникеев пожал плечами. Неопределённо пожал. — Вдвоём так вдвоём... Анекдот я вспомнил. — Он криво улыбнулся пересохшими губами. — Мне вчера только Лапоть рассказывал. Духи окружили отряд наших. Командир говорит: Надо кого-нибудь оставить прикрывать, а мы в это время попытаемся прорваться к своим. Добровольцу оставим каску, три гранаты, автомат. Если что, потом орден и пышные похороны. Кто доброволец? Грузин говорит: «Я сагласэн, только оставтэ нэ три гранаты и каску, а три каски и адыну гранату!» Оставили, отошли. Цельный час проходит — не слышно ни выстрелов, ни взрыва. Подползли обратно, смотрят: сидит грузин, рядом куча оружия, одежда, вокруг полуголые душманы сидят... Грузин крутит каски и кричит: «Кручу-вэрчу, абмануть хачу! Кто заметил, гьде граната?..»

— Смешно. — Гвоздик не улыбнулся.

Они замолчали и некоторое время просто слушали то нарастающую, то стихавшую стрельбу. Потом среди камней замелькали неприметные силуэты. Духи пробирались по склону осторожно, приглядываясь, держа оружие наготове.

— Ага! — оскалился Аникеев. — Крадутся, гады! Кишка у них тонка на пулемёт бегать!

Гвоздик искоса глянул на искажённое злорадной гримасой лицо Аникеева и чуть повел стволом пулемета. В прицеле возникали и исчезали фигуры врагов, на мгновение появлялись в прорези и сдвигались вправо. Он подпустил их поближе, и пулемет в его руках загрохотал, затрясся. Стреляные гильзы зазвенели, прыгая и перекатываясь по камням.

Кто-то неуклюже перевалился через каменную стенку, спрыгнул в окоп, больно ударив его носком ботинка по лодыжке. Гвоздик резко обернулся — со сжатыми зубами, со зверски перекошенным лицом, которое было у него в тот момент, когда он стрелял.

Спиридонов! Серый от пыли, белёсые пыльные полоски бровей под каской и живые, полные хмельного азарта голубые глаза.

— Ты чего, Димка? — спросил он, сам удивившись тому, что впервые, наверное, назвал Спиридонова по имени.

— Я вам патронов принёс. — Тут только они увидели, что Спиридонов, как двугорбый верблюд, навьючен тяжёлыми рюкзаками и обвешан подсумками. — Попить дайте, мужики...

Аникеев протянул ему фляжку, и тот приварился к ней пылающим ртом. Даже если бы в этот момент Спиридонов увидел наведённый на него ствол, то и тогда не мог бы оторвать себя от фляжки: такое было написано на его лице упоение и блаженство. Наконец фляжка была опустошена.

— Я же слышу, какое у вас тут идёт веселье, — сказал Спиридонов и вернул фляжку. — Шуму-то, шуму... — Он повозился, пристроил автомат в камнях и тоже начал стрелять, старательно целясь. Стрелял и Аникеев из своего автомата.

— Ротный отправил... — отрывисто говорил Спиридонов в промежутках между короткими очередями. — Сказал... Если живы парни... Ещё сорок минут должны продержаться... Его на наблюдательном в ноги ранило... Он там... с Виём и Умаровым... ПК у Умарова разбило вдребезги... Самого камнями посекло... Живого места на нём нет, ругается, как чёрт...

И тут совершенно внезапно по склону высоты ударила миномётная батарея, молчавшая уже несколько часов. Это было похоже на чудо. Позже Гвоздик случайно узнал, как именно это чудо произошло. Ещё утром небольшая группа духов просочилась сквозь разорванные порядки батальона, вышла с тыла на позиции миномётчиков и в спины расстреляла расчёты. Уцелел только один заряжающий. Раненый, оглохший, полубезумный, он очнулся и теперь перебегал от миномёта к миномёту, сам себе командовал прицел, сам опускал в стволы мины. Хрипло выкрикивал: «Выстрел!» — и не слышал собственного голоса.

Под прикрытием этого жиденького миномётного огня к ним в окоп по разрушенному ходу сообщения невесть откуда пробрался Якут, молчаливый парень из Олёкминска, лучший снайпер в батальоне. С ним в просторном пулемётном гнезде сразу стало тесно. Якут с уважением осмотрел толстые стенки, потрогал нависающий козырьком каменный выступ.

— От это дело! А я себе давеча впереди, в седловинке, окопчик устроил. С утра сижу там один, как перст. А духи засекали и содят по мне, и содят — головы не поднять. Думал, конец мне приходит. А тут у вас та-акой дзот! — Слово «дзот» он произносил как «зот», и это почему-то особенно их насмешило.

— Эх, Якут! Сам ты зот! У нас тут вообще не зот и не дзот, а кзот, — каламбурил Аникеев. — Каменно-земляная огневая точка!

Они смеялись. И самое неожиданное — их поддержал вечно невозмутимый Якут. На его круглом лице сначала бледно расцвела улыбка, а потом он рассмеялся — вначале разбавляя хохот покашливанием, а затем уже, не сдерживая себя, в полную силу. Смеялись они потому, что в этом, как казалось им, последнем бою, ничто уже не разделяло

их. Ведь не потеря страшна, а неумение смириться с ней. Они смирились с самой страшной потерей. И — смеялись.

— А пусть хоть и взот, — наконец примирительно согласился Якут. — Пули не берут, и ладно. — Он потеснил Спиридонова, удобнее устраиваясь у амбразуры со снайперской винтовкой...

Они стреляли, экономя патроны, стараясь оттянуть время. И между выстрелами прислушивались, идёт ли ещё где-то бой на высоте или они остались совсем одни. Всякий раз, когда замолкал пулемёт, духи перебежали среди камней, приближаясь и стреляя наугад. Одна из таких неприцельно выпущенных пуль ранила Аникеева. Кровь пошла у него горлом. Пока Спиридонов пытался кое-как перевязать его широкую грудь, тот всё утирал губы тыльной стороной ладони и порывался взять автомат. Аникеев не чувствовал еще, что рана эта тяжёлая, и Спиридонов глазами указал на него Гвоздику — «Плох Ника!»

Когда спустя некоторое время Гвоздик глянул на Аникеева, тот лежал, откинувшись затылком на камни и трудно, со всхлипами, дышал. Глаза закатились, на губах пузырится розовая пена.

Гвоздик отгреб рукой рассыпанные гильзы, удобнее переставил локти.

— Слушайте, мужики. Надо Нику вытащить отсюда, он долго так не протянет...

— Куда вытащить? — мрачно спросил Якут, не отрываясь от прицела.

— Ну, туда... В тыл...

— Какой там, к такой матери, тыл... Не видишь, что вокруг делается?

Словно в подтверждение этих слов отовсюду ударили автоматы, пули густо сыпанули по камням.

— Сейчас окружать будут, — сказал Якут то самое, о чем все они думали и чего больше всего боялись. К духам, похоже, подошло подкрепление. Теперь они будут обходить их одинокий окопчик с флангов, подберутся поближе, и тогда...

Гвоздик боковым зрением заметил, как Якут, бледный и сосредоточенный, сунул в рот тускло блеснувший остроносый патрон.

И сам машинально ощупал боковой карман: где-то и у него, кажется, припрятан был заветный патрон — последний. Но ничего не успел найти, кроме табачных крошек и какой-то измятой растаявшей карамельки.

Рядом хрипло, клокочущим смехом хохотнул Спиридонов: — Ты, Якут, гляжу, мужик предусмотрительный! Только вот как собираешься стреляться из своей кочерги?

— А тебе, Спирия, что за печаль? — Якут бормотал невнятно, сквозь стиснутые зубы. — Уж управлюсь как-либо. А ты что же, живой хочешь к ним попасть?

— Не, не собираюсь. — Спиридонов поднёс руку к самому лицу Якута и разжал пальцы. На ладони лежало стальное ребристое яйцо гранаты. — Во! Фенька! Я у кольца усики разогнул. Если навалятся духи, кольцо выдерну, а феньку в рюкзак. Там у меня — ещё пять штук таких. Фейерверк сделаем! А ты говоришь, живьём...

— Братцы, — сказал Гвоздик, в упор глядя на Спиридонова, словно обращался только к нему. — Нам троём здесь всё равно делать нечего. Шарахнут духи из граника и сразу всех накроют. Оставьте мне патронов побольше, забирайте с собой Нику и отходите. Сперва ползком, под нашей стенкой, а дальше уже по лоштинке прямо к НП. Ты же так к нам сюда добирался, Спирия.

— Ага, так... — Спиридонов вдруг набычился и свинцово полоснул из-под бровей. — Мы, значит, потихоньку отходим... Ползком. По лоштинке. А ты, значит, тут погибаешь. Один. Геройски!

— Дурак! Раненый же у нас...

— Пацаны, они идут! — прервал их перепалку Якут и дважды выстрелил.

— Ну твою же мать, не дадут поговорить! — Гвоздик потянулся, чтобы поправить сошки пулемёта, и тут почувствовал несильный толчок в левую руку — словно на тупой сучок наткнулся. Рука сразу онемела, стала ватной. Вгорячах, ещё не чувствуя никакой боли, он расстегнул ремень, рванул на груди пуговицы. Извиваясь, здоровой рукой стянул левый рукав. Кровь толчками выбивалась из круглой пулевой раны, текла по руке. Сразу всё поплыло перед глазами, и только тут жгучая боль опалила руку. Так, будто в плечо сунули раскаленный гвоздь и теперь проворачивали его раз за разом, выбирая места одно больней другого. Он едва сдержался, чтобы не заорать, только глухо взвыл.

— Задело? — спросил Спиридонов и потискал его руку твердыми пальцами выше раны. — Хорошо, что навьлет... Как бьют, суки!..

Гвоздик сидел, прислонившись голой спиной к каменной стенке, вздрагивающий, пока Спиридонов перетягивал ему жгутом руку выше локтя, чтобы остановить кровь. Тем временем стрельба всё усиливалась, а ответный огонь вёл теперь только Якут. Близкая очередь ударила по брустверу, осыпав их каменной крошкой.

— Быстрей, Спирия, быстрей!.. — торопил он Спиридонова, краем глаза наблюдая за склоном, а сам уже тянулся здоровой рукой к пулемёту.

Недалеко разорвалась мина. На мгновение он потерял из виду духов за пыльным облаком разрыва. Но сейчас же вновь разглядел их. Не отрываясь, Гвоздик вел за ними ствол пулемёта и нажимал спуск. Вместе с болезненными толчками в плечо он видел, как духи уменьшаются в росте, припадают к камням. Мельком он глянул на левую

руку и, как чужую, заметил свою кровь. Камни слева от него были густо забрызганы кровью. Его кровью. Но боли больше не было, и он перестал думать о руке.

Что-то крикнул Якут. Что он кричит? Но он не поворачивал головы, не разжимал челюстей. Он стрелял. Какие-то голоса кричали около него. Он едва слышал их сквозь грохот и звон в ушах. Мелькнуло рядом оживлённое, чумазое лицо Спиридонова. Скорее по губам, чем на слух, понял: «Бегут, мать их растак!..» Чего они кричат? Кто бежит? Куда? Но уже сам видел, как неумовимо изменилось что-то на склоне. Духи суетливо заметались между камнями, начали поспешно отходить к сухому руслу ручья. И огонь они теперь вели куда-то в сторону, значительно правее их позиции.

И ещё Гвоздик увидел, как, перепрыгивая через разрушенную стенку хода сообщения, справа, наискосок и вниз по склону несутся фигуры в бешеном беге, с каждой секундой приближаясь и увеличиваясь в размерах. А ещё через мгновение он узнал среди них комбата Шиловского, который бежал огромными прыжками, и автомат в его медвежьих лапах казался игрушечным.

В следующую минуту изломанная цепочка атакующих поравнялась с их окопом, миновала его и покатила дальше, к сухому руслу. Ближе всех к ним, по-кошачьи ловко, продвигался Якимчук, и Гвоздик окликнул его. Якимчук круто изменил направление, цепким взглядом окинул всех, находящихся в пулёмётном гнезде.

— Ого, парни, сколько тут вас! И как помещаетесь только... Рад, что ты жив, пулёмётчик! Ранен?

— Да ничего, я в руку только. Аникеев вот...

— Вижу. — Якимчук поморщился, как от зубной боли. — Отходите потихоньку по склону вверх, на Круглую площадку, туда скоро вертушки прилетят. Санитаров не ждите. Леший их теперь найдет, санитаров... Вон какая каша заварилась... — Разведчик поправил ремень автомата, для чего-то хлопнул его ладонью по каске и поспешил вниз, догонять атакующих.

...Вертолёт, переполненный ранеными, натужно вибрируя, оторвался от земли. Он приподнялся, цепляясь здоровой рукой за какую-то скобу, и выглянул. Косо уходил вниз склон. На опустевшей Круглой площадке стоял Спиридонов, махал рукой и что-то напряжённо кричал. Таким он его и запомнил. С высоты Спиридонов казался маленьким и с каждой секундой ещё и ещё уменьшался, пока совсем не скрылся из виду.

Художник. Воевал в Афганистане, был ранен, награждён орденом Красной Звезды.

В последний час

Рассказ

Наступил четвертый год его болезни. Он, врач, знал: жить осталось немного. Рак делал свое дело. Болей сильных сначала не ощущал, но ждал их. Главное: голова работала четко. Продолжал числиться на службе. Хотя в последние недели пришлось отказаться от редких поездок в институт.

Сегодня он себе совсем не понравился. Когда поднялся с постели, его шатнуло, показалось, что сердце остановилось. Лег, почти упал на кровать. Вошла жена. Принесла поесть и таблетки. Сказала:

— Там твоя сестрица приехала. «Прямо из храма Божьего», — говорит. Что-то там целительное привезла.

Двоюродная сестра Люба уже две недели через день навещала его. Он понимал, почему. А жена, называвшая Любу святошей и ханжой, сейчас помалкивала. Вся семья жены и ее предки верили только в науку, потому и выбрали в зятя именно такого успешного умницу ученого.

— Хочешь морсик? — спросила Люба, целуя его в холодную щеку.

Прежде она его никогда не целовала.

Принимая от сестры с трудом, двумя руками, кружку, он видел ее тревожные глаза, в них был вопрос. И он ответил...

Этим летом он крестился. После больницы. Там ему был сон. Он переплыл какую-то реку и на зеленом-зеленом берегу увидел много людей в белом и среди них бабушку. Она улыбалась, с любовью глядя на него. Суховатая в жизни со всеми, службистка-переводчица в таможне, с внуком была нежна, даже часто раздражала его своей заботой. До смерти не расставалась она с куревом и все же исповедалась и причастилась перед кончиной. Скончалась в Рождество. Алексей уже потом узнал, что Люба дважды возила ее в церковь в Озерки.

Бабушка... Во сне она была светящаяся, серебристо-седая, а в жизни — с желтоватой кожей, крашенная в рыжий цвет.

Что значил сон? Она не звала его к себе, но словно показала: вот как здесь у нас чудесно... Отпели ее чинно, в той же церкви в Озерках. Родня жены стояла не шелохнувшись. А первенец его от первой жены

вдруг, к его удивлению, несколько раз перекрестился. Люба — та и крестилась, и клала поклоны. Она-то хотела, чтобы все совершилось как положено. Но бабушку все-таки сожгли.

И вот летом, после своего сна, Алексей поехал в ту же церковь, она уже была для него «своя». Служба, видимо, давно кончилась. Священников не было. Две женщины ходили вдоль стен с какими-то хлопучками на палках и неуловимыми движениями гасили огни в лампадах перед высокими образами.

Он, как вошел, так не мог отойти никуда от иконы, где изображена отрезанная голова. Ну да, это — Иоанн Креститель, это он знал. Стоял как во сне, пока ему не сказали, что храм закрывается.

Потом он уже не смог поехать сам. Прилетевший из другого города друг-однокашник Петр помог. Еще в юности Алексей замечал порой видневшуюся у него за воротом тесемочку нательного креста.

Петя всегда сразу схватывал ситуацию и все говорил впрямую. Они оба понимали, о чем речь.

— Что делать будем? — спросил Петя.

— А как надо?

— Стоять можешь?

Тогда у него еще были силы. Петя обо всем договорился в озерковской церкви Спаса Нерукотворного. И молитвам научил: «Верую» и «Отче наш». Голова Алексея не подвела, все запомнил быстро. И понял. В груди появилось чувство, что вот, сейчас будет счастье...

— Да, ты не знала, — сказал он Любе. — Два месяца прошло. Только надо было на другой день причаститься, а меня «скорая» увезла.

Люба взглянула тревожно, а сказала спокойно:

— Не волнуйся. Мы все сделаем. Я сейчас. — И быстро ушла. Вернулась, улыбаясь.

— Отец Василий пойдет, как отслужит требы, исповедует и причастит. Тебе полегчает...

Примерно час продержалось после причастия невыразимое состояние счастья...

Потом начались такие боли, каких он еще не знал.

Жена, услышав его стоны, вошла сделать укол.

— Не глуши меня совсем, — попросил он, еле шевеля губами. Он вспомнил, как просила его когда-то Люба. Тогда он приезжал помочь тетке, ее матери. И Люба хотела, чтобы мать умирала в сознании. «Это надо душе», — сказала она.

Сколько он спал, Алексей не знал. Очнулся, не ощущая боли, не слыша ничего. Была ночь. Позвал жену. Она ничего не ответила, но он почувствовал пожатие руки. Он опять позвал. Опять пожатие. Но ничего не слышно. И не видно.

— Зажгите свет! — изо всех сил прошептал он. — Зажгите...

Но надежда угасала, только сознание было. Как врач он все понял...

И вдруг в этой тишине-темноте засиял свет. Алексей улыбнулся навстречу этому свету, потянулся... И услышал пронизывающий все вокруг, полный любви голос: «Сын Мой!..»

Из цикла рассказов Илоны Крышкевич

1. В кафе

Вся жизнь Андрея Андреевича Грекова проходила на колесах — сплошные командировки. И дороги все изучил, и ситуации на дорогах. А вот эту городскую трассу не знал. Когда неподалеку от заправочной станции ему проголосовала девушка лет двадцати — хорошая фигурка, юбочка, конечно, гораздо выше колен, жакетик в обтяжку, — он ничего не понял.

А она села в машину и сказала:

— Я работаю. Недорого возьму. Тебе лучше как?

Как это ни странно, у него таких ситуаций не случалось, хотя лет ему уже исполнилось сорок с хвостиком. Возможно, потому так, что он ездил всегда, не останавливаясь, не обращая внимания на голосующих, работа не позволяла. Он не знал, как ее выпроводить из машины, и жалко было, дурочку. Она, видно, что-то почувствовала:

— Тебе понравится! Ты молодой и не раз, наверное, подряд можешь, — по-своему польстила она ему.

Андрей Андреевич посмотрел на ее лицо, рот... и внутренне содрогнулся. Видно, что возраст небольшой, а кожа грубая, выражение лица — какое-то голодное.

— Я, вправду, подвез бы тебя. А остальное не получится — устал. Слишком долго за рулем. Подвезти?

— Нет, я еще поработаю. Сегодня что-то все — вроде тебя. Пока!

Грекову было не по себе: значит, любого, не обремененного совестью мужчину его лет поджидает на дороге подобный сюрприз. Дома — не только жена, но, возможно, и дочь такого же возраста, как эта. Чем занята эта дочь? Что знают о ней родители?

У Грекова, правда, не дочь, а сын. Но это не утешает.

О встрече с приятелем Андрей Андреевич договорился раньше. Сейчас, когда настроение было испорчено, он с трудом заставил себя позвонить и подтвердить эту встречу. Увиделись в летнем кафе, неподалеку от шумной, кипящей машинами улицы.

Заказали что-то перекусить, решили финансовые вопросы, в которых оба были заинтересованы. Приятель заметил состояние Грекова, спросил, что с ним.

Когда Греков описал все происшедшее, собеседник неожиданно откровенно сказал:

— Я, грешным делом, люблю девчонок помоложе.

— А то, что возрастом они — как твоя дочь, тебя не смущает?

— Знаешь, они такие заводные, с ними молодеешь. Просто балдеешь! Чего только не вытворяют! Деньги я им, конечно, плачу... Но некоторые так умеют притворяться, что забываешь, сколько им платишь. Нет, этими, уличными, я брезгаю — хожу в салон, там у меня две-три постоянных.

— А у твоих, в салонах, у каждой — по двадцать-тридцать постоянных, да? — попытался отрезвить приятеля Греков. Тот махнул рукой.

— Да ерунда! Там все под контролем. Конечно, недешево обходится, но отдых — полнейший. Давай сходим вместе как-нибудь.

— Это, как говорится, — не мое, — отрезал Греков. И тут приятель встрепенулся, напрягся и стал смотреть на хорошенькую девушку, стоящую возле дверей кафе с сигаретой в руке. Греков подумал: и здесь в своем репертуаре.

Начал накрапывать дождь. Девушка докурила сигарету, отбросила окурок и, войдя в павильон, заказала себе кофе.

— Котенок! — позвал ее приятель Грекова. Она вздрогнула. Хотела сразу подойти, но сначала рассчиталась за кофе. А приятель уже подвигал ей стул и, расплываясь в добрейшей улыбке, спрашивал:

— Как ты тут оказалась? Ведь у тебя занятия должны быть, Катюшка!

Она, все время оглядываясь, ответила, выдавив кривую улыбку:

— Занятия отменили. С подругой договорилась здесь встретиться, а ее нет.

— Дождь же! Не придет твоя подруга, давай домой, Катя! — говорил приятель Грекова.

— Нет, я обещала, — повторила она, нервно оглядываясь.

И тут Греков заметил в дверях смазливый парня с острым взглядом, который как будто кого-то искал. Дождь быстро прошел, светило закатное солнце. Парень отряхнул с куртки капли и вошел в кафе. Он сразу увидел Катю и направился к их столику.

— Ты что здесь зря болтаешь, мля? — грубо спросил он и окинул небрежным взглядом Грекова и его приятеля. — Забыла, до какого часа у тебя смена? Иди, работай!

Девушка со страхом посмотрела на парня и, не говоря ни слова, быстро пошла к выходу. Приятель, недоуменно посмотрев на Грекова, пробормотал, постепенно бледнея:

— Ей домой пора! Какая смена? Какая работа? — и схватился за сердце.

2. Голубые гиацинты

Он увидел ее на улице — стройную, красивую, лет тридцати, усталую и чем-то озабоченную. Одета прилично, но скромно. Она вышла из какого-то офиса — здесь они наклеены один на другой, — держа тяжелую сумку. Похоже, с работы, но восемь — поздновато.

Он не спешил, семья на даче, прогуливался без машины после деловой встречи.

Сначала она зашла в магазин «Продукты» и вышла оттуда с большим пакетом. По всему, если использовать штамп: она обременена семьей. А ему с ней было по пути. Вот она зашла еще в один магазин и вышла с новым пакетом. «Многовато она покупает, здесь, в центре, цены высокие», — подумал он. Ее тонкие руки с трудом держали два пакета и сумку. Она стала перекидывать их из одной руки в другую — вдруг пакет порвался, и продукты просыпались.

— Я помогу вам, не расстраивайтесь, — сказал он, собирая свертки.

Она подняла глаза. «Как голубые гиацинты», — подумал он и увидел печаль в их глубине и спросил, что случилось.

— Вот продукты рассыпались, — ответила она, пытаясь улыбнуться. — Спасибо вам.

— Я вдруг понял, как женщинам тяжело. Никогда не помогаю жене, виноват. Дайте хоть вам помогу. И все-таки — что случилось? — настаивал он.

— Шеф задержал, как всегда. Мама больна. Обещала быть в семь. Ребят с мужем провожать завтра. И работу надо к завтрашнему, — она собрала все в один пакет и выпрямилась. — А еще у меня сегодня день рождения.

— Поздравляю. Вам в овощной? Я подержу и подожду. Все будет в целости, — сказал он как можно более мягким тоном. И подумал, что тоже задерживает женщин на работе.

Она благодарно взглянула и нырнула в подвальчик, оставив ему свои сумки. Рядом продавщица закрывала цветочный киоск. Он увидел голубые гиацинты и потребовал их.

Когда она вышла, держа овощи и пучок зелени, он был доволен. Цветы он спрятал за спиной, загородившись киоском. Взял у нее зелень, и, пока она брала сумки, он соединил зелень с гиацинтами, чтобы не сразу бросалась в глаза.

Проводил ее до троллейбуса и в последний момент передал зелень. Двери захлопнулись. Но он заметил: лицо ее озарила радость — она увидела гиацинты.

Из книги «Кощеевы времена»

1.

Предана и продана Россия, —
 Вновь безмолвствует Народ,
 Сквозь века глазами Вия
 Льётся свет небесных вод...
 В отражении небесном
 Нет ни флагов, ни знамён,
 И в знамени воскресном
 Ни пророков, ни имён.
 Душу каждого из нас
 Окликает Божий глас,
 Среди нынешних имён
 Никого не видит Он.
 Своды ходят ходуном,
 Спят иконы мёртвым сном,
 Вьются мысли в чёрном гнев,
 Тайный страх сковал уста,
 У земли в порочном чреве
 Сны распятого Христа...
 Стонет пьяная Россия:
 ...Вия. Приведите Вия...

2.

Я врага сожгу дождём,
 Стану в бранный час вождём,
 Громом-молнией побью,
 Гнев огнём на вас пролью.
 У земли в порочном чреве
 Мой младенец бьётся в гнев,
 Он по милости Господней
 Ножкой бьётся в преисподней,
 Скоро выбьется на волю
 И огнём пойдёт по полю.
 Пуловину отгрызёт,
 В ваши души страх прольёт...

3.

Ты ли, Отче, нас в сей путь направил,
Ты ли дал нам горе горевать,
Нашим гневом нам кресты оплавил,
«Разрешил» друг друга убивать?

Откричали утро минареты,
Проливали звон колокола,
Кровь легла на Божии запреты
И деньгами в души потекла...

Стал буланным месяцем кинжал,
Он в остывших небесах торчал...
Истекали жадной кровью небеса,
Ветер мыл в кровавой пене волоса...
Разгулялся ветер в поле ржи,
Закровавили и косы и ножи...

4.

Чужой успех тебя ослабил,
Чужая слава обрекла,
Ты не карманы — души грабил,
И кровь — чернилами текла...
Сошьёт Кощеева игла
Твои бумажные знамёна,
С них прежде кровь на нас текла
Огнём из раны Аполлона.

Плодить рабов, себе подобных,
Таких же жадных и голодных,
Они встают послушно в строй —
И трус, и гений, и герой.

Они — скоты. Они — рабы.
И на хребтах у них гробы...
И каждый сам себе носильщик,
И каждый сам себе — могильщик...

* * *

Больная мать, я слышал, Ты живёшь убого...
Плюют Тебе и в душу и в лицо,
Твои молитвы не дошли до Бога,
Из Храма дьявол вышел на крыльцо...
Разорены последние святыни,
А вражья слава — душу полонит,
Не думай плохо о несчастном сыне —

Душа его горюет и о Тебе болит...
Петлёй тоска по Родине и Дому —
Где смог бы я спокойно умереть,
Где солнце мёдом льётся на солому,
Где есть кому оплакать и жалеть.

© В. И. ХОХЛОВ — член СП СССР

Ольга Бондаренко

* * *

Долгое до Бога расстояние,
Краткий путь в сияющую тьму
Не пройти душе без покаяния,
Не внимая Богу Самому.

Где бессмертье, верю, начинается,
К свету вновь душа вершит полёт.
Там сама охальница покается,
Там и беспечальница вздохнёт...

Не держу за пазухою камень.
Верую и потому реку:
Мраки раздвигает веры пламень,
Как костёр на волжском берегу.

* * *

Стихнул шум на склоне дня...
Словно сагу вековую,
Чутко слушает земля
Леса песню ветровую.

Жизнь в такие вечера
Словно видится впервые —
вижу я своё «вчера»,
Слышу голоса живые.

То ль поют, а то ли плачут,
Кто-то в лес, кто по дрова...
Что же песня эта значит —
То разрыв-, то трын-трава:

«Поздно голос распоётся,
Разольётся — не к добру,
Русый волос разовьётся...»
Дальше слов не разберу...

* * *

Первый снег, словно пух иван-чая,
не садясь, над дорогой летит.
Со спокойной душой понимаю
я его еле слышный мотив.

Застилает уставшие очи
и не виден простор ветровой.
Но к душе тот простор приторочен
то ли песнею, то ли судьбой.

Снег летит, заноса бездорожье,
огоньками вдали ворожа,
и метелями темень тревожа
и, как дума ночная, кружа.

Высь бела, словно смерти нам нету!..
Даль светла — хоть и спасу нам нет!..
Всё летит, всё кружится по свету
белый снег — словно пепел побед!..

* * *

Где-то расплакалась выпь,
Ставят дожди многоточья.
Не устаёт ветер выть —
Чью-то кончину пророчит.

Уж не по мне ль этот плач,
Что же так плачут берёзы?
Перетолкуй мне, толмач,
Моря мирского угрозы.

Зиму смягчи и упрячь
В царства иные морозы.
Перетолкуй мне, толмач,
Все материнские слёзы.

Перепиши приговор!
Разве не спорят с судьбою?
Разве не в радость простор
В дар был вручён мне судьбою?

... Судьи когда перевернут
Сроки, года и обиды,
Бури меня отречат,
Как всех родных и забытых.

В ТАНДЕМЕ С СОБСТВЕННОЙ ТЕНЬЮ

О романе Бориса Корнева «ТАНДЕМ». Изд. «Историческая иллюстрация». СПб., 2012.

Если книга хороша, ее можно читать слева направо, справа налево, от первой страницы к последней и от последней к первой, — и всякий раз книга расскажет тебе новую историю. Так считали древние египтяне.

Им хорошо было: у них смысл надписи не столько прочитывался, сколько угадывался наитием; иероглифы, расставленные в любом порядке, все равно складывались в связный текст. Они сами устанавливали связи между собой, насыщали друг друга смыслом, порождали новую, не учтенную писцом, мысль. Мы же развращены буквами, их туповатым ригоризмом и плоской однозначностью, мы даже словечко такое придумали — «буквально», то бишь «одномысленно»... Дескать: «Как написано, так и читай! Без отсебятины!»

А все же и в наше время есть мастера писать иероглифами. Читаешь иную книгу и вдруг замечаешь, что если вернуться на несколько страниц назад, то те же самые, только что прочитанные, слова говорят уже об ином... Иногда — просто выявляют новые нюансы, но порою уводят в совершенно незнакомые пространства, так что диву даешься — откуда здесь это?

И вот пожалуйста: берем книгу Бориса Корнева «Тандем», из краткой биографической справки узнаем, что Борис Федорович специализируется главным образом на документальной литературе: «Автор научных работ... научно-популярных, художественных и художественно-публицистических изданий». Мы уже наслышаны, что в романе «Тандем» описывается подлинная история, действительно имевшая место быть в России 90-х годов XX века; и вот с таким настроением, с желанием узнать то, что действительно было, прочесть предложенный текст «буквально», мы погружаемся в книгу.

Да, в самом деле!.. Незабываемые 90-е! Как сказал поэт: «Когда век волокло, как заклинивший маховик, когда выдохся ветер, ерошивший нас полстолетья...» Так и пахло со страниц дурным ветром той эпохи, наверное, тоже по-своему великой или, во всяком случае, величественной. Это-то погибельное величие очень хорошо передано в романе — вот что хочется сказать первым делом. Не просто «схвачен

дух времени» (хотя он, разумеется, дышит на страницах «Тандема» очень живо) — а целая панорама развернута, которая у иного автора расплзлась бы на хороший двухтомник, а тут компактно так уложилась на двухстах всего-то страничках, и никто не жалуется на тесноту, на скороговорку, на торопливую конспективность. Действие изящно порхает через годы и пространства, захватывает и закат Советов, и перестройку, и далее, далее; из России перелетает во Францию, в Голландию, даже в Бразилию... В Абхазии мы успеваем побывать — в самые-самые кровавые ее дни, — и в веселых кварталах Амстердама, и в Администрации Президента РФ...

Ну, давайте, чтобы не множить словеса, попросту перескажем сюжет «Тандема». Талантливый молодой химик-фармацевт Михаил Дворский, офицер-медик, под напором исторических событий конца XX века вынужден расстаться и с фармацевтикой, и с армией, и даже с молодой женой. Некоторое время покантовавшись на дне современности, он со своим случайным знакомым Леонидом Малкиным воссоздает почти умершую фармацевтическую фирму под новым названием — «Фарма-2». Фирма преуспевает, и, следовательно, вокруг нее начинают описывать круги криминальные акулы, надеясь проглотить аппетитное предприятие или хотя бы откусить от него кусочек. Рассуждая о том, как обезопасить свой бизнес, Дворский придумывает головоломную систему безопасности. К сожалению, к этому моменту психика главного героя, не родившегося бизнесменом, по сути своей мирного лабораторного ученого, не выдерживает постоянного давления тяжких обстоятельств и дает серьезный сбой. Понимая, что дальше так продолжаться не может, Дворский бросает бизнес, продается с потрохами некоему международному фонду, базирующемуся в Бразилии, и покидает Россию. Малкин некоторое время пытается руководить «Фармой-2», лишившейся своего мозгового центра, но вскоре гибнет от пули конкурентов. На этом все.

Но вот что любопытно: пересказав таким образом содержание романа, вдруг с удивлением замечаешь, сколь многое не уместилось в этот пересказ. И не просто детали, подробности в него не влезли, — нет, целые сюжетные линии, целые темы!..

Как это? Выходит, роман не так уж и однолинеен, как подобает быть строго документальной прозе? Выходит, он написан все-таки не буквами, а иероглифами, и его можно читать по-разному, всякий раз находя новые смысловые пласты?

Слой первый — буквальный — я бы оценивать не взялся, ибо мало что смыслю в фармацевтике как науке и в истории российской фармацевтики — тоже. Эпиграфом к этому смысловому слою могут стать слова главного героя романа, Михаила Дворского: *«Какой-то злой рок вселился в эту фармацевтику. Наверное, понимают чиновники,*

что лучшей прачечной для отмывки денег не сыщешь по всей стране». Эта фраза полностью исчерпывает смысл всех перипетий «Тандема Буквального».

Поначалу читатель думает, что название «Тандем» относится к деловому союзу двух главных героев, ровесников — юриста Леонида Малкина и ученого-химика Михаила Дворского. В таком предположении есть своя правда: талантливый фармацевт Дворский нуждается в пробивной силе и предпринимательской опытности Малкина, но и Малкин без Дворского — ноль без палочки. Вместе же они успешно крутят педали своего бизнеса, набираясь друг от друга премудрости и двигая вперед российскую фармацевтику.

Этот тандем Малкин — Дворский» актуален для первого смыслового пласта книги: авантюрно-документального. Дворский — научный центр «Фармы-2», Малкин — ее двигатель, Дворский — творец, Малкин — менеджер; в общем, нормальное, по крайней мере желательное, распределение ролей для любой производящей фирмы. Для этого пласта книги Леонид Малкин — юрист, несостоявшийся функционер КПСС — есть главный герой. Описание его бурной деятельности составляет добрую половину «Тандема» и сделано, несомненно, знатоком, для которого все это законно-незаконное прохиндейство лишено бендеровского обаяния, но и особого отвращения не вызывает: время такое, правила игры такие!..

И все-таки истинный герой «Тандема» — это вовсе не среднестатистический бизнесмен Малкин, а замечательный ученый Дворский!..

Представить себе, что в России в наши дни жил некий фармацевтический — ну пусть не гений, но что-то вроде того?.. А почему бы и нет? На то и Россия, чтобы в ней время от времени рождались гении в самых разных областях человеческой деятельности. В этом смысле образ Михаила Дворского вполне типичен, узнаваем: видели таких, и не раз, и сами что-то подобное испытывали... Еще один «лишний человек», не вписавший свой талант в очередной поворот истории. Это и Василий Ключевский писал, что, пока в России воспитывают одно поколение — по принятым правилам, в соответствии с принятыми установками, — история страны совершает зигзаг, и все, чему учили молодых, оказывается в новой реальности никому не нужным, ни к чему не приложимым... Ситуация эта — вечная, повторяющаяся из века в век, но шархаться от нее, пытаясь сочинить что-то свеженькое, может только не слишком глубокий литератор, — писатель же думающий обойти ее не сможет и непременно хоть раз да напишет о ком-то «лишнем», ибо чувствует существенную важность такой темы для данного общества.

Тему Михаила Дворского как «лишнего человека» можно выделить во второй смысловой слой романа; что же касается третьего

слоя, то он не слишком хорошо разработан в многовековой русской литературе, а потому тут всякое новое слово особенно ценно. Я говорю о теме влияния бизнеса на человеческую душу. Что мы можем предъявить на сей предмет из классики? «Приваловские миллионы» Мамина-Сибиряка, некоторые пьесы Островского, горьковского «Егора Булычова»... Все это, конечно, по-своему хорошо, но, согласитесь, не исчерпывает.

Борис Корнев данную тему заявил как главную — если судить по обложке книги, на которую вынесена большая цитата из романа: *«Только пять процентов людей природа снабжает способностями заниматься предпринимательством. Такие из двух рублей сделают три, а потом тридцать три и дадут еще работу другим. Остальные могут быть профессионалами в своем деле, но делать деньги из ничего... К этому таинству приобщены единицы. А тут на тебе! Все ринулись. Беспомощно барахтаясь в океане бизнеса, наталкиваясь на острые подводные камни, мощные течения и штормы, они... непременно окажутся в ловушке. Из нее нет выхода. А безысходность не замедлит спровоцировать любую самую страшную болезнь. Пройдет еще время, и они потеряют все, что имели...»*

Итак, не просто «лишний человек», но «лишний человек» в мире бизнеса. Михаил Дворский, как и все его поколение, был внезапно и жестко поставлен перед фактом: человек, пытающийся заявить о себе и быть услышанным, должен говорить на языке своего времени, а язык нашего времени — это язык рынка, торговли. Мы сейчас даже не станем углубляться в вопрос — можно ли современный строй в России назвать истинно рыночным или это дикий рынок, не устоявшийся, не цивилизованный... Не важно. Важно то, что бизнес недоступен чужакам, как далекая планета. Как нельзя любую кухарку научить управлять государством, так нельзя и любого профессора научить торговать папиросами: прогорит он как торговец и пропадет как ученый. Положение усложняется тем, что бизнес приходится вести под огнем, непрерывно обороняясь (или же попросту прячась) от несметной толпы желающих поживиться за твой счет. Герою «Тандема» повезло — именно потому, что он нашел человека (Малкина), согласного взять на себя бизнес, оставив ему науку. И тем не менее непрерывное давление на психику, чередой идущие «наезды», постоянная тревожность делают свое дело. Дворский фактически сходит с ума.

И вот тут перед нами открывается новый пласт книги, о котором стоит поговорить поподробнее.

Русская литература богата образами самых различных психов, но сумасшествие главного героя «Тандема» — не банальный бред величия или преследования. Борис Корнев награждает своего Двор-

ского раздвоением личности. Сознание Михаила, в панической попытке спастись, создает некий фантом, эрзац-личность, Дворского-бизнесмена, удовлетворяющего, хотя бы отчасти, требованиям современности и ничем не напоминающего свое «базовое Я». У двойника есть собственное имя — его зовут Василием Прохоровым, — у него свой собственный склад души, своя биография и даже, как ни странно, своя внешность: становясь Прохоровым, Дворский надевает парик... В отличие от тонко организованного Дворского Прохоров — открытый жлоб... Но вот что особенно любопытно — поначалу Дворский от своей болезни получает только выгоды: он управляет своей фармацевтической фирмой от имени Прохорова. Дворский прячется за Прохорова, хотя в сущности сам же им и является. Это тем легче, что сотрудники фирмы не знают, как именно выглядит Подлинный Хозяин, — не знают этого и всевозможные хищники, точащие зуб на «Фарму-2». Вот он — высший пилотаж конспирации — скрыться за спиной у самого себя. Невольно вспоминается «Потерянное письмо» Эдгара По: сыщики рыщут по квартире, ищут тайник, где скрыт некий важный документ, а документ этот висит на видном месте, на стене, в рамочке, — но никому и в голову не придет искать так близко. Так и здесь. Кому придет в голову, что подлинный, тщательно законспирированный хозяин фирмы — это ее номинальный хозяин, который именно и вертится у всех на виду, выполняя распоряжения неведомого шефа (т. е. самого себя)?

Вот он — настоящий тандем, заявленный в заглавии: тандем Дворского с Прохоровым, человека с самим собой, а вернее, со своей тенью. С темной стороной мира.

Здесь повествование из авантюрного и публицистического плана ныряет вдруг на глубины даже не философские, а мифологические, вливаясь в те древние архетипы, что испокон века двигали творческую мысль человечества.

Вот, например, как Малкин и Дворский создают систему безопасности своего бизнеса. Дворский говорит:

«Я, как носитель ноу-хау и всех властных n-полномочий, должен стать неязвимым, что-то наподобие твоего К-кощя Бессмертного... Кощей не может быть побежден с ходу и просто так, одной только силой. П-помнишь, смерть его на конце иглы. Это я, значит, и n-первый номер. Та игла в яйце — это второй n-номер. Яйцо в утке, утка — т-третий номер, и она в зайце, заяц — четвертый... Ну, и дальше что-то про сундук, который охраняет сам Кощей... К-кто первый под ударом? Д-директор “акционерки”. Не я, а обычный “дядя Петя”, по схеме Кощя — “заяц”... Идем д-дальше. Кто назначил д-директора? Владелец акций! Это тоже не я, а обычный “дядя Коля”... По-новому — “утка”. Он тоже оформил все нужные доверенности...

Все вокруг прекрасно понимают, что где-то есть истинный владелец, и обязательно начнут его искать... Но найдут опять не меня. Еще одного поминальщика. Номинального “настоящего владельца”! “Яйцо”! Ты понял, Леня? “Яйцо”!... Вот и вся цепочка! Пусть он будет вроде как моим неформальным заместителем по контактам с внешним миром. Со всеми пусть контактирует, только не со мной!»

Вот неожиданный поворот, никак не свойственный ни криминальному, ни социальному, ни даже философскому роману. Чтобы проследовать за мыслью автора, нужно нырнуть в пучину мифологии и выловить там давно уже сказанную кем-то мысль, что миф — это не сказка для детей, не эрзац-наука для первобытных дикарей, но действенное орудие (и оружие) для всех времен и народов.

Перед нами не просто хитроумно закрученная система безопасности — это уже некая магическая «кодировка», заклятие, каким в древних мифах запечатывали двери в сокровищницы. Герои сказок, герои мифов и легенд, как всем давно известно, имеют самостоятельное бытие, а также обыкновение время от времени воплощаться в нашей реальности (явление, названное Ницше «вечным возвращением»). В данном случае мы присутствуем при возвращении Кощея Бессмертного — персонажа, который множится и дублируется в сотнях мифологических героев, — и пусть читателя не смущает тот факт, что он является также героем детских мультфильмов, — сам он от этого отнюдь не перестает быть вполне «взрослым». Сказка — ложь, да в ней намек, намек на реальность высшую, вечную, которая постоянно проецируется на сознание вполне обычных людей — и наших современников тоже.

Обратите также внимание на то, что заклятие, придуманное Дворским, завернуто само на себя, ибо, как уже говорилось, «Номинальный настоящий владелец» («Яйцо», Прохоров) есть одновременно и «Подлинный настоящий владелец» («Кощей», Дворский), — и это узел, который невозможно развязать простому смертному.

Таким образом, психическая болезнь Малкина становится ключом к двери, ведущей в его фирму. Ключом, который нельзя украсть, которым в принципе не может пользоваться никто, кроме его владельца.

Интересно, что моментом «смены масок», перехода из Дворского в Прохорова и обратно, служит в романе... банный полук. Баня, как известно, — русская, с паром и веником, — есть не просто помещение для помывки, но некое святилище, место для своеобразных радений, для вхождения в особого рода транс, для преображения, наконец. Искупаться в заговоренном кипятке — верный способ получить новую сущность. Правда, в сказках обычно Иван-дурак превращается после чудесного купания в Ивана-царевича; в тандеме же

происходит наоборот: Царевич-Дворский становится после бани Дураком-Прохоровым. Впрочем, ведь и обратный переход тоже совершается в бане.

Другое дело, что такие магические экзерсисы не остаются безнаказанными. Первым звонком, предупреждающим об опасности, стал для Дворского его сбывающийся сон о потерянной машине. Кошмар начал воплощаться в реальность, подсознание стало овладевать явью, и ужас перед этой катастрофой заставляет Дворского совершить весьма обычный человеческий шаг — обратиться к врачу. К психоаналитику, если быть точным. Кажется, еще Владимир Набоков, на дух не переносивший учение Фрейда, называл метод психоанализа «воровской отмычкой». Дворский, обладатель ключа, попытался этой отмычкой разомкнуть свое подсознание, и за это был наказан пленом и пытками. И его лечение у психоаналитика, эта попытка разрушить ту клетку, в которую наш «Кощей» загнал сам себя, приводит в конечном счете к разрушению «Фармы-2» — к бегству Дворского из России, к «гибели» Прохорова и к гибели — уже без кавычек — его друга, Леонида Малкина.

Всем вышеописанным не исчерпывается архетипизм «Тандема». Вот, кстати, — а разве фирма, выпускающая лекарства (в частности, некое чудесное снадобье, придуманное Дворским, исцеляющее от диабета), — не есть ли источник Живой Воды? Есть, есть... Параллели — Молодильные яблоки, Яблоки Гесперид, Сомы и т. д. Именно так и следует прочитывать сию мифологему — только так и не иначе, а в противном случае мы ничего в «Тандеме» не поймем, смешав его с массой документальной криминалистики.

Далее: на страницах романа двоится не только Михаил Дворский — двоится и его жена. Существуют две, как бы не зависящие друг от друга, никакого отношения друг к другу не имеющие, женщины — Елена (первая жена Михаила) и Мария (вторая его жена). Однако для внимательного читателя ясно: в один из моментов Елена становится Марией. Судите сами: судьба двух этих женщин странным образом рифмуется (и не только в том смысле, что обе они — жены одного и того же мужчины). И та и другая пережила некий страшный эпизод — «баржу смерти». В первой барже вывозили беженцев из охваченного войной Сухуми — вывозили под огнем грузинской артиллерии; причем одна партия беглецов была потоплена, вторая более или менее благополучно достигла России — с нею была Елена. Вторая баржа — плавучий публичный дом в Голландии, битком набитый выкраденными из России женщинами, превратившимися в секс-рабынь, — стала страницей из биографии Марии.

Елену с ее баржей спас Михаил — именно он сумел припугнуть грузинских убийц мстью России и тем самым позволил беженцам

уйти в Сочи. Мария со своей баржи-борделя спаслась сама, проявив чудеса находчивости и отваги. Елена бросает Михаила, своего спасителя. Мария «подбирает» его. У читателя, только что одолевшего превращение Прохорова в Дворского, возникает вопрос: а что если и Мария с Еленой — одно лицо? Вопрос не столь глуп, как может показаться: переливы из личности в личность — закономерное явление на страницах «Тандема». Ученый переливается в предпринимателя, русская бизнесвумен переливается в голландскую проститутку, СССР переливается в РФ... Занятно, что пассажирка абхазской баржи — Елена — по стилистике своей более подходила для интеллигента Дворского, а обитательница голландской баржи — энергичная, отчаянная Мария — была создана скорее для его альтер эго, Васи Прохорова, так что с этой стороны, тоже видна некая высшая гармония, все тот же свыше определенный тандем...

Можно было бы продолжить этот мифологический анализ книги Бориса Корнева — нам хочется думать, что будущий ее читатель понял: такой подход к данному тексту не беспочвен, параллели, отмеченные нами, не надуманные, и данный способ прочтения «Тандема» может быть весьма полезен для всякого искателя следов высшей реальности.

Хотелось бы напоследок задаться и таким вопросом: случайна ли подобная многослойность в книге, относящейся как будто к жанру одномерному и «буквальному»?

Видимо, все зависит от автора. Грубо говоря, одномерный автор создает одномерные книги, и жанр тут ни при чем. Человек (скажем прямо — Борис Корнев!), обладающий глубоким жизненным опытом, — притом хорошо осмысленным, — не может не выйти на одном из этапов своего пути к темам, которые для стороннего человека покажутся как минимум неожиданными и которые сулят ему немало счастливых открытий.

ПОД ВЛАСТЬЮ СУМЕРЕЧНОЙ ЗОНЫ

* * *

Перестали слушаться часы,
Разбросали, как белье, капризы.
И минуты виснут на карнизах,
День пока еще дождем не сыт.

Бродят тучи — смирные клочки,
Воззирая томно, со слезами.
Лишь мой дом — беспечный арлекин,
Зубоскалит с ближними домами.

Он хороший, но бывает зол.
Удивляюсь, до чего нескладный,
Все такой же серый, ненарядный
И не может обновить камзол.

Вот и дождь. Я чувствую уже
Этот говор и прикосновенье.
И легко становится душе,
Будто испытал я обновленье.

* * *

Под властью сумеречной зоны
Сейчас я, братцы, нахожусь.
И здесь особые законы
И вызывают только грусть.

«Как разорвать такие пути?» —
Кричу я громко в синеву.
Кругом мерещатся мне бунты,
А я живу.

* * *

Я играю на мартышке
И надрывно хохочу.
Лезут в руки чьи-то книжки,
Их я видеть не хочу.

Отпустил бы я примата,
Книги выбросил в окно,
Но макака нагловата,
Укусила под ребро.

Книги стали как занозы
И дерутся от души.
Помоги, метаморфоза,
Эту нечисть задушить!

* * *

Я устал,
Рука не пишет,
Ноги чапать отказались.
Между прочим, оба глаза
Объявили мне бойкот.
Эту гадость поддержало
И мое больное сердце.
И сыграли шутку злую
Кости бедные мои.

Все рассыпалось на части...
Только мозг работал четко.
— Я живу, — твердил упрямо!
— Я живу, — твердил упрямо!
— Я живу...
— Живу...
— Жив...

* * *

Я приобрел себе мозги
Не в магазине, а на рынке.
Я отдал доллары за них,
Не помню сколько,
Кажется, пятьсот.
Сейчас я очень умный,

Монте-Карло

Когда я не был в Монте-Карло,
Когда в рулетку не играл,
Мне было плохо, я страдал, —
А я ведь не был в Монте-Карло.

Когда туда вновь не поехал,
Хотя никто меня не звал...
И мне опять же было плохо,
И снова очень я страдал,

Что не поехал в Монте-Карло.
Когда я снова не поехал,
Мне стало весело до слез.
Отлично!
Не был в Монте-Карло,
Ну и не надо!
Дома лучше!

* * *

По комнате бродит мертвец
И что-то бессвязно бормочет,
Со мною считаться не хочет
И видеть меня, наконец.

Он шарит по полкам, углам,
Листает газеты и книги...
Что ищет, какие интриги
Он будет плести тут и там?

Его я понять не могу.
Вверх дном жизнь моя и квартира.
Нет. Лучше сейчас убегу
Подальше от этого мира.

Не выдержал я, убежал.
А он-то нашел, что искал?

* * *

Замазаны красным фломастером тучи,
И сумерки бойко торгуют собой,

И ветер, как будто посланец могучий,
Раскрылил объятия передо мной.

Испуганно жмутся дома и деревья,
Они не готовы к атаке и мгле.
Летают осенние листья как перья, —
Хозяином вечер идет по земле.

* * *

Я раскачиваю небо
Вместе с нежною Луной.
Это правда, а не небыль, —
Осторожнее со мной.

Я раскачиваю Землю
И стараюсь сбить с оси,
Но иного не приемлю,
Сколько, друг мой, ни проси.

Я раскачиваю космос,
Звезды скручиваю в рог.
Оседает пыль на космах, —
Я и дьявол,
Я и Бог!

Есенин

В нашем доме невидимка,
Куролесит день и ночь:
Плачет, двигает предметы
И хохочет, Боже мой.

Говорить с ним бесполезно,
Убеждать — себе дороже.
Я присел на край дивана,
Стал Есенина читать.

Замолчал мой дьяволенок.
Тишина. Так необычно.
Приглянулся, вероятно,
Знаменитый наш поэт.

А теперь прохожу нету...

* * *

Не болею, не тоскую,
Слезы горькие не лью.
Кровь негодную, плохую
У людей я жадно пью.

Но к здоровой равнодушен,
И не тянет на разбой.
Я, наверно, многим нужен,
Коль зовут наперебой.

* * *

Я вишу под потолком,
С невесомостью знаком.
Мухи кружатся, как бесы, —
Легкокрылые повесы.
Страшно им.
Нельзя ль помочь
Разукрасить белым ночь?
У меня лишь этот цвет, —
Черного в помине нет!
Вдруг зажмурил я глаза.
Открываю — чудеса.
Мухи сделались слонами,
Шумно хлопают ушами.
Я ж по-прежнему вишу,
Слезно снять меня прошу.
Но слоны трубят, трубят,
Сделать милость не хотят!

ПОЭТ

Из чудного далека
Звезда к нему летела,
Зеленая немного
И красная чуть-чуть.

Он ждал ее, как манну,
Молился дни и ночи
И верил: принесет ему
Известность и почет.

Но проходило время,
Менялись жизнь и люди,
А он все ждал, надеясь,
Что явится она.

Потом забыл об этом —
Состарился, бедняга...
Когда звезда спустилась,
Он был уже в гробу.

Шиза-3

Спасибо сердцу моему
За то, что пашет, словно раб.
Я был бы хил и очень слаб, —
Спасибо сердцу моему.

Спасибо цепкому уму,
Когда б не он — ходил кретином
И воровал — по магазинам, —
Спасибо цепкому уму.

Спасибо совести моей,
Как без нее мне было б худо!
Не человек я — просто чудо...
А сколько жить осталось дней?

Фантазия

Я потерял свое лицо
В толпе, нечаянно споткнувшись,
И стал отпетым подлецом,
От милосердья отряхнувшись.

Я брал займы, не отдавал
Чужие деньги, вещи, души;
Забыл все добрые слова,
Познав лишь те, что совесть глушат...

Но не хочу быть подлецом!
Найду ли я свое лицо?

* * *

Я ноги бы отдал займы
На месяц. Пусть бегают люди.
На свете так много хромых,
Безногих. С меня не убудет.

И сердце отдам.
Пусть оно
Кому-нибудь лучше послужит.
Его не ценю все равно:
Насос есть насос, мне не нужен.
Но душу займы не отдам...

* * *

В меня вонзили жало гнева.
Не знаю кто, бунтует плоть.
Возникли искры справа, слева,
И гнев уже не побороть.

Предметы сделались врагами;
Я их курочил не таясь,
Бранил погаными словами
И втаптывал усердно в грязь...

Очнулся в комнате психушки,
Замученный и телом наг.
Две полоумные старушки
Меня совали в саркофаг.

А рядом врач — зануда праздный.
Твердил, что очень я заразный!

Призраки

Кружится возле меня
Призрак ненастного дня.
Дождь — мокрый символ тоски —
Шлет нам свои ручейки.

Кружится призрак иной —
Вечера. Он надо мной.
Звезды и ломтик луны
Тучами истреблены.

* * *

Я объелся мухомором,
Выпил серной кислоты,
Оказался за забором
Нашей подлой суеты.

Полежал, ломая руки.
И, о чудо из чудес —
Вдруг на третий день разлуки
Взял из гроба и воскрес.

Поразило до икоты:
Никому не нужен я.
Голоса: «Обман природы
И ошибка бытия!..»

И насильно, под конвоем,
Лег в могилу я свою.
И теперь тихонько вою
И на радость всем — гнию.

* * *

Ветер водит шуры-муры,
Тучи рвет опять.
Что готовит вечер хмурый?
Не дано понять.

Может, к холоду?
 Быть может.
Иль к теплу?
 Бог весть.
А меня ничто не гложет, —
Ящик водки есть?

* * *

Ем я суп из людских черепушек,
Предварительно вынув мозги.
Он вкусней украинских галушек
И полезнее свежей ухи.
А мозги я готовлю особо:
Их варю и с картошкой — в печь,
Но моя ненасытна утроба —

От расправы нельзя уберечь
Никого.
Так мое государство
Пожирает всех лучших людей.
Долго ль будут кровавые яства
На столе у России моей?

* * *

У меня свиные ноги,
Крылья лебеда, а шея
Человеческая, Боже,
Почему таким рожден?

Дразнят весело уродом,
Недотепою, пришельцем.
Но, наверное, не знают,
Что лишь я — абориген!

* * *

Аренда моей ноги
Стоит десять баксов.
Аренда двух ног —
В два раза дороже.
Аренда одной руки — двадцать зеленых,
А сразу две руки
В аренду не сдаются.
Аренда сердца —
Аж пятьсот баксов
С правом субаренды составных частей:
От желудочка до предсердия.
Аренда мозгов — самая дорогостоящая,
Аж пять тысяч зеленых.
Приглашаются все желающие
Со своей мебелью.
А вот душа, господи,
В аренду не сдается,
Правда,
Все зависит от цены вопроса!

* * *

Когда слону я подсказал,
Как удержать бревно, не скрою,

Меня он ревом наказал
И пригрозил еще: «Урою!»

Когда я волку подсказал,
Как надо есть овец — о, Боже!
Он тут же на меня напал
И стал сдирать с живого кожу.

Как только выжил, стал гадать:
Кому еще что подсказать?

* * *

И проснулся я в постели —
Полночи оскал.
Что-то думы налетели,
Полная тоска.

По углам ютятся тени —
Сгустки черных сил.
Вы пришли из сновидений
Или из могил?

* * *

Каждое утро
Я запускал двигатель своего авто.
Он сначала чихал,
Как простуженный мужик,
Потом машина двигалась с места,
Набирая скорость.
Я чувствовал себя птицей.
И действительно парил,
Сроднившись с машиной,
Которая становилась то самолетом,
То — ракетой...
Но сегодня никуда не полетел,
Потому что... проснулся.

Монахиня ОЛИМПИАДА (Константинова)

Вечная память

« Со святыми упокой... »

Смерть вошла в мою жизнь телефонным звонком. Мне тихо сказали: «Отец Иероним умер», а я тихо ответила: «Нет». И ещё повторила — «нет», будто в этом слове была сила остановить смерть на пороге и не дать ей торжествовать вместе с адом, который жадно ждал добычи. Но я сказала «Нет», и это была правда, ад не получил здесь ничего и только зря скалил зубы. Лёгкая, радостная душа батюшки вольно поднялась в Царствие Христово. Мы, земные ещё и живущие здесь, не проникли в это святилище, мы могли только мечтать о будущей встрече с батюшкой там, наверху. Кто будет там вместе с ним — неведомо.

Пока нам надо учиться жить без него, чтобы не только плакать и молиться, но и пытаться жить по заповедям, которые так точно воплотил батюшка в своей земной жизни. И как научиться жить без него, чтобы ему радостно было глядеть сверху на нас, наблюдать, как мы сдаём этот сложнейший экзамен, и молиться о каждом нашем шаге, о каждой разумной просьбе нашей к нему?

Люди! Сколько людей собралось на его похороны, столько не бывало и на именинах, и сама смерть против её воли становилась вторым рождением батюшки — в вечную жизнь. А как трудно теперь просто выжить без него, без этой радостной, светящейся улыбки и без сияющих, несмотря на болезни, глаз. Глаз — как небо голубых, глубоких, как океан в тихую погоду, и прозрачных, как драгоценный сапфир.

Я помню всё — каждое его движение, его мягкие тёплые руки, которые я любила целовать, преклонив перед ним голову. И становилось ясно и тихо. Все дурные помыслы он снимал одним мановением

Архимандрит Иероним
(Шурыгин),
Свято-Троицкий Алатырский мужской монастырь

кисточкой, которой он нас помазывал — не просто для приятности, но для молитвенного воздействия на наши страждущие души. И потому практически все выходили из его кельи со светлыми, улыбающимися лицами. И казалось всем окружающим, что всё это — хорошие люди, что всё вообще хорошо и прекрасно.

Трудности начинались тогда, когда надо было выполнить благословение батюшки. Тут и проявлялся характер каждого, кто это желанное благословение получил. Оказывалось всё не так просто, не так-то легко это выполнить. Тут начиналась борьба с собой, и тот, кто искренне хотел всё сделать по благословию, приезжал опять и опять, и уже не представлял себе жизни без Алатырского монастыря. Так постепенно образовывался круг друзей обители, которые помогали ей, чем могли. Помню бережное отношение батюшки к деньгам, которых у него лично для себя никогда не было. Даже необходимую одежду и обувь ему дарили, хотя он ничего никогда для себя не просил. Ему доставали диабетические продукты и лекарства, но он пользовался ими или очень мало, или совсем отдавал кому-нибудь.

Человеческую душу он ценил превыше всего. На него не производили впечатления ранги и прежние заслуги человека — он говорил: «Мне ближе те, кто к Христу близок». И мог подолгу разговаривать с простецом и быть вежливо холодноватым с сильными мира сего. Но он и их не отталкивал — «они тоже несчастные» — в оправдание себе говорил он. А несчастным требовалось время, и он тратил себя на них, невзирая на болезни свои и всякого рода недомогания, каких было очень много. Он никогда не жалел себя, хотя за такого рода духовную помощь людям бесы мстят особенно жестоко. Не отсюда ли и болезни батюшки? После целого дня приёма людей, когда он даже на обед не имел минуты, он говорил: «всего меня высосали», — без упрёка или раздражения, а смиренно и терпеливо.

Совість его была болезненно чувствительна, и он жил с ней в мире и не мог выносить малейшего её упрёка. Во всём он винил себя. Это было для него привычно и естественно. Помню, ещё будучи в Псково-Печерском монастыре, он принимал меня как-то вечером. И тут пришла баба из города и говорит ему: «Я голодная». Батюшка послал её на кухню поесть, но через пару минут встревожился и пошёл туда сам, сказав мне: «Всё равно не успокоюсь, пока сам не увижу». Или другой случай. Как-то вечером у него просто не хватило сил принять одну девушку. Она ушла, а батюшка всю ночь не спал от мысли «вдруг она покончит с собой» и он будет виноват.

А как он умел любить исправляющихся грешников, говорит такая история. Как-то убили одного покаявшегося мафиози, который решил жить честно и уговаривал на это своих. Батюшка полюбил его, как своё дитя. Они вместе ездили на Афон, а когда тот вернулся

домой, его застрелили «свои», и бабушка, едва доехав до дома, повернул машину и поехал в Волгоград на похороны, а потом у нас 40 дней служили панихиды по убиенному Стахию.

И до конца жизни бабушка поминал его на Херувимской. Это — особый случай, но подобных эпизодов, когда бабушка буквально бросался спасать, помогать, лечить у лучших докторов тех, кто нуждался в помощи, было много. Видя человека, он сразу понимал, что ему действительно было нужно, и часто отклонял просьбы, а велел заботиться, прежде всего, о душах — своих и близких. Так получалось, что человек приходил с конкретным вопросом, а получал программу на всю жизнь. Он умел, и дать общее направление жизни человека, и знал его мелкие ежедневные потребности. Всех мужчин отправлял заселяться в келии, а женщинам предоставлял двухэтажную гостиницу за воротами обители. Но она всех не вмещала, и потому построили новую пятиэтажную гостиницу со всеми удобствами, рассчитывая на монахинь, которые ждут не дождутся завершения строительства.

Ездить на машине на дальние расстояния было с бабушкой интересно и поучительно, при этом он никогда не забывал наших нужд, заботился о том, чтобы все были сыты и довольны. Но он был здесь и как человек не от мира сего — так, он с увлечением повёз нас в Саров, в те годы, когда туда не было въезда, и серьёзно доказывал стражам порядка, что нам-то должны открыть ворота. Но ворота нам так и не открыли. В другой раз нам надо было привезти Царские Врата для храма в Никулино, которые еле вмещались в купе поезда. И бабушка долго уговаривал проводницу нас впустить. «Ведь это же для Церкви», — говорил он. В конечном счёте, нас пустили в вагон. А однажды на дороге в Москву, хоть и был на меня очень сердит, он не забыл положить мне на тарелку хороший кусок рыбы, когда мы перекусывали на стоянке. И все эти якобы мелочи составляли вместе колоссальную его нагрузку, так как он сочетал в себе административного руководителя и работу с паломниками. Поэтому иногда он хотел просто сбежать от всех — так, он старался выйти из храма чуть ранее конца службы, когда все ещё слушали благодарственные молитвы. Бабушка шёл через толпу невидимый — он как-то, особенно низко, опускал плечи и руки и смотрел прямо перед собой. Но часто это не помогало, его замечали и бежали, со всех сторон, и немалое проходило время, когда бабушка, наконец, добирался до кельи — не для того, чтобы отдохнуть, но чтобы, наскоро перекусив, начать приём людей. Иногда он и совсем ничего не ел целый день, говоря, что не может есть, когда чувствует напряжённое ожидание людей за дверью. Он знал даже, что некоторые молятся про себя, дабы он скорее вышел.

Он никого не забывал — у него была потрясающая память на лица и особая «старческая» память на проблемы каждого, о которых и сам человек мог уже забыть.

На службе он становился величествен и строго распекал кого-ни будь из алтарников или сослужащих за каждое упущение. В начале службы он был сосредоточен и даже как бы деловит перед ответственным событием. Во время причастия мирян (последнее время он уже не причащал сам по болезни), но иногда выглядывал из алтаря и внимательно следил, кто и как причащается. А вот в конце Литургии, когда он выходил, чтобы преподнести последнее благословение, он сиял неизреченной радостью, и это его благодатное сияние переходило на людей, стоящих в храме. Всё свершилось, и он мог теперь наслаждаться покоем исполненного долга. Мог бы... Но впереди его ждали толпы людей со своими мелкими и часто ненужными вопросами, для решения которых он и нисходил с вершин духа.

Молитва была его святыней, его сокровищем, которыми жертвовать было особенно больно, но приходилось делать и это во имя интересов монастыря. Когда он был ещё новопостриженным монахом в Печёрах, то ложился спать в 12 часов, а в 2 часа ночи уже вставал на молитву и делал в полном монашеском облачении 150 поклонов, а утром шёл молиться в храм, даже если он не служил в этот день.

На мои жалобы в Москве, что утомительно ездить в метро, он сказал: «А я вот так задумаюсь, что и остановку свою забываю, и прошу только Ангела -Хранителя вовремя меня толкнуть». Но, с другой стороны, он не любил открывать тайны своих молений и иногда только по покрасневшим от слёз глазам можно было догадаться, что он молился. Он молился всегда. Когда причащал народ, он, бывало, просил подходить именно к нему на Причастие — не потому, что Оно было у него лучше, но молитва его была сильнее. Он часто плакал на молитве, но не от сентиментальности, а от полного забвения всех мирских дел и погружения в мир иной, где плачут от умиления и радости. Особенно он любил Матерь Божью, называл Её своей Покровительницей и чувствовал, что Она следит за каждым его шагом. Потому разные испытания он воспринимал как от Неё и от Христа посланные, и легко смирялся с тем, что исходило от людей. «Я всех простил и прощаю», — когда кто-то начинал каяться, что не выполнил благословение.

Он любил всех. Так, он любил свою братию, хотя не мог уделить должного внимания всем. Но иногда одно его слово утешения, сказанное на ходу, давало духовную пищу и братии, и нам, монахиням. Я давно уже не разговаривала с батюшкой, удобно устроившись в кресле в его келье. Вопросы приходилось решать при всех, кто толпился там. Но я знаю и уверена, что он знал мои проблемы уже в тот

момент, что взглянул на меня, и одним словом, вроде бы и не про то, возвращал меня в ровное, спокойное состояние духовной удовлетворённости и радости, словно я получала от него ценный и нужный подарок. Однажды я в двух словах пожаловалась на сухость при молитве, и он сразу посоветовал читать акафист иконе Божьей Матери «Умиление» Псково — Печерской. Акафист я чудом достала. И, действительно, он оживил мою иссохшую душу. И если не потоки слёз я проливала над ним, то умиление было сильное, особенно оттого, что в воспоминаниях я чётко помню эту икону в Михайловском храме в Печёрах. Это с ней прощалась братия каждый вечер, а вслед за ними и паломники прикладывались к иконе. В тёмном уже храме это было особенно волнующе. Потому я никогда не уходила со службы прежде торжественного финала.

Благословлённые им конфеты (разделенные на скоромные и постные) казались лекарством от всех бед, а может быть, и были такими. Батюшка во многом оставался загадкой, и кто мог его узнать до конца? Он очень ловко останавливал нескромные вопросы и резко и мало рассказывал о своём домонастырском прошлом. Он всю душу вложил в строительство монастыря, но всё время пытался из него сбежать. Потребовался авторитет Патриарха Алексия и Митрополита Варнавы, чтобы его удержать. Но и молчаливая просьба братии сыграла свою роль. Когда батюшка в день своего Ангела хотел официально проститься со всеми, он вдруг словно что-то почувствовал, залился слезами и ушёл в алтарь, а вышел потом с заплаканными глазами и сказал, что он решил остаться с братией. И построили мы потом собор, и построили колокольню. А батюшка так и не сбежал. Вот и могилка его тут, у алтаря собора.

Конечно, эти стройки «высосали» батюшку, и болезнь его прогрессировала. Часто он даже на приём людей не мог выйти. Но о своей болезни он запрещал говорить и всячески старался сделать вид, что её нет, а есть — так, небольшая простуда. Но болезнь наступала. Все уже об этом знали, сочувствовали, доставали дорогие лекарства и домашние рецепты. Батюшка всё принимал с благодарностью и... не пользовался этим. Он обедать стал отдельно от братии, потому что ему многие продукты были противопоказаны. И он не хотел быть связанным с определённым временем, но — увы! — готовили ему часто как раз то, что ему нельзя было есть.

Он своеобразно, как бы незаметно, дарил подарки. Помню, как я приходила к нему по вечерам с работой своей по послушанию. И тут в мою и без того тяжёлую сумку летели апельсины и яблоки, конфеты и шоколад — всё, что дарили самому батюшке, а ему это было не нужно. То взяв в руки какие-нибудь чётки или фотографии, небрежно передавал их мне: «Это тебе на память», — словно чувство-

вал, что это время, когда фотографии будут «на память», приближается. Однажды он сказал мне: «Не хочу тебя хоронить. Пусть первым умру я». Так оно и вышло — по его желанию, а не по-моему. При этом он учил, как относиться к вещам. Я принесла ему как-то бутылку хорошего оливкового масла (прямо с Кипра) — он тут же передал её одной рядом стоящей монахине. Я так обиделась, что сказала: «Ничего больше дарить Вам не буду». А он только смеялся над моим недоумением — ведь он сознательно сделал это при мне, а не когда я уйду. Не знаю, что стало потом с этим злосчастным маслом.

Подобным образом обижалась не только я. Так, один из наших священников не выдержал и сказал как-то ему: «Ты тут со старухами возишься, а по делу зайти нельзя». Каково было негодование батюшки! Он резко отчитал монаха, которому тоже хотелось часто разговаривать с батюшкой. Его бесконечный приём приехавших людей вызывал порой ревность. Я о себе уже писала, что пользовалась драгоценными крохами с его «старческого» стола.

Даже такая бескорыстная любовь батюшки к людям могла вызвать у некоторых неприязнь и зависть к монастырю, где всё так хорошо. И еды много, и денег на строительство. Таково было отношение многих горожан Алатыря. Шли слухи, что мы берём украденные деньги, что монахи наши разъезжают по городу на иномарках (а это делалось для того, чтобы они меньше соприкасались с миром). С каким злорадством высказалась однажды некая старуха из местных, увозя на санках на дрова рамы с разрушенной фабрики: «Вот, матушка», — сказала она мне, — «скоро мы так и ваш монастырь разбирать будем. Вот проголосуем за коммунистов...»

Батюшка обладал, несомненно, некоторой прозорливостью. Впрочем, об этом лучше и не писать совсем — слишком много тут возникло слухов и догадок, требований немедленного исцеления и всяческих кривотолков. От себя могу сказать, что мне он особенно ничего не «пророчил», кроме того, что мне лучше жить в Алатыре, а не в Москве, где моему слабому здоровью будет хуже, но это и так было очевидно. Однажды батюшка на меня рассердился всерьёз. Это было, когда я перестала понимать, зачем я живу в Алатыре и мучаюсь в доме без удобств, когда у меня есть нормальная квартира в Москве. Нет, я не собиралась туда переезжать, просто возник у меня некоторый ропот на батюшку из-за того, что он, якобы, мало уделяет мне внимания. И тогда решительно батюшка отослал меня в Москву на долгий срок. Я уже об этом писала*, но тогда ещё не понимала, зачем он так поступил со мной — и плакала, и отчаивалась, и жаловалась. Но, в результате, когда разрешение приехать было, наконец, получено, я летела в Алатырь на крыльях и несказанно радовалась и монастырю, и нашей улице, и дому, где жила без удобств.

Вообще, в нормальном состоянии батюшки, когда болезни немного отступали и он чувствовал себе неплохо, он был радостным, общительным, любвеобильным. При этом он был уверен, что станет мучеником за веру.

**См. в книге «Записки монахини Олимпиады». (М., Сибирская Благовозвонница)*

Неслучайно он любил казацкие песни, где часто звучит тема смерти от насилия, мотив обречённости и мрачных предчувствий. Он любил казаков (а они — его) за их молодецкую выправку и почти монашеское послушание. Казаки остались верны до конца. Много их приехало на похороны батюшки.

Батюшка говорил, что любит жизнь. И это, действительно, было видно из всего его поведения. Если он загорался какой-либо идеей, он страстно и спешно старался воплотить её. Он, при всей его деловитости, был мечтателем, и ему искренне казалось, что воплощение его идей близко и реально. Но не хватало чего-то главного, быть может, воли Божьей. И батюшка легко переключался на другой проект, тоже нереализованный впоследствии. Так, он мечтал создать женский монастырь из своих постриженниц, находил красивые по природе места, где можно его построить.

Но в результате он умер с этой мечтой, а нас пока благополучно оставили в Алатыре в качестве Подворья мужского монастыря.

...Он умер на Успение Божьей Матери, в самом начале осени — самого благородного, самого духовного и самого плодородного времени года. Он так любил Божью Матерь, которая ему являлась, и ещё сильнее, наверное, любит Её теперь. Осень. Это конец одной жизни и начало другой. Эта осень приняла в свои объятия одного из духовнейших людей нынешнего века и подарила ему бессмертие души, в которое человек сознательно или бессознательно верит и ждёт вечной жизни.

Алатырь, ноябрь 2013 г.

* * *

Что — потеря?! Да нет, не потеря...
Жизнь листвою пожухлой летит.
А в сознании — лиц галерея,
и у всех опечаленный вид.

Здесь и те, о ком память тоскует,
мокрым носом ударившись в лоб,
с пониманьем шепча: «Аллилуйя!»
Всё проходит и не наоборот.

И живым здесь нашлось местечко.
И у тех и других — всё одно...
Молоточком надрывно сердечко
бьётся в грудь, точно птица в окно.

Ты ушла... Твой уход не потеря...
Впрочем, это я говорю ерунду.
Горизонт новым днём пламенеет.
От себя не уйти... Не уйду!

На окне мелкой россыпью капли
от дождя, имитация звёзд.
Небо стало светлей, цвета пакли.
День, как древо, пускается в рост.

4 ноября 2012 года

* * *

Что было вчера? Сон, не боле!
Ну а я — персонаж того сна.
Моя жизнь, как корабль на приколе,
Замерла, ни туда ни сюда.

Стаи мыслей роятся несмело,
Опасаясь вернуться к земле,
И души невесомое тело
Вместе с ними накоротке.

Новый день замаячил сквозь ветки
Одиноко стоящих осин,
Оставляя на всём света метки
По привычке, без веских причин.

Но моё накатившее горе
Оттого не стало светлей...
Вширь разлившись, как Чёрное море,
Стало Чёрного моря черней.

Одиноко стою у окошка,
Наблюдая за поступью дня,
Что вальяжно, как старая кошка,
Спину выгнул дугой для меня.

7 ноября 2012 года

* * *

Мальчик. Юноша. Беглец,
Дом покинувший надолго...
Солнца жёлтый леденец
В синеве застывший звонко

И глядящий на него
Свысока, без состраданья...

Быть в разлуке нелегко,
Ощущая нарастанье:

Боли, нежности, тоски
К тем, кому ты всех дороже.
Как осенние листки,
Все в разлуке тонкокожи.

* * *

Ручной собачкой, на поводке судьбы,
я вдаль гляжу, пытаюсь зацепиться
за что-нибудь, но ничего, увы,
не держит взгляд, лишь солнца колесница,
преодолев черту, над городом стоит,
слепя и мучая хрусталик
несносным светом, преобразуя вид
всего, что видит глаз. Я — странник!
Да, я странник.
Мысль о тебе свежа. Я думаю легко,
как и дышу, о том, чему не сбывься.
Проходит всё, не оставляя ничего
после себя, как если б пролетела птица

* * *

Ночь. Дом за стеклом. Свет в окнах.
В квартире запах сигарет «Ессе».
На блюде дольки мандарина сохнут
и, пагодой возвысьясь на столе,

желтеет кожа, приковывая взгляд;
глаза слезятся, отмечая вяло
по тем вещам, что на столе стоят,
она была, она, а не другая.

Да-да, она! — оставившая след
губной помады на окурках, точно
окольцевавши их, окрасив в цвет
без осторожности, нарочно.

Две кружки, два фужера, всё по два.
А этот вот её рука держала.

Встал неудачно, стол задев слегка,
Тот покачнулся. Пагода упала.

Подумал: «Это видно неспроста».
Затем прошёлся до окна, обратно
и пепел с сигарет на белизну листа
смахнул рукою аккуратно.

* * *

Мы все немного ангелы, когда земле говорим: «Адю!»,
От неё отрываясь, преодолев притяженье,
Смотря на всё с высоты, ощущая в себе высоту,
Как дар божественный, как откровенье.

Но всё же что-то лишает его полноты,
Мыслью садня: «Такого не может быть с нами!»
И ангельский флёр облетает, как с веток листы,
Глазурью хрустя золотой под ногами.

А может?.. Да нет же, всё именно так,
Люди не ангелы, не крылатое племя...
Солнца жёлтый, лишённый движенья кругляк
Застыл в синеве, точно умер, на время.

И вместе с ним замерли мысли во мне.
Ни вправо, ни влево: свинцово застыли, застыли.
И всё, что казалось важным, вдруг стало вдвойне
Лишённым значения, как горсточка пыли.

Осень

Осень расцвела.

.....
Просев под цветом,
деревья стали ниже,
меньше ростом,
как будто кто-то
нажимом сверху их укоротил.

Я не слежу за тем,
как цвет буреет, жухнет,
напоминая,
что и время тоже
на месте не стоит.

Мне мысли интереснее приходят,
ну, например:
*«Что было бы, рискни я её увидеть
краем глаза,
незаметно,
или...»*
Но это так — пустое.

Я тихо прибываю в коме,
верша суд Линча
над временем
из положения лежа
день изо дня,
нисколько не устав.

Цвет, набухая,
насыщаясь охрой,
с листвою тихо опадает
к ногам деревьев.

В ПУСТЫНЕ

Их было двое: он, она
и никого поблизости в округе.
Пустыня, как сковорода.
Куда не посмотри — песок, его там тьма.
Он рядом шёл, негромко напевая «буги-вуги»,

тем развлекая спутницу свою. Она
вся в чёрном, в цвет волос — всё в колорите —
по-царски, на осле, не ехала — плыла,
как облака над головой её, как облака
без пропуска и спроса в МИДе,

через границу, покидая навсегда
дом, и с каждым шагом уменьшая
надежду возвратиться, в никуда
спеша, за горизонт, как тетива
натянутый от края и до края.

Их было двое, если не считать
Того, кто должен был родиться
с минуту на минуту, так сказать,
обрадовав своих отца и мать,
улыбкой осветив их лица.

Дождь в ноябре. Дождь в ноябре.
О подоконник капли звонко.
Нет, не набат, не звуки гонга,
Не склянок звон на корабле,

То — дождь ночной, холодный дождь.
А в доме сухо, чай дымится
Везуем в чашке, мне не спится
И мысль прямая, точно трость,

В сознание ярко пламенеет,
Что «всё проходит, жизнь прошла...»
Душа, возвышено, душа,
Иначе, право, не умеет,

Не на ветру, трепещет флагом.
Глотками мелкими пью чай,
Чтоб не обжечься. Величай,
Душа, момент сей раем! Шагом

Неспешным я иду к окну,
чтоб посмотреть, как осень злится,
как с Юга ветра колесница,
сдувая палую листву,

несётся мимо, вдоль двора.
Смотрю. Кромешной ночи полог
Всё заслонил и мыслей ворох
Шумит, как в яслях детвора.

Родился во Владивостоке в 1965 году.

По профессии художник. В 1990 году закончил Владивостокское художественное училище. Преподаю изобразительное искусство. В 1988 году один из организаторов первого во Владивостоке неформального литобъединения «ВКПб» (Владивостокский Клуб Поэтов беспартийных). С 1996 по 2002 год выступал в составе творческого объединения «БИМС». Выпустил шесть поэтических сборников: «Испанский лётчик», «Изборник», «Ископаемый поэт», «Селёдка в шубе», «Рыбный день», «Литературны нерест». Последние три сборника результат деятельности нового литобъединения — «Солнечная Артель Необычников «РЫБА». Участник художественных выставок.

Екатерина НОВИКОВА

Китеж

Светлоярм зовется тут озеро,
Холодна и темна тут вода.
Но каким-то мистическим образом
Рыбой полны всегда невода.

То ли лес, то ли дрёмное озеро,
Китежанкой пройду по траве.
Плачу я, уколовшись рогозою,
Китеж спит под водой в серебре.

Ветер дует, кружится барашками.
И со дна поднимается в рост
Белый храм, будто в смертной рубашке.
Величав, ослепителен, прост.

10.03.2013

Москва

Слова твои...

Не говори мне о любви,
От этих слов пылает кожа.
Слова твои, слова твои
На белый мотылек похожи.

Не вспоминай мне про года.
Когда была внезапность чудом,
Когда холодная вода
Казалась знаком и остудой.

Когда бессонной ночи бег
Тянулся, захватя пол-утра.
Когда искристый ясный снег
Ложился белым перламутром.

23.11.2012

Москва

* * *

«Меня тревожит тишина.
Она вдруг стала говорящей...»

Руфина Новикова

Меня тревожит тишина,
Она вдруг стала говорящей.
Пусть жизнь моя завершена,
Копейкой падает звенящей.

Плывет сквозь каверзный закат,
Бликуя в стеклах и ресницах.
Скажи, мой город виноват,
Что я подобна сбитой птице?

Что оподанье слов моих
Струится арфой благозвучной?
Что город мой уснул, затих,
Как дождь, разбившийся о сучья.

Как налетевшая гроза,
Неведомо откуда, случай.
Как набежавшая слеза
Души израненной, певучей.

07.03.2013

Москва

Сергею Короткову

«...Но в ангелы возводят уходящих
Земная наша память и любовь».

Петр Гулдедава

Касаньем душ мы прожигаем совесть!
Судьбу мою навряд ли ты поймешь,
А мне в ответ ты открываешь повесть.
Я плачу от того, что ты не лжешь.

И я стою под старую иконой,
Забыв про все слова, мой дорогой.
И многолетней боли страхи, стоны
Я отдаю на откуп, на покой.

И ангелы как перышко летают,
Моё всеодиочество храня,
И образ твой на сердце не растает,
Пока живёт поэзия твоя.

26.12.2012

Москва

Есенинская вязь

Не смешно мне, не грустно мне.
Я листаю страницы.
Вот бы мне так искусно
Петь как певчая птица.

Я от хмари осенней
По-есенински плачу.
Мне в словах лишь — спасенье,
Мне в стихах лишь — удача!

Я как Он, серым соколом
Крылья кину над бором.
Мне не близко, не около.
Мне лететь над простором.

Мне напиться бы воздуха,
Словно бражник с устатку,
Мне бы в облаке розовом
Просиять без остатка!

13.03.2012

Москва

* * *

«Слетела боль в минуту,
Как ком сухой трухи...»

Руфина Новикова

Слетела боль в минуту,
Как ком сухой трухи.
Не босая, обута,
Взахлеб пишу стихи.

Бессмертие по крыше
Выстукивает дробь.
Поэт поэта слышит,
Ведь слово — есть любовь!
Такой бесславной пищей
Кого мне накормить?
Поэт поэта ищет,
Чтоб словом одарить.

В каком гортанном крике
Лютует тихо смерть?
Нам без упреков диких
Нет силы умереть.

Растраченное время
Пеку в семи печах.
И угольками всеми
Горю в чужих очах.

И кровь моя вскипает
И стынет оттого,
Что я не понимаю
О жизни ничего!

Что я желаю света
Исторгнуть из стиха,
Что я и есть планета
Любови и греха.

13.03.2013

Москва

X x X

Кого волнуют границы,
Кого волнуют гренки,
Кого волнует Грузия,
Кого волнует Грм.

Стал в мире многоликим
Кто маленький, кто великим,
А я на белом свете
Такой, как есть, один.

Свеч — это дело?! — бедня,
Свеч — да, да! — падежа,
И бедности, и радости
Хватает у меня.

Живет во мне все это,
Зависит гень от света,
Не раз и мед и тленье
Тронули насквозь меня.

Стихи мои прожить,
Грехи мои согнать,
И все-таки ужить —
Ни жуть, ни юд.
Повторю, это бедня,
На одного бедня,
Когда б я не рвался,
Был б мау земля.

2

«И ЖИЗНЬ ПОЛНЫМ-ПОЛНА...»

Прожить всю жизнь, нося в себе гибельную мету войны — два вражеских осколка на шее, возле сонной артерии! Врачи не брались удалить их: операция грозила смертью. Каждый миг мог оказаться последним, каждое движение — концом. А ему, воину Великой Отечественной, не сравнялось тогда и двадцати. В карманах его гимнастёрки — исписанные до корки блокноты, у него во фронтовой газете напечатана только одна единственная поэма, а в душе поют тысячи поэтических строк, которые надо ещё записать. Но он из госпиталя рвётся в бой, с перевязанным горлом штурмует Кенисберг. Много позже на гранитном огромном обелиске высекут его строки — в честь павших и живых, сражавшихся за Родину.

Может быть, потому, что каждая минута могла для него стать последней, он как бы уплотнял свою жизнь — трудом, событиями, поэзией.

Таким долгие годы мы знали Юрия Михайловича Чернова. Этот человек был для нас воплощением героического поколения, для которого великой святыней стала Отчизна.

Воздух заряжался озоном, когда в молодёжной редакции издательства «Молодая гвардия» появлялся Юрий Михайлович. Мы поднимали носы от рукописей и готовы были слушать рассказы нашего гостя. Впрочем, гостем он не был — он был литературным консультантом, внимательным, профессиональным, требовательным.

Нашим вниманием Юрий Михайлович не хотел злоупотреблять, но мы не могли отпустить его, не выслушав рассказ о чём-нибудь интересном, неведомом, а интересное он видел везде. О посёлке Рыбное, что под городом Дмитровым, он рассказывал как о сказочном крае, где леса глядят прямо в окна домов и по ветвям скачут белки, где в серебряных прудах плещутся сытые рыбины. Звал к себе в гости, мы собирались, да так и не собрались...

Умение Юрия Михайловича общаться с людьми, увлекать своими идеями, завораживать стихами — этот редкий его дар для нашей, молодоговардейской, редакции был просто неоценим.

В советское время (конец 70-х) издательство «Молодая гвардия» проводило Неделю молодёжной книги: по всей стране отправлялись писательские группы для встречи со своими читателями. В поездку мы пригласили и Юрия Михайловича. Поначалу подумали: откажется, ведь он объехал как журналист всю страну, побывал и на Таймыре и в горах Замшитского Ала-Тау, и на Кавказе... Вряд ли его заинтересует скромная Мордовия. И ошиблись, Юрий Михайлович сразу воспламенился, неуёмный дух профессионала-газетчика и журналиста сразу же позвал его в дорогу. В его облике даже появилось нечто от молодого военного корреспондента, которого мы видели на фронтовых

фотографиях, когда он сотрудничал в газетах «Гвардеец», «Боевая тревога» — какая-то особая собранность, готовность к испытаниям, даже удал, что ли. Наш вызов он называл по-военному: «десант».

Итак наш «десант» высадился в столице Мордовии Саранске. Сразу же мы попали в дружественные объятия обкома комсомола, устроившего нас со всем возможным комфортом в местной гостинице.

Мои спутники — два прозаика и молодой поэт — настроили себя на гастрольный лад: сцена, восторженная публика, аплодисменты, возможно цветы и застолье...

Юрий Михайлович подтрунивал над «столичными гастролёрами» Шутки, впрочем, были безобидны, и мы все пятеро сдружились. Сам же Юрий Михайлович был настроен по-деловому: читать стихи, знакомиться со слушателями (это была в основном молодёжь), узнавать все, что можно, об их жизни, заботах, заботах...

Обком предоставил нам выдавший виды «рафик», молодого молчаливого шофёра. В путешествии сопровождал нас обкомовский инструктор — миловидная девушка. Обком составил программу выступлений: встречи со студентами пединститута, встречи на предприятиях — прямо в цехах и в клубах, в школах.

Послали нас однажды выступить в какой-то железнодорожный район. Приезжаем. Привокзальный сквер, клуб наподобие длинного сарая. В окнах нет света, на дверях большой амбарный замок. Наша обкомовская вожатая занервничала, побежала куда-то выяснять обстановку, вернулась в полном недоумении. А публика собирается: днем в депо видели объявление о приезде московских писателей. Парни посмеиваются, гадают, почему клуб закрыт: то ли сторож запил, или директор, или оба сразу?

«Столичные гости» начали ворчать. А Юрий Михайлович повеселел. «Так это же настоящая романтика, за которой вы гоняетесь в Москве! А тут — ночь, луна, облака бегущие, темнота, заброшенный клуб... Самое лучшее место для поэзии! Сдвинем в скверике скамейки и начнём!»

Сдвинули и начали. Октябрь шелестел в облетевших деревьях, резко гудели маневровые паровозы... И звучали стихи.

«Я в окопе побрился впервые...», — читал Юрий Михайлович — о себе, о своем поколении, об отцах тех, кто сидел на скамейках в привокзальном скверике.

И еще читал — о жизни, о радости бытия, о любви.

После Юрия Михайловича трудно было выступать: он своими стихами как бы забирал душу слушателей. Такова была энергетика его строк.

И ещё один раз пришлось нам выступить под открытым небом. Сельская школа. Нас ждут. Но зала нет, а ребяташки жаждут уви-

деть «писателей живьём». Учительницы в растерянности. « Но ведь все складывается как нельзя отлично! — утешил их Юрий Михайлович, — погода замечательная, двор большой — все поместятся, начнём прямо здесь! Стройте ребят!» — скомандовал как на военном смотре.

Ребятишки высыпали во двор, стали рядком. И выступление началось. Юрий Михайлович мог читать на всех аудиториях, были у него стихи и для детей.

Его «Гуси тёти Маруси» понравились даже первоклашкам.

Часто доводилось выступать в сельских клубах. Полевая страда уже кончилась, народ можно было собрать. В клубах было сыровато, темновато, прокуренный занавес, непрменный лозунг над сценой: на красной полосе белыми буквами бодрый призыв выполнить и перевыполнить. Поселян набивалось полным-полно. Солидные Мужики-хлеборобы в первых рядах, доярки, скотницы, в праздничных шалях — ради столичных гостей, в задних рядах устраивалась молодежь, оттуда доносились хихиханья.

Юрий Михайлович остро чувствовал зрительный зал. Как талантливый актер. Но ничего актерского, нарочитого в его выступлении не было. Рассказывал и читал стихи, как-то по-особому доверительно. Он понимал этих людей — работяг, много видевших, прошедших войну. И они понимали его — бывшего фронтовика, носившего тяжелую метину войны и в теле и в душе... Молодежь переставала шушукаться и лузгать семечки — черновские строки о любви, о красоте завораживали.

Однажды после «концерта» добросердечные хозяева пригласили наш «десант» поужинать. Стол был накрыт заранее. Горячая картошка, в мисках квашенная капуста, огурцы.

Среди этой роскоши возвышались бутылки гаванского рома и к нему закуска — соленые грузди. «Нам предложили соединить несоединимое», — засмеялся Юрий Михайлович.

Десант приступил.

Наутро наш «рафик» снова бодро наматывал километры.

Проезжаем мимо деревень. Вид некоторых, прямо сказать, удручал: заколоченные избы, заросшие огороды, редкий житель брел по улице или с любопытством взирал из окна: уж не начальство заехало в их медвежий угол? Для Юрия Михайловича картины, пролетавшие за окном, были не просто грустные пейзажи. Это была гражданская боль поэта. Все шло в копилку его сердца, — чтобы потом вылиться стихами. Может быть, и не в поездке по мордовской земле родились эти строки, но они так созвучны тому, что открывалось нашим глазам:

Проселок, заросший бурьяном,
Уже никуда не ведет.

В глубинке за лесом багряным,
За вязкой цепочкой болот
Деревня давно позабыта...

Мы уже завершили объезд Мордовии, как вдруг Юрию Михайловичу пришла блестящая мысль: «А ведь совсем недалеко отсюда Болдино. Не заехать ли нам к Пушкину?»

Крюк пришлось делать немалый. Но Юрий Михайлович так горячо убеждал нашу обкомовскую руководительницу, что она согласилась.

И вот знаменитое Болдино. Конечно, совсем иной вид у села, чем полторы сотни лет назад. По чертежам выстроен барский дом, вокруг сад, глядя на липы, думаешь невольно: а не под ними ли прогуливался великий поэт?

Видно, по осени в Болдино заезжали редкие гости: погода не та, распутица, да и усадьба еще не готова к наплыву посетителей. Наверное, поэтому, так остро обрадовалась нашему нежданному «десанту» хранительница музея — молодая женщина, филолог, ленинградка, по своей доброй воле принявшая бразды правления возрождавшимся заповедником.

Еще были пусты залы барского дома — без мебели, без тех предметов обихода, которые обычно передают дух ушедшей жизни и «очеловечивают» холодноватую музейную атмосферу. Беленые стены разнообразили фотокопии портретов, снимки рукописей, созданных здесь под этим кровом. И эта незавершенность интерьера неожиданно давала почувствовать одиночество поэта, оказавшегося в карантине из-за чумы, вдали от Петербурга, вдали от невесты.

Пока мы бродили по залам, читая на стендах известные пушкинские строки, Юрий Михайлович начал работать. Видимо, хранительница заповедника соскучилась по умному собеседнику. Разговор начался у них долгий, подробный. В Юрии Михайловиче вспыхнул журналистский азарт. На столе сразу же появился издавший виды блокнот, ручка была у него всегда наготове. Он предпочитал пользоваться перьевой авторучкой и всегда заряжал ее черными чернилами.

Работал он как профессионал-журналист: четкие вопросы, широко взятая тема и для особой доверительности — интерес к личности «интервьюированного» — его собственному мнению, взглядам, планам. Юрий Михайлович замечательно владел этим искусством журналистской профессии.

Хранительница прониклась таким уважением и симпатией к Юрию Михайловичу из-за его любви к Пушкину, что неожиданно предложила: «Я вам покажу то, что сохранилось со времен Александра Сергеевича!»

Юрий Михайлович восторженно воскликнул: «Что же это, что?» — «Это старинные русские песни!»

Она послала помощника собрать хор, а мы отправились в село.

Купили «красненького», пряников и конфет — все, чем был богат сельмаг.

Собрались в бывшем доме управляющего имением, а попросту-конторе, за длинным дощатым столом. По скамьям чинно расселись гости — в цветастых ярких платках. Крестьянки молодые, пожилые и совсем древние старушки, чьи предки, наверное, жили в Болдине при Пушкиных!

И вот они запели. Эти песни слышали они еще от своих бабушек, а те — от своих, и слова, и мелодия уходили в глубину времен неизмеримую! Пели о тяжелой женской доле, о счастье, о разлуке, о том, как «синица тихо за морем жила», и еще о том, «как девица за водой поутру шла...» Пушкинские любимые...

Наверное, по щекам моих спутников текли слезы. Я не могла видеть их из-за собственных слез.

Коротко было наше пребывание в Болдино. Но через несколько лет Юрий Михайлович принес к нам в редакцию рукопись стихов о Пушкине. Печалью и радостью пахнуло от строк, навеянных несомненно! — тем вечером болдинской осени:

У судьбы мы милости не просим,
И порой нет худа без добра.
Не случайно Болдинская осень
Пушкинского гения пора.
Видимо, не рай благополучья
Высекает лучшие созвучья.

Иногда Юрий Михайлович приходил в редакцию с дочерью Наташей. Подросток, худенькая, кудрявая, внимательный взгляд громадных глаз. Она казалась сдержанной, серьезной не по летам. Но это, возможно, от застенчивости, улыбка у нее была застенчивая. Наверное, в незнакомой обстановке ей даже хотелось бы держаться за руку отца — для надежности. С первого взгляда было ясно: они большие друзья.

Юрий Михайлович с гордостью и даже с некоторым умилением рассказывал о школьных делах Наташи — «все кипит и все бурлит», — добавлял с ласковой усмешкой. Говорил и о ее дипломе — это когда она заканчивала педагогический институт.

Вместе с дочерью отец проживал заново свою юность — с ее романтическими устремлениями, светлыми идеалами. Его юность

была обожжена войной. Первое важное начинание дочь посвятила молодым поэтам, павшим в Великой Отечественной...

Энергия Юрия Михайловича, творческая фантазия, вдохновение передались дочери. Наталья создала народный музей «Строка, оборванная пулей». Вокруг юной энтузиастки сплотилась молодежь, она умела привлекать людей к интересным делам. Юрий Михайлович справедливо считал ее «педагогом милостью Божьей».

Друг, товарищ, отец...
Я рано понял: кашу не заваришь
И будешь воду в ступе зря толочь
Когда твой сын, твоя кровинка — дочь,
Твое дитя, дитя лишь — не товарищ.

Пред нами путь. И мы вдвоем в пути.
Идем под солнцем, под дождем, под градом.
Я мог бы на руках тебя нести.
Но это что?

Идем мы вместе.
Рядом.

Эти стихи Юрия Михайловича — великая мудрость в постижении вечной проблемы «отцы и дети».

И вот Наташи не стало. Помним Юрия Михайловича в те черные дни: напряженный, собранный, сосредоточенный. Вскоре он принес в редакцию рукопись — «Дочь». Утрата. Точно новый осколок впиалась она в горло, не давая дышать. Но он нашел силы и выдохнул свою боль — на страницы книги.

Трудно было ее редактировать без слез: из-за строк поднимался милый образ ясноглазой Наташи, натуры доброй, открытой людям, наделенной литературным даром.

Все невзгоды Юрий Михайлович преодолевал вдохновенным трудом. А их в его жизни было немало. Вот почему, наверное, так часто в его стихах звучит гимн творчеству:

Что хвала и что хула!
Освещен квадрат стола.
Встань пораньше поутру
И доверь себя перу».

Он доверял себя перу, и оно никогда не подводило его. Бурная жизнь 90-х годов дала новый поворот его творчеству, новые темы требовали своего осуществления.

Юрий Михайлович очень дорожил тем, что его пригласили в члены редколлегии альманаха «Истоки». И даже тогда, когда редакция вынуждена была покинуть издательство «Молодая гвардия» и образовала свою небольшую фирму, Юрий Михайлович остался верен «истоковцам». Его творческие предложения пронзали глубиной и актуальностью. Многие доброе рушилось вокруг, СМИ уже отпевали Россию. Во всеобщем хаосе Юрий Михайлович сумел найти духовную опору. Он обратился к отечественной истории, к тем временам, когда Владимир Мономах беспощадно пресекал распри удельных князей, а сын его, Юрий Долгорукий, укреплял основу Русского государства.

Мы отправили Юрия Михайловича в Киев — подышать воздухом древности. С воодушевлением он собирал материал для повести «Юрий Долгорукий». Своего героя он полюбил особой любовью, может быть, потому, что этот московский князь основал Дмитров, — родной для Юрия Михайловича город.

А от древности он перешел к настоящему. Вскоре в редакцию был принесен сборник «Мой Дмитров» — стихи, очерки, зарисовки, фотографии — и о прошлом города и о нынешнем дне — о тружениках, созидателях, строителях.

Эта книга открывала замечательную серию, которую придумал Юрий Михайлович — «Малые города великой России». Он успел осуществить и еще одну идею — рассказать о своих земляках-дмитровчанах, своим трудом противостоявших экономическому развалу. Юрий Михайлович всегда боялся «унылых предисловий», но все же перечислим его книги, и список этот не представляется нам «унылым»: столько энергии, писательской зоркости, высокого писательского профессионализма и оптимизма в небольших книжечках, «Дорогие мои земляки», «Лента длиной в сто двадцать лет», «Меджнун — значит одержимый», «Голубое пламя Подмосковья», «Рынок», «Хлеб — всему голова», «Не боги горшки обжигают».

И еще в этих очерковых вещах чувствуется личность автора, не стороннего наблюдателя, фиксирующего события, — но человека, который горит той же идеей созидания, что и герои его произведений.

* * *

Почти в каждом выпуске альманаха публиковались стихи и воспоминания Юрия Михайловича. Обычно он приносил нам целую стопу страниц, клал на стол и говорил: «На ваше усмотрение. Выбирайте, что понравится». И было из чего выбрать — глаза разбегались! Воспоминания о встречах с Александром Твардовским,

Константином Паустовским, Ильей Эренбургом, Константином Симоновым... Потом воспоминания вышли отдельной книжечкой «Лампа под красным абажуром».

А в писательском портфеле нашего альманаха еще остались воспоминания, принесенные Юрием Михайловичем.

Будем их печатать.

Юрий Михайлович написал когда-то: «остаться бы строкой...» — и не только одной строкой, всем вдохновенным своим творчеством остается в нашей памяти, в наших сердцах, в литературе нашей Юрий Михайлович Чернов.

Елена Еремина
Альманах «Истоки»

* * *

Отцветает черемуха, расцветает сирень.
Росы вспыхнули ранние, — разгорается день.

Птичье пенье доносится и манит меня в сад,
Где жужжат медоносицы, над ветрами жужжат.

Ветры веют зеленые над седой головой,
И столетнее дерево все в листве молодой.

*НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ***Герман Гессе**

Древняя фигура Будды,
в японском лесном ущелье разрушающаяся

Смягчённые и истощённые, ставшие жертвой многих
Дождей и морозов, покрытые зеленью мха,
Твои нежные щеки, твои большие веки,
Опущенные тихо навстречу цели,
Добровольно отдаются распаду, исчезновению
Во Вселенной, в бесформенности Бесконечного.
Исчезающее лицо всё ещё говорит
О благородстве твоего царственного предназначения,
Отыскивая среди влаги, тины, грязи, —
Среди бесформенности, — завершение смысла.
И станет завтра корнем и шуршанием листвы,
Будет водой, отражающей чистоту неба,
Поднимется плющом, водорослями, папоротником, —
Как символ изменчивости вечно Единого.

Райнер Мария Рильке*Лебедь*

Печальный долг — сквозь то, что ты пока ещё не сделал,
пройти с трудом и словно бы по принуждению,
свой шаг походке лебедя неловкой уподобив.
И смерть принять — ту невозможность ощутить
привычную с рожденья землю под ногами —
как робкое его на воду опусканье.
На воду, что его приемлет нежно,
смыкая радостно и умиротворенно
под ним волну с волною,
пока он весь — покой, невозмутимость —
всё царственной, уверенней, свободней
по лону вод скользить благоволит.

Переводчик, серьёзно занимается живописью. Живёт в г. Сумы (Украина).

Адам Линдсей Гордон

(австралийский поэт)

Песня Осени

Где нам искать венок цветов,
Когда в окно стучится осень?
У пожелтевших берегов,
Где ветви молча прячут проседь?

Увядших листьев вышел срок,
Как долго ждать прекрасных весен?
Где нам искать цветов венок,
Когда в окно стучится осень?

Дитя! Вопрос в твоих глазах:
«Где травы, где гирлянды эти?»
Они на выжженных берегах
Дрейфуют. Там гуляет ветер.

Но лишь пробьется новый цвет,
Вы снова сможете собраться.
А я за прошлым двинусь вслед,
Мне лучше с осенью остаться.

перевод с англ. Татьяны Хачумовой

Урал МУЛЮКОВ

Урал Абдуллович Мулюков родился в 1952 году в Кармаскалинском районе Башкортостана. Печатался в разных газетах. Девятнадцать рассказиков (издатели назвали их новеллами) опубликованы в 2012 году в альманахе «Истоки — Уфа».

Восемь рассказиков из этой книги переведены на татарский язык и опубликованы в журнале «Тулпар».

Башкир и конь по имени Тигр

Было это во время Великой Отечественной войны. Пришла в семью Габдулхая похоронка на старшего брата: погиб смертью храбрых.

Габдулхай бегом в военкомат — протиснуться добровольцем, хотя и была у него бронь от призыва. По пути заскочил к матери. Боялся ее слез и возражений. Лицо ее и в самом деле было заплакано, но она неожиданно сказала: «Иди, сынок». В военкомате заявление приняли, пообещали рассмотреть. Дома жена Ханифа непатриотично возмутилась и сказала: «Не пущу». Габдулхай засмеялся, ответил: «Я быстро вернусь, только отомщу за брата». Жена привела своего брата Камиля, только что вернувшегося с фронта. Тот показал ногу без ступни, оторванной осколком фашистского снаряда, и стал увещевать Габдулхая: «Уймись, — говорит, — ведь бронь у тебя от призыва, не бросай сестренку. Посмотри на соседа, ведь он не рвется в бой, хотя у него тоже бронь». Но Габдулхай уже не унять. Тогда уже гремела слава о башкирской кавалерийской дивизии, туда и попросился Габдулхай. Повестка не заставила себя долго ждать. Мать на прощание отломилла краюху хлеба, дала сыну откусить и оставила остаток себе. Сказала: «Знаю, ты обязательно вернешься, улым».

Попал Габдулхай и в самом деле в кавалерию. Только не в башкирскую дивизию, а в гвардейский кавалерийский казачий корпус Доватора, про которого Гитлер насмешливо сказал прославленному немецкому танковому полководцу Гудериану: «Брыкание коней Доватора

не дает танкам Гудериана двигаться». Попал, конечно, вроде бы куда и просился, но у казаков несколько своеобразные порядки. Признают они только своих. Привели Габдулхая на конюшню. «Смотри, — говорят, — башкир, это кони, на них и воюем. Видал когда-нибудь таких животных?» «Видал», — отвечает. «А влезть-то сможешь?» «Смогу», — отвечает.

Собрались казаки, смотрят. А коня дали строптивного, чтобы новичок не задавался. Кубанским казакам некие башкиры неведомы. Уважают казаки лишь своих — тех, кто от коней не шарахается. А Габдулхай-то вырос в деревне при лошадях. Отец его умер рано, вот и с семи лет пришлось работать. Зимой спилят старшие в лесу бревно, погрузят на волокушу, прицепят к коню, а Габдулхай хватает его под уздцы — и в деревню, куда прикажут. Все почти по Некрасову. А летом уже по Тургеневу. Приходилось пасти лошадей и днем и ночью.

Так и вырос при лошадях, разных их пришлось повидать. И тут понял он, что конь непростой. Но деваться некуда. Казаки уже гогочут, ожидая представления. Но не у всех и не все ожидания сбываются. Вскочил Габдулхай на коня, проехался, пришпорил и вперед рысью и галопом. Казаки примолкли. Один из них сплюнул: «Вот бисов москаленок». А седоусый старшина Коноваленко поправил: «Це казак, а не москаленок». Никто спорить не стал.

Габдулхая признали своим. Дали коня, правда другого, затем еще другого. А однажды в бою захватили великолепных коней. При этом отличился Габдулхай. Вот ему и доверили выбрать себе коня. Выбрал он себе огненной масти. Красив конь, но злобен. «Чисто фашист», — подтрунивали бойцы. И кличку ему дали — Тигр. То ли из-за свирепости, то ли по названию немецкого танка. Но вскоре конь все же смирился и сдружился с новым хозяином. Может, понял, на чьей стороне правда. А может, просто хозяин понравился.

Тултырган таук

Кавалерийский корпус стремительно прорвался в глубь Германии. А полевая кухня не всегда попевала за наступающими. Однажды кухни не было сутки. Сержант Трифонов где-то раздобыл спирт и самовар. Разбавили спирт. И стали голод заглушать водкой из самовара. Командир эскадрона капитан Салтановский заметил качающихся бойцов. Оправдались, что от голода. Капитан связался с командованием: оказалось, кухню разбомбили, пообещали что-нибудь придумать. Но помощь пришла совсем не та, что ожидали. Вдруг прислали несколько десятков кур и сотни яиц. А повара-то нет. Что делать с курами? Беда. Капитан кинул клич: «Казаки, выручайте!» Но думалось туго. Тогда Габдулхай вспомнил, как в деревне бабушка готовила кур.

Взялся решить проблему, попросив в помощь трех бойцов. Капитан дал бойцов, но при этом недоверчиво покачал головой, дескать, деваться некуда, действуй. Габдулхай показал казакам, как отделять кожицу от тушки курицы, дуть и заливать туда взбитые яйца. Один из бойцов с недоумением прибежал к старшине: мол, совсем рехнулся с голоду Абдулка, — так ласково звали казаки Габдулхая. Но был немедля возвращен обратно и, свирепо выпучив глаза, выполнял указания Габдулхая. Вчетвером справились с этими надоевшими донельзя курами. А вечером бойцы собрались за импровизированным столом и наслаждались едой, оказавшейся необычайно вкусной. Сказка, да и только! Спать легли сытыми.

Наутро капитан Салтановский построил эскадрон. «Гвардии рядовой Мулюков! Выйти из строя», — прозвучала команда. Габдулхай вышел перед построившимся эскадроном. «За выполнение важного задания объявляю благодарность!» — командным голосом произнес капитан. «Служу Советскому Союзу!» — бодро ответил Габдулхай. «А как называется эта волшебная курица?» — вдруг спросил капитан. «Тултырган таук», — ответил Габдулхай. «Товарищи гвардейцы! — обратился капитан к конникам. — До победы осталось совсем немного. Желаю всем вернуться домой живыми-здоровыми и вспомнить наших товарищей и вот этого самого тултырган таук!» Прошло полгода, Габдулхай вернулся домой. А дома ждали мама, любимая жена, а на столе — тултырган таук.

Свинья для Батыра

Случилось это еще до войны. Жила маленькая Халида не где-нибудь, а на самой окраине Уфы, именуемой в народе Цыганской поляной. Был их дом перед самым мостом, поэтому у них часто останавливались те, кто следовал в город. Однажды в их доме расположился самый настоящий цирк. А в сенях поместили белого медведя.

В соседях у них жил крепкий парень, настоящий богатырь. И звали его тоже Батыр. Зашел он к родителям Халиды через темные сени. Увидел в полутьме что-то белое на полу. Страшно возмутился: «Ах ты свинья, мало того что нагло вошла куда не надо, да еще и разлеглась тут на пути!» Да и пнул мирно дремавшую скотину. Медведь, видимо, спросонья не понял, в чем дело. Поднялся во весь свой медвежий рост и обиженно рывкнул. Батыра как ветром сдуло из сеней. На улице, отдышавшись, он увидел удивленный взгляд Халиды из окна.

Когда Халида вышла на улицу, вдруг, откуда ни возьмись, снова появился Батыр и стал расспрашивать, как дела и видела ли его неудачное общение с медведем. Но она застеснялась и сказала, что ничего не видела. Позже Халида не раз встречала Батыра. Тот снова пытался выспросить, видела ли она его позорное бегство. Она смущенно от-

вечала, что ни о чем не знает. А Батыр при этом каждый раз угощал ее конфетой, чтобы тверже убедиться, что Халида ничего не видела.

Не оправдал ожиданий

Работал я много лет назад на стройке — в тресте КПД. Был молод. Почитывал газеты. И образование было у меня высшее. Вот и поручили мне проводить политинформации грузчикам. По тем советским временам это было обязательным. Дело это было для меня необременительное. То, что прочел за неделю в газетах, надо было за полчаса — сорок минут пересказать рабочим. Собирали их в бытовке, где стояло полтора десятка стульев. И я вещал им новости. Работяги особенно не рвались на это мероприятие. Многие старались сесть подальше, сзади, где можно было спокойно отдохнуть.

Был среди слушателей и дядя Миша Шамсутдинов, совсем уже в годах, бригадир грузчиков. Меня поражало то, что он никогда не отлынивал от политинформаций. Напротив, садился он всегда впереди. Не пропускал занятий и восторженно смотрел на меня. Хотя многие просто дремали. Его поведение очень даже повышало мою самооценку. Значит, смог очень интересно подавать материал, полагал я.

Прошло года два. Меня перевели на работу в другое подразделение треста, о чем я и сообщил слушателям на последнем своем занятии. Когда оно закончилось, дядя Миша шумно вздохнул и подошел ко мне. Я давно собирался узнать у него, чем именно смог заморозить старого бригадира. Но тот сам начал разговор. «Удивительно, как это ты мог каждый раз говорить целых сорок минут подряд без единого матерного слова. Это же совершенно невозможно! Первое время я думал, что что-то прослушал. Потом стал садиться вперед и ждал, когда ты нормально по-русски заговоришь. Вот так и не дождался», — вновь вздохнул он на прощание.

Кто такой Никсон?

В одной воинской части, а где именно — это военная тайна, регулярно, как и во всей Советской Армии, проводили политинформации. Солдаты должны были знать политику СССР и международную обстановку. Надо сказать, что идеологическая работа в те времена была успешной. Воины хорошо знали трудовые победы советского народа, агрессивную политику империализма, руководителей братских стран и буржуазных государств. Но не всем эти немудреные истины давались легко. Был у нас парнишка из Средней Азии, который русским языком владел очень слабо. А занятия проводились для всех, понимаешь ты русский язык или нет.

Занятия вел прекрасной души человек, замполит капитан Ивашев Василий Михайлович. Он доходчиво объяснял, кто из каких государств агрессор, а кто дружественная нам страна. И кто этими государствами руководит. Должны были мы знать и знали всех своих воинских начальников — от командира отделения до командира дивизии и до министра обороны. Но, как оказалось, не все.

Как-то проверять политическую подкованность солдат прислали майора аж из самой Москвы. Собрали нас всех в красном уголке и по очереди вызывали к доске, где висела карта мира. Мы бойко отвечали на вопросы. Московский гость важно кивал головой, а замполит и вовсе расцвел. Но все это до поры до времени, пока не вызвали азиатского парнишку. Тот не только не отвечал на вопросы, но даже и не мог понять их. К сожалению, русским языком он владел очень слабо. Тогда москвич безнадежно махнул рукой: ну все, скажи хотя бы, кто такой Никсон, и все. Для тех, кто сейчас не знает Никсона, скажу, что это был тогдашний президент США, имя которого на все лады склонялось во всех газетах, по радио и по телевидению. Солдатик обреченно смотрел на майора. Тот подскочил к солдату и по слогам вновь спросил: «Кто такой Никсон?» Замполит решил подсказать и показал рукою на США на карте. Солдат понял по-своему. Глядя в глаза высокому столичному гостю, он радостно выпалил: «Ты Никсон!»

Первый посетитель вытрезвителя

В одном из районов города почему-то не было вытрезвителя. А борьба с пьянством была. Власти заметили такое и приняли решение: вытрезвитель срочно построить. И даже назначили молодого офицера милиции начальником будущего медвытрезвителя.

Начальник есть, а вытрезвитель еще не готов. А потому в свой вытрезвитель пока никого не удавалось привести. Начальник вытрезвителя заявил, что введение в строй нового вытрезвителя — это праздник. И твердо пообещал не наказывать первого посетителя.

Вытрезвитель торжественно был открыт. Первого посетителя долго ждать не пришлось. Прямо в двух шагах от нового здания обнаружился клиент. Бедолага даже не мог идти, его буквально внесли в помещение. Установить личность труда не составило. У гражданина обнаружился паспорт. «Замечательно, — обрадовался один из притащивших пьяницу милиционеров. — Составить протокол проблем не будет!» Однако новоиспеченный начальник вытрезвителя обещания своего не забыл. «Так, — распорядился он, — задержанного доставить по указанному в паспорте адресу». «Как его доставить-то, — засомневался один из милиционеров. — Ведь он настолько пьян, что свое голое пузо рубашкой прикрыть не в состоянии!» Начальник

секунду поколебался. Но повторил свой приказ. Взял лист бумаги и авторучку — написать семье пьяного записку. Но тут взгляд его остановился на обнаженном животе бедолаги. И размашисто ручкой на животе несчастного написал: «Первый посетитель вытрезвителя!» И поставил свою подпись и дату. Подумал, принес две бутылки водки и сказал: «Пусть в честь нашего праздника пьет дома, никуда не вылезает». Пьяного милиционеры так же бережно унесли, принесли в его квартиру, уложили, а рядом поставили две бутылки. И исчезли. Жена, увидя такое, ходила жаловаться в горисполком. Там офицеру сказали, чтобы подобное было в первый и последний раз! «Так точно!» — ответил офицер. А сам подумал: «Первый раз уже был, а увидит ли когда-нибудь последнего пьяницу?»

Обаяшка Альбина и пони

Жила-была и училась в начальных классах школы девочка Альбина. Она была отличницей, старостой и без конца участвовала в олимпиадах. И как все это успевала делать, никому не ведомо. При всем при этом она была очень красивой девочкой. В общем, обаяшечка, и только. Однажды она увидела объявление о наборе в конноспортивную школу. Загорелась и бегом рысью, резвее самого резвого жеребенка, в эту самую школу. Когда она прибежала, там уже вовсю шел набор кандидатов, но они все были на несколько лет старше нашей красотулечки. Самых подходящих из них приняли в эту школу и даже распределили за ними коней. А Альбину даже никто и не заметил. И стояла она грустная-прегрустная, не замечая, что из глаз ее, соревнуясь, побежали слезинки. Но это заметил директор конноспортивной школы. Взял ее за руку и повел в конюшню, где подвел к маленькой лошадке и сказал: «Вот он, твой конь! Это пони», — пояснил он. У Альбины слезки сразу перестали соревноваться и куда-то спрятались. Она несмело протянула руку к коню и, засмутившись, отдернула. Но пони закивал ей головой: можно-можно, не робей! Тогда она уже более уверенно погладила конька по шее. Тот ответил ей глазами, что все будет хорошо. Так началась их дружба. Альбина стала часто приходить к своему пони. Чистила его, расчесывала гриву, угощала сахаром, а однажды даже земляничкой. Пони благодарно катал ее на себе. По праздникам Альбина влетала алые ленточки в гриву. Хотя пони это не очень нравилось, он считал эти украшения женскими, но ради дружбы терпел девчачьи причуды. Альбина была умничкой, поэтому ее часто направляли на разные там олимпиады и всякие другие соревнования, откуда она всегда привозила дипломы и кучу других наград. Тогда она, бывало, пропускала визиты к своему коньку. Но потом приходила и все рассказывала. Пони грустил, когда ее не было, но всегда радовался ее успехам, хотя его никогда не звали

участвовать ни на каких олимпиадах и даже на скачках. Поэтому у него не было медалей и почетных грамот. Но пони из-за этого не унывал. Для него была награда поважнее. Это когда приходила Альбина и ухаживала за ним. Он с удовольствием слушал ее рассказы об учебе и всем остальном. Когда она рассказывала, часто приговаривала: «Как жаль, что не понимаешь человеческого языка и не можешь ответить!» Он молча усмехался. Хотя действительно пони и не умел разговаривать, но прекрасно понимал человеческий язык. Он даже никогда не отвечал ей ржанием, потому что однажды услышал, что в человеческом обществе ржать неприлично.

Шло время. Альбина стала приходить реже. У них, у людей, придумали какие-то экзамены. Да и другие заботы у нее появились. И вот настало время, когда обаяшечка перестала приходить. Пони уже слышал от людей, что один философ (это такой очень умный человек) сказал, что все проходит. Понял, что и это пройдет. Но все же ему хотелось вновь услышать мелодичный голос Альбины.

Прошли годы. Пони трудился на своем поприще. Однажды услышал какой-то знакомый родной и в то же время в чем-то другой голос. Увидел ее. Она была такою же обаяшкой, но уже какой-то не такою. За руку она держала девчущку, пони узнал ее — ведь эта была очаровательная маленькая копия его Альбины. «А вот, дочка, это мой пони, о котором я тебе рассказывала», — сказала Альбина. Дочурка вырвалась и подбежала к пони. «А можно, ты немножечко, совсем немножечко, будешь и мой тоже», — тихо сказала она. Пони кивнул ей. Ему стало радостно на душе. А обаяшечка Альбина, взрослая мама Альбина тоже с радостью посмотрела на них — на свою дочку и своего верного пони.

*Скворушка в Италии
Встретился родной.
Неизменно весел,
Словно заводной.
И весной повеяло,
Будто не ноябрь!
Вдруг и в моей жизни
Май, а не декабрь?!*

Поезд «Уфа — Москва»

Край мой красивый, —
поля, перелески,
Отроги зеленые гор,
Реки, речушки, озерные глади,
Неба бескрайний взор.
Полным любовью,
сердцем огромным
Здесь ощущаю себя.
Каждой березке, каждому дому
С радостью кланяюсь я.
Стать лучезарной,
что поле пшеничное,
Щедрой,
июльскому ливню под стать,
Музыкой сердца,
этюдом скрипичным
Сызмальства, помню,
хотела я стать.
В поле ли выйду, у озера ль встану,
Мамину песню тихонько пою.
И до конца дней своих не устану
Слушать,
как вторит ручей соловью.
Край мой красивый!

Сердце теплеет, —
Вечер закатным костром полыхнул.
Ласковый ветер в рощах играет, —
С неба с молитвою кто-то вздохнул.

Затепли свечу

Внесу свечу
 в твою грустную комнату,
И убежит темнота и печаль.
Тоненькой свечкой
 твой путь освещаю,
А за окном завывает февраль.
Февраль и в мае порой завывает
В нашем с тобой худом очаге.
 Зажжем огонь,
Пусть костер прославляет
Цвета, что блекнут при электродуге.
Свечу не жалею, —
 зажжет сто других, —
И меньше не станет.
А тьма вдруг устанет
От искренних слов. Печаль вековая
Во мгле дальней канет,
 нас не достанет.

Важное

Медленно в парке падает лист.
И в этом пути он чист и лучист,
Как будто всей сутью
 впадая в экстаз,
Именно этот вот путь — только раз
Смысл имеет и цель всего.
Все то, что «до», и то, что «потом»,
В среде другой родни шепотком...
А этот вот затяжной прыжок —
Не важно куда — асфальт ли, лужок,
Именно он очень важен листку,
Миру так важен,
 что кровь вся к виску.
И в одиночестве падает лист,
Чтоб разглядели,
Как чист, как лучист,

Чтоб красоту замечать люди стали
Мгновений коротких,
И чтоб не устали...

Воронье

«Нельзя стирать белье чужое:
Услышишь горькие слова».
Иду я горькою межою,
Как странно, что еще жива.
Как странно, что, обуглясь, слезы,
Росинкой падают в траву,
А две сестрички, две березы
Клонятся, словно божеству.
Тебя волнует не живое
Течение жизни. Иногда
Вдруг бабочкой вспорхнет благое,
Чтоб не вернуться никогда.
Слова твои искали жадно
Все нити, точки болевые.
А я, раскрывшись, пропускала
Моменты в сердце голевые.
Что ж, все уроки принимаю,
Держу удар, а не пари.
Опять надежду я бросаю
Тебе, как мячик: «На, бери!»
Опять возьму стирать белье:
Теперь не больно. Не жива я?
Смотри, слетелось воронье,
Трещит веревка бельевая.
Но я светло смотрю окрест,
Не уроню слезу и завтра.
В сценарий горьких ты невест
Вписал для своего театра.
А я свою сыграла роль
И поняла свои просчеты:
Слова диктует «минус ноль».
При чем здесь он и мои взлеты?!
Не легче мне, что сам ответишь
За горькое свое белье.
Надеюсь, что теперь заметишь:
Твои слова — все воронье.

Я лепешки пеку

Деревенская улица!
Сердце сладко любит,ся,
Как дымок поднимается,
Как метель стыло мается.
В теплых валенках, ласковых
(Обметаю их наскоро),
Я взойду на крылечко,
Разгорелась уж печка.
Из квашни тесто спелое
Да по ситчику белому
Раскатается скалочкой,
Дом звенит балалаечкой!
И лепешки горячие,
Развеселые, зрячие
Я спороврю всем радостно,
Самовар поет сладостно:
«Мир вам всем да совет!»
Не лечу, не учу, телефон не включу.
Не пою, а звучу:
 Я ухватом бренчу,
 Сковородку кручу
Да лепешки верчу.
 Я лепешки мечу,
 Как молитву учу!

Доля

Из серии «Египетские рассказы»

В одном поселении близ города Кена, что, в свою очередь, близ прекрасного Луксора, жил благочестивый мусульманин. Имя ему было Абу Омар Эль Рамадан.

Вырастил он, слава Всевышнему, четырех сыновей. Все они получили образование: Абу Аас — инженер-строитель, Абу Суфиян — юрист, Абу Бекр — доктор, Абу Аббас — фармацевт. Обзавелись сыновья семьями, уже и своих детей подняли, свои дома, квартиры имеют. Надо добавить, что и уважением пользуются не меньшим, чем родители среди людей, собирающихся в урочный час на молитву. Место их в первых рядах, поближе к имаму, — значит, по местным меркам, очень достойный род. Родители молодому поколению помогали, чтобы обычаи не были забыты, чтобы присмотрены и здоровы все были, чтобы порог отчего дома не заслоняла беда безверия и беззакония.

Дни свои проводил дед в молитвах в скромной мечети, а также трудился в своем садике. Короткими стали беседы с женой Фатимой. Как они могли говорить долго? С полуслова понимали, о чем речь. Прожили вместе почти семьдесят лет. Дети все чаще заставляли созерцающими их. У отца при этом на красивом, хоть и морщинистом, лице часто блуждала улыбка.

— О чем мечтаешь, старик, — спрашивал его старший сын, — что я могу для тебя еще сделать?

— Зря детей еще не нарожали с мамой твоей, — говаривал дед, смеясь и поглаживая свою седую бороду. — Дом без детей, что сад без птиц...

— За чем дело встало! — шутил сын.

— Да уж тринадцать лет мать в свою постель не пускает, — хохотал отец, — разве что наложницу в дом взять, из России, говорят, понаехали — выкуп не надо платить, а красивые и добрые, да и мусульманки есть среди них...

— Ох, ти!!! Вах, ти!!! Я уж думал, ты гурий райских видишь, а ты все о земном...

В скором времени верная его Фатима умерла.

— Иншаллах! — сказал печально отец, и провел он в грусти и воспоминаниях сколько положено по шариату дней после почившей жены. Сыновья, внуки, снохи приходили, помогали, кормили, обстирывали. Зазывали к себе жить.

Старик же отказывался и просил сыновей... женить его!

Держали совет сыновья и решили, что отец их, когда был в силе, всегда потакал многим их просьбам, не стоит отца судить да обижать...

Стали искать подходящую партию. Ни одна бабушка не соглашалась выйти замуж за старика.

Тогда младший сын нашел в далеком селеньице некрасивую старую деву сорока пяти лет. За некрасивых девушек калым не платили по правилам арабов в этой местности, она же должна была предъявить приданое. У Рабиги не было ничего. Так бедны были все ее родичи. Вот и куковала, потеряв всякую надежду выйти замуж и родить ребенка.

Старика Омара жениться на молодой долго уговаривать не пришлось, а невесту увещевали, что она как бы замужем побудет, и старого человека уважит, и материальное вознаграждение после смерти отца, хоть и небольшое, при ее бедности не помешает. Но она согласилась только при условии, что и Никах¹, и таукиль² из полицейского участка будет, а то как же!

¹ Никах (араб.) — обряд бракосочетания.

² Таукиль (араб.) — договор.

— Я девушка честная, чистая, как вода в роднике Зям Зям. Позор на семью свою не хочу навлекать! — торжественно и громко, чтобы соседи слышали, декламировала она.

Быстро все организовали сыновья. Никах в мечети шейх прочитал при свидетелях. Прием у местной власти, которая снабдила их бумагой, что они муж и жена, посему находиться и жить под одной крышей могут, не привлекая внимания полиции, тоже прошел по всем правилам. И, громко сигналив, посмеиваясь, на четырех аж машинах, свадебный привезли кортеж.

— Отец, а на чем ты маму нашу перевозил в свой дом, когда женился первый раз? — спросил Аас.

— Богатая была и красивая. Две арбы свои у меня были, да еще ей в приданое дали два ишака. На них навьючено было добра-а-а!

Помолчал минуту новоиспеченный молодожен, словно улетев в то далекое невозвратное...

— Ну, все вы сделали, как надо, Альхамдулилля!¹ Шукран², ступайте, своими делами занимайтесь! ... Какая еще вечеринка?! Домой, всем сказал, нет, никаких партий (вечеринок) не будет...

А утром старик выкурил шишу (кальян) и помер. Схоронили по местным обычаям, в тот же день. Погрустили, поминки да молебны провели, как положено по уважаемому человеку. Стали грустно добро делить, а молодая жена и говорит:

— Делить вам надо не на четверых братьев, а на пятерых.

— Ты что, хабиби³, спятила? — опешил Бекр, который документами занимался.

Высоко и гордо подняла голову Рабига. Вздохнула, разгладила складки на черном шелку новых одежд, шепотом прочитала аят⁴ о помощи из Корана, потупила глаза, полные любви и слез, лишь потом изрекла:

— Как за вами дверь затворилась, так мой красавец-муж законный, после вечерней молитвы-намаза, повел меня в спальню и, Субханалла⁵, не отпускал до самой зорьки из горячих своих объятий! Перед смертью сказал, что родится обязательно сын. И мне отсюда не разрешил выходить сорок дней. А дальше, сказал, как сыновья решат.

Сыновья же решили, что хитрит Рабига. Юрист и врач пригласили коллег. Эти специалисты подтвердили законность притязаний

¹ Альхамдулилля (*араб.*) — слава Всевышнему.

² Шукран (*араб.*) — спасибо.

³ Хабиби (*араб.*) — дорогая, любимая.

⁴ Аят (*араб.*) — стих из Корана.

⁵ Субханалла (*араб.*) — выражение удивления и восхищения (досл.: «Всевышний выше каких-нибудь недостатков»).

женщины. И безвинна, дескать, была до этой ночи, и право имеет сорок дней здесь жить, чтобы выяснить, не беременна ли. Все по шариату!

Наняли охранника — секьюрити (так они их называют), день и ночь сноси дежурили, чтобы ребенка, действительно, не понесла от греха. Никто и не поверил, что это правда. Думали, просто Рабига тянет время, не хочет в свою нищету да незаужество так быстро возвращаться.

Но очень скоро все признаки беременности стали явными.

Посмеивались соседи над братьями. Советовали сделать специальные анализы.

— Ля Хауля!¹ Обязательно проверить! Позорить решила старика бедного. Анализы!!! И все развется, как дым. Ведь отец ваш стар был, как та олива без плодов в его саду, — прослышав новость, увещевала снох соседка бабуля, которая месяц назад первая отказалась выйти за отца.

Мальчик же родился в положенные сроки. И крепок, и красив, как отец. Один в один, каждый завиток и ноготок!

— Альхамдулилла! — говорят теперь братья. — Какую радость нам отец оставил вместо печали утраты, хвала Всевышнему!

Каждый из них старался помочь, завернуть в отчий дом со сладостями, одеждой, игрушками. Теперь вот уже с книжками для школы.

Рабига же безмерно счастлива и повторяет единственную фразу, которую ей ее законный муж (а ему, к слову сказать, девяносто лет было) оставил на память:

— Надо верить и молиться о своей доле. Если кусок тебе положен по предопределению, зубы выбьет — а в твой рот попадет!

Веселые старики под Кеной живут!

Свадебное путешествие Суфияна и его жены Савды

Рассказал Хасан

Хургада тогда была зарождающимся курортом. Вдоль берега самого чистого в мире Красного моря едешь, а там островками оазисы отелей, между ними — пустыри, где много собак и ветер треплет кучи полиэтиленовых мешков. Магазины было в разы меньше, да не были витрины такими сияющими. Зато продавцы были счастливы просто пообщаться с «руссия пипл», угощали чаем, не приставали с товаром, как сейчас. Агрессивного напора такого не было. Возможно, несколько навязчивым было внимание, но это легко

¹ Ля Хауля — здесь: выражение возмущения (досл. «Всевышний чист от недостатков, приписываемых ему»).

можно было остановить одним арабским словом «тамам», то есть «все, конец беседе».

Восточное почтение сопровождало приезжий люд и на рынках, и в гостиницах. Даже в автобусах гиды-арабы, возившие экскурсантов в Каир, Луксор, говорили примерно следующее:

— Здравствуйте, Хабиби! В автобусе сейчас немцы, поляки и россияне. Вы все очень уважаемы нами. Но первая речь в поездке будет звучать по-русски. Не обижайтесь, остальные, ведь русские нам сильно помогли построить великую Асуанскую плотину. В результате крокодилы перестали есть арабов по всему Нилу. Поэтому я сейчас перед вами живой и говорю на пяти языках мира...

Совсем недавно это было, а как уже многое изменилось и, к сожалению, не все в лучшую сторону в городе у Красного моря.

Тогда, лет пятнадцать назад, встречались еще близ Хургады поселенница, которые сохраняли нравы чистые и скромные. А те немногие мужчины, которые уже приложились к турбизнесу или к риэлтерской деятельности, сами себе казались великими знатоками жизни и весело рассказывали истории о ситуациях, когда менее подготовленные их соотечественники реагировали на обычные в курортном городе вещи неадекватно. Так вот о своем брате и его жене рассказал мне историю шофер, который работал в экскурсионном агентстве.

По обычаям тех мест женятся не рано, как у нас в России. Женятся, когда мужчине около тридцати. Ведь он должен собрать состояние не меньшее, чем было у его отца при женитьбе, а то и большее. Обсчитывалось это все в «верблюдах». Скажем, у отца Суфияна было состояния на двадцать верблюдов, так сын, прежде чем жениться, должен иметь эквивалент в домах, квартирах, машинах, золоте. И заработать это он должен сам. Иногда родные помогают, но большая доля приходится на молодого человека до женитьбы. Он не может арабскую жену привести в дом к родителям. Будущий муж строит свое жилье, покупает квартиру, обставляет ее, приобретает будущей жене от 36 до 200 граммов золотых изделий.

Так вот пока Суфиян все это зарабатывал, ему уже стукнуло тридцать шесть лет. Он ни разу не был ни в Каире, ни в Хургаде, не видел моря. Лишь на рынке в Луксоре торговал иногда с отцом фруктами да глиняными горшками. Родители сосватали ему соседскую девушку, которая окончила фельдшерскую школу в Кене, но еще не работала, было ей всего девятнадцать лет.

На свадьбе брат Хасан, работавший в Хургаде, сообщил, что к подарку прилагает сюрприз. Приглашает молодых в свадебное путешествие в Хургаду. Обещает все расходы взять на себя, показать Красное море, туристов — людей из многих стран, покатать на машине, квадроцикле и на катере. В назначенное время привез он их в арендо-

ванную в арабском квартале квартиру, молодые ходили по улицам, магазинам, общались с горожанами, все им нравилось. И тут выпал случай на халяву, вместе с туристами из России и Германии, паровозиком свозить родню в аквариум в Эль Гуну. Нимало не заботясь о разнице нравов, Хасан спешно транспортирует Суфияна и Савду к месту посадки на прогулочные катера, они бегом успевают вскочить на отчаливающее судно, причем Суфиян при посадке сильно ушибает голову о какую-то металлическую перегородку. Вот они на катере! Волна бирюзовая, окаймленная кружевной пеной, бьет за кормой, чайки выются, играет музыка, туристы разлеглись и расселись на палубе. И тут Суфиян судорожно хватается брата за руку и кричит:

— Субханалла, я в раю! Смотрите, хур кызлары! Сколько гурий-красавиц, и все мои!

Он стремительно бежит к палубе, где ничего не подозревающие о своей великой роли российские красавицы и очень откровенные немки уже вовсю загорают топлесс. За ним бежит его молодая, чуть более просвещенная жена, тянет его назад, пытаясь прикрыть его глаза своим широким платьем, задрав подол, и тоже громко кричит:

— Закрой глаза, бессовестный, обманщик, все твоей маме расскажу, куда ты смотришь! Как ты можешь восхищаться этими распутницами?

Бедный Хасан тянет их обоих в каюту, пытаясь объяснить, что это туристы, не надо на них кричать, не надо их хватать. Ни водичка, ни чай, ни закрытые двери каюты не могли привести молодоженов в устойчивое состояние. Вся арабская обслуга катера пытается объяснить «дикарям», что это все «нормально», «культурно», «обычно». Однако Савда громко рыдает и причитает, а Суфияна бьет нешуточная дрожь. Глаза его горят, лицо как у безумца. Он никак не хочет поверить, что он не в раю, что эти красавицы, которых он только что пил глазами, не для него! Перед ним, как в калейдоскопе, крутятся стройные ножки, обнаженные плечи, животики, расписанные татушками, пупочки, украшенные цветными камушками, как звездочками. Да на земле не может быть таких худеньких женщин! Наконец, он приходит в состояние, близкое к реальности, начинает слышать причитания своей жены, которая только сегодня утром ему казалась верхом совершенства, красавицей! А что теперь? Он разом вдруг увидел все недостатки ее фигуры и в один миг постиг всю пропасть, которая разделяет его и тех гурий на палубе. И он... начинает плакать. Из немигающих красивых карих глаз катятся и катятся крупные слезы, как будто сама жизнь уходит из Суфияна. Тут Савда вдруг подскакивает на месте, громко ругает всех присутствующих, выгоняя их из каюты, опять задирает подол своего платья, начинает вытирать слезы мужа. Она прижимает его к своей пышной груди, уте-

шает и приговаривает нежные слова. Потом напоминает, что пришло время намаза — молитвы. Жизнь к Суфияну возвращается, но вся дальнейшая экскурсия для него совершенно не интересна, он как бы выключен. А легко успокоившаяся Савда любит рыбу в аквариуме, расспрашивает соотечественников о чем-то и дружелюбно улыбается туристкам. Экскурсия закончилась, Хасан решил, от греха подальше, быстрее отвезти родню восвояси. Всю дорогу молчавший, Суфиян перед прощанием твердо и спокойно заявил:

— Буду строить дом для второй жены и свататься теперь к русской красавице. Обязательно. Помогите, брат, найти подороже работу.

С тем и попрощались. Хасан поспешил в Хургаду, к месту своей работы, с чувством выполненного обещания и с какой-то грустинкой.

— Может, он головой повредился, всходя на корабль? — закончил свой рассказ араб-египтянин, проживший к тому времени лет пять в новом для всех местных мире.

— А может быть, это вы все повредились головой, работая в этом городе, который вас развращает и изменяет не к лучшему? А то что же некоторых из вас заставляет так легко забывать традиции и порядки своего народа? — спросила я.

Весело засмеялся он, но ничего не ответил. А глаза чуть погрустнели, видимо от воспоминаний о днях, когда он тоже был только новичком в этом городе чудес.

Рассказики о проказниках и о другом

Медитация — вариант первый

Сыну пять лет. Вместе моем полы. Я — там, где просторно, сынишка — где надо залезать, доставать. Маленький мужчина (а он от рождения был им) залез под кровать и застрял надолго. Я же, как всегда, тороплюсь.

— Ну что же ты, сынок, там возишься?

Перелезает под следующую кровать и опять застревает. Приглаживаюсь. Выжимает из тряпки лужицу, потом пальчиком рисует на полу этой водицей фигурки. Сосредоточенно думает... Мой оклик его выводит как бы из оцепенения.

Спустя годы, изучая практическую психологию, узнала много чудесного об этом методе медитации — «рисование водой на гладкой поверхности» ... Жаль, что тогда по своей неграмотности выводила сына из такой чудесной внутренней сосредоточенности-медитации. Зато с внучками научилась многому!

В «очеледь»

Хорошо, что теперь детям приходится разъяснять, что такое очеледь за фруктами.

— Это когда их нет на прилавках месяцами!

— Как это? А где они?

— Ну, это уже политико-философский, а с точки зрения мам — уголовный вопрос, на который (точнее, за который) так в этом мире никто и не ответит!

Ранняя весна, солнышко дольше светит, детям хочется больше погулять на свежем воздухе. Играет младший сынишка в песочнице с удовольствием. Ах! Какую замечательную гору песочка, чистого и влажного, недавно привезли! Лепи и строй все, о чем мечтается. Получаются здорово и дом, и замок высокий, и дорога. Вдруг все взрослые жители ближайших домов побежали к задней двери ближайшего магазина и выстроились в очередь. И я, на всякий случай, не зная еще, что «дают», тоже оказалась почти в конце этой длиннющей колонны. Продавщица, на лице которой была печать не то богатой благотельницы, не то Салтычихи, быстро оборудовала себе рабочее место среди ящичков, прикрытых брезентом. Ловко двигая то ногами, то бедрами стол, весы, ящички, она не отвечала на вопросы людей (а что дают?), занималась своим делом, перешучиваясь с грузчиком и с мужчиной из очереди, который вызвался помочь.

Наконец все готово, и тот счастливчик, которому «разрешили помочь», первый отоваривается, причем взвешивают ему больше общей нормы.

«Дают» апельсины и яблоки. Я, приглядывая за сыном, который играет увлеченно теперь не один, а с маленькой девочкой, радуюсь, что можно совместить прогулку ребенка с полезной покупкой. Колонна в три-четыре ряда бойко двигается, настроение у всех радостно-возбужденное, это тебе не синюшных кур покупать!

Когда приблизилась очередь, беру за руку сына, подхожим:

— Нам на двоих!

Тяжелая сетка-плетенка приятно тянет руки, возвращаемся к песочнице. Пристроила на скамейке покупку, сама рядом разглядываю с любопытством, как строят и чего уже настроили двухгодовалые дети. Девочка вдруг застеснялась моего взгляда. Стала собирать свои формочки, всем видом показывая, что уходит. Сын вопросительно посмотрел на нее, на меня, оценил ситуацию, подошел ко мне:

— Ма, иди постой в очеледь!

Я отошла в сторонку и исподтишка стала наблюдать, почитывая книжку. Девочка вернулась, игра продолжалась!

Вот такое проектирование отношений почти без слов. Игра в песочницу и расстановка личностей!

Кагаз бит ул!

В соседний Дом культуры привез свои спектакли кукольный театр. Небывалое явление! Взяв младшего братишку и племянника — им по три-четыре годика, — иду и сама посмотреть на это чудо. Мы с братом замороженно смотрим на сцену, там сказка о чудесной рукавичке и дружбе зверят. Ринат, который жил в деревне, а значит, природа была всегда для него не сказкой, а явью, возится, отвлекается. Наконец, сползает с кресла и быстро несется между рядами к выходу. В темноте еле догоняю и шепчу:

— Давай смотреть дальше, видишь, там и лягушка, и мышка, скоро медведь придет!

Ринат смотрит на меня то ли с жалостью, что я не понимаю обмана, то ли с насмешкой, что я такая глупая, одним словом «городская», и с жаром громко говорит:

— Кага-а-аз бит ул!¹...

Отталкивает мою руку и в темноте бесстрашно, легко, вприпрыжку несется на свободу, в реальную жизнь.

Медитация — вариант второй

Рано утром прозвенел звонок в дверь. Сын привез внучку. Праздник! У нее радость, веселье, озорные звездочки в глазах и в волосах! Делает все и сразу: пританцовывает, поет, рассказывает новости, переодевается, надевает легкие туфельки, изображает фрагменты любимых добрых мультиков (родители тщательно отбирают и создают фильмотеку), стремительно бежит на кухню, взбирается на табуретку и ... пьет. О! Это особая песня! Внучка пьет медленно, долго, прижав мило-мило кружку двумя ручками крепко-накрепко ко лбу, ротик, ко всему лицу... Дышит шумно в кружку... медитирует... разговаривает с водой... слушает воду... слушает свое дыхание и дыхание мира...

Потом вдруг отнимает кружку от лица, озорует дальше, а на лобике и продолжением губ следы от кружки и воды! В глазках сияние, радость и познание. Что-то там ей вода рассказала, а она услышала! Вот оно! Если играешь, то отдавайся игре без остатка, а если пьешь, то только пей!

Кто что любит?

Ненечка заметила, что горячо любимая и долгожданная внучка очень часто говорит:

— Это я люблю, а это не люблю...

¹ Кагаз бит ул (башк.) — это же бумажки.

Решили подкорректировать воспитательный процесс.

— А ты знаешь, что любит дедуля?

— Газету читать.

— Что же любит ненеечка?

— Со мной играть и ездить куда-нибудь!

— А папа?

— Мастерить, налаживать телевизор, возить нас на машине!

— А мама?

— Стирать! Мама очень любит стирать!

ТОЧНОСТЬ

Младшая внучка с раннего детства отличалась точным словом. Удивительно, но первое слово, которое она произнесла, было «Ля», потом — «Льга»

Внучку укачивает в машине, поэтому стараемся девочку «разговорить». Хором читаем стихи, поем, играем... Почти подъехали, впереди переезд, как назло шлагбаум закрыт, и мы, желая ее отвлечь, предлагаем:

— Попроси, чтобы тетя открыла ворота, а то нельзя пока ехать, придется подождать!

Девочка, насупившись, молчит, потом, когда ей надоедает ждать, вдруг говорит:

— Тетя, аткой паку!

Мы все дружно смеемся своей недогадливости. Действительно, какие ворота? Шлагбаум-то — палка и палка.

У этой внучки рано проснулся талант очень точно называть предметы, явления, различать фальшивые нотки в любых проявлениях. Заметили, когда ей еще не было и двух месяцев, она горько плакала, если открывали китайскую музыкальную шкатулку, в которой скрипела всем знакомая, но некачественная музыка, а едва встав на ножки, танцевала ритмично и стильно, едва заслышав музыкальные композиции Боба Марли. Придумывала слова и словечки остроумно, и они надолго закреплялись в обиходе близких. «Ля» означало «нет!». Интересно, что в арабском языке так и переводится: ля — нет. «Льга!» — это если уж совсем ее рассердили. А однажды мы ей предложили сесть на стульчик, а она:

— Я уже тут приудобилась!

На бордюре, среди свисающих цветочков, спящих бабочек, действительно можно только приудобиться, а не сесть!

* * *

Полей простор и разнотравье луга,
Причудливый узор бегущих облаков,
Вершины гор, разливы рек, озер,
Лесов шатер и аромат степей —
Башкирия,
мне нет тебя милей!

Подстрелы

Цветы из детства —
Редкий дар весны,
Свиданье состоялось
На горе любви.
Пушок сиреневый
И солнышко внутри —
Привет из детства,
Радость на пути.

Коленопреклоненная стою,
Вдыхая свежесть дня
В степном краю.
Ковром цветочным
Устлана земля,
Малюткой восторгаюсь
И, любя,

За счастья краткий миг,
За дар бесценный,
За встречу с детством,
За любовь Вселенной,
За птиц парение,
За новую весну —
Я чудный майский день

Б л а г о д а р ю!

Родилась и выросла в с. Дмитриевка Уфимского района. Более двадцати лет преподавала математику в школах Уфы. Любит людей, новые темы, ставшие доступными «в сегодняшнем дне». Это увлекает в прозе и стихах «стенографировать жизнь и разговор с собой». О других и о себе...

21 марта — Всемирный день поэзии

Убит поэт... Такое было...

«Пал, оклеветанный молвой...»

Знать — велика у рифмы сила,

Коль на Певца идут войной...

А он — всего двумя словами

Порой к такому призовет,

Когда колоннами, с боями

Идет на подвиги народ!..

Тому есть много подтверждений,

Бывало в разных временах —

Судьбу страны — Поэта гений

Вмещал всю —

в нескольких словах...

Любовь и боль, восторг и муки —

Волнует, что из века в век...

И как нежны в мозолях руки,

Душе — Душой СПОЕТ Поэт!

* * *

Спросил сынишка нервно:

«Как жизнь прожить достойно?!»

«Стань равным среди первых», —

Сказала я спокойно.

«Как путь увидеть верный,

Чтоб «почивать на лаврах?!» —

Шепнуло сердце нервно:

«Будь первым среди равных...»

А на ступеньке крыльца...

Разбудила...

«На два шага вперед и на голову выше»

*Памяти моего отца —
Привалова Бориса Павловича*

Говорил отец братьям,
отправляя на дело.
Те слова, сквозь года,
все отчетливей слышу:
«Вы к делам подходите
не спеша и умело —
«На два шага вперед
и на голову выше!»
А потом говорил,
провожая на службу:
«Защищайте страну! —
и добавил потише: —
Берегите мужскую
достойную дружбу —
На два шага вперед
и на голову выше!
Когда просьбы сестер
я уже не услышу,
Оставляйтесь семьей,
их в беде не оставьте:
«На два шага вперед
и на голову выше —
Вы им, вместо отца,
свои плечи подставьте!»
А когда в нашем доме
появились невесты,
Обнимая сынов,
им шептал еще тише:
«Никогда не сдавайте
мужицкого места:
На два шага вперед
и на голову выше!»
Вдруг, заметив меня,
он сказал мне: «Невеста,
Мой отцовский наказ,
любопытная, слышишь?»

И тобой чтоб мужик
был поставлен на место —
На два шага вперед
и на голову выше!..»
Много лет пронеслось,
лишь теперь понимаю
Эту мудрость его,
что пришла не из книжек...
Не исполнив наказа —
по жизни скучаю:
Позади — на два шага
и на голову — ниже...
Помоги мне, Отец,
недочет мой исправить!..
Небесам я молюсь!
Верю: ты меня слышишь!..
И пришлешь мне его!..
Чтоб успела поставить
На два шага вперед
и на голову выше!

Малик БИКБУЛАТОВ

Пронзительные и добрые картины, философские стихи.

Добрый человек, которого очень любят все дети, а старики обращаются к нему за помощью...

А МНЕ БЫ... .

А мне бы, сорвавшись с отвесной скалы,
Узнать бы не страх, а дыхание полета
Со свистом в ушах. Не секунды отсчета,
Что тают, скрываясь в полете стрелы,
А вечность.

И счастье в глазах у пилота!

А мне бы услышать еще бы хоть раз,
Как ветер, нашедший опять мои крылья,
Пел, как сумасшедший, ту песнь, что забыл,
Летать бы по крышам, легко, так, «на раз».
Срывая лишь песней — не криком — весь пыл!

А снега нет...

Скрипит старик, опять не выпал снег —
Беда для тазобедренных суставов.
Детишек крик осколком прошлых лет
Сверкнул в глазах бегущим вдаль составом.
И снега нет, и лампы тускл свет:
Всегда теперь чего-то не хватает.
Гудком в ответ из прошлого привет.
И мчит состав, все дальше убегая —
А с ним сугробы, клюшки и коньки —
К тем пацанам, что за окном играют.
Для них сейчас веселые деньки,
Вот только он никак не выпадает.
Звонка все нет, а он его так ждет.
И этот снег ему не так уж нужен.
Когда б растаял снег сердце и лед,
Всего лишь был бы он чуток простужен.
А где-то снег — в сугробах все вокруг.
Трещат там без умолку телефоны.
А где-то лед и тишина... и вдруг
Хруст под ногами вроде. Трель дозвона?

Век компьютеров и телефонов

Одиноко мне так и печально, отчего непонятно грущу.
Вроде дома все, разве не странно? Достучаться до них не могу.
Век компьютеров и телефонов поглощает людей с головой.
Ни закатов тебе, ни рассветов, и мольберт заскучал тут со мной.
Засоряет жизнь разная мелочь, бытовуха и разная чушь.
Жизнь проходит, и, странное дело, рядом с нею и я прохожу.
Встрепенуться бы нам, отряхнуться, соскочить с колеи хоть куда.
Где могли мы в любовь окунуться и не липла бы к нам мишура.
Нам услышать бы шелест листьев, шум дождя, щебетание птиц.
Мне б собрать все родимые лица и исполнить свой этот каприз.
Одиноко мне так и печально. Неужели лишь мне одному?
Колея та вела изначально в рай непознанный! Вот и грущу.

Я обернулась вдруг назад — и поняла,
что не одна...

Летят секунды на часах, минуты про-
легают.

И, час за часом простучав, день на пол-
ночь сменяют.

Так дни и месяцы скользят.

И вот уж год проходит,
А мыслям впору рассуждать,

Они итог подводят.

Спешим, торопимся все жить,

Ну как нам быть иначе?

Чтоб необъятность охватить,

Мы в поисках удачи!

Прошло полвека — миг один.

Черпнув все наше время,

Полвека машет сединой

И шепчет тихо-тихо:

«Вслед за тобой идет младой,

Ты был почти таким же.

Таков был ты, смотри лихой...

Ты был почти таким же.

В нем видишь прежний образ свой,

Ошибки, слезы и удачи.

Умен, силен, толковый он такой.

Таким ты был почти,

иначе быть не может!

Что ж, не грусти и не молчи,

Достойно жизнь прожита!

И кто сказал, что впереди

Дорога уж закрыта.

Там впереди широкий путь,

Пространство, перспектива.

Возьми удачу и вперед.

Не пропускай все мимо!»

Восток, Любовь, Сотворчество с самой природой — темы, которые всегда интересовали меня.

В мире столько Красоты, что, однажды впустив ее в себя, ощутив ее прорастание в своей душе, вдруг чувствуешь: в тебе самой просыпается художник-творец. Ведь художник не только тот, кто сочиняет стихи или рисует, а кто умеет РАДОВАТЬСЯ красоте мира и открывать ее в привычном.

Мертвое море

Скажи, а ты знаешь, где находится Мертвое море,
В каком городе или хотя бы в какой стране?

В детстве мне снилось, что оно спит

В моем маленьком коридоре.

В нем утопают все звуки

(Я всхлипывала во сне),

В нем утопает свет.

Скажи, ты когда-нибудь засыпал

В больничной палате, где стены, подушки и, кажется,

Даже люди пропахли Мертвым морем и пустотой?

В нем утопает воздух, его так мало,

Что кажется, мне не хватит,

В нем утопает все, а ты идешь по Мертвому морю, как святой.

Скажи, ты умеешь петь, когда холодные волны танцуют

В твоей груди? Если да, то прошу — пой.

Пытайся вспомнить всех тех, кого хотел спасти

И не спас. Память подводит.

Море захватывает с головой.

Мертвое море в нас.

* * *

Каждый падал в любовь...

Кто-то кстати, а кто-то некстати...

Кто-то очень серьезно,

А кто-то шутя, между дел...

Кто-то в утренней дымке,

А кто-то на сочном закате...

Кто когда — каждый падал...

И так... как хотел... как умел...

Каждый падал в любовь...
Кто-то дерзко, а кто-то смущенно...
Кто-то с грузом тяжелым
Мучительных детских обид...
Кто-то тайно... украдкой...
Как в рай, для земных запрещенный...
Кто-то так подневольно...
Как падает дождь на гранит...
Каждый падал в любовь
И писал, пусть коряво, сонеты...
И искал те слова, что подобны заветным ключам...
Наслаждался в разлуке тревогой...
«Любовь моя, где ты?»...
И в пленении этом...
Не думал вообще ни о чем...
Сохранит все признанья листок...
Безнадежно бумажный...
Так, наверно, Египет хранит нестареющий Нил...
Каждый падал в любовь...
Кто-то трижды, а кто-то однажды...
Не судите, ведь Дар любви — Божий посыл...

Анастасия РЯБЧЕНКОВА

Проекта для школьников «Самородок»

Когда читаю своим детишкам стихи Корнея Ивановича Чуковского, понимаю, что великий писатель был еще и прорицателем. Как точно в стихотворении «Путаница» он описал нашу жизнь: **«Свинки замяукали: мяу-мяу. Кошечки захрюкали: хрю-хрю-хрю»**... Как часто люди, которые комфортно чувствуют себя в одиночестве и хорошо собирали бы телевизоры, вынуждены работать с людьми и хронически на них раздражены, продавцы по призванию — нас лечат, а потенциально хорошие технари работают средними юристами.

«...А лисички (хитрые коррупционеры) взяли спички, к морю синему пошли, море синее зажгли. Море пламенем горит...» Происходит то, что противоестественно природе, — море гореть не может. Как и не может страна, у которой много земли, огромная часть которой плодородная, много пресной воды, много трудолюбивых и умных людей, в конце концов, столько нефти и газа (!), и так плохо жить...

А дальше — похоже, что про политику: **«...Долго-долго крокодил море синее тушил, пирогами и блинами, и сушеными грибами...»**

Мотив у Крокодила хороший, море тушить надо, но методы странные, пирогами море не потушишь. Тандем три раза приходил, вроде адекватные меры принимал, но недостаточные: *«Приплывали два курчонка, поливали из бочонка... Тушат, тушат — не потушат. Заливают — не зальют»*. Их действия ситуацию не спасли, море не потухло.

«Тут бабочка прилетела, крылышками помахала, стало море потухать — и потухло». Ситуацию изменил эффект бабочки. Незначительное влияние на систему могут иметь большие и непредсказуемые последствия где-нибудь в другом месте и в другое время (Википедия). Или: «Взмах крыльев бабочки в середине океана способен вызвать цунами на берегу».

Поэтому предлагаю Вам статью немного «бабочками» и помочь школьникам старших классов правильно выбрать себе профессию. Тогда: **«Кошки замурлыкают. Птицы зачирикают». Каким образом?**

— Если Вы достигли больших успехов в своей работе и любите ее, зайдите в близлежащую школу и расскажите детям о своей профессии, что в действительности она из себя представляет, о том, как добиться успеха. Будет замечательно, если Вы возьмете под свою «профессиональную опеку» несколько школьников, которые хотят выбрать такую же профессию, как у Вас. Чтобы они еще в школе попробовали себя в данной сфере деятельности.

— Если у Вас есть знакомые, которые получают кайф от своей работы, организуйте к ним экскурсию для школьников, узнайте у них секреты реализации своих способностей в работе.

Чтобы другие детишки смогли тоже познакомиться с успешными людьми, предлагаю выкладывать тексты или видеointервью с достойными людьми на сайте журнала для школьников «Самородок» www.samorodok-ufa.ru.

Мои друзья меня спрашивают: «Почему ты решила обратить внимание на школьников? Твои собственные дети еще совсем малыши?» Отвечаю: «Да, мои еще совсем маленькие, но когда они вылетят из-под нашего с мужем крыла, их будет окружать то общество, которое создадут сегодняшние школьники... И очень бы хотелось, чтобы это было здоровое и счастливое общество»...

Псевдоним Бога

О ней можно говорить долго. В ней, как в лучике света, сконцентрированы и воплощены все лучшие черты простой башкирской женщины: природная красота, глубокий ум и смекалка, нежность и верность, неиссякаемое трудолюбие, человеческая доброта и душевность, отзывчивость и стремление в любой жизненный момент приходить на помощь братьям, сестрам, родственникам да и всем людям. А ее искрометный народный юмор и жизнеутверждающий оптимизм, талантливо написанные стихи (уже в зрелые годы), вызывают восхищение и глубокое уважение.

Жизнь Сакины Сабуровны Хуснутдиновой начиналась в дружной и относительно обеспеченной по тем временам семье директора школы в деревне Каримово Учалинского района. Но вот отца репрессировали, и вся жизнь перевернулась, дети сполна познали и прошли путь детей «врага народа».

Но, несмотря на злые годы (а может, вопреки этой неудачной судьбе), все дети держались во всем на порядок выше своих сверстников. Хорошо учились, поддерживая друг друга и соблюдая правила осторожности и молчания о черном шлейфе детей «врага народа». Когда старшая сестра смогла устроить двух младших в школу-интернат (а Сакину даже не пыталась из-за боязни, что трое детей из одной семьи могут выявить факт репрессии отца), она молча взяла на себя всю заботу о семье и вместе с матерью стала опорой всех братьев и сестер. Бралась за любую работу: за еду убиралась в богатых домах, нянчилась с чужими детьми, работала на стройке, таскала кирпичи, а когда начала работать на фабрике, то по вышиванию и шитью давала от двух до трех сменных норм.

Говорят, что случай — псевдоним Бога. Слово «псевдоним» в переводе с греческого означает условное имя, но тем не менее это условное имя Бога. И вот моя героиня каждый случай в своей жизни встречала с достоинством и благодарностью. Также и случай, когда в 1950 году появился ее главный герой — закаленный жизненными испытаниями и фронтом, невероятно энергичный, добрый, умный, открытый и веселый башкирский парень из деревни Мулдашево Учалинского района, гвардии рядовой ВДВ. Он приехал с золотодобывающих приисков Крайнего Севера с полным чемоданом денег, чтобы исполнить завет своей матери — жениться на красивой, верной и трудолюбивой башкирской девушке.

Однажды в разгар рабочего дня ее вызвали на проходную. Выйдя, Сакина увидела радостную тетю Умукамал и красавца, также радостно улыбающегося ей. Она не очень-то реагировала такой веселой встрече молодого человека, ведь до этого дня никто на нее не обращал внимания, ни разу она не танцевала с парнем, не имела счастья быть на свидании. Тетя сразу побежала в цех и отпросила Сакину у начальника. Тетя же повела девушку с новым знакомым к родственникам — учителям. Парень серьезно поговорил с ее родственниками, развернув перед ними карту СССР, пальцем показывая на Крайний Север, говоря, что они (имея в виду его и ее) будут жить здесь. Она молча сидит, все это слушает, да девушку никто и не спрашивает: как потом выяснилось, ведь она блестяще прошла конкурс на избранницу из четырех кандидатур! На следующий день Ахметжан Хуснутдинов приехал на «Волге» и пригласил Сакину на улицу. Она надела единственное выходное платье из черного сатина и пошла с ним на улицу, как во сне. Он ее привез в ЗАГС, где они так же молча, без свидетелей, расписались. Затем с родственниками скромно посидели за столом. После оставили молодых одних. На третий день он уехал в санаторий (ведь у него уже была путевка), оставив молодую жену у родственников. Вот только сейчас, оставшись одна, она крепко и всерьез задумалась о том, что случилось с ней и что в такой момент ее бросил муж...

После санатория молодая чета знакомилась с родственниками мужа. По признанию Сакины, он каждого из родственников богато одаривал. Отпуск, богатый сюрпризами, закончился, молодая семья приехала в бухту Находка и застряла в ожидании теплохода — она вдобавок в ожидании ребенка. Молча молодая жена вышивала дорожки и думки, а он, играя в карты, пополнял похудевший за шесть месяцев отпуска чемодан для дальнейшей поездки. В Сусумане их встретили прекрасно, аж на руках понесли до дома.

Потом было рождение дочери, которую заворачивали в пеленки, вываренные из политической карты мира, был свой двухэтажный купеческий дом в Миассе, который для многочисленной семьи родственников стал родным, работа в Монголии и в Уфе... Долгий, трудный и интересный путь после случая-встречи.

Этот случай для обоих оказался началом их счастливой жизни, они ее прошли, держась за руки, в любви и в радости, о которой Сакина апай написала следующие слова:

Апайым менән проходнойзан каршы алды
Кара кашлы бер малай.
Туры ғына караным күззәренә,
Акылында һынаманым, ышандым күззәренә.
Кара кашлы был малай йыракка — Себергә алып ките,

Шул малай мине бигерәк тә бәхетле итте.
Был малай мине алып китте, алып кайтты,
Алтындарзан да артык ике балакаемды бүләк итте.
Баксабызза тезелгәндәр сейәләр,
Шул сейәләр миңә карап «Ғин бәхетле тейәләр».
Югерә — югерә еләк йыйа инем түтәлдәр араһында,
Иң бәхетлеләре булдым барыһы араһында.
Балаларым килтерәләр күстәнәстәр, бүләктәр.
Мин уларға теләйем тик изге теләктәр.
Балакайзарым өстәлдәргә аш-һыузарзы матур итеп тезәләр,
Шундай акыллылар, уңғандар, бигерәк тә кәзеремде беләләр.

Чем судьба одарила, тому и была благодарна искренне Сакина апай. Безропотно, но с трудолюбием и бережностью относилась к жизни. Это и есть, если судить по песням моего народа, главный смысл духовного восхождения. А если судить по людям, которые могут написать такие стихи, это и есть искорки на земле, которые становятся яркими звездами на небесах.

*Хозай тәғәлә кешегә ғәмөр буләк итә тейзәр,
Ә халыкта кеше ғәмөрөн йыр ға тинләйзәр.*

А переводится это так:
*Всевышний дарит жизнь человеку, говорят в народе,
А человек из этой жизни творит песню.*

Тексты публикуются в авторской редакции

Практикант

рассказ

Два окуляра, сидящие на мясистом носу, изучающе смотрели на Васичкина. Щётка густых усов, разместившаяся над бесформенной губой, подёргивалась при каждом произнесённом слове. Голос звучал тихо, заставляя прислушиваться, и твёрдо, отмечая в сторону возражения. И голос, и окуляры, и усы, а также всё, что стояло, лежало или висело в огромном кабинете, принадлежало Гордею Ивановичу Брюкову, директору техникума, человеку весьма уважаемому.

— Васичкин, вы будете (Гордей Иванович Бирюков всех студентов называл на «вы») проходить практику на молокозаводе номер тринадцать. Планка обучения в нашем учреждении поднята высоко — не опустите её. От рекомендаций, которые вы получите по окончании практики, зависит ваша дальнейшая судьба. Удачи вам. — В этом месте Гордей Иванович утопил глаза в записях журнала, лежащего перед ним, и добавил к вышесказанному: — дорогой Васичкин Кузьма.

— Можно подумать, что меня посылают на тренажёры для выявления пригодности полёта на Луну, — подумал Кузьма. Тут мысли понесли студента из окон техникума холодильных установок в межзвёздное пространство, мимо чёрных дыр и густков созвездий. Рядом пролетали кометы, волоча за собой огненные хвосты.

— Васичкин, вам всё понятно, — спросил Бирюков, возвращая Кузьму на Землю.

— Всё понятно, Гордей Иванович, — отрапортовал студент.

— Направление получите у секретаря, — директор дал понять, что аудиенция окончена.

В секретариате Васичкин узнал, что на молокозавод номер тринадцать попал он один.

— Не огорчайся, Кузя, — успокаивала секретарша. В этих словах был намешан коктейль чувств, куда входили симпатия, лёгкая ирония и сочувствие.

— Где мне искать этот молокозавод? — спросил Кузя.

— Не знаю. Слышала, что строили его в доисторический материализм.

Давая направление, Дарья (так звали секретаря), как бы нечаянно, провела по руке Кузьмы подушечкой тонкого пальчика, окольцованного, как лапка голубки, колечком. То ли от обручального кольца на девичьем пальце, то ли от неожиданного внимания местной дивы Васичкину стало ещё тоскливей.

Молокозавод номер тринадцать находился на юго-западе Москвы. Прячась в тени высоток, трёхэтажное здание, огороженное бетонным забором, напоминало развалившийся памятник социализма, в котором, вопреки разумным и неразумным законам, продолжалась жизнь.

— Значит, практикант, — прочитав направление, гипнотизировал взглядом лопоухого мальчишку директор молочного завода, — значит, на целый месяц.

Васичкин молчал.

— Специалист по аммиачным установкам нам нужен. — Директор включил селекторную связь и, склонившись над вспыхнувшей лампочкой, распорядился: — Брагину ко мне. — Селекторная коробочка тут же отреагировала на распоряжение хозяина, и через пять минут в кабинете стояла молодая женщина в белом шёлковом халате и пилотке, приколотой булавкой к чёрной копне непокорных волос.

— Вот это да, — подумал про себя Васичкин, — от такой красоты можно ум отъесть.

— Брагина, проведите, — тут хозяин ещё раз заглянул в предоставленный ему документ и добавил, — практиканта Васичкина по цехам, покажите наше хозяйство, потом отведите практиканта в компрессорный цех.

— А что, кроме меня больше некому этой ерундой заниматься, — огрызнулась красotka.

— Ну, Брагина, ну, Ангелина, мне приятней, если это сделаешь ты, — начал заискивать директор.

Ангелина демонстративно вывела практиканта из кабинета и каблучком босоножки захлопнула дверь. С потолка, словно манна небесная, на халат и на волосы полетела штукатурка.

— Тоже мне любовничик, — вне себя от злости прошипела огненная красotka.

— Васичкин Кузьма, — сжимая протянутую женскую руку, представлялся практикант.

— Ты откуда такой лопоухий нарисовался? — спросила Ангелина, перекидывая часть злости на Васичкина.

— Из техникума.

— А, из техникума. И много там таких желторотых?

Кузьма молчал. В гневе женщина была ещё красивей. Она глубоко дышала. Казалось, что верхняя пуговица рабочей одежды сейчас разо-

рвёт нитку, высвободив из плена шёлковой ткани двух близняшек, подаренных женщине природой, и улетит на другой конец коридора, по которому Ангелина вела Кузьму.

— Это и есть компрессорный цех, — выдохнула Брагина, — раскрывая тяжёлую дверь, — а по другим цехам тебя будет директор водить.

Кузьма остался один. Огромный зал, наполненный металлическим гулом, казался пустым. Приглядевшись, Кузьма увидел стол. Опираясь на четыре деревянные ноги, он ютился в тёмном углу. Из-за стола, неуклюже поднимаясь, вышел человек и, хромя, как старый Роджер на пиратском судне, покачивавшемся среди волн, направился к практиканту. Кузьма разглядел грубые черты лица, потом определил рост плотного человека. Когда тот приблизился и растянул губы, получилась хитрая улыбка.

— Аркадий Петрович, мастер по холодильным установкам. Можно просто Петрович, — представился Роджер.

— Васичкин, практикант, — хотел сказать Кузьма, но принявший крен Эйфелевой башни калека опередил его: — Не трудись, мне уже всё доложили.

Западая на левую ногу, Роджер повёл практиканта в соседний зал.

— Это сердце предприятия, — начал он. Тусклым лампочкам не хватало накаливания, чтобы осветить огромные машины, разгоняющие реагент по цехам. Датчики давления, клапана, штуцеры, клеммы соединения — всё производило удручающее впечатление. Запах аммиака проникал под кожу и разъедал глаза. Казалось, что начинали шевелиться волосы на голове. Кузьму охватила паника.

Как фокусник из рукава, Петрович вытащил из кармана лакмусовую бумажку и приложил к датчику. Бумажка поменяла белый цвет на красный. Тогда Петрович извлёк из другого кармана гаечный ключ и подтянул ржавую гайку.

— В эту ночь будешь дежурить! — сказал мастер, не повернувшись к Кузьме.

— Вместе с вами?

— Один, — сказал мастер. Улыбка на его лице не гасла, и от этого становилось ещё страшней.

Руки Кузьмы повисли как две верёвочки, зацепившиеся за худые плечи. Пропала речь.

— Я, я, я не умею, — сказал практикант, не находя других слов.

— Следи за датчиками давления, — давал наставления Аркадий Петрович, — лакмусовой бумажкой проверяй утечку в соединениях. Знай, что на втором и третьем этажах общежитие. Не дай Бог не уследишь за реагентом, под суд пойдёшь. — Уходя, Петрович

вручил Васичкину персональный противогаз со словами: — Даже, если станешь помирать, противогаз держи при себе.

Всё, чему учили в техникуме, вылетело из головы, если вообще в неё залетало. Васичкин бродил по цеху. Компрессора напоминали железных великанов, отбрасывающих длинные тени. Казалось, что тени, оживая, начинали двигаться. Во всех углах что-то трещало, щёлкало, переключалось. Стрелки датчиков, словно в горячке, дёргались, меняли место положения. Аммиак проникал в ноздри, из-за этого текли слёзы. Васичкин сел за стол, стряхнул влагу с глаз и начал гипнотизировать стрелки настенных часов. Он пытался заставить их двигаться быстрее. Но минутная стрелка игралась с Кузьмой. Делая шаг вперёд, она возвращалась на два шага назад.

«Энергия гипноза на них не действует», — подумал практикант.

В конце зала открылась дверь. Нарисованная пучком света, падающего из светлого коридора, на сером полу растянулась легкая тень с длинными ногами и коротким туловищем. Это была Брагина Ангелина.

— Ты чего сидишь сиротою казанской. — Пройдись по цехам, возьми сливок, сырков. Расслабься. Поешь.

— Не могу, боюсь отойти.

Ангелина подошла вплотную, — чего тут охранять, сколько помню себя, всё работает, не ломается.

От этих слов Кузьма успокоился, даже воспрянул. А воспрянув, он почувствовал голод, разъедающий его молодой организм изнутри.

— По коридору третья и четвёртая двери налево, — сказала Ангелина и исчезла так же внезапно, как и появилась.

Через десять минут Кузьма шагал по длинному коридору с халявной провизией. Возвращаясь в комнату страха, утешился мыслью, что теперь если он и будет бояться, то не на голодный желудок. Проходя мимо одной слегка прикрытой двери, Васичкин услышал голос. Молодое любопытство начало бороться со страхом. Любопытство взяло верх, но произошло это не сразу. Пройдя весь коридор, практикант вернулся к загадочной двери. Видно, победа любопытства была не окончательной. Несколько раз Кузьма уходил от двери и снова возвращался. И вот колеблющийся герой решил. Войдя в освещённый дежурным светом зал, он увидел огромный металлический чан. К гигантской ёмкости кто-то приставил металлическую лестницу. Сделав ещё несколько шагов, Кузьма почувствовал, что наступил на что-то мягкое. Он нагнулся и поднял валявшиеся предметы. Это были атрибуты женского туалета. Испугавшись, Кузьма отшвырнул поднятые трусики и шёлковый халатик, и направился к выходу.

— Стой, кому говорю, замри, — раздался знакомый голос.

Кузьма замер и повернулся. Из чана выглядывала голова. По лицу и чёрным волосам стекали белыми ручьями струи молока.

— Раздевайся и залезай ко мне, — скомандовала женщина. Это была Брагина.

В голове Кузьмы, словно в револьвере, закрутились заряженные мысли. Наконец барабан остановился, и Кузьма выпалил: Нет! — резко повернулся и пошёл на выход.

— Практикант, стой. Не слушаешься, завтра же вылетишь с завода.

— А если слушаюсь?

— Не бойся, я замолвлю словечко, если будешь паинька.

Собрав остатки смелости, и дожевав последний сырок, Кузьма вернулся к изрыгающим по трубам аммиак Левиафанам.

— Даже, если помирать будешь, противогаз держи при себе, — вспомнил наставления Кузя, покидая пост с противогазом.

— А, вернулся. То-то. Поднимайся по лестнице. Одежду снять не забудь, практикантик.

Оставшись в трусах и с противогазом, Васичкин поднялся на самую верхнюю ступеньку голгофы. Перед ним, не стесняясь наготы, в молочном озере плавала красавица.

— Прыгай, — крикнула Брагина. — Только трусыними и противогаз выбрось.

Васичкин застыл, как соляной столб.

— Господи, дитя на выгуле! — крикнула русалка и, вынырнув из белого озера, вцепилась в трусы. Вместе с семейными трусами в весенних васильках на пол полетел и противогаз.

— Не смей в трусах в молоке плавать, — смеялась русалка с распущенными волосами. Оставшись нагишом, Васичкин понял, что больше ему терять нечего.

— Смотри, какая у меня кожа, — радовалась Ангелина. Она легла на спину, показывая плоский живот и треугольник тёмных волос между ног. По загорелому телу катились белые капли, а впадинка пупка, как маленькая чашечка, наполнилась белой жидкостью.

— Испей чашу греха, — закричала Ангелина.

Васичкин подплыл... и припал к чашечке губами. Ангелина с силой оттолкнула его, и белое густое молоко сомкнулось над головой Кузи.

— Эй, практикант, ты только не утони! — закричала Ангелина и засмеялась громче прежнего.

— Давай играть в салки, — предложила русалка.

— Давай.

Задором и раскованностью Ангелина, словно экстрасенс, сняла с практиканта все управляющие им предассудки. Уплывая от Анге-

лины, Васичкин нырнул в глубину, но плотная белая жидкость вытолкнула тело на поверхность, и он оказался прижатым к железному баку двумя вершинами холмов — близнецов Ангелины.

— Теперь ты догоняй, — засмеялась русалка.

Кузьма попытался схватить Ангелину за ногу, но кожа рук и ног, напитавшись жиром молока, скользила. Тогда красавица положила руки на плечи Кузьмы и надавила. Они вместе с головой погрузились в молочное озеро.

Идиллию нарушил крик. Слова больше походили на мычание, чем на человеческую речь. Это сквозь мембрану противогаза кричал охранник.

— Чего тебе? — вспыхнула Брагина, обрушив гнев на стража порядка.

Испуганный охранник, глядя на практиканта и Ангелину, сорвал с головы резиновое уродство для защиты от газов и выдавил из лёгких три слова: — Аммиак прорвал трубы.

Только тут Кузьма и Ангелина почувствовали, что дышать становится всё трудней. Скорей слетая, чем спускаясь с железной лестницы, они выскочили в коридор, но коридор уже был заполнен парами. Слезы текли, не останавливаясь. Глаза отказывались видеть. Аммиак разъедал слизистую, не давал дышать.

— Ловушка, — заскулил охранник, — не выбраться.

— За мной, — закричала Ангелина.

Мокрые ноги скользили на бетонных ступенях. В темноте, натываясь на какие-то предметы, бежали два голых человека и охранник в противогазе.

...Через несколько минут все были на свободе. Осеннюю холодную ночь освещали окна этажей небоскрёбов, возвышающихся над молокозаводом. Из открытых окон общежития разносились крики. Закрывая руками лица, студенты, кто в трусах, кто в пижамах, выпрыгивали из окон второго и третьего этажей.

— Боже мой! — пробубнил Кузьма и посмотрел на Брагину. Лишь тут он заметил, что они стоят, прижавшись. Из одежды на них только полутыма городской ночи.

Нелюдим

I

Кирилл не вышел, а выскочил из аудитории. Первый курс университета был позади, впереди геологическая практика в Крыму. Горы, море, песни под гитару у костра. В общем, все, о чем только можно мечтать в восемнадцать лет.

— Ну что сдал? — наперебой стали спрашивать обступившие его сокурсники.

— Сдал, — выдохнул Кирилл, улыбаясь, и ощутил у себя на плече дружескую руку Бориса.

— Тебе повезло, готовь походный рюкзак. А мне заходить в следующей пятерке, — сказал он.

— Не переживай, ты тоже сдашь, — ответил Кирилл и стал глазами искать Лену.

Худенькая, небольшого роста, с огромными голубыми глазами и легким румянцем на щеках, всегда появляющимся у нее даже при небольшом волнении, она стояла чуть поодаль и оживленно беседовала с Ларисой Полянской. Заметив густую шевелюру Кирилла, Лена потянула подругу за руку:

— Пойдем к нашим, Кира вышел.

Лена уже сдала экзамен. Она всегда заходила в первой пятерке. По выражению лица Кирилла девушка поняла, что у него тоже все в порядке.

— Девчонки, я свободен! — воскликнул он и стал рассказывать, какой ему попался билет.

Вскоре дверь аудитории отворилась, и из нее вышел смуглый долговязый юноша.

— Матвей, ну как? — спросил его Борис.

— Сдал, — сухо ответил тот и направился к лифту.

— Какой-то он нелюдимый, — обиделась Лариса. — Мы к нему всей душой, а он нас сторонится.

— Да, ну его! — выпалил Артем. — Сейчас Борьку дождемся и рванем в кафе отмечать первый шаг к победе над геологической безграмотностью...

Поезд Москва-Симферополь подъезжал к вокзалу. Лена прильнула к окну и увидела башню с огромными часами. Возле каждой цифры на циферблате были установлены знаки зодиака.

— Лара, взгляни на это чудо, — позвала она подругу.

— Да у нас чудеса только начинаются, — ответила Лариса. — Скоро не будем успевать их складывать в баулы. Полянская была не таким романтиком, как Лена и больше походила на паренька, чем на девушку.

По вагону прошел преподаватель геологии и руководитель практики Валерий Семенович Истомина:

— Геологи, все вещи собрали? Ничего не оставляем в вагоне. Выходим. Палатки, снаряжение, тяжелые вещи загружаем в грузовик, рюкзаки можно взять с собой в автобус.

Группа ехала в Лучистое. Там предполагалось присоединиться к уже разбитому лагерю, установив свои палатки.

— Кирилл, давай уговорим Валерия Семеновича проехать к побережью, — сказала Лена. — Взгляни на карту, Солнечногорское находится километров в пяти от Лучистого по той же дороге. На машине пять минут езды, а пешком нам целый час добираться. Лена с родителями переехала в Москву из Севастополя, когда ей было всего семь лет. Но она до сих пор помнит ни с чем не сравнимый соленый запах моря, перекликающийся с криком чаек шум прибоя и прогулки на лодке вдвоем с отцом. И вот теперь, после стольких лет разлуки, ей так хотелось поскорее дотронуться до него рукой, слиться с ним в единое целое и крикнуть:

— Ну, здравствуй, море!

Дарья и Лариса, расположившиеся в автобусе непосредственно за Кириллом и Леной и ставшие невольными свидетелями их разговора, поддержали подругу. Вскоре вся группа стала просить руководителя практики сделать небольшой крюк.

— Ну ладно, уговорили, — согласился Валерий Семенович и дал распоряжение водителю ехать к морю. Ему самому не терпелось окунуться в морскую прохладу после долгого пребывания в душном вагоне.

— Кто хочет, может высадиться в лагере, — добавил он.

Грузовик со снаряжением свернул в Лучистое, а автобус преследовал дальше.

Вот оно, Черное море! Долгожданное, приветливое, немного волнующееся. Все переливается под лучами яркого солнца. Студенты, поочередно выпрыгивая из автобуса, наперегонки устремились к берегу.

Лена стояла по щиколотку в воде, широко раскинув руки, словно хотела объять необъятное. Подобно рыбе, попавшей в воду после

долгого пребывания на суше, она жадно вдыхала морской воздух. Мимо промчалась Лариса и с криком:

— Ленка, хватит мечтать, пошли лучше купаться, — плюхнулась в море.

— Сейчас иду, — смеясь и глотая пенные брызги, прокричала девушка и ринулась за Ларой.

Время, отведенное для купания, как-то быстро истекло. Все уже сидели в автобусе, не было только Матвея.

— Борис, Кирилл, сходите, поторопите его, мы и так задержались, — попросил Валерий Семенович.

Их не было минут двадцать. Вернулись они без Матвея.

— Его нигде нет, — сказал Кирилл. — Мы обследовали все побережье.

— Куда он мог деться? — стали переговариваться остальные, — Надо вернуться на пляж.

— Так, все оставайтесь на своих местах, — приказал им Валерий Семенович. — Андрей, Артем и Василий, так звали водителя, идут с нами.

Как только он это произнес, вдали замаячила долговязая фигура Матвея.

— Мы же за тебя волновались! С тобой всегда одни проблемы! — с укором кричали ему возмущенные сокурсники. К Матвею подошел Валерий Семенович и строго произнес:

— Ты находишься в коллективе. Мы за тебя сейчас в ответе. Так будь добр, придерживайся общего распорядка и уважай других.

А тот кивнул, прошел на свое место, и, отвернувшись от всех, молча уставился в окно.

По приезде в лагерь, девчонок, их было пятеро, разместили в здании школы, а мужская половина группы принялась ставить палатки. Затемно все успели. После ужина студенты собрались у костра, только Матвей зарылся в спальный мешок и уснул.

— Нет, вы видели, какой фрукт! Иди, иди! Нам без тебя даже лучше. Хоть не будем видеть твою, вечно кислую, физиономию, — прокричал ему вслед Артем.

— Ребята, может, у него что-то случилось? Не с рождения же он такой, — предположила Лена.

— Да он с самого первого сентября такой смурной, — заметила Лара.

— Все, хватит его обсуждать, давайте лучше споем, — сказал Кирилл и взял в руки гитару.

А утром студентам-геологам предстояло их первое восхождение на Чатыр-Даг.

II

Чатыр-Даг — это уникальная, в своем роде, гора. Она имеет трапецевидную форму и похожа на старинный шатер. Отсюда ее крымско-татарское название Шатер-гора. Находится она в середине цепи крымских гор, но отделена от соседних участков Главной гряды. Гора видна издалека и с любой стороны, поэтому создается впечатление, что Чатыр-Даг возвышается над полуостровом. Древним она больше напоминала стол, поэтому прежнее ее название Трапезунт. Вершина горы представляет собой четырехугольное двухуровневое плато. Такие плато в Крыму называют яйлами. Верхнее плато отделено от нижнего крутым склоном. Посещение плато было запланировано на первый день практики.

— Держимся вместе, — крикнул Валерий Семенович, заметив, что несколько человек в цепочке поднимающегося на Чатыр-Даг отряда отделились от остальных. — От маршрута не отклоняемся.

Вскоре группа достигла одной из смотровых площадок нижнего плато и остановилась.

— Подтягиваемся ближе. Минуту внимания! — начал Валерий Семенович. — Мы находимся в классическом карстовом районе Крымских гор. Как вы уже знаете, карст — это явление, при котором происходит выщелачивание растворимых горных пород под действием подземных вод. В результате, в породах образуются пустоты, часто сопровождающиеся провалами. Так вот, мы стоим на горе, на которой насчитывается более тысячи воронок различной глубины и диаметра, дающих начала карстовым пещерам, шахтам, каналам. После того, как я закончу занятие, вы сможете посетить некоторые из них. Советую осмотреть пещеру Тысячеголовую, получившую свое название из-за найденных в ней черепов и скелетов людей и животных, а также Холодную, названную так из-за низких, примерно плюс восемь градусов, температур внутри нее. Только будьте осторожны. Старайтесь ходить по уже проторенным тропам.

Далее Валерий Семенович подробно остановился на геологическом строении горных пород и затем предоставил студентам время для самостоятельной практической работы.

— Держитесь по несколько человек. Старшим назначаю Кирилла Воронцова. Вы должны спуститься с горы обязательно до захода солнца, т. к. дальнейшее пребывание здесь просто опасно, — сказал он и удалился, а Кирилл скомандовал:

— Так, делимся на четыре группы, и через два часа встречаемся на этом же месте.

Вооружившись фонарями, Кирилл с Леной медленно продвигались по тесному тоннелю Тысячеголовой. За ними следовали Артем, Борис, Лара и Дарья. Вскоре проход расширился и будущие геологи

попали в небольшое помещение, а из него уже в огромный зал, высотой семь метров. То ли из-за легенды, гласящей, что здесь были убиты местные жители, укрывшиеся от кочевников, то ли из-за царящей атмосферы разрухи с лежащими повсюду огромными обломками сталактитов и кусков известняка, но девушкам это место показалось каким-то жутковатым.

— Давайте поскорей осмотрим пещеру и выберемся отсюда, — попросила Дарья.

— Да, — поддержала ее Лена. — Как-то здесь не очень приятно. Будущие геологи обследовали пещеру, взяли небольшие образцы пород и вскоре выбрались наружу. Далее они направились к пещере Холодная. Здесь уже было не так мрачно. На входе пещеры рос бук. Студенты спустились в очень высокий зал, на своде, которого свисали тонкие иглы сталактитов. Таких залов здесь было несколько.

— Как красиво! — заметила Дарья.

— Какой-то свой неповторимый мир! — подтвердила Лена.

— Только красота эта какая-то холодная, — пожившись, сказала Лара и запахнула штормовку.

Ровно в назначенное время Кирилл со своей группой были на месте сбора. Здесь их уже ждала вторая группа. Вскоре подоспели и остальные. Когда геологи уже собирались спускаться, то обнаружили, что нет Матвея.

— Да что же это такое! — стали возмущаться уже порядком уставшие студенты. — Ни дня без приключений, благодаря этому нелюдиму!

— Может, с ним действительно что-то случилось. Район карстовый, он мог угодить в какой-нибудь провал. Ждем четверть часа, — сказал Кирилл.

По истечению вышеуказанного времени, было решено, что девочки остаются на месте, а ребята отправляются на поиски. Вооружившись веревками и фонарями, мужская половина группы двинулась обследовать пещеры. Матвея искали очень долго. Стало смеркаться. Солнце угрожающе быстро уходило за горизонт. Оставаться на Чатыр-Даге далее было опасно.

— Все, возвращаемся, — принял решение Кирилл после очередной неудачной попытки отыскать Матвея. — Я не могу рисковать всей группой.

По возвращении в лагерь, Кирилл закинул вещевой мешок в свою палатку и уже хотел идти к Валерию Семеновичу, как, вдруг, услышал пронзительный вопль Андрея Смирнова:

— Он здесь! Идите скорее сюда!

Измученные студенты ринулись на крик своего сокурсника и увидели, что Матвей, зарывшись с головой в спальный мешок, преспокойно смотрит десятый сон.

— Как ты мог так поступить! Мы же тебя искали! Думали, что с тобой что-то случилось! — теребили его возмущенные ребята. А Матвей привстал и с какой-то злостью в глазах проговорил:

— А кто вас просил меня искать? Что вам всем от меня нужно? Оставьте меня в покое!

Такого ответа не ожидал никто...

Всю неделю студенты-геологи осваивали новые маршруты. Причем график занятий был довольно плотным. Времени ни на что не хватало. Они лазали по горам, обливаясь потом, отбирали образцы горных пород и минералов под изнуряющим солнцем, вели полевой дневник, отражая в нем свои наблюдения и исследования, а внизу синело море. Его хорошо было видно свысока. Оно манило с такой силой, что, порой, хотелось просто скатиться с горы и окунуться в него с головой. Но, к сожалению, сделать этого не было никакой возможности.

— Хорошо еще, что по прибытии удалось немного искупаться, — думала Лена, делая очередную зарисовку. — Может хоть на выходных удастся вырваться на побережье. А в выходные зарядил дождь, и пришлось все свободное время провести в укрытии.

III

На исходе была вторая неделя практики. Последним маршрутом перед отправкой на новое место дислокации было восхождение на гору Демерджи, название которой в переводе с крымско-татарского означает «кузнец». Интересно, что практически каждая гора здесь имеет свои тайны и легенды. Не обошли они стороной и Демерджи. Так вот, одна из них гласит, что на дымящейся вершине горы, ее прежнее название Фуна, угрюмый кузнец ковал оружие для армии завоевателей. Обезлюдил ее окрестности. Самые сильные мужчины, работавшие здесь, закованные в цепи, гибли. Но когда от рук кузнеца пала смелая девушка, пытавшаяся потушить адскую машину, то старая гора поглотила и кузнеца и кузницу...

— Демерджи отличается от других Крымских яйл, — начал Валерий Семенович. Она сложена не только из известняка, но имеет еще вкрапления гальки и валунов твердых пород. Под воздействием дождя и ветра, известняк разрушается, а из твердых пород образуются скульптуры. Наиболее известная из них — это «Голова Екатерины». У вас сегодня будет достаточно времени, чтобы поближе со всем этим познакомиться. Очень рекомендую посетить Долину привидений. Место весьма необычное.

Далее Валерий Семенович, более подробно остановился на структуре пород. Затем объявил, что занятия по теме заканчиваются, завтра свободный день, а в воскресенье едем на новое место.

— Ну что, в Долину привидений! — воскликнул Кирилл, и большая часть группы отправилась на вершину горы. Остальные небольшими кучками разбрелись кто куда, и лишь Матвей отделился от всех и затерялся среди скал. Но до него никому не было дела. После случая на Чатыр-Даге Матвея просто перестали замечать. И лишь Лена жалела его и чувствовала, что эта его замкнутость является результатом какой-то душевной травмы. Ей иногда казалось, что во взгляде Матвея сквозит злобу проскальзывала боль...

Густой туман окутал Долину привидений и придавал этому месту еще большую таинственность. Каменные изваяния напоминали здесь фигуры людей, животных и каких-то неизвестных существ.

— Да, — приоткрыв от изумления рот, воскликнула Дарья. — Такого я еще не видела.

— Впечатляет! Взгляните на тот столб-Великан, — заметил Кирилл.

— А рядом гроздятся скалы, напоминающие гигантские пальцы, — воскликнула Лара.

— Не хотела бы я оказаться здесь одна ночью, — сказала Дарья.

— Надо непременно отсюда какой-нибудь минерал унести, — подумала Лена.

На Демерджи большая часть группы пробыла практически до сумерек. Кто-то вернулся раньше, кто-то чуть позже. Ведь лагерь располагался у подножья горы, и четких распоряжений о времени пребывания здесь не было. Вечером, как всегда, засиделись у костра. Ночь была на удивление звездная и тихая. Пение цикад и потрескивание веток в огне ласкали слух.

— Слава богу, день завтра обещает быть солнечным! — сказала Лена, взглянув на небо. — Хоть искупаемся.

— Надеюсь, — ответил Кирилл и добавил. — Давайте расходиться, уже поздно.

На отсутствие Матвея в лагере никто не обратил внимания.

Андрей Смирнов проснулся ранним утром. Он вышел из палатки и, потянувшись, глубоко вздохнул. Горный воздух был настолько чистым, что просто кружилась голова. Андрей умылся и вернулся в палатку. И тут только он заметил, что спальный мешок Матвея пуст. Он побежал в соседнюю палатку будить Кирилла, который так и остался старшим в группе после его назначения на Чатыр-Даге.

— Кирилл, вставай! Матвея нет на месте, — стал теребить его Андрей.

— Может, просто вышел с утра воздухом подышать, — спросонья ответил тот.

— Нет! — не унимался Андрей. — Ни штормовки, ни рюкзака нет на месте. Похоже, он не ночевал в лагере. Кирилл привстал:

— Возможно, его занесло к кому-нибудь из соседей.

— Так он же ни с кем не общается, — возразил Андрей.

— И то верно. Сейчас сообщим о случившемся Валерию Семеновичу, а потом будем ребят поднимать. Хоть он и неблагодарный, но мы здесь в ответе друг за друга, — произнес Кирилл, проснувшись окончательно.

Спустя полчаса почти вся группа отправилась на поиски пропавшего студента.

Матвей долго бродил один среди каменных идолов. Чувство вины не покидало его.

— Почему я не смог ее спасти? Как мне жить дальше? — стучало у него в голове. Матвей не заметил, как солнце почти уже утонуло в море. Сумерки настойчиво вытесняли свет. Но возвращаться в лагерь ему совершенно не хотелось. Он бессознательно петлял возле какой-то каменной скульптуры, отдаленно напоминающей в темноте силуэт девушки. Внезапно он наткнулся на небольшой валун, не удержался и, перелетев через него, упал лицом в какую-то растительность. Матвей хотел встать, но почувствовал, что не может наступить на правую ногу. Он попытался сделать шаг, но тут же застонал от дикой боли. Он вставал снова и снова, но сразу падал. Вконец обессилив, он оставил безуспешные попытки и уснул.

Проснулся Матвей от холода. Он привстал и огляделся. Вокруг него передвигались какие-то силуэты, ему слышались чьи-то голоса. Вот от каменного изваяния напротив отделилась тень и стала двигаться прямо на него.

— Алиса! Алиса! — стал кричать Матвей.

Тень девушки то приближалась, то удалялась.

— Алиса! Иди сюда! — протягивал руки Матвей. У него начались галлюцинации. Такое иногда бывает с людьми, переночевавшими в Долине привидений из-за здешних растений, которые выделяют по утрам летучие вещества, вызывающие это состояние.

— Слышишь? — взяв Кирилла за руку, сказала Лена. — Мне показалось, что кто-то зовет на помощь. Они остановились и прислушались. Крик повторился, причем совсем недалеко от того места, где они находились.

— Ты права, — подтвердил Кирилл. Молодые люди направились туда, откуда доносился звук.

Матвей попытался поползти до привидевшейся ему девушки, но она внезапно исчезла.

— Алиса, не уходи! — отчаянно кричал он. Но тень больше не появлялась. И вдруг, все, что у Матвея долго держалось внутри и мучило его, выплеснулось наружу. Он громко зарыдал. В таком состоянии его и застали Кирилл с Леной.

— Он зовет какую-то Алису. Иди первой, у тебя лучше получится его привести в чувство, — решил Кирилл.

Лена крепко обхватила голову Матвея и прижала ее к себе. А он бессознательно обнял девушку и все никак не мог успокоиться. Потом, придя в себя, взглянул на Лену, затем на Кирилла, стоявшего неподалеку и тихо произнес:

— Ребята, вы простите меня. Я не смог ее спасти!

Лена не стала его ни о чем расспрашивать. Она и так все поняла.

— Ты идти сможешь? — сказала девушка.

— Нет, — ответил Матвей.

— Кирилл, зови ребят, одни мы не справимся, а я побуду здесь, — попросила она.

Матвея отправили в Алушту, у него оказалась сломана нога, и дальнейшую практику студенты-геологи проходили уже без него. С одной стороны все вздохнули с облегчением, а с другой — кто же знал, что у него в душе такое творилось...

О ПРОСТЫХ ЛЮДЯХ

1

Хватко взяла Ивана Никодимовича за горло старуха смерть. Охнул прораб, выронил кирпич... но распрямился все-таки — и с укором поглядел на небо. Усилий это ему стоило: согнулся еще гибельнее, на корточки осел. А небо как польет — и смыло с Ивана Никодимовича прицепившуюся смерть, у которой от воды окоченели и разжалась пальцы.

Встал отпущенный прораб в потоках дождя, глянул виновато под облако — ан оттуда глаз моргает. Поскорей опустил

Иван Никодимович голову, на мыски уставился, вот сейчас, думает, наказан буду громом и молнией. Да недолго. Вскинул лицо и смело в тот глаз посмотрел: что, дескать, я по-твоему естественного порыва чувств — страха пред небытием — стыдиться должен, да?! Вам-то укорять некого, вы, небеса, вечные-бесконечные. Ну, чего зырчитесь? Не грешил — не покаюсь!

А глазок из-за облачка не моргает больше, твердо глядит; и дождь иссякать стал. И вдруг залучился глазок ясно-ясненько, веселием заиграл, ослеп — и вылупилось из его зрачка солнышко. Сбросило карие и белые скорлупки Ивану Никодимовичу за воротник, рассиялось. Стоит прораб, рот открыл. Хватко прижарило прорабу темечко, зашатался он, как старая ветла, но шаг-таки произвел — и в ферзи: как побежит-полетит, от земли ласточкой выгнулся да через лучики к самому солнечному ядру вокруг облетел — и рукой его за зоб, и ну крутить, пока юшка из солнца не выжмется. Хвать, жмет Иван Никодимович, трепещут солнцевы лучики, радужат, на пожары в подмосковных городах сбиваются.

— Хорошо у тебя, братан, фантазия работает! — крикнул с земли мужичок, развязывавший на пригорке котомку. Посыпал хлебушек солью, откусил, снова смотрит: — Ну что, не получается? Дай по-соблю.

Сопит Иван Никодимович, пот ручьями льет, зубы стиснул.
— Да давай! — не отвязывается мужичок.
Плюнул прораб, отпустил зоб — и разбился.

2

«Съем апельсин!» — решил мастеровой и протянул руку к вазочке. Ничто ему и не препятствовало.

Он сидел на кухне собственной кооперативки после трудового дня. Мастеровой оставил на столе кожуру, очищенную в виде абстракционистской фигуры, и положил дольку в рот. Только рот начал наполняться благодатной слюной, вызванной брызнувшим из дольки сладким соком, только одобрительно заурчал у мастера живот — раздался телефонный звонок.

Мастеровой услышал из трубки до последнего бессвязную речь, один эпитет которой так его оскорбил, что он ответил на три этажа забористой. Мастеровой кинул трубку и, совершенно позабыв об апельсине, за полчаса перебрал в уме все до единого способы, какими бы он придушил, избил, зарезал того молодчика, что не поленился-таки, подлец, набрать первый попавшийся номер... Открыла дверь своим ключом жена. Ну, тут мы остановимся. Когда мужик с бабой вдвоем оказываются и между ними даже полагается безо всяких запретов — неловко как-то, тотчас ребенком себя чувствуешь, которого не постеснялись, и готов к речке бежать, плакучую иву, рыдая, обнимать...

Значит, утро. Не ужинали даже они. Апельсин засох почти. Жена спит. Выходит мастеровой на кухню, видит апельсин. «Съем», — говорит и уж руку тянет. Вдруг стукнуло ему в голову: что ж это жена своим-то ключом отпирала? Надеялась, выходит, мужа дома не будет! Туго стало ему в висках, зажег конфорку. Набрал ацетона в чайник — дал, думает, поставлю. Жена нежное что-то из спальни ему говорит — он не слушает. Положил апельсин в чайник с ацетоном — дай, думает, поставлю-таки. Боязно. Голуби об оконное стекло крыльями бьют, на подоконнике булку делят.

— Ладно, — опомнился мастеровой: иллюзии все это, майя. Вынул из ацетона апельсин, обсосал, почувствовал — и окно этим апельсином выбил.

Гений лести

Дмитрий Тяжко был человек сверх всякой степени льстивый. Он льстил так искусно, что у него самого, действительно, появлялся пиетет к мерзким мира сего. Уважал он их за податливость, с какой разлагались от его лести: сам Дмитрий страсти держал в узде.

Но однажды Тяжко не угодил. Орал на него белошвей, разбитый параличом. Тяжко, услаждавший потаеннейший слух, не смог пра-

вильно подать курительную трубку. Как всякий гений, гений лести ошиб ся в случайной черточке, которую, по совету А. Блока, стирал, ан она тут на первый план выперла и всю судьбу Дмитрия Тяжко моментально решила. Дмитрий доселе обретался в домах то голокряков, то мирнопузов. Когда прознали они, что белошвей отказал ему, никуда не стало Тяжко доступа. Только к женщинам.

Они отдельно от мужчин жили. Заставили его их любить. Кейфовал парень. Лишь позже узнал, что в тот год единственным мужиком оказался, бабам мужество предавшим. Они позором его питались, — оргазм лучше удаётся при кардинальной униженности партнера, — тут можно даже учетверить сласть, присоединившись к его стыду, — что вот, мол, не только опозориваешь, но и сам стыдное делаешь, не то чтобы не стыдясь, а именно от стыда замасливаясь.

Кому непонятно, там так устроено было, что ежели баба по мужикам пошла, то позором особенным не считалось: баба и так самим фактом себя всегда позорилась. Но когда мужик в баб ударялся — это было все одно как в аду живьем искупаться.

Дмитрий Тяжко прошел свой путь до конца. Обыкновенно мужик, хоть и оплеванный, возвращался от баб к своим и кое-как отмывался. Дмитрий полюбил баб, свыкся с бабами и стал бабой.

Хрящ

Хрящ — плод расхощения кости быть твердой. Плод человеческий рождается со скелетом мягким, как у рыбы. Младенец сравним с ухом: его суть у взрослых — рудимент. Звуки моложе и свежей предметов. Детям не так нужна музыка, как взрослым: дети еще не оторвались от ее основы. Ценнейшие рудименты — уши взрослых — предназначены слышать мелодии и о любви. В любви взрослый расхощает быть взрослым.

Он дует любимой в ухо, пробуждая в ней желание породить. Но обманываются — слишком уже взрослые влюбленные. Они полагают: им хватит ушей и глаз для их младенцев. Кость не становится менее твердой от слуха или зрения, какой бы хрящ они ни воспринимали. Они — только рудименты хряща.

О, как корявы эти строки! Они как послания апостола Павла. Но суть говорится трудно.

Хрящ у младенца — следствие плавания от одной животной формы к другой, до вочеловечения. Костистый зародыш не проплыл бы этот долгий путь. Затвердевший человек научается плавать, но только в воде. Он незащищен перед опасностью разбиться, сорвавшись. А сорвется человек обязательно, мир принимает лишь совершенно непобедимых существ. Чтобы ты стал миром, в тебе не должно

быть ни одной щели. Пусть сейчас все замазано «шито-крыто», но когда-нибудь, пускай через миллионы световых лет, в замазку попадет стрела — и человеку придется упасть.

Ужасна отговорка: человек по натуре небезгрешен. Значит, поскорее перестань быть человеком, поскорей ошибись — и низвергнись, к рептилиям, к гибкости змей, слизи и растворимому — и так обрети заново свой хрящ.

Совершенство — нормальное состояние мира, что ни говори скептики. Мир обрекает аутсайдеров на смерть. Не бойтесь быть олимпийцами! Это так просто: подставлять под удары больные места и делаться неуязвимым. Вглядитесь внимательнее в ухо, прибитое к кресту. Не вы ли — его слух?

МЫ

Брызгнуть и умереть — вот удел человеческий. Для кого слюной, для кого кровью, а для кого — спермой. Что наша жизнь, как не брызга из лопнувшего пакета, в котором Рыбак нес домой щуку, да тяжела оказалась та для целлофана, к тому же хвостом билась. И мы, значит, лужа. То есть каждый — то в отдельности — брызга, а вместе — коробок спичечный в нас лежит и мокнет.

Наша жизнь из всех брызганий — худшее. Мы вначале брызгнули, а затем жить стали, то бишь высыхать на дороге, меж тем как у остальных сначала — жить, потом — умереть, не в качестве брызги уже, а как пятно от брызги, на юбке, например. Наша жизнь и смерть. Счастлива та лужа, в которую наступит прохожий. Но мы высохнем скорее, чем здесь кто-нибудь пройдет. Не взблеснуть нам на солнце, не пристать ни к чьей штанине — где Рыбак ходит, ходить запрещено. Мы ж обычнее, нам — лужей лежать, а по себе не пройти.

Рыбак — это из которого ни разу не брызгнуло ничем. Он сре ди людей первый. В ботфортах, молчит, удит. Вся тварь земная тем только и занимается, что брызгает — оттого и не переводится. А Рыбак — вечный, что ль? Ишь, задрал нос. Всегда посуху. Есть несколько ему подобных, но те пожиже, рано или поздно брызгнут.

А может, он не замечает нас? Думает, Метерлинк, сказки? Да не читает, поди. Не думает ни о чем, кроме рыбной ловли.

Вздох

О первом вздохе младенца заключают по его первому крику. О наличии самого первенца — по лицам родителей. Первое как вывод из второго. Оно нежное и старается идти позади. О том апостол Иоанн. Но, как Христа распяли, так и мы не будем заниматься вокруг да около словокружевом, а напрямик расскажем, что за птица — вздох.

Вздох — это «пусть» расширившихся легких. Но сам по себе он «не дам», ибо отбирает у легких пустоту. Одновременность «не дам» и «пусть», противоположных друг другу, заставляет забыть, что вздох — грудное усилие, и часто мы воображаем, будто воздух так и лезет в нас сам по себе, а нам остается только ему позволить. Однако доля поправки в любой ошибке: одновременное естественно, раз им одушевляются неживые предметы, как воздух. Одновременность утверждает Единство. Если бы цели соответствовали средствам так же, мир сделался бы проще. Промежутки вечно путают карты. Нельзя ли победить разорванность, как победили мы, разорвав материнские чресла?

Весь мир сделать своим вздохом!

А ведь когда-то даже наш собственный вздох не был мыслим для нас, свернувшись в матке. Второе рождение обязательно произойдет. Иначе о чем первый крик младенца? Всех, родившихся от матерей, ожидает судьба родиться от мира. Чем скорее мы осознаем Единство нашей судьбы, тем скорее она свершится. Люди неодинаковы, но что нам-то от этого, если у нас шанс стать Одним. Соберемся — и раздерем ухо вселенной нечеловеческим уже криком!

... Вот что проповедовал юноша в изношенных башмаках.

ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ

Весна не спешила прочно занять позиции, как будто хотела помочь наступающей Советской Армии. Временами моросил холодный дождь. Низкие серые облака лохмотьями зависли над рекой Сороть под Новоржевом. Лёд недавно сошёл, и рядом с разбитым мостом сапёры ночью наладили понтонную переправу. Немцы такую погоду не любят, и начальник штаба 990 ночного бомбардировочного авиаполка майор Григорий Иванович Киселёв надеялся, что передислокация полка на новую точку пройдёт удачно. Место для основного аэродрома они с командиром полка выбрали поблизости от линии фронта, у затерянного среди болот села Бездеж. На всякий случай присмотрели и запасную точку, километров на десять больше углублённую в тыл.

Ранним утром 14 апреля 1944 года авиаполк начал передислокацию. Впереди шла первая эскадрилья капитана Стоянова. Внизу серой лентой петляла река, слышалась артиллерийская канонада, пулемётный и автоматный стрёкот — в городе ещё шёл бой. В центре Новоржева над крышами домов возвышалась колокольня. Стали слышнее отдельные взрывы. Из штурманской кабины ПО-2 майор Киселёв увидел, как вблизи переправы то тут, то там взвились фонтаны воды — тяжёлые немецкие гаубицы методично долбили по речной глади всё ближе и ближе к скоплению пехоты, полуторок и «студебеккеров» с пристёгнутыми к ним пушками. Несколько снарядов ударили прямо в переправу. «Пристрелялись, гады, — подумал майор. — Наблюдатель их точно наводит».

Этот же наблюдатель, устроившийся на колокольне Новоржева, засёк в небе эшелон тихоходных ПО-2 (так в 1944 году переименовали лёгкомоторные У-2), которых немцы называли то «хромыми русскими воронами», то «руссфанер», то «швейными машинками» — не давали они покоя более скоростным и бронезащитным немецким «мессерам». Засёк наблюдатель и точку, где первое звено эскадрильи Стоянова пошло на посадку.

Уже на подлёте, рядом с серым пятном места, подготовленного наземной командой под аэродром, на тёмном пятне болота Киселёв увидел фонтан взрыва, насторожился.

— Лейтенант Архипов, — передал в пилотскую кабину через трубу переговорника, — видишь деревню? Это Бездеж. Там наша точка. Сесть надо с первого захода.

— Есть с первого захода, товарищ майор!

— Как сядешь, Василий, сруливай к краю поляны за соснячок.

Василию Архипову всего двадцать, но в полку его считают опытным пилотом: на его счету около двухсот боевых вылетов и ни одного ранения. Случалось, самолёт, как решето, один из рулей высоты перебит, а он чудом до аэродрома дотягивает, и сам без царапины.

Неожиданно навстречу им взмыл с точки самолёт из звена управления полка, а следом — другой, из звена Стоянова. Архипов моментально среагировал, ушёл вправо. Разминулись. Пока садились, снижали скорость, подпрыгивая вдоль осинового подлеска, отделявшего аэродром от болота, на полосе друг за другом с короткими промежутками начали ложиться крупнокалиберные снаряды — немецкий наблюдатель умело вёл корректировку дальнобойных орудий. Едва самолёт остановился и Киселёв с Архиповым выбрались из кабины, к ним подбежал заместитель начштаба капитан Стасюк, ещё издалика крича: «Немедленно взлетайте! Немцы аэродром обстреливают!» В этот момент кто-то трижды выстрелил из ракетницы, предупреждая приближающуюся вторую эскадрилью капитана Ширяева о запрете на посадку.

Киселёв огляделся: метрах в пятидесяти замерли самолёты эскадрильи капитана Стоянова, возле них столпились лёгчики и наземная команда, склонились над кем-то, лежащим на земле.

— Поздно взлетать, Фёдор Тимофеевич. — возразил Киселёв своему заместителю. — Немец нас накроет. Ширяев ушёл на запасной. На подходе третья эскадрилья Прокофьева. Оставьте на краю полосы Цепина и Спивака — завернуть и Прокофьева на запасной. Остальным всем — срочно в укрытие.

Нарастающий свист заглушил последние слова. Взрыв оглушил, все, кто стоял, залегли. Снаряд упал в конце полосы, никого не задев. Ещё несколько снарядов взметнули болотную жижу.

— Григорий Иванович, — капитан Стасюк, залёгший под лопастью винта, махнул в сторону нескольких вросших в землю срубов, — там траншея с землянками и капэ. А лейтенант Спивак убит, товарищ майор! Смертельно ранен осколком в живот.

Очередной снаряд опять заставил всех вжаться в мокрую глину. Немцы методично продолжали обстрел. Метров двести до укрытия преодолевали короткими перебежками в паузах между взрывами, спотыкаясь о кочки, падая, прижимаясь к трясущейся от взрывов земле. А взрывная волна расшвыривала мёрзлые комья земли, осколки рубили поросль ещё не проснувшегося ивняка и осинника.

Когда через четверть часа немец перенёс огонь на другой участок, начштаба пригласил офицеров в землянку и выслушал доклад командира первой эскадрильи капитана Стоянова:

— Первое звено село удачно. Следом — самолёт управления 313 авиадивизии, затем — комполка. На посадочной принимал капитан Стасюк, а рулёшку вели лейтенанты Спивак и Цепин. Только встали, начался артобстрел. Виктор Спивак побежал к командующему армией генералу Науменко и комдиву полковнику Воеводину, чтобы показать им, где укрытие. В это время разорвался ещё один снаряд. Генералу Науменко осколком разорвало кожаный реглан. Другой осколок оторвал цилиндр мотора самолёта командующего армией, и они с комдивом улетели на запасной на самолёте моего звена. Третий — смертельно ранил Спивака. У него сорвало пистолет, висевший на поясе, и он сгоряча, не обращая внимания на кровь, кричал: «Где мой пистолет?» Ещё и вам пытался махать, чтобы вы не сядились. Потом согнулся и упал.

Выслушав доклад, Киселёв распорядился проверить самолёты и доложить. Потом вызвал к себе начальника шифровального отдела лейтенанта Петра Цепина и поручил подготовить шифровку о случившемся в штаб дивизии, а сам склонился над картой.

Кроме дивизионного ПО-2 серьёзно пострадали только два самолёта: один полностью обгорел, другой прямым попаданием разбросало по территории. Остальные обошлись несколькими осколочными пробоинами плоскостей.

И ещё в стороне, у зарослей вербы, лежало накрытое плащ-накидкой тело летчика — лейтенанта Виктора Викторовича Спивака.

Ночью, когда вернувшийся до сумерек 990 авиаполк, заправившись и загрузившись бомбами, начал взлетать на бомбардировку Идрицкого укрепрайона противника, аэродром у села Бездеж вновь накрыл артобстрел. Погиб ефрейтор Габрахитов из батальона аэродромного обслуживания. Его и Виктора Спивака похоронили там же, у села Бездеж.

А через несколько дней полк перелетел на другую точку — у деревни Посадниково, где шло пополнение 3-ей Ударной Армии, которая дошла до Берлина.

Там, на взлётной полосе, среди воя и грохота снарядов, под градом из комьев мёрзлой земли вперемешку со смертоносными — на кого Бог пошлёт! — осколками, с ракетницей в руке — мой тридцатилетний отец, лейтенант Пётр Цепин, начальник шифровального отдела штаба 990-го авиаполка ночных бомбардировщиков. Только что у него на глазах погиб лучший друг, боевой лётчик Витя Спивак. Погиб не в небе, где не раз умело выходил из жестоких боёв, а на земле, от шального снаряда. Когда Виктор упал, Пётр бросился к нему, но, добежав, сразу понял, что ничем другу не помочь. Витя лежал, запрокинув голову, жизнь уже покидала его. Из распоротого осколком живота, пульсируя, густо вытекала кровь, края огромной

раны разошлись, обнажая внутренности. Эту страшную картину отец не мог забыть всю жизнь.

Отец никогда ничего не рассказывал о войне. Нельзя сказать, что он был неразговорчив. Напротив, в любой беседе заговорит кого угодно — о работе, о жизни, но не о войне. Профессия у него была самая мирная — прудовое рыбоводство. Но таких специалистов, как он, в Советском Союзе можно было по пальцам пересчитать. Ещё до войны он был основателем этой отрасли на Урале: в рыбхозе «Горный щит», на озёрах Шарташ и Таватуй. Демобилизовавшись после войны, он вернулся к своей работе. Но в 1948 году его перевели в Министерство рыбной промышленности, и мы из Свердловска переехали в Москву. Он часто брал меня, а позднее и младшую сестру, в поездки по подмосковным рыбхозам. Работа занимала всё его время. Я не слышала от него военных воспоминаний, даже когда по его проекту строилась плотина на реке Брынь в Калужской области, где поблизости, в Сухиничах, в сентябре 1943 года базировался их полк.

И всё же как-то раз отец произнёс одну фразу, касающуюся военных событий: «У меня на глазах лучшего друга разорвало!». Но подробностей рассказывать не стал. Узнали мы эту историю только через 69 лет. В феврале 2013 года на имя отца, которого уже двадцать лет нет на свете, пришло письмо с пометкой в скобках: «родственникам». Из Калининграда нам писал журналист Григорий Геннадьевич Киселёв, внук Григория Ивановича Киселёва, начальника штаба 990 авиаполка. Он пишет книгу «Опалённые судьбы» о фронтовом пути деда, кадрового военного, от которого сохранилось много записей воспоминаний, но пропал фотоархив. Григорий Геннадьевич просил помочь ему с военными фотографиями, если что-то сохранилось. Мы с сестрой выбрали всё — и фотографии времён войны, и встреч отца с однополчанами в Смоленске и в Риге в последующие годы. Моя дочь сделала нам копии. Одна фотография оказалась с дарственной надписью Григория Ивановича нашему отцу на память о фронтовой дружбе. Её я решила послать в подлиннике, а себе оставить копию. Да и некоторые другие — тоже: фотографии любительские, плохого качества, иногда подписаны фамилии, даты или местность, где стоял полк, но многие без пометок. Просто неизвестные молодые мужественные лица, и по копии их будет сложнее идентифицировать. Подлинники себе оставила только те, где был отец. Я не знаю, каким чутьём из двух десятков фотографий однополчан отца я выбрала одну — бравого лейтенанта с грустными глазами, подписанную на обороте: «Виктор Спивак. Погиб 14.04.44 г.», попросила Григория Геннадьевича рассказать об этом человеке, если ему что-то известно. В ответ я получила этот рассказ, именно про тот день, который однажды упомянул отец.

Невозможно было без слёз читать об этом. В детстве воспринимаешь, как должное, что наши сильные и смелые отцы нас защищали от врага. А сейчас, когда дети старше, чем отец в той войне, ещё острее ощущаешь весь кошмар того, что выпало на долю их поколения. Война отняла у них четыре года молодости, которые они потратили бы на учёбу и полезные мирные дела — это было поколение профессионалов, умеющих делать своё дело, принимать решения и брать на себя ответственность за них. Я всегда удивлялась мудрости отца, которому перед войной и тридцати лет не было: он перевёз на Урал из Воронежской области своих родителей, поселил их в пригороде Свердловска, в Горном щите, продав мамино пианино, купил старикам корову, которая очень пригодилась в голодные военные годы. И после этого, невзирая на освобождение от воинской службы (у него от сильного ожога была деформирована нога), добровольцем ушёл на фронт.

И вот благодаря Григорию Геннадьевичу Киселёву мы узнали подробности одного из самых горьких дней отцовской войны. Да и другие неизвестные лица на фотографиях обрели реальные судьбы, часто — трагические. Сколько их, молодых, отчаянных, осталось навсегда в разных точках на пути полка! Вот и ещё один лёгчик с крошечной фотокарточки (он там с кошкой на руках), лейтенант Михаил Захаров, оказывается, погиб в декабре 1944 года в районе г. Ауце.

14 апреля 1944 года — это был только один обычный день войны 990 ночного бомбардировочного полка. Позади была оборона Москвы (точка в Малинно, в районе Подольска), Сухиничи в Калужской области, освобождение Орла на Орловско-Курской дуге, освобождение Брянска, Ленинградский фронт, Великие Луки, Старая Руса и Псков. А впереди ещё год войны и тысяча километров до Берлина.

Мамины колыбельные

Это плачет лебедь умирающий,
О своём прошедшем говорит...
Смотрит месяц догорающий,
Белой тучкой омрачается.

К. Бальмонт

Я родилась военной зимой.
Крепчал мороз уральского рассвета.
И день рождения Тютчева и Фета,
Так уж случилось, стал теперь и мой.
Отец на фронте. Впереди немало
Тревог у мамы. Трудно ей одной.
И вместо колыбельной надо мной
Бальмонт звучал. В тот год его не стало,

Но грусть его жила. Где «заводь спит»,
О чём-то плакал «лебедь умирающий»
И пел печально. «Месяц догорающий»
С тех пор всю жизнь в душе моей горит.

День Победы

Свой первый в жизни праздничный салют
Я помню в День Победы в сорок пятом,
Всеобщим ликованием объять,
Под треск ракет все к площади идут.
Мне третий год — мне не осмыслить до конца,
Зачем все обнимаются и плачут,
Что для меня победа эта значит —
Судьба в живых оставила отца!
Жизнь возвратилась на свои круги,
Я с мамой и отцом гуляю у реки.
Но далеко не всем девчонкам и мальчишкам,
Вот так же повезло, как мне, шагать вприпрыжку
Держась за две надёжные руки.

Колыбельная солдатки

День осенний угасает,
Дождь по окнам бьёт.
Над Россией полыхает
Сорок первый год.
Но в уральской деревушке
Не слышна война.
Печка топится в избушке.
Вечер. Тишина.
Кот зевнул и выгнул спину.
За окном темно.
Мать читает крошке-сыну
Папкино письмо:
«Мой родной, с врагом постылым
Бьётся папка твой,
Чтобы рос сынок счастливым,
Чтобы твой покой
Подлый враг не смел тревожить
Грохотом войны...»
Мать, читая, шепчет: «Боже,
Жизнь его храни!»
Треугольник нынче утром

Почтальон принёс,
Расплылись в нём строчки мутно
От невольных слёз.
Голос мамы убаюкал
Папкиным письмом.
Спит сынок, раскинув руки,
Безмятежным сном.
А над зыбкой сном тревожным
Задремала мать.
И не скоро им, возможно,
Предстоит узнать:
В день минувший, на рассвете,
Был жестокий бой.
Стал сынок солдатский Петя
Нынче сиротой.

Здесь всё давно не так!

*Родителям Людмиле Александровне
и Петру Фёдоровичу Цепиным*

Привет, мои родные! Я пришла.
Вот и ещё одна весна настала.
Как с осени листва вас замела!
Всё уберу. Живых цветов поставлю.
Протру водой портреты и плитку.
Ну что ещё для вас могу я сделать?
Сейчас повсюду яблони в цвету,
Да только вам до этого нет дела.
Вам не услышать пенья соловья,
И не увидеть солнечного света,
И так и не узнать, что стала я
(Вы удивились бы, наверное) — поэтом.
А жизнь вокруг совсем уже не та —
Другие взгляды, ценности и цели.
Под нашим прошлым — жирная черта,
Итог, какой вы б и представить не сумели, —
Что нам в другой стране придётся жить,
А всё, что создавали ваши руки,
Сумеют проходимцы прихватить,
Ни с чем оставив правнуков и внуков.
Нет той страны, что выжила в войне!
Вы не могли б додуматься при жизни,
И не приснилось бы вам даже в страшном сне:
Жить будут дети при капитализме!

Но мы живем — назло и вопреки!
Всё сохранили: совесть, честь и душу!
Пусть для кого-то, может, дураки,
Но заповедей прежних не нарушим.
За блага — не пойдём по головам,
Чем прихватить, скорей своё уступим.
Что дорого при жизни было вам,
Всё помним и храним. А то, что тупо
Хотят вдолбить в сознание всех вокруг:
Корысть и алчность, подлость и жестокость,
Представив нормой, — мы таких наук
Не признаём! И мы не одиноки!
Вы научили думать и ценить
Добро. Со злом бороться смело.
Достоинством и честью дорожить.
Упорно делать начатое дело.
Вам и сегодня б не пришлось краснеть
За нас с сестрой. Да и за внуков тоже.
Они уже успели повзрослеть.
И как бы ни был мир сегодня сложен,
Чтоб жить по совести, вы всё ж за нас не бойтесь:
Жизнь нынче честная довольно нелегка,
Но «у советских собственная гордость»¹,
Мы на воров-«буржуев смотрим свысока»!¹

Старые раны земли

Гриб вырос у оврага, на краю, —
Красавец белый, царь грибов, бесспорно.
Срезая, с удивлением смотрю:
Овражек этот явно рукотворный!
Когда-то вырыт в форме буквы Z (ed),
Уже давным-давно зарос травой —
Немой свидетель тех геройских лет,
Что стали вечной славой боевою.

Наш светлый лес окопами изрыт,
Воронок между них земные раны.
Печальный след войны Земля хранит
Десятки лет, как память ветеранов.
Окопы рыли женщины, юнцы
Несильными, упорными руками.
А за Окой сражались их отцы.

¹ Вл. Маяковский.

Там шли бои, и полыхало пламя
Врагом сожжённых русских деревень,
Там городов оставленных руины!
С налётов начинался новый день,
А нашу землю рвали бомбы, мины!
Под стон берёз земля взлетала ввысь,
И с корнем выворачивались ёлки,
И с визгом над окопами неслись
Снарядов смертоносные осколки.
Опять летят бомбить аэродром!
Под грохот, вой, свист пуль противно-тонкий
Врага встречали яростным огнём
Зенитчицы — вчерашние девчонки!
Пикирует у них над головой
Убийца — «Юнкерс», как исчадь ада!
И чтобы захлебнулся этот вой,
Его поймать в прицел девчонкам надо.
А вражья стая злее с каждым днём,
Поганит наше небо диким воем.
Девчонкам станет страшно, но потом,
Когда на время стихнет грохот боя.
Враг не топтал травы в родном лесу,
Но плоть земли его снаряды рвали.
От их осколков тех, что смерть несут,
Окопы чьи-то жизни защищали.
Лишь сотня вёрст осталась до Москвы.
Враг за рекой. А ополченцы — между.
И стали наспех вырытые рвы
Последним самым рубежом НАДЕЖДЫ!

За рощей и сейчас аэродром,
За ним простор и синь приокских далей.
Сегодня представляется с трудом,
Что здесь когда-то люди погибали.
Но светлый лес окопами изрыт.
И всюду между них воронок раны.
Трагедию войны Земля хранит
Десятки лет, как память ветеранов!

Петр ГУЛДЕДАВА

* * *

Гонка жизни — интересный спорт:
время взлетов и падений шумных.
Изобилье знаний множит скорбь,
но она — гимнастика для умных.

Над разгадкой тайны ключевой
продолжаю неустанно биться,
но пока не сделал ничего,
для чего бы стоило родиться.

В голове — сумбур и кутерьма,
на груди — никчемные медали,
но, чем больше горя от ума,
тем прозрачней призрачные дали.

* * *

Из печали рождается улыбка,
из молчанья — напев соловья —
золотая премудрая рыбка
не для всех, кто поймает, своя.

Если всеми вокруг ненавидим
и слепыми грехами оброс,
негативный ответ очевиден,
и в молчанье подвиснет вопрос:

«Отчего наше счастье так зыбко
под спасительным Божьим перстом?!»
Промолчит всемогущая рыбка
и вильнет на прощанье хвостом.

* * *

Мы все гениальными были —
ребячьей вселенной творцы,
когда вдохновенно лепили
песочные замки-дворцы.

Мы в детстве своем незабытом
делились последним куском:
что роздано — стало гранитом,
что спрятано — зыбким песком.

От вражьих и дружеских козней
все горше мои калачи...
Мне стать бы хоть чуть посерьезней □
а я все «леплю куличи».

* * *

На Земле и на Небе одна,
лишь она образец совершенства:
стрежень праведной жизни до дна
и бездонный источник блаженства.

Лишь она, по небесным весам,
пастухов с королями равняет:
то возносит людей к небесам,
то в болотные топи роняет.

Наши грешные мысли порой
пострашнее иных злодеяний:
увлекаясь излишней игрой,
упускаем плоты покаяний.

И тогда, замыкая кольцо,
на безделье меняется дело.
У любви — неземное лицо,
но земное, греховное тело.

Сожаление

Там, где ты, там и я,
как ни путай тропу ты.
Легковесность твоя
для судьбы моей — пути!
У любовных оков
хватка пуце железной.
Но паришь ты легко...
Как пушинка над бездной.

* * *

Посмотри на меня: я — тюрьма,
кандалы на свободные руки,
беспредельного счастья сума,
и бессрочная ссылка разлуки.

Посмотри на меня: я — восторг
от глухого томления тела,
безотчетно вступившего в торг
за владенье другим без предела.

Я — лукавая птица-сирена,
василек среди вольных хлебов.
Я — побег из рутинного плена...
Посмотри на меня: я — любовь!

* * *

Р. В. С.

Правду жизни сурово-простую
на небесном холсте нарисую
и былые грехи замолю
тем, что верю, надеюсь, люблю.

Потому что, тобою любуюсь,
я плачу за любовь, не торгуюсь,
не боясь разменять на гроши
потаенные клады души.

Как юдоль бы меня ни гнобила,
я стараюсь, как в юности, быть
тем, кого ты тогда полюбила
и, дай Бог, не устанешь любить.

* * *

Порой на кончике пера —
источник света и добра,
но острием карандаша
насквозь пронзается душа.

В потоке лжи, как острова,
медоточивые слова,

но ядовитая река
течет по жалю языка.

Пускай звучат и не со зла
хула, укор, и похвала, —
но, если сила слов — во вред,
попридержи язык, поэт!

Псалом 50-й

Творим Отцу хвалу устами,
и ждем награды за хвалу,
и просим милостей, а сами
живем, как гости на балу.

Спешим, заносчивые слизни,
мольбы Всевышнему излить,
но терпкий уксус грешной жизни
не может жажды утолить.

И я, ходок с пустой сумою,
об очищении молюсь,
в надежде, что Господь омоет
и «паче снега убелюсь».

* * *

В потемках лжи блуждает голова,
а трезвый разум охватила дрема.
И люди в шатком мире, как трава,
растущая на поле космодрома.

Куда бы нас дороги ни вели
в размахе неохватного простора,
мы станем частью Неба и Земли,
песчинками у Божьего Престола.

Я с верой шел по жизни напрямик
и верю у последнего порога,
что мы должны, пускай не каждый миг,
но быть частичкой и подобьем Бога.

Отведите меня в сад

Отведите меня, боги,
 В сад, наполненный стихами,
 Чтоб уже на полдороге
 Все печали затихали,
 Чтобы сердце очищалось
 От обиды и тревоги,
 И предательство прощалось,
 Ну хотя б в конце дороги.
 Чтоб себя я, словно в храме,
 Оглядела взглядом строгим:
 Не могла ль кого-то ранить
 Невзначай на той дороге?

В том саду я с сердцем чистым
 Преклоню свои колена
 И уйду в поток речистый
 Безоглядно, вдохновенно...

Зеркало

Много в жизни исковеркано,
 В ней осталась, дай Бог, треть.
 Пробегая мимо зеркала,
 Не хочу в него смотреть.
 Не увидеть в нем грядущего,
 Да и прошлого там нет.
 Вижу меж ресниц опущенных
 Только нынешний сюжет.
 Бледность щёк небеспричинная,
 Полнота — от суеты,
 И поглубже — меж морщинами —
 След несбывшейся мечты.

Я протру тряпицей зеркало,
 Чтоб получше рассмотреть,
 Как прожить с иными мерками
 Мне оставшуюся треть.

Вечер на Волге

За Волгой мелькают огни.
Тревожат на расстоянье.
О чём говорят нам они,
Что кроется в этом мельканье?

На берег пологий приду,
Замру у извилины волглой.
Какой поворот иль беду
Сулят нам те знаки за Волгой?

Они за рекою горят
Настойчиво и постоянно
И вспыхнули, мне говорят,
Ещё на холсте Левитана.

А в наши смятенные дни
Усилилось это мельканье.
За Волгой не гаснут огни.
Тревожат на расстоянье.

Васильевский остров

Я родилась в краю суровом,
Где катит невская вода
Теченьем зыбким, вечно новым,
Самой истории года.
Судьба мне подарила Остров,
Омытый в струях чистых ливней,
Разлиновав его неброско
Лучами строгих ровных Линий.
Здесь я пошла, заговорила...
Средь серых каменных торцов
Глазами детскими открыла
Мир удивительных дворцов.
Их красотой пропиталась.
И с первых до последних дней
Быть благодарной оставалась
Тем Линиям судьбы моей.

Дом родной

В этом суматошном, кажется, обманном,
Может, поворотном, нынешнем году
Соберусь, приеду, как всегда, неожиданно,
На родной Васильевский поутру приду.

Побреду по Острову, башмаками шаркая,
Детство поищу своё посреди дворов.
Только не найти его в глубине под арками,
Нет на Третьей линии нечётных номеров.

Нет и сроду не было. Разве ж дело в номере?
Просто здесь жила-была вся моя семья.
Кто в блокаду, кто потом — все давно уж померли,
Из родной моей семьи осталась только я.

Дом ищу обшарпанный, серый и потрёпанный,
Что знаком до слёз извне, а внутри чужой.
И, когда найду его, постою под окнами,
Поклонюсь тебе, мой дом, отнятый войной.

БЫЛЬ — НЕБЫЛЬ

Упаду я в траву, чтобы видеть всё небо.
Проживу наяву то ли быль, то ли небыль.

Побегут в вышине белогривые кони
И растают они в бесконечной погоне.

Можно там увидеть лимузин серебристый,
Но ему не догнать этой конницы быстрой.

Вот двугорбый верблюд. Выступают павлины...
Надо мной там и тут проплывают картины.

Лишь верблюд прошагал, как откуда-то слева
На крутой пьедестал поднялась королева.

Белоснежный наряд. Синь бездонных очей.
Обернувшись, она поправляет свой шлейф.

Королевы не стало. Исчезли павлины.
На луга с пьедестала льётся крик журавлиный.

Хочу!

Хочу я с зарёй пробудиться,
Прозрачной росой умыться.
Услышать малиновки пенье.
И в утренней свежей прохладе
Под чистые эти рулады
Увидеть лучей пробужденье.

У мамы хочу отобедать,
Ей скрытые думы поведать.
Под взглядом, ласкающим душу,
Слова её слушать и слушать...

В двенадцать часов среди ночи
Пусть нечисть в притонах хохочет,
Хочу утонуть на диване,
Забывшись в страданиях Анны.
И, выронив книгу под утро, потом
Уткнуться в родное плечо сонным лбом.

За облаками

Я люблю летать над облаками —
Удивительное чувство чистоты.
Веришь, что дотронешься руками
До заветной давешней мечты.

Как ни странно, здесь весь мир реальной.
Щурясь солнцу, веришь в чудеса.
Прямо в сердце вдоль дороги дальней
Льются голубые небеса.

Где-то там внизу остались распри,
Плач детей, где мечется беда.
Кем-то на земле Христос был распят.
Здесь Он жив и будет жить всегда.

Отчего же люди так лютуют?
Злоба дикая и вечная вражда.
Может, кто-то всё напутал всеу,
Осквернив планету навсегда?

То ли люди сами виноваты,
Что земная жизнь так нелегка?
Иль уже планета старовата?
Или слишком плотны облака?

Я люблю летать над облаками...

Родилась в Ленинграде, выросла на Урале, куда семья была эвакуирована из блокадного города. Эти две родины помогли почувствовать красоту и величие просторов нашей земли. Преподаватель математики. Более тридцати лет работает в МГУ им. М. В. Ломоносова, где и стала заниматься литературным творчеством, надеясь рассказать правду о прошлом тем, кто хочет лучше понять уходящее поколение.

Виктор КОЛЛЕГОРСКИЙ

Смерть Вазир-Мухтара

«Он был печален и имел странные предчувствия».
Пушкин. *«Путешествие в Арзрум»*

Хемницер — в Турции, в Париже —
Кантемир,
Он, Грибоедов, — в Тегеране.
Где умереть — во Франции ль, в Иране —
Не все ль равно, и разве тесен мир?

Коварен Запад и Восток жесток,
И где бы ни ждала его могила —
Одна лишь смерть к нему еще
благОВОЛИЛА.
Он ждал ее недолго, видит Бог.

Венецианов

Риги правитель и герцог овина,
Нив самодержец, владыка избы,
В сельской Женеве всеильней Кальвина,
Пахоты Цезарь, косьбы, молотьбы.

Русской Аркадии ангел-хранитель,
Боснии весен, Лапландии зим,
Хвои начальник, листвы повелитель,
Мог и Венецией править и Рим

Под ноги бросить себе, как вязанку
Хворосту, быть там, как Петр, на коне,
Но предпочел на лежанке вакханку,
Нимф на завалинке, фей на гумне,

Сильфам и эльфам — ката-лежебоку,
Куклам Ротари — разумницу дочь,
Бежицу — Ницце, жар-птице — Сороку
В райском саду в непроглядную ночь.

Соловей

Зимовейских кровей соловей!
Заменить тебя кем-нибудь, что ли, —
Чтоб не хмурить в тоске нам бровей,
Сладкой в сердце не чувствовать боли...

Уж и чиж на подхвате, и стриж —
Так лети ж из есенинской сини
За воровкой сорокой в Париж,
Россиньодем российским к Россини,

Елисейских Полей соловью,
Где босые Катрин и Жаннетты
С ним по райскому бродят жнивью,
Распевая его канцонетты.

И в Булонском привольно лесу,
И такая же сердцу отрада —
Слушать певчую нашу красу
В легкой мгле Люксембургского сада,

В той рассветной тургеневской мгле,
В том шопеновском пенье в Ноане,
Орлеане, Орли, иль Орле,
Или в Новом уже Орлеане,

Вслед за Марио, в мареве грез,
Выкомаривать лешеву дудку,
В берендееву дрему берез
Спозаранок впорхнув на погудку.

* * *

Пока мы неаполитанцы
В Большом Петра или Модеста,
Нас не запишут в чужестранцы
В отчизне Карла иль Ореста.

В венециановской вакханке
Родство заметно, как ни странно,
Усталой бежецкой крестьянки
С венецианкой Тициана.

Оно проступит полной мерой
Сквозь все различия манеры —
Родство Пленеры с Примаверой,
Весны на пашне и Венеры.

И в Риме третьем Филофея,
Раздоров пагубных не сея,
В четвертом акте Досифея,
То итальянсья, то русея,

Услышим в Угличе на Бренте
Или на Яузе в Пескаре
В дивертисмент Фиоравенти
Двух Алевизов и Солари.

Седьмой Рим

Нет, не в Чехию Чехов чахоточный,
В карловарский камфарный комфорт,
А в портяночный, и обмоточный,
И чесоточный Ванинский порт.

Прямо с треснувшей льдины папанинской —
В тот ежовско-столыпинский ад,
В тот булганинский, ванинский, анненский,
С плачем старых эстонок, Кронштадт.

Или с грифельной одой державинской
Угодив под державный каток —
И в карсавинский Рим, и в коржавинский
По этапу во Владивосток.

Там, в четвертом, несмеловском Риме —
Тот же Бог, тот же Рог Золотой,
А в погибельном сгинешь Нарыме —
В нем и пятый тебе, и шестой.

И в бараке колымском, Респиги, я
Средиземный услышу твой Рим.
Пожалей меня, Фракия, Фригия,
Одари меня Римом седьмым,

Римским-Корсаковым оркестрованным
Среди зимних прохлад поутру,

Или Клюеву свыше дарованным
На терновом нарымском ветру.

ВОЛЬНЫЙ СОНЕТ

Ивану Бунину

Каабы камень в путеводной мгле,
Вселенский купол синий в Оберланде,
Чай на Лазурном летом на веранде —
Рай на земле с кальяном, с наргиле,

Иль рай иной, болотный, комариный,
С лягушками и тиной русский рай —
Тот сердца твоего заветный край,
А кем воспет он — Пушкиным, Мариной,

Вергилием, Катуллом, Палестриной —
Не все ль равно — душа у всех одна:
Как Сириус, их вспыхнут имена
Блаженной этой ночью журавлиной.

Но Зильбергорна ледяной алтарь
Лишь над тобой заблещет вдруг, как встарь.

* * *

В Париже — гиппогрифы и химеры,
Готические розы с завитками,
На розах — вавилоняне, шумеры,
И птицебык парит под облаками
В раю чужом, в небесном Междуречье,
Где молоко не киснет и в предгрозье:
Ведь там оно — не козье, не овечье,
А грех сказать — синичье да стрекозье.

Евгения СЛАВОРОССОВА

* * *

В бесконечном пространстве лета
 Словно бабочка или дитя,
 Что витает во сне неумело,
 Покидая уставшее тело,

Устремляясь в закат или в ночь,
 Отстраняя реальности прочь,
 Со звездой своей сердце сверяя,
 Я живу, все на свете теряя.

Но чем меньше держу на весу,
 Тем свободнее душу несусь,
 Тем прозрачнее песня сквозная,
 И не зная, что ждет впереди,
 Холодок ощущаю в груди...
 И всё ближе разлука земная.

Плач по Федерико Гарсиа Лорке

I.

Раскройте окон стеклянных створки —
 Пусть все услышат мой плач о Лорке.
 Чтоб небо сжалось в комок от крика:
 «Как пусто в мире без Федерико!»
 Луна несчастней лимонной корки,
 О, ветер горький — мой плач о Лорке.
 По небу всадник спешит, гарцуя,
 Уйти, Гарсиа, без поцелуя?
 О, запах смерти, тюрьмы и хлорки,
 О, пуля в сердце у песни Лорки.
 Как жарко вспыхнули дула разом:
 Оскал убийц на лице безглазом.
 А мрак высматривал жертву зорко —
 Вот самый лучший — и это Лорка.
 И дикой раной цветет гвоздика...
 Как пусто в мире без Федерико!

Столицы мира, души задворки,
Пусть вас омоет мой плач о Лорке,
Душа раскрыта, как будто книга,
Когда я плачу о Федерико.

II.

Ушел на рассвете тропею небесной,
Ушел,
И осколки стеклянных созвездий
Ногам его были, как шелк.

На заре уходил за околицу
Богом забытых планет
(Пусть от выстрелов небо расколется)
Убитый поэт.

Слёз не хватит оплакать теперь его,
Я испанский учу.
Только полжизни было отмерено,
Расстреляли свечу.

Не дожить, не допеть, недочувствовать
И навсегда.
Урони на дорогу свечу свою —
Вспыхнет звезда.

Вместе с теми в заоблачной области,
Кто всегда молодой,
Вечный Феникс замученной молодости,
Ставший звездой.

* * *

Болит под лопаткой. Не режутся ль крылья?
Когда я лежу и дрожу от бессилья,
Когда непосильно любое движенье,
И я постигаю свое поражение,
И словно лишённая слуха и зренья,
В тоске и во мраке я жду озаренья,
И жизнь представляется тщетной и краткой,
И так нестерпимо болит под лопаткой,
Как будто вовне прорывается что-то...
Так в муках рождается чувство полета!

Мир без тебя так безнадежно пуст,
Хоть полон света, страсти, упоенья.
Читают пусть в церквях сорокоуст,
Чтоб дал Господь тебе упокоенье.

Как боль чиста, как боль моя остра!
Но обретеньем стала вдруг утрата:
Теперь ты понял — ближе всех сестра,
Теперь я знаю — нет дороже брата.

Кого винить? Да некого винить.
Хоть горький плач из горла так и рвется.
Но наших уз серебряная нить
И там, в краю заоблачном, не рвется.

Комета Галлея

К. С.

Когда пронеслась» ничего не жалея,
По жизни любовь, как комета Галлея, —
Ударилось сердце в ребро —
И я захотела в огонь воплотиться,
Руками схватить золотую жар-птицу —
Да вырвала только перо.

С тех пор все пишу, хоть душа истомилась,
Такая досталась мне мука и милость.
Прочтешь ли ты строки мои?
Опять расстаются Орфей с Эвридикой —
Законы трагедии мира великой
Даруют смерть вместо любви.

Куда ж отправлять, запечатав в конверте,
Посланья мои о любви и о смерти —
Куда? Я не знаю — куда.
Как к гибели сладко зовет Лорелея...
Неси ж мои письма, комета Галлея,
Лети в неизвестность, звезда.

Не знаю я вкуса пьянящего славы,
Не видела гордого сердца Варшавы,
Прекрасной, как сон наяву.
Но слез сожаленья из глаз мне не выжать,

И если Творцом мне приказано выжить,
Сжав зубы, упорно живу.

Единственный мой, кто достоин доверья,
Бумагу сжигают жар-птицыны перья,
А память мне душу сожгла...
Сверкающей точкою в небе светлея,
Тьму ночи пронзила комета Галлея —
И вновь в бесконечность ушла...

* * *

Взвесь каждую мою слезу. Потянет три карата?
И ограни ее потом — здесь нужно мастерство.
Все дело в том, что ты мне так напоминаешь брата,
И с этим, я боюсь, нельзя поделаться ничего.

Как будто в нашем мире он, не за чертой могильной,
И мне не надобно во сне искать его следы.
А можно просто позвонить отсюда на мобильный,
И он ответит мне, смеясь, с какой-нибудь звезды.

На сходстве том судьба моя сыграла вероломно,
Как ни пытайся, ничего мы в этом не пойдем.
Но чувство, павшее на нас, так странно и огромно,
И, как в тумане светляки, мы исчезаем в нем.

Что по сравнению с ним тщета, прорывы и победы?
Спалило душу нам дотла, как молнией гроза.
И лишь мерцает в небесах Туманность Андромеды,
Как в затуманенных глазах дрожащая слеза.

Евгения Славороссова в 2013 году стала дипломантом открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности».

Леонид ВОЛОДАРСКИЙ

Архитектура Будапешта

Нет, не для маленькой страны
 Архитектура этих зданий.
 Они для тех возведены,
 Кто после мора, войн, страданий
 И катаклизмов мировых
 Родится в новом, дивном мире.
 Бог скажет: «Раз-два-три-четыре!»
 И к жизни призовет живых.
 Тогда покажет Будапешт
 Всю мощь имперского размаха.
 На удивление невежд
 Шагнёт в Историю без страха.
 И Ференц Ракоци сорвёт
 Коня с гранита.
 И бессонный
 По небу совершит полёт
 Над всей страной объединённой.

19.06.2012 года

Гостиничный гость

Жена и дочь уже заснули,
 И я засну сейчас вот-вот.
 Но бодрствует кто на стуле,
 Беззвучно песню кто поёт?
 Кто в нашем номере четвёртый,
 Кого не звали мы сюда?
 Сродни он ангелу иль чёрту?
 Он — радость наша иль беда?
 А, может, он хранитель места
 И нету плоти у него?
 И не от мира он сего?
 Ускачет ночь, как дрозд риго,

И он уйдёт.

Когда же месса
Звучала в Пеште по нему?
В каком столетье?

Не пойму.

И снова вглядываюсь в тьму,
Где силуэта очертанья
С предельной ясностью видны.
...Вдруг всплеск космической волны,
И несмотря на все старанья,
Не вижу больше никого.

Ускачет ночь, как дрозд риго,
И утро высветит насквозь
И наши комнаты и души.
Вставай, пей кофе, звуки слушай.

Но был, я знаю, ночью гость.

19.06.2012 года

На острове Маргит

На острове Маргит, на острове Маргит
Нерусское имя по-русски так манит,
Нерусское имя венгерской святой.
Пусть нет её тела под этой плитой,
Положенной позже, почти что условно.
Разрушились камни и сгнили все брёвна,
Что были когда-то здесь монастырём.
Но имя осталось.

И я с ним вдвоём

Сейчас нахожусь.

И молитву шепчу.

И в сердце своём зажигаю свечу.
И знаю, что нет между нами барьера.
А есть только вера. Одна только вера.

20.06.2012 года

Как хорошо нигде не выступать,
Не быть фигурой главной на приёмах,
Гордясь собой: «Мол, парень я не промах!»
Как хорошо идти за пядью пядь
В глубокое пространство тишины,
В безмолвье, где значения полны
Потоки света, льющиеся всюду.
Умению молчать учиться буду.
Пусть долго обучение продлится.
И пусть на задний план уйдут и лица,
И круглые столы с их интервью.
Я погружаюсь в тишину свою,
Где противопоказан даже шорох.
Как хорошо... О, как мне хорошо...

18.06.2012 года

Старая Буда

Лайошу Мароши

Лайош вёл нас по Старой Буде,
Где, как воины, камни застыли.
Где в песчинках космической пыли
Отражались века и люди.
Были здесь и туристы и венгры.
И, когда обострялось зренье,
Представал на одно мгновенье
То вдруг Матяша рыцарь верный,
То куруц из отрядов Ракоци,
То какие-то девы-скиталицы,
То ль монашки, то ли блудницы.
Как я счастлив, что смог запылиться
Вместе с Лайошем пылью этой.
И невидимой древней монетой
Кто-то звонко стучал о булыжник.
И о всех: о дальних, о ближних
Тихо-тихо Христос молился,
Что здесь тоже незримо стоял.

31.07.2013 года

Русская женщина Зинаида

Русская женщина Зинаида
В венгерской деревне Богач живёт.
Она и с Россией, и с Венгрией слита.
Вот я стою у её ворот
И вспоминаю, как мы говорили
И не смогли подобрать слова.
Она и по-русски едва-едва,
И по-венгерски.

Но в лучшем стиле
Язык её сердца звучал за столом.
И подкатывал к горлу ком
От этого страстного чудо-звучанья!
И было впрямь золотым молчанье,
Что наступало порой у нас.
И посрамлён был бы весь Парнас,
Если б задумал тягаться с нею.
Да, и я пишу, как умею,
Но хуже, конечно, чем сердце той,
Что за оградой своей крутой
Полвека жила, русской речи не слыша.
...Тише, пожалуйста... Тише... Тише...

23.06.2012 года

* * *

Лайош, Ильдико, Пети, —
Проплывут имена.
Есть на этой планете
Квартира одна.
В Будапеште июньском
Я сидел там в гостях.
И в кругу нашем узком
Аромат, будто стяг
Вырастал из кастрюли,
Где фасолевый суп
Был таким, что на стуле
Я качался.

А с губ
Вырывались мольбою
О добавке слова.
Лайош, Лайош, с тобою
Мы поели сперва.

А потом говорили
О поэме моей,
О метафорах, стиле
И о том, как ты с ней
Так же мастерски справился, как и сейчас
С этим супом, что вызвал восторги у нас,
У меня и жены моей Ольги.

Так пусть
Путь твой творческий будет богат и не пуст,
Как ты сам, как твои переводы, как суп.
Не сойдёт о добавке мольба с наших губ,
Как и наша молитва о Венгрии, где
Было нас познакомить угодно судьбе.
Лайош, Ильдеко, Пети, —
Всплывут имена.
Есть на этой планете
Квартира одна.

29.04.2013 года

Улица «О»

Странная улица с именем «О»,
Было запомнить его так легко,
Но почему-то всегда мы плутали
Прежде, чем наш находили отель.
Будто не нашей галактики дали
Нам предлагали найти эту цель.
Может, и вправду жил мир параллельный
В каждой рекламе, окне, фонаре?
Мир параллельный? Иль мир запредельный?
Мир, что уходит всегда на заре.
Да и название улицы — «О»
Было совсем не от мира сего.
«О» — это ноль. Это знак Абсолюта.
В нём зарождается первая минута
Жизни всего, что мы знаем и зрим.
Знак Абсолюта.

И, значит, мы с Ним
Каждое утро и вечер сливались.
И оставалась нам самая малость,
Чтобы понять смысл действий Творца.
Но эта малость была под запретом.

20.06.2012 года.

Эгер в красных и белых тонах

«Звёзды Эгера», — вот где рождался сюжет,
Вот где заросли времени скашивал Гардони Геза!
Здесь когда-то звучала победная месса,
И сейчас её слышу я, русский поэт.
Я роман аж полвека назад прочитал
В нашей старой забытой квартире московской.
А теперь прямо рядом со мной пьедестал,
И на нём три фигуры с динамикой броской.
Добо Иштван, и воин, и женщина с ним.
Меж землёю и небом мы вместе парим,
Озирая оттуда и площадь и стены.
А по площади ходит убийца измены,
Верность долгу, кресту и, конечно, вину.
Без вина был бы славен чуть менее Эгер.
Я с победою вместе вино помяну,
В нём турецкие тоже тонули набег.
Средь венгерских поэтов я красное пью,
А потом появляется белое тоже.
И на фоне зелёной травы это схоже
С добрым флагом венгерским.

Картинку сию

Подтвердил бы сейчас Сам Всесильный наш Боже,
Если б взор на мгновенье сюда обратил.
Эгер, Эгер, вино прибавляет здесь сил
И становится гордостью этого края.
И тайком иногда прилетают из рая
Ангелочки сюда, чтоб к вину приобщиться.
И видны за столом очень часто их лица.
И любой небожитель пить долго готов
«Бычьё кровь» и «Лианьку», и много сортов
Самых разных немислимых эгерских вин.
Эгер, Эгер, с тобой я один на один.

23.08.2012 года

Володарский Леонид Александрович, родился в 1950 году в Москве.

Член Союза российских писателей, Союза писателей Москвы, Союза журналистов Москвы.

Сон о нарциссах

* * *

Сон о нарциссах, в сумерках тающих,
Светлых и чистых, вновь расцветающих.
С обликом снежным, будто мерцающим,
С запахом нежным, в ночь улетающим.
Сон о нарциссах, тихо мерцающий,
Сон о нарциссах, тающий, тающий.

* * *

За тихой поступью оград,
Лучом заката пробужденный,
Проник незримо вечер в сад,
Остался там, замороженный.

А сад восторгом замели
Цветы бунтующей сирени,
И смутный шорох завели
Деревьев меркнувшие тени.

И стали исчезать кусты,
Пруда растаял лунный глянec...
Остался в сумерках густых
Нарциссов снежно-белый танец.

* * *

Белые лилии в темном саду.
Белые лилии скрыты от взора,
Белые лилии, я вас найду,
Я вас найду непременно и скоро.

А в том саду – неземной аромат,
Это колдуют лилейные феи,
Тихо спустились в таинственный сад,
Белые лилии тайно лелеют.

* * *

Я тайно влюблена в зеркальное стекло...
У зеркала стою в одном пустынном зале...
Давно меня сюда безудержно влекло,
Как будто бы меня здесь очень-очень ждали.

Я вглядываюсь в даль, в зеркалье зазеркал,
В сверкание теней, в трепещущие блики,
Да, кто-то там меня настойчиво искал,
Повсюду расплескав свои сквозные лики.

Ласкающий покой, обманчивая гладь,
В туманной полутьме прозрачное оконце...
И я приду к тебе, приду к тебе опять,
О зеркало мое, мое ночное солнце!

То неоконченное время года

* * *

Как горят
В Небесах
Купола
И плывут
Над Землёй
Два крыла
Тополиная ночь
Так светла
И Душа
Будто птица
Легка

* * *

Люблю
Тебя
Всей
Силою
Ухода
Сиреновой
Весною
На Земле
То неоконченное
Время
Года
Строкою
Возвращается
К Тебе
Люблю
Тебя
Рассветом
Придорожным
И шорохом
Таящимся

Во мгле
Звезда
Уходит
Трепетно-тревожна
Строкою
Оставаясь
На Земле

* * *

Не покидайте
Меня
Стихи
Вы
Как снежинки
Во мне
Легки
Под облаками
Вы высоки
В зелёном
Храме
Вы
Огоньки
И в чистом
Поле
Вы
Васильки
Под звездопадом
Вы
Родники

Валентине Кучинской

Моя Строка
Твоей
Созвучна

Жива
Поэзия
В веках
Твой
Стих
Блится
Благозвучный
И на Земле
И в Облаках

Любови Михайловой

Твой Стих
Колышется
И вьётся
И льётся
Песней
О Весне
Небесной
Сказкой
Отзовётся
Звучит
Поэзия
Во мне

* * *

Строка Моя
Жива
Писать
Стихи
К тебе
Я не устану
Под ветром
Над клубящимся
Туманом
Твой
Дорог
Стих
Как Неба
Синева

* * *

Не опускай
Трепещущей
Руки
Душа
Твоя
Не выдержит
Разлуки
Когда
В лазурь
Уйдут
Мои Стихи
Погаснут
Золотые
Маяки
Небесные
Нечаянные
Звуки

* * *

Задумчивым утром
Летят журавли
Ты любишь
Меня
И мне пишешь
Стихи
И падают звёзды
В ладони земли
Ты любишь
Меня
И мне пишешь
Стихи
Задумчивым утром
Летят журавли

В Тарусе

Насыщены здесь мгновенья
поэзией и тоской,
а дорогие тени
проходят рядом со мной.
И льются тихие строки,
как течение Оки,
а голос, прежде далекий,
все ближе, и дали близки.
Возможно все в самом деле,
пределов для чуда нет,
иду от Марины к Белле,
ловлю немеркнувший свет...

Портрет

Смотрю с грустинкой на портрет,
там девушка со взглядом ясным,
Ей двадцать лет, лишь двадцать лет,
она беспечна и прекрасна.
Простые бусы на груди,
а волосы ласкают плечи,
в все ошибки — впереди,
и защититься будет нечем.
Подальше спрячу тот портрет,
чтобы не портил настроенье:
в душе — мне те же двадцать лет,
и не иссякло вдохновенье...

Дорога домой

Дорога домой быстрее,
я по себе это знаю;
быть может, душою своею
мы наших коней подгоняем.
Как бы ни было сладко
в чужих прекрасных пределах,
о доме вздохнем украдкой,

глядим назад то и дело...
Круты чужие пороги,
нигде нет родного уюта,
в конце возвратной дороги
уже считаем минуты.
Волненье неодолимо,
как перед встречей с любимым.

ОГОНЬ

Спасибо Прометею за огонь:
он изменил течение жизни нашей.
Но без особых нужд его не тронь,
он обожжет, он может быть и страшен.
От искры разгорается пожар,
и не удержишь вспыхнувшее пламя...
Две стороны порой имеет дар,
и кто-то может пошутить над нами.
Но посмотрю я на огонь свечи —
и хорошо мне с ним вдвоем в ночи...

Мысли о Марине

Большой поэт — большие страсти,
пусть осуждают, пусть бранят.
За миг сжигающего счастья
отдать всю жизнь. Пути назад
уже не будет: невозможно
хоть что-то как-то изменить,
а завтра — смутно и тревожно,
и надо до него дожить...
Большой поэт — большие страсти,
и лишь в стихах возможно счастье.

Мысли у моря

Я — корабль, застрявший на мели,
и мечтаю о дали морской,
волны бьются о борт еле-еле,
не торопится мощный прибой.
Может быть, если шторм заиграет,
то поднимет меня и умчит,
но когда это будет, не знаю
и тоскую в бездонной ночи...

Только песня унылая льется,
только чайка злорадно смеется...

* * *

Не пахнет в доме пирогами,
а раньше этот запах часто
нас посещал. Спасибо маме
за это маленькое счастье!
Его тогда ценили мало,
мы мало ценим все заботы.
Есть пироги привычкой стало
почти что каждую субботу.
А вот когда ее не стало,
то потускнели все субботы:
не пирогов нам не хватало,
а теплой маминой заботы.

* * *

Почему желтеют клёны?
Отчего седеют люди?
— Это осень, — скажет умный, —
Не печалься, не горюй.
Знойным летом опалёны,
Зимней стужей убелёны
Вещи следуют природе
И вослед календарю.

А весною — всё по-новой:
Зеленя заселят землю.
Будет много юных листьев
И душистых свежих трав.
И резной листок кленовый
В своей форме изошрённой
Вдруг проклюнется на ветке,
Своей жизнью смерть поправ.

И кому какое дело,
Что листок не тот, что прежде,
Что к мальчишкам слишком быстро
Прикипает седина.
В жизни бренно всяко тело.
Знак печального удела —
Прошлогодня листва...

* * *

Классик рек: «Обузить надо».
Только как за это взяться,
Чтоб в крови не искупаться,
Самому не стать вандалом?

Вся загадка мирозданья
В человеческом сознанье

* * *

Форосская церковь парит в ночи
На крыльях горных ветров Фороса.
Чёрное море на небо ворчит:
— Ишь, рассыпало космоса просо.

Зёрна под утро уйдут в глубину
И до первого лучика Солнца
Будут подсвечивать волн синеву
И медуз студенистые донца.

Днём в Балаклаву бакланы зовут,
Где любовь воспевал сам Овидий.
Штормов никогда не бывает тут,
Зато много русалок и мидий.

С мыса Сарыч — Крыма южный предел —
Скалы в пучину летят отвесно.
Камни не вечны, их бранный удел,
Как и жизни земной, — неизвестность.

Разница — в гòдах, но это — пустяк,
Время никто никогда не осилит.
...Вот и проплыли Форосский маяк
Черноморского флота России.

* * *

Мы танцевали в темноте.
Струился тихо вальс.
Трюмо в бесстыдной наготе
Рассматривало нас.

— Как там, за финишной чертой?
В аду или в раю?
— Любимый, видишь, я с тобой?
Пришла и говорю.

— Но знаю, это только сон...
Развеется, как дым.
— Но сам-то сон, откуда он?
И что он пробудил?

* * *

Утром встанешь, выглянешь в окно —
Ласточки летают в небе синем.
На душе спокойно и легко,
Ведь живёшь не где-нибудь — в России.

Под окном таджик стриждёт газон,
На своём наречье распевая.
Русского совсем не знает он
И Россия для него — чужая.

Ну, а я чту русича статут.
Языком владею без усилий.
Правда, власти и меня стригут,
Ведь живу не где-нибудь — в России.

* * *

Пока грохочет кольцевая
И дворник шаркает метлой,
Москва живёт, Москва живая
И, слава Богу, я живой.

Не то, чтобы с столицей слился
В карьере ль шибко преуспел
Я здесь женился, разводился
Был весь в делах и не у дел.

Но утро каждое встречая
Под гул и грохот кольцевой,
Я знаю, что Москва — живая
И, слава Богу, я живой.

Хорватская элегия

I

Ты на рейс меня не провожай,
Мы с тобой у моря попрощались,
Серые, глубокие глаза
Отчего-то грустными казались.
Ну зачем пришла ты проводить,
В черном элегантном сарафане,
Легче нам от этого не станет,
Пропусту что душу бередить?
Бередить? Наверно, это слишком,
Мы знакомы были лишь три дня,
Зажигалку, словно бы мальчишка,
Спрашивал у немцев для тебя.
Раз принес за завтраками кофе,
Окунулись в море вместе раз,
И однажды, больше, чем сейчас,
Задержал вниманье моих глаз
Строгий твой и вычерченный профиль.
Битвы стихотворные идей
При твоей подруге на балконе,
Две звезды в хорватском небосклоне,
Сладкая, как воздух тут, «шанель».

II

В первый день тебя, сажая в лифт,
Мне хотелось оказать лишь помощь,
Просто незнакомый город Пореч.
Мне скажи тогда про увлеченность —
Я б ответил: это только миф.
Даже ныне комплиментов нет,
Даже ныне будет литься лживо
Песнь, как ты заоблачно красива
И «сошелся клином белый свет».
Только при прощанье, на скамье,
Ощутил отчетливо-внезапно,

Как мне нелегко придется завтра,
И не только без приюта залпов,
Но и без мечтаний о тебе.
Если б не пришла ты проводить,
Солнце расколослось бы на части,
Море почернело в одночасье,
И меня бы не было несчастней,
Пусть теперь тебя сложней забыть.

III

И, глядясь в хорватскую постель,
Я опять и вновь не понимаю
Все-таки, что нас объединяет:
Первая сирень, раскаты мая,
Белая за окнами метель,
Юга зной, гуляния у моря,
Разговор в ночи под звездопад, —
Есть у всех подобное такое,
Только как отыскивают двое
В нем любви своей бесценный клад?
Время — друг, оно — ценнейший лекарь,
Изведет из сердца всякий сор,
Лишь оно врачует человека,
Глянешь — и душою он здоров.
Время — враг, циничнейший наркотик,
Яркость чувств, родные имена.
Все, что было близкое, напротив,
Все поблекло, сникло, на излете.
Новых встреч покрыла пелена.
Все пройдет, но те прикосновенья,
Запах тот, волнения крови,
Те слова, сердечные томленья
Новые желанья не заменят
В жизни и в истории любви.
Все, что там, — уже тебя кусочек,
Выпит залп любви или глоточек,
Восклицанья знак иль многоточье;
И порою видишь с высоты,
Что без тех минут — и ты не ты...

IV

Снова вдаль покатит жизни поезд,
Из его окна в године дней
Станет уменьшаться город Пореч
Явственней, безжалостней, сильней.
Телефон? Но он, без лицемерья,
Вряд ли сможет нам тепло сберечь,
Я уже давно почти не верю
В здравый смысл посткурортных встреч.
Только в этих строчках и меж строчек
Не про то сейчас я говорю,
Был ли залп, а может быть, глоточек,
Я за все тебя благодарю:
Что особо, так. Не по-другому
Обнимал искрящийся прибор,
Солнце увлекало за собой,
Ночь пленяла сладостной истомой.
Счастье было новым, незнакомым,
Жизнь струилась всею полнотой.
А еще — за взгляд, раздумий полный,
За умение петь, любить и жить,
И за раскаленный, тихий полдень
В день, когда пришла ты проводить.

2008 г., июль

Верю

Не возношусь, не лицемерю,
Прощу немало и пойму,
Но никому уже не верю.
Почти, наверно, никому.
Ни маске кротости над желчью,
В гламур, сожравший Колизей,
В улыбки «благородных» женщин
И в верность «преданных» друзей.
В успехи в рапортах начальства
И аллилуйщине рабов,
Ни в сладкогласие бахвальства,
Ни в покаянье дураков.
Ни обновившимся фасадам,
Ни статистическим статьям,
Врачам, коллегам, депутатам
И самым правильным речам.

Не возношусь, не лицемерю,
Всего хватало на пути.
Я никому почти не верю,
Но все же верю, раз «почти».
Пуškai таких людей немного,
Но оттого они ценней.
Нельзя без веры жить. Не в Бога,
Нельзя без веры жить в людей.
Не возношусь, не лицемерю,
Бывало всякое в судьбе.
Спасибо Вам за то, что верю, —
Вам верю, жизни и себе.

2011 г., июль

Времена года

О. У.

Хрустят мороз и иней ветками
В сугроб закутанных берез.
Ты той порой особо светлая,
До испуга, до слез.
Звонят ручьи весенней песнею,
Меня время чередой.
Ты той порой особо честная,
Как, может, и никто иной.
Сжигает полдень лето жаркое,
Морская манит синева.
Ты той порой особо яркая,
Что ярче не найти слова.
Проворно осень кружит листьями,
Дает последний залп тепла.
Ты той порой особо близкая,
До невозможности, дотла.
А может, право, и не стоило
Тревожить дни календаря.
Мы часто пишем недостойным, но
То уже не про тебя.
Пусть кружит шар наш, как намечено,
Пуškai сменяет май апрель,
Раз есть еще такие женщины,
От коих мир чуть-чуть добрей.

2012 г., декабрь

Татьяна ШВЕДОВСКАЯ

ПРОЗАИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ ОТ АННЫ
НОРВЕЖСКОЙ

*Когда-то после чтения ее стихов
поэт Лев сказал Ане: «И даже если вокруг Вас
будет Армагеддон, Вы все равно
будете писать о цветущем саде».*

Разноцветный дракон

Анета перевернула календарь с драконами на май. В каждом месяце — свой китайский иероглиф. В мае — иероглиф «Любовь» (в апреле был «Здоровье»).

Анета задумалась о том, что значат мужчины в ее жизни. Она прекрасно знала, что есть один-единственный в ее жизни, «на все времена». Бронислав. Она за ним, как за броней, как за каменной стеной. А с ним ей мягко, тепло и привольно. Он ее называет Красной Шапочкой, а себя — Белым Волком. «Музыка Красной Шапочки, песни Белого Волка», — говорит он.

Анета полистала большой цветной, блестящий, таинственно мерцающий драконий календарь.

С переливами синего, чуть изумрудного, чуть золотого, лазурно-голубой — «Гармония» (январь). Красный, оранжевый, фиолетовый — «Фортуна» (февраль). «Фортуна», «февраль» — любимые ею слова. Ведь она родилась в фиолетовом феврале. И все время Фортуна крутит перед ней свое колесо. А еще она любит имя Фелюшка.

Зеленый с малиновым, чуть голубого — «Красота» (март). А вот и разноцветный (в общем-то они все разноцветные и причудливых форм): и розовое, и голубое, и желтое, и огненное, Дракон апреля. И коготочки у него остренькие, как народившийся месяц в небе.

Потом будут драконы и других месяцев. Но Анета дальше листать не стала. Пусть они пока останутся загадкой.

Вчера еще был апрель, тридцатое. Этот день для нее особенный: в ее семнадцать лет в этот день ее любимая учительница музыки,

голубоглазая (глаза — незабудки, такие же были у ее мамы; ей повезло на незабудки), седая, маленькая, старая учительница музыки Вера Ивановна подарила ей ноты «Элизе» Бетховена с дарственной надписью. И каждый год тридцатого апреля Анета играет «Элизе». Вот и вчера она нашла эти ноты, ее раритет, и села за пианино.

Ни Софьи, мамы, ни Веры Ивановны, учительницы, уже нет на земле. Но весной и летом в лесах всегда цветут незабудки.

А перед тридцатым апреля Анетка выступала в Центральном доме литераторов, в Малом зале! Это так престижно — выступить с философско-научным докладом и со своими (своими!) стихами в Доме литератора. Мгновенное везение — на миг Фортуна улыбнулась ей.

Анелка взяла в зал видеокамеру, дала ее поэту Илье Легкокрылову, чтобы он снял ее выступление.

Илья Легкокрылов (надо же, такая говорящая фамилия у поэта) — один из ее знакомых мужчин. Он румяный, черноволосый, кареглазый и крепкий. Сама Анетка высокого роста, худенькая. А Илья чуть ниже ее. И стихи у Ильи земные (присутствуют корни растений, пробивающиеся через асфальт), хотя говорит он вроде бы о возвышенном.

Здоровое начало

На вечер Анета надела в первый раз платье, приобретенное в магазине «Люкс» в Смоленске (была там в командировке). Для нее красота платья заключалась в легкой шифоновой разноцветной юбочке, летящей, в складку и короткой. Верх платья — закрытый, черный бархат.

Но вот как Илья снял ее выступление: она снята по пояс, юбка и ноги в видео не вошли, что говорит о деликатности Ильи. Скромность не позволила ему снимать колени и ноги, так как он, видимо, смущался от того, что юбка не длинная и не строгая.

Анелка вспомнила, как она покупала это платье в том французском магазине. Ведь Смоленск издавна ориентировался на западную моду: Франция, Польша.

И вспомнила лазоревый Успенский собор на высоком холме, который она посетила в эти пасхальные дни. После долгого ремонта наконец-то увидела (а она и раньше бывала в этом храме) резной высоченный алтарь во всем великолепии — его покрыли золотом. Оно сверкало в свете всех зажжённых свечей в храме. В Пасху был открыт алтарь!

И вот что еще произошло на этом вечере в ЦДЛ. Обычно на таких вечерах зажигали свечу, но потом пожарники запретили это делать, так как в России участились пожары в общественных местах. Но свечу все-равно ставят как символ. На этот раз она была красная, тонкая, высокая, в бронзовом подсвечнике.

После выступления Аня поблагодарила Илью за то, что он ее снял на видео. А Илья и говорит: «Только, к сожалению, я не снял начало вашего выступления, так как когда вы вышли, я вдруг увидел, что зажглась свеча, и удивился, даже испугался. И только когда понял, что мне это показалось, начал снимать».

А Аня удивилась другому. Ведущий вечера, поэт Лев в белом костюме, в сиреневых рубашке и галстукe, светловолосый, примерно Аниного возраста (Илья-то помладше), вдруг подошел к ней, когда она начала говорить, и постоял рядом с микрофоном минутку или чуть меньше. Обычно он не выходит с выступающими. Может, в этот момент Илье и показалось, что вспыхнула свеча?

Илья, Лев. Максим: черноволосый, с длинными волосами и бородой, молод — лет тридцати пяти, сорока. От него так и исходит невидимая энергия. Он теософ, переводчик. После вечера, уже напротив Бразильского посольства, рядом с ЦДЛ рассказывал и интерпретировал приснившийся ему сон.

Весна в этом году наступала медленно. Снег все не таял. А если таял, то снова падал. Анет вспомнила, как в марте шел мокрый снег, она сидела в кафе «Шоколадница» на Мясницкой. На стенах картины с зернами шоколада и стилизованные картины Сальвадора Дали в сепии, то есть шоколадных оттенков. Анет пила горячий шоколад и читала газеты, там их было много. Снежинки бились о стекло. На улице непогода, пасмурно, а в кафе — уютно. Анет мечтала, сама не знала о чем. Мысли, картины проносились и исчезали, соединялись и разбегались.

Выйдя на улицу, Анет оказалась «тет-а-тет» с летящими снежинками. Они кружились и рождали новые грезы.

«Снег, шоколад, снег, шоколад, и нет пути назад», — возникали строчки.

Потом, когда эти стихи (а они оказались о Белоснежке с каштановыми волосами) она прочла своим самым любимым, а это, конечно же, ее семья, то есть Бронислав и их мальчишки, она вдруг стала им объяснять, что путь назад есть, он в воспоминаниях, особенно если вы их опишете, мои дорогие мальчики.

И когда Аня ехала в поезде в Смоленск, в лесу было еще очень много снега, он уже подтаял, бежали быстрые мутные ручьи, были озерца, покрытые ледком. Ледок почему-то был то розоватым, то салатным, то голубым. Тонкие белые стволы березок, вдруг какие-то кусты с красными ветками, речка Хмость, станция «Волчейка». А рядом со станцией «Туманово» в лесу оказались облачка туманов, стелющиеся над землей. Это был понедельник после Пасхального Воскресения. Яичко золотого цвета с переводной картинкой лежало на столике в поезде. Середина апреля, а все еще снег.

И вдруг всё: пришла весна, стремительно, с блеском, с изумрудами трав. Какой-то момент, и снега нет, и желтенькие цветочки, и клейкие листочки.

И Аня оказалась уже в весне.

Разноцветные драконы

Андрей пишет сценарии. Восхищается стихами Анет, включает их в свои сценарии. Он ее лет, светлые волосы с сединой, очки, придающие интеллигентный умный вид. За стеклами очков светлые глаза. Сценарии его исключительно романтичны и исключительно кроваважны: все красавицы-героини в них погибают либо от зубов страшной собаки, либо тонут, либо от случайной пули. Совершенно неожиданно. Перед этим они получают от жизни все, что возможно: горячую страстную любовь, бриллианты, изысканные угощения. Но Фортуна вмиг отворачивается от них. То же можно сказать и о героях — тоже красавцах, сильных, мускулистых, загорелых, имеющих профессии кинорежиссеров, спортсменов, джазменов, журналистов, ученых, все они у Андрея якобы очень известные люди, имеющие, можно сказать, бешеный успех. И с ними тоже в конце сценария (или пьесы) происходят ужасные вещи. Такие, как гибель в пасти акулы на заброшенных в океане, но прекрасных островах и т. п. Тоже неожиданно. Чем хороши сценарии Андрея, как и его стихи, так это нереально красивыми описаниями стран, в которых Андрей никогда не был. И изящными деталями типа «белых узких туфелек-лодочек на ножках девушки», и обобщающе-умными высказываниями таких удачливых, баснословно богатых героев. Эти сценарии задевают Анет своими закатами и рассветами на белоснежных виллах у разных океанов. Или отелями в Париже, или прозрачной вуалью у возлюбленной, когда она садится в роскошный лимузин.

С Андреем Анет бывает на концертах, в театрах. И Бронислав почти дружит с Андреем (встречаются они все-таки не часто), очень в нем уверен, абсолютно не ревнует. И Андрей всем говорит: «Бронислав доверяет мне Анет, так как я очень порядочный человек. А я считаю Анет аристократкой, она тонкая, изящная, высокая. Как хороша она была в белых брючках и синей кофте на джазовом концерте. Мне интересно с ней общаться в поле искусства».

Но на концертах Анелька бывает и с Владиславом. Тоже примерно ее лет, чуть вьющиеся черные волосы с проседью, милое лицо. Владислав снимает любительские фильмы, увлекается политикой. Рассказывает подробно, основательно. Беседу можно прервать в любой момент, а потом начать почти с той же фразы, где остановились. На концертах с ним Аня бывает тогда, когда никто из ее семьи по тем или иным обстоятельствам не может пойти.

И вот дракон мая. Он золотисто-оранжевый, с зеленой гривой и розовым хвостом.

«А я, когда думаю о тебе, чувствую, как где-то в щеках становится чуточку сладко, до немоты, до какой-то припухлости. Я думаю о том, как в ранней юности твоей хотела, чтобы ты побывал в Америке или в какой-то еще интересной стране, а ты отвечал, что никуда не хочешь уезжать, что тебе так хорошо дома, так много интересного в Москве. Вот Пушкин не выезжал ни разу из России, а какой поэт!

Когда ты стал постарше, вы с младшим братом (Дракончик с месяцем на букву его имени будет осенью, тогда я и посмотрю на этого Дракончика, и на иероглиф этого месяца) говорили: «А мы поедем в Болгарию». Вы вовсе не собирались ехать в Болгарию, просто вам казалось загадочным это название».

Так думала Анет. Она думала также и о том, что они с Брониславом были и в Болгарии и во многих других странах. А для их мальчишек Болгария — это была мечта. Они так еще и не побывали в ней.

«Зато потом ты рванул сначала в Китай, потом в Японию, Индию, Непал, побывал на Тибете и в других восточных и европейских странах.

А братик и в Англии, и в Португалии, и в Австралии с Новой Зеландией был.

Но как вы были мне милы, как трогательны, как невыразимо и тепло близки, когда еще нигде не были, кроме нашей страны. И как вы радовались нашему Черному морю, нашему Ленинграду, катанию на яхте в Финском заливе, фортам Кронштадта!

И мне становится чуточку сладко в щеках, до немоты, до какой-то припухлости», — думала Анелька. А так же и о том, как ей нравится слово «женьшень», так как месяца на букву «Ж» нет. Но есть лечебный корень женьшень.

«Лиля, Лала будут ждать тебя» — строчка из стихов Ани в «Пармской фиалке».

Андрей сообщил о том, что идет старый немецкий фильм «Лиля, Лала». «А я ведь раньше об этом фильме ничего не знала. Откуда в моих стихах появились эти имена?» — ответила Анет.

Гармония, Фортуна, Красота, Здоровье, Любовь. Дракончики с этими иероглифами.

Лиля, Лала.

«Лиля — наверное, Лилия, а Лала — девушка с яркими, как лал, губами. Лиля — белокурая, Лала тоже светлокудрая. Каждая из них будет ждать тебя, черноволосый и смуглый принц. Но ты выберешь только одну и будешь любить ее очень сильно, — так думала Анет. Надо выбрать только одну. Это так трудно, так как, выбирая одну,

ты оставляешь другую. А тебе не хочется ее оставлять. Как же так получается?

Но только одну, милый принц. Надо помнить об этом».

И любимый принц выбрал. Но та ли она? Та ли Лала, хотя ее губы яркие, как кораллы? И она очаровательна, сильна, подвижна, полна внутренней энергии. Она — Солнце. А Лила была Луна, нежная, тихая, но светящаяся отраженным светом.

«А в общем-то, я ничего не знаю, — думала Анна. — Не мне решать, не мне знать, а принцу».

Была зима, как-то незаметно для Анны прошла весна (ту весну она даже уже не помнит), потом лето, снова зима, и снова весна. Но уж эту-то, сегодняшнюю весну Аннет не будет пропускать мимо. И, подумав об этом, вспомнила и прошлогоднюю весну, когда не было уже никаких сил, она всё чего-то ждала. Расцвели тюльпаны, расцвела сирень, играли блики на Чистых прудах, зелёную листву колыхал ветерок. И Анета оживала, верила в чудо. Но чудо как-то по-настоящему не наступало. Как-то все было неопределенно.

Шло лето, а решиться как-то все не могло. И было тревожно, и грустновато от этого.

Конечно, Анет загорала, плавала в Волге, гуляла в полях, читала книги в саду, ела малину, красную и черную смородину, а потом улетела на остров Крит. Какое яркое солнце в Греции!

И вот стремительная, смеющаяся, яркая, как лалы, как солнце, уверенная в себе пришла весна. «Да, солнце, да, весна, да, Лала», — так видит теперь эту весну Анет.

И после такой смеющейся и рассыпающей вокруг себя золотые смешинки весны должно быть роскошное, уверенное в себе лето. Анет так хочется надеяться на это.

А пока она вдыхает свежий воздух новой весны, покупает абонементы в консерваторию и зал Чайковского, любит картины цветов русских художников в доме Нащокиных, где в свой последний приезд в Москву останавливался Пушкин. Чего только стоит одно полотно Сарьяна с буйством красок разных цветов! Радость жизни.

Котик четырехцветный, в основном белый, но есть еще и черные, серые, бежевые пятнышки. Одна из задних лапок бежевая. Когда принц принес его с дачи в Москву, Анет и другие думали, что это кошка, так как Женек (он студент, знает биологию) сказал, что четырехцветными бывают кошки. Но все-таки это оказался котик. Теперь с ним играют в квартире в футбол.

Четырехцветные кошки и, конечно, коты, говорят, приносят счастье.

И вот на майские праздники принц и Лала поехали на дачу с котиком, чтобы он вспомнил свою «альма матер», то есть сад. Но котик

из дачного домика сначала боялся выходить, потом робко ступил на каменную дорожку. А потом... Потом он заваялся на всю ночь в садах так, что принц и Лала его искали. Нашли. Четырехцветное счастье никуда не убежало.

На обратном пути в машине котика укачивало. Он сидел на коленях Бронислава. И Бронислав закрывал ему глаза рукой, чтобы успокоить, так как иначе котик начинал мяукать.

На даче котик не ел и не пил, хотя ему взяли его миску и его еду. Колодезная вода ему непривычна. Зато, вернувшись домой, он пил и пил воду из бидончика, из которого Анет поливает цветы на окне.

Пока котика не было дома, Анелька поняла, что скучает о нем. Он ведь всегда был где-то рядом, чистенький и пушистый. Жека удивился, почему он такой беленький и шерстка у него не пачкается. Анет объяснила, что котик тщательно вылизывает себя.

И вот он, свернувшись, сладко спит на диване, вспоминая, наверное, во сне свои приключения на даче.

О май! Зеленая дымка нежной листвы. Ветер, раскачивающий постиранное бельё на балконе, словно весенние полотнища.

«Скоро и я стану от загара смуглой, как принц», — мечтает Анет. Будет лето.

Оранжевый дракончик

Аня снова перелистывает прошлогодний китайский драконий календарь. Разноцветные драконы.

Июнь. Оранжевый с красными всполохами дракончик. Иероглиф июня «Процветание».

В этом июне Аню пригласил на свою юбилейную выставку художник Иван.

Когда Аня писала о Ван Гоге и Гогене в «Юном художнике», тогда и познакомилась с Иваном. В редакции.

Очень высокий, худощавый, светло-рыжие волосы и, как сначала помнилось, серо-голубого неба, с искринками солнца, глаза. Но совсем недавно, этой весной, на выставке его друга Александра, Аня вдруг увидела, что глаза-то у Ивана на самом деле светло-карие. А искрятся они так же, солнцем.

Иван. Ван. Ван Гог. Ван Гог! Да Иван ведь Ван Гог!

Оба художники. Оба светло-рыжие. Оба пишут яркими красками: и синее с жёлтым, и фиолетовое с голубым, и красное и изумрудно-зелёное.

Глядя на полотна Ивана, хочется жить в этом мире, так многоцветно переливающимся на солнце. Как радостно каждое его мгновение.

Голландия и Россия. Две разные страны. Но нервная трепетность одна и та же. Неповторимая, нестижимая, манящая.

Аня понимает, что художник творит себя. То, что мы видим на картинах, это он сам. Он дарит, он может подарить свой свет миру. В этом его счастье.

Ане выпал счастливый билет тогда, в редакции, раз она познакомилась с Иваном. Солнечный человек.

Подсолнухи. Свои у Ван Гога — его «визитная карточка». Свои, неповторимые у Ивана: на васильково-синем с розовым фоном приливо и мощно они раскинули свои золотые диски. Аромат подсолнечного масла. Тёплое золото.

И вдруг на выставке Аня увидела картину Ивана с оранжевым дракончиком, летящим над горами, над домами, над морями, над лесами. Эскиз к театральному спектаклю по мотивам китайских народных сказок.

Аня оторваться не могла от этой картины.

Красно-оранжевый июньский дракончик с одним из иероглифов счастья «Прцветание».

А жёлто-золотой дракон в октябре, его иероглиф «Успех».

«В пасмурную погоду, когда небо плотно закрыто облаками, так ждёшь, когда выглянет хотя бы лучик солнца.

Но выглянули его лучи, и ты наполнена энергией, упоением творения каждого нового дня. И живописные работы Ивана, и он сам и есть эта энергия, и есть это упоение творения», — думает Аня.

На пятидесятилетнем юбилее замечательного молодого (ведь это и зрелость, но ещё и молодость) художника так много гостей: и друзья — художники, и ученики, и артисты театра, и, конечно, жена, сын, дочь. Столпотворение гостей, цветов, подарков, поздравлений. Иван каждому щедро, без оглядки, дарит себя. И всем подарена выставка его картин.

У Ани слегка кружится голова. Она ничего не ест во время фуршета, только пьёт воду.

Но вот звуки джазовой музыки. На саксофоне играет первоклассный джазист, девушка — на арфе. Мелодии одна за другой уносят мысли Ани в прошлое, заставляют мечтать о будущем. Она растворяется в музыке. Она растворяется в картинах Ивана. Сегодня её нет. Какая она? Она не знает. Знает одно: сейчас с ней волшебный мир художника.

(1932–2009)*ПОЭТЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ
ОТТУДА...*

* * *

Веду по жизни, как по лезвию,
Слепую девочку — Поэзию...

* * *

«Поэт! поведай свой секрет!»
«Секрет мой — в пачке сигарет!»

«А твой секрет, о плотник, в чем?»
«В хорошей чарке с калачом!»

* * *

Голодаю душой и карманом,
И желудок, понятно, пустой.
Разразиться бы толстым романом,
Как какой-нибудь пятый Толстой!
Закатиться б с жокеем в усадьбу!
Поразмять лошадиную рать!..
А потом на крестьянскую свадьбу
По-отечески томно взирать...
Притулиться б к разлапистой деве,
Что на барщину ходит полоть,
Как Адам новоявленной Еве,
Подарить ей костлявую плоть...
Только я — не эстет и не барин,
И далек от подобных идей.
Я — невзрачный московский хазарин,
Если проще сказать — иудей.
За ночь высохли зимние боты,
Старый зонт растопырен, как щит...
Ровно час до любимой работы...
Чу! Будильник под сердцем трещит!..

* * *

Сердчишко стихотворного птенца —
Всего лишь листик на осенней ветке...
А у меня — звериный нюх ловца,
Я, так сказать, лазутчик, я — в разведке.
Бумага и машинка на столе.
Ясна задача. Ритм и рифма — «в теле» ...
Нет искренности в нашем ремесле!
Есть **результат** в безбожном нашем деле!

* * *

Брел оборванец по земле
В кругу семи ветров,
Он смачно грелся на золе
Притоптанных костров.

Любил он, глядя на дымок,
Ладоши потирать,
И **ничего** уже не мог
Он больше потерять.

Господь и царь — из сердца вон...
Любимых — черт побрал!..
И над золой склонялся он,
И как дитя смеялся он, —
Ладоши потирал...

* * *

Скажу, что слишком тяжело мне —
Почти солгу:
Как каторжник в каменоломне
Я жить могу.

Мигнет из каменного праха
Глазок цветка...
И на весу — дрожа от страха —
Замрет кирка.

* * *

Был послушным послушником —
Шел по жизни за посохом.
Стал мятежным ослушником —
Восхитительным ослухом! ...

Ждет смутьяна-художника
Путь неожиданный, нечаянный...
И зовет его Боженька —
Сам такой же отчаянный! ...

* * *

Лесная чаща без приметы.
Вот этой ломаной тропой,
Как сохачи на водопой,
На полустанок шли поэты.

Хрустел звериный шаг скупой,
И были в сумерках заметны
На лбах морщины, как заметы,
Лосиных глаз распах слепой...

Пичуги били из кювета...
Плыла медлительная Лета —
Река, невидная собой...

И клокотали до рассвета
Колокола лесного лета —
Зеленой Родины прибор...

* * *

Талант, по сути, толст,
А гений — тощ, как щепка.
Неважно, что там: холст,
Поэма, fuga, лепка.

Судьба, как дышло в бок,
Что дали, то и схавал...
Талант по духу — Бог,
А гений — сущий Дьявол!

* * *

В карманах у Поэта — ни хруста.
Он жалкое подобие Христа.
Среди бычков, обьедков и бумаг
Спит Магдалина голая впотьмах...
Гляди, Поэт, в казенный блеск палат! —
Там ждет тебя издательский Пилат! ...

* * *

Жандарм сыграл сквозную роль.
Позорно струсила газета.
Смолчал запрошенный король.
Все отмахнулись от поэта...

Храпит поэт!.. Житуха — во!..
Над ним хоров небесных спевка...
А кормит гения того
Одна лишь уличная девка...

* * *

Жизнь долбила кайлом в два бока...
И затурканный наш народ
Сатану принимал за Бога,
Или чаще —наоборот.

Бают, видел Поэт спросонок,
Одурев от поэтских дел,
Как в ночной небосвод бесенок
Золотые крыла воздел! ...

* * *

Ангел дудочку воздел —
Полетел за мной:
«Отдохни от глупых дел,
О поэт земной!..»
Загундосил сивый бес —
Поскакал за мной:
«Не видать тебе небес,
О чудака земной!..»
Задевая за бока
Пуганой сосны
Затолпились облака,
Валкие, как сны...
И бежит из детских лет
Песня-колобок:
«Что печалишься, поэт?! —
Или ты — не Бог?!..»

* * *

Увидел я себя со стороны
В предательском свечении луны:
Стою — прижат к распятию спиной, —
Две бездны — надо мной и подо мной...
И призрак ночи с отблеском дневным
Дух опалил дыханьем ледяным...
Наверно, это вовсе и не я,
А лишь судьба заблудшая моя...

* * *

«Пиита, веришь в Бога?» —
Тишком спросили сбоку.
Увы, не верю в Бога,
А просто **верю Богу**...
Он — Бог — всегда во мне,
Как эта даль в окне.

* * *

Поэт — библейский фолиант:
Столетия сжаты до мгновений.
Растаял облачный талант —
Душа светла, как денный гений!

Предвижу Божий вариант:
Слепец со зрением пророка
Раскроет Божий фолиант
И огласит его до срока!

* * *

Под выдохи Ильи Громовика
Журчала речь — небесная водица:
«Ты должен умереть, чтоб возродиться —
И жить — века! ...»

Ищи, Поэт, свой крест или осину! —
Из мук произрастают имена!..»
Так пасынку... то бишь земному сыну,
Бог нашептал в былые времена.

Под выдохи Ильи Громовика
Журчала речь — небесная водица...
Взгрустнул Поэт... Ах, дернул черт родиться! ...
Прожить бы день... На что ему века?!

* * *

Всё больше морщинок на старой Луне,
Эпохи спешат, семена...
Подайте, подайте беспутному мне!
Во имя святого меня!..

Гнилую картошку пекут на золе
Бродячие ангел и бес...
Подайте, подайте беспутной земле
Во имя святейших небес!..

* * *

Оставлю бренное в могиле я —
И воспарю, как росный дым...
И вот тогда моя фамилия —
Моя фальшивая фамилия —
Восстанет Именем моим! —
Воскреснет Именем моим!..

* * *

Махнул: «Дождитесь! — Я туда-сюда!
Что мне, Поэту, Божьего осуда!...»
Мы ждем его с Господнего суда.
Поэты возвращаются оттуда!

* * *

О полуночном небосклоне
В убранстве царственных светил,
О высшем нравственном законе
Мудрец германский возвестил.

Года сменяются годами,
Давно философ погребен,
Сияет небосклон звездами...
Но где же нравственный закон?

* * *

Капитель в завитках аканта,
Обветшалый клочок парчи,
Наконечник стрелы зеленый,
Черепки разбитых амфор.

Мы взираем на них сквозь слезы,
Свой постылый жребий кляня:
Лишь обломком жалким бывшего
Нам является красота.

* * *

Была пора холодная,
Ночная.
Как нищий, о подачке умоляя,
Со мною ветер за угол свернул.
Разжалоблен его протяжным воем,
Я старое письмо ему швырнул —
И легче стало нам обоим.

Уолтер Савидж Лендор
(1775 — 1864)

Строки,
написанные в день семидесятилетия

Любил Природу и Искусство;
Не шел я в бой — достойных нет врагов;
Мне руки грело пламя Бытия;
Оно слабеет; я к пути готов.

Альджернон Чарлз Суинберн
(1837 — 1909)

Сад Прозерпины

Здесь, где весь мир в покое,
Где скорбь я счастье готов
Злой бурею морскою
Во мгле неясных снов,
Я вижу злаки поля
(Взошли они давно ли?
Пасть под серпом — их доля...)
И сонный мир ручьев.

Я устал от слез и смеха,
Всего, чем жизнь полна,
От доли, что от века
Всем смертным суждена,
Я устал от дней, мгновений,
От высохших растений,
От грез и вожелений,
И только не от сна.

Тут жизнь и смерть — соседи;
От наших глаз вдали

Ветра с волной в беседе
И в море корабли;
Они блуждают снова
Средь хаоса морского,
Но вихря здесь такого
Мы ввек бы не нашли.

Растениям долины
Тут жить не суждено;
Здесь маки Прозерпины
Одни растут давно;
В безрадостной пустыне
Царят те злаки ныне;
И мертвым льет богиня
Смертельное вино.

Их, бледных, в дреме сонной
Баюкают ключи,
Пока во тьме бездонной
Не заблестят лучи,
И, как душа больная,
Родной души не зная,
В тумане, в тучах тая,
Не встанет день в ночи.

Будь ты силен седмижды —
От смерти не уйдешь,
И в небо не взлетишь ты,
И в ад не упадешь;
Ты краше розы красной,
Но близок час ужасный,
И хоть любовь прекрасна,
Конец-то не хорош.

Увенчана листьями,
Богиня у ворот
Бессмертными руками
Все смертное берет.
Любви пугливой губы
В сравненьи с нею грубы,
И все ей равно любви,
И всем придет черед.

Всех смертных ожидает
Она у той черты,
Мать-землю забывает,
Колосья и листы;
Ручей, посев и птица —
Все к ней туда стремится,
Где песням не разлиться,
Где презрены цветы.

Покой себе снискали
Здесь тени мертвых лет
И страсти, что завяли,
И повод многих бед;
Мечты мертвы, забыты,
Цветы снегами скрыты,
Листы ветрами сбиты,
Погибших весен след.

Нам горе — не опора,
И радость — не оплот;
Умр т Сегодня скоро,
И время нас не ждет.
И Эрос, увядая,
Грустит, полувздыхая,
О том, что страсть любая
В конце концов пройдет.

Без страха и стремленья,
Свободные от пут,
Пускай благодаренье
Любым богам дадут,
Что жизни дни не длятся,
Что м ртвым не подняться,
Что реки, как ни тщатся, —
Все в океан впадут.

Что нам небес сиянье?
Сна не прогонят вон
Ни звездное мерцанье,
Ни ветра плач и стон.
Что шум листвы беспечной,
Шум влаги быстротечной?
Ведь ночь здесь бесконечна
И бесконечен сон.

*ЗАЗИМЬЕ***1**

Спасибо, Господи, Тебе
За ранний снегопад,
За волчий вой в трубе,
За боль, за этот сад.
Рябина у пруда
Пургой наклонена,
Как в тяготе труда
Согнутая спина.
А, что ли, нам одним
Предуказал Господь
Под этот белый дым
Страдать? Все та же плоть...
Всего лишь, что без слов,
А может, без страстей;
Но прелестью цветов
И тяжестью кистей
Тебя благодарит
За этот снег и лед,
За то, что свет — живит,
За то, что жизнь пройдет...

2

Лебединая рябь на воде,
Словно перьев был высыпан ворох,
Но не белых, а серых, как порох...
День в тумане — сплошное Нигде.
Только вспархивает от реки,
Словно пороховая зарница,
Среди мглы — одинокая птица,
Будто тень от забытой строки.
В первом инее берег, и гать
Забелела — то льдинка, то иней...
Что ж ты медлишь, птенец серо-синий,
Опоздаешь... Пора улетать.

Там, за волнами, там, вдалеке,
Может быть, этот берег забудешь...
Но со мною останешься — будешь
Жить в записанной мною строке...

3

Кончилось ведро — и снова в ведро
Мерно стучит леденящая просинь,
Последнее золото на серебро
Меняет ноябрь, он твой пасынок, осень.

Вновь в Введенье¹ заиграет пурга —
Вот разгулялась, а вот — перестала...
И вдоль пруда заблестят жемчуга —
В радость Снегурке для первого бала.

Что же, Снегурка, пора за дела
(Глянь, Дед Мороз настигает дороги...) —
В глади пруда засветить зеркала,
Елку убрать — Рождество на пороге.

.....
Не было — было — быльем поросло,
Снегом засыпало, вьюгой отпело...
Первый мороз разукрасил стекло...
Что сквозь него ты вдали разглядела?

4

От оливкового до стального —
Цвет воды на пруду...
Завершение круга земного
Переходом ко льду.
Круг то медлится, то раскружится,
Как в саду карусель...
Так и жди, — словно шалая птица,
Прилетит и метель.
Налетит спозаранку. До света
Заведет тарарам.
Разметет, что осталось от лета,
По щелям и углам.
О душа, и тебе бы — по делу

¹ Введенье (*нар.*) — праздник Введения во храм Святой Богородицы.

Под пургу, как ковыль...
Чтобы вымело все, что болело, —
Прошлогодную пыль.
Только ты, скопидомка и скряга
(«Ничего б не отдать!»),
Бережешь свою боль, словно благо,
Горечь — как благодать.

5

Сумрачно-серый конец ноября,
Дни листопада уже миновали...
Мертво и голо. И дверь отворя,
Словно оказываешься в подвале,
Или — как в погребе... Погребены
Зерна утрат и надежды побегу,
Что — навсегда, ну а что — до весны...
Скоро раскружатся первые снега.
Сердце, коль сможешь, держи под замком;
Что ему, сердцу, с судьбой твои споры...
Ты, как барон¹ над своим сундуком,
Стой над ларцом персональной Пандоры.
Веет и кружится снежная жуть,
Отблеск пруда пропадает в тумане...
Может, решиться и заглянуть?
Что там решать — ты все знаешь заранее...
Что же, пускай — непогоде под стать,
Да и на волка зима не впервые...
Где там они — тишина-благодать...
Пусть и мертвы мы, но с болью — живые...

6

Взметами звездопада,
Холоду вопреки,
Из осеннего сада,
Как искры, летят стихи...
Искры костра разлуки —
Как раскаленная сталь
Преодоленной муки;
Преодоленной? Едва ль.
Пусть — надорвавшей сердце,
Все же — не взявшей власть...

¹ Из «Скупого рыцаря».

Все в этой жизни — смертно,
Не исключенье — страсть...
Но душу отдать для обмена —
Нет, мой гость, извини...
Все в этой жизни тленно —
Радость, и боль, и дни.
Но устоять готово
Пред пустотой тоски
Одно лишь тихое слово,
Сказанное вопреки
Всему, что вело до края
Тяготы и немоты...
Теперь я об этом знаю.
Может, узнаешь ты...

Валерий Рыбаков — давнишний автор альманаха. Первый сборник его стихов был издан в РИФ «Рой» («Истоки»), второй, «Смеркается...» (2008 г.), — в издательстве «Солитон». Публиковался в периодике, в том числе в «Новом журнале» (Нью-Йорк). Умер в 2013 году.

Дети и дракон
Сказочная история
(Отрывок)

Предисловие автора

Нравятся ли вам современные сказки, где участвуют дети, которые потом вырастают? А в конце, как и положено, бывает свадьба?

Спрашиваю об этом для того, чтобы вы знали: все, о чем здесь написано, никогда нигде не происходило. Имейте в виду, что все герои, город, в котором они живут, их поступки, мысли, чувства придуманы автором.

Необыкновенные посещения, предсказания будущих событий, исцеления безнадежных больных настолько редки в нашей жизни, что их принято называть чудесами. В сказочном повествовании с ними можно встретиться на каждом шагу. Но хотелось, чтобы вы, побывав в мире моих героев, узнали что-то новое, а может быть, по-иному взглянули на себя.

* * *

Было Петру десять лет, и Тавиоре¹ — десять, и звали их Бэль и Черна. Жили они не в самом крупном городе, в одном доме, каждый в своей квартире, каждый со своей мамой. Папы их когда-то были пожарными. Оба они погибли в один день, когда детей еще не было на свете.

В тот день страшный огнедышащий дракон вырвался на волю из заточения, где его держали люди, заставляя работать на себя. Они думали, что за годы заточения дракон стал ручным, и не позаботились о своей безопасности. Между тем, дракон только и ждал момента, чтобы прочить “этих дерзких людишек”. Выпустив ядовитое излучение, он смел всю стражу, уничтожил свою темницу, отравил радиоактивным дыханием на долгие годы землю, воды, воздух...

А те, кто жили поблизости, даже ничего не заметили. И только потом, гораздо позже, выяснилось, что страшное дыхание дракона всех их коснулось, все они стали его жертвами».

¹ В «Деяниях святых Апостолов» есть описание того, как апостол Петр воскресил в Иоппии христианскую ученицу Тавифу (глава 9, стих 36–41).

Матери Петра и Тавиоры, больные лучевой болезнью, закончили свою земную жизнь в специальной лечебнице — «Доме под колпаком», а их дети попали в школу-интернат. Шли годы. Выросли дети. Петр стал детским психологом, а потом директором детского дома. Тавифа — его жена и помощница в воспитании детей, занялась литературным творчеством, служила псаломщицей в церкви. Первая повесть «Дети и дракон» (издана в 2006 году) была прочитана учащимися некоторых воскресных школ, и по их просьбе было написано продолжение — еще две повести.

Приводим здесь окончание сказочной повести «Дети и дракон».

Мнение жителей города о молодом директоре детдома и его жене было однозначным: «Воистину, у них нет своих детей, но нет и чужих»...

Всех, даже самых маленьких своих ребятишек, они водили в церковь, крестили, причащали, устраивали православные праздники.

Для воспитанников любой выход за территорию детдома был событием.

Этим августом Петр с Тавифой и довольно большой группой детей поселились в одном из столичных интернатов, опустевших на лето. Почти каждый день все вместе ездили на экскурсии или на паломничества.

Детдомовцев надо было приучать пользоваться деньгами, транспортом, ориентироваться, общаться с другими людьми. Поэтому старались пользоваться обычными способами передвижения: автобусами, троллейбусами, метро. В метро ребятам было особенно интересно, они с удовольствием осваивали эскалатор, учились по карте выбирать нужное направление. В церквях и монастырях их всегда ждали, хорошо принимали, дарили подарки, рассказывали что-нибудь интересное...

* * *

На этот раз все было как всегда. Наши паломники возвращались из пригородного монастыря после воскресной службы. Они, конечно, устали от долгого стояния в церкви, поэтому вели себя шумновато: кто-то пытался бежать вниз по ступенькам, кто-то перекрикивался. Это были невинные шалости, которые могли, к сожалению, привести к серьезным последствиям.

Не удивительно, что, когда один озорной мальчик начал бежать вниз, хлопая ладонью по каждому встречному светильнику, директор Петр закричал ему: «Остановись!» Но было уже поздно. Что-то где-то замкнуло, заскрежетало, и почти везде на станции погас свет.

С эскалатором ничего не случилось, он не остановился, люди ехали дальше вниз, до перрона. Но там, в темноте, происходила

какая-то возня и толкотня. Слышались возмущенные возгласы, приглушенные вскрики.

— Ребята, не отходите далеко, — крикнул громко директор, — собирайтесь справа у колонны, держитесь вместе, а то потеряетесь!..

Но в ответ послышалась грубая брань и наглый мужской голос:

— У нас не потеряются — всех оприходуем...

Тавифа инстинктивно схватилась за мужа:

— Молчи! Не отвечай, это какие-то хулиганы...

— Сама молчи... Ничего не бойся, не отпускай руку!

В ту же минуту они доехали до перрона, но здесь их ждала неожиданность: чьи-то грубые мужские руки растащили их в разные стороны. Тот же голос развязно заявил: «Мальчики — налево, девочки — направо!»

Кто-то обшаривал их в темноте, кто-то выворачивал карманы. У Петра забрали мобильный телефон, а у Тавифы — фотоаппарат. В темноте почти ничего не было видно. Люди спотыкались, задевали друг друга, даже падали, слышались крики и плач детей...

Это были совсем не «детские шалости». Террористы — служители дракона — захватили станцию метро. Они действовали по заранее подготовленному плану, бесцеремонно и стремительно.

* * *

Горько осознавать, что каждый человек в наши дни может попасть в подобную ситуацию. У наших героев было много возможных вариантов провести день: можно было бы поехать на автобусе или троллейбусе в парк, погулять подольше по монастырю, заглянуть в зоомагазин, куда так рвались малыши... но они попали именно на этот эскалатор, и именно в тот момент, когда его захватили.

Тавифа в ответственные минуты жизни всегда сильно волновалась, нервничала, даже падала в обморок. Петр, чье имя означает «камень», напротив, в сложных ситуациях сосредотачивался, собирался, отбрасывая эмоции, начинал молиться и усиленно думать, принимая какое-то решение.

Ответственность за воспитанников, за жену выступила на первое место, когда он осознал, что они — заложники банды террористов.

Мысль работала четко. Самое главное — держаться вместе, не потерять друг друга. Света явно недостаточно, но террористы наверняка его включают. Значит, надо сразу же разыскать Тавифу, пока захватчики всех их не рассмотрели и не рассортировали.

Петр засунул руку в карман пиджака и нащупал тоненькую церковную свечечку, такие свечи подарила матушка игуменья им всем

после службы. Тавифа — сообразительная. Если она увидит его свечку, то зажжет и свою (у нее есть спички), а дети, может быть, тоже догадаются, что надо собираться всем вместе.

Петр внимательно осмотрелся и увидел недалеко огонек сигареты, он стал протискиваться в ту сторону. Вскоре его свечка загорелась маленьким, но ярким огоньком; на той стороне перрона ее заметили. Кто-то из детей тоже сумел зажечь свечку. Потом еще и еще. Наконец, загорелось сразу две или три свечи, где-то высоко, гораздо выше роста Тавифы (но держала их явно ее рука). Видимо, она поднялась на какое-то возвышение, чтобы ее было лучше видно.

Петр начал осторожно пробираться сквозь толпу; другие маленькие огоньки тоже потихоньку начали плыть в ту сторону. Почти все они уже собрались вокруг Тавифы, взобравшейся на скамейку, но бандиты уловили их маневр:

— А ну, стоять! Погасить свечи! — прорезал темноту голос, а затем послышался хлопок предупредительного выстрела. Сверху посыпалась штукатурка... Все свечи мгновенно погасли, а в темноте двигаться было невозможно.

Минут через десять откуда-то сверху ударил сноп света, а потом еще один, с противоположной стороны. Пока все, ослепленные, озирались, Петр сумел добежать до Тавифы и буквально стащил ее со скамьи вниз. Она слишком рисковала.

— Садимся и занимаем всю скамейку, — скомандовал Петр, жестом показывая на нее детям, бывшим поблизости, — сидеть будем по очереди.

Он оценивающе присмотрелся к колонне, возле которой они оказались (почти все дети были поблизости). Она не могла служить укрытием, так как обрывалась на путях. Но оттуда, из тоннеля, тянуло сквознячком.

«Это хорошо, — подумал Петр, — и хорошо, что скамейка мраморная, холодная. Здесь скоро будет пекло». С собой у них было несколько бутылок со святой водой из монастырского источника, и это тоже была огромная удача.

Зажглись еще какие-то лампы, стало хоть что-то видно. Несколько боевиков с оружием собрались плотной кучкой в центре станции и в мегафон зачитывали свои требования к заложникам. Заложников, по-видимому, было очень много. Все затихли, прислушиваясь, но Петр старался не вникать в происходящее, да и что новое могли сказать эти нелюди? То же, что и другие террористы в подобных случаях.

Петр пытался собрать свои внутренние силы и обратиться с молитвой к Богу. Сначала не получалось: в сердце билась тревога, глаза невольно обращались то на вооруженных бандитов, то на перепуганных детей...

Он повторял, повторял одну и ту же молитву, самую главную, заповеданную Спасителем. Всю внутреннюю духовную свою силу он вкладывал в эти слова, он кричал в отчаянии Небу: «Да придет Царствие ТВОЕ, да будет воля ТВОЯ!»...

Время для Петра как бы остановилось. Зрение, слух, обоняние и прочие чувства. Он просил помощи. Он спрашивал у Бога, что ему делать, и в конце концов получил ответ.

Говорят, что в древние времена некоторые люди (пророки) свободно могли слушать голос Бога. Он отвечал им, когда они вопрошали. С нашим героем ничего подобного не происходило, но в какой-то момент в голове его возник четкий план действий, и все встало на свои места. Петр знал, что делать дальше. Все, в том числе и будущее, для него прояснилось. За недолгое время молитвы Господь всему его научил. Страх полностью улетучился, а перед глазами встала вся жуткая реальность захвата. Его задачей было помогать другим.

Первое, что он сделал, это взял Тавифу за руку и заставил оторваться от происходящего. Он поймал ее тревожный взгляд, прижал к себе и сказал:

— Мы все сегодня причащались в храме, приняли Плоть и Кровь Христову. Что страшное может нам грозить, если внутри нас Сам Господь? Мы с Ним — единое целое. Он нас не оставит.

— Мы все погибнем... Они говорят, что власти не желают даже вступать в переговоры. К концу дня они взорвут всех нас!..

— Родная моя, ведь мы же христиане! Смерть — это соединение с Господом. Разве ты боишься смерти? Не хочешь встретиться с теми, кого любила и потеряла? Пересиль страх, мы должны быть примером и сделать так, чтобы дети тоже не боялись. Надо всем молиться, просить у Господа и Богородицы помощи и заступления. Все это когда-нибудь закончится. Старайся уповать на Бога. Будем терпеть...

Больше ему не удалось ничего сказать. Включилась воющая сирена, бьющая по ушам и мозгам. Она выла теперь без конца, а в промежутках боевики что-то орали в мегафон, что-то требовали, шарили лучами прожектора по лицам людей и кого-то забирали...

Петр в моменты тишины между воем сирены пытался поговорить и утешить каждого ребенка, а когда прожектор освещал их угол, велел всем ложиться на пол, особенно высокой жене. Тогда их не было видно за чужими спинами. Женщин и детей куда-то выводили, выталкивали, он боялся потерять кого-нибудь в этом жутком аду.

* * *

Время для заложников перестало существовать; при захвате у всех отобрали часы и телефоны, а электронное табло на стене, разумеется,

не работало. Жара нарастала, вентиляция отсутствовала, а воду пили по глоточку.

Накормить детей было нечем, но пока о еде никто не вспоминал. В туалет ходили прямо на пути, поэтому в воздухе усиливалось жуткое зловоние. Многие больные, особенно сердечники и старики, теряли сознание.

Одна совсем юная женщина, которая ждала ребенка, увидев, что дети пьют воду, попросила у них глоток, но, не успев выпить, упала в обморок. Ее кропили святой водой, смачивали губы и язык, молились, но она долго не приходила в себя.

Окружающие заволновались, начали спрашивать, нет ли поблизости врача или какого-нибудь лекарства. Подошел пожилой кореец, он стал делать точечный массаж, и через некоторое время женщина открыла глаза. Но кореец печально смотрел и качал головой, глядя на нее. Он шепнул Петру, что ребенок у нее уже погиб...

Никто ничего не мог сделать, у людей не осталось сил даже для сочувствия. Велись ли какие-то переговоры, делалось ли хоть что-то для их спасения, никто не знал. Каждый участник этой трагедии выживал по-своему: кто-то плакал и предавался унынию, кто-то терпел молча, кто-то не терял надежды на спасение...

Для наших героев все это время главной была молитва: они пытались вспомнить все, что знали, молились, как умели.

Люди духовные очень преображаются, когда молятся, они даже как будто светятся изнутри. Человек начинает чувствовать свою связь с Творцом, с Богородицей, со святыми и Небесными Силами. Человек в сердечной молитве как бы возрастает и... вращается в Небо. (Известны случаи, когда молитвенники, достигшие святости, даже приподнимались и парили над землей во время своего обращения к Богу.)

Тавифа пыталась молиться как можно более вдумчиво и сосредоточенно, но sireны, стоны, крики, брань и выстрелы где-то вверху, у входа на станцию, сильно ее отвлекали. Молитва терялась, и ее вновь обступал ужасный сегодняшний мир, более страшный, чем самый кошмарный сон.

Тавифа была дальнорезкой, к тому же, благодаря очень высокому росту, она могла смотреть поверх голов других людей. При свете прожектора она разглядела какие-то механизмы, развешанные боевиками вдоль эскалатора, опутанные проводами. Сверху, над головами, тоже велись какие-то монтажные работы. А на противоположной стороне она видела какое-то орудие, его дуло было направлено прямо на них.

— Вы видите, они все заминировали! — прохрипел сбоку чей-то мужской голос. — Всем нам крышка!

— Тише, не пугайте детей, — одернула Тавифа говорившего мужчину (ей было стыдно за прежнее малодушие), — не устраивайте панику, иначе нас перестреляют вон из того пулемета...

* * *

Время шло, но ничего не менялось, только все больше людей без сил лежало на полу в полузабытьи. Всем хотелось только одного — хоть каких-то изменений, даже штурма, даже выстрелов, лишь бы закончилось бесконечное ожидание.

Тавифа всматривалась в полутьму. Везде были люди, люди. Места не было пройти. В начале захвата, когда еще прибывали поезда с соседних станций, никого из вагонов не выпускали, а, наоборот, заталкивали туда пассажиров; загоняли людей и в тоннели, в полную темноту. Все эти люди были в гораздо худшем положении, чем они.

«Здесь тысячи, — подумала она, ужаснувшись, — какой “улов” нынче у дракона»...

* * *

В это время что-то случилось у боевиков. С шумом и грохотом, расталкивая заложников, наступая на чьи-то ноги и руки, они резко бросились вверх по эскалатору. Была дана какая-то команда, и они, перестав обращать внимание на несчастных людей, стали ее выполнять.

— Мне кажется, сейчас должно что-то произойти, — отвлекся от молитвы Петр. — Может быть, начинается штурм? (Про себя он подумал, что это конец, потому что явственно различал копошившихся возле мин террористов.)

— Смотри!!! — потянула его за рукав Тавифа.

Он оглянулся и увидел за спиной, на фоне темной стены, огромного, огненного, хохочущего дракона. В ушах раздался его громopodobный смех.

Враг смотрел на них маленькими, излучавшими дикую злобу глазами; его безразмерные крылья, развернувшись, почти полностью покрывали всю станцию с перепуганными несчастными заложниками. Те, кто видел его, начинали кричать от страха, а он разевал хохочущую пасть, пугая их еще больше.

Петр и Тавифа с детства знали этого врага, они не зря искали оружие, побеждающее дракона. Петр выхватил из-за пазухи крест-мощевик, подаренный старцем Леонидом, поднял его над головой, как меч, и громко прокричал молитву: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы православным христианам на сопротивных даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство!»

Он повторил ее трижды, потом стал произносить другие молитвы, которые защищают от «нечистой силы». Наконец он начал осенять

своим волшебным мечом — крестом — Тавифу, детей, заложников, все стены и углы. Страха он не испытывал. Жена и дети, как могли, вторили ему. Тавифа мысленно тоже возводила крест между ними и драконом. Все окружающие молча наблюдали за этим поединком, они не совсем понимали, что происходит.

В этот момент вверху раздался хлопок и повалил дым; на миг все отвернулись от стены и дракона, Петр тоже. Когда через минуту он взглянул на стену, на ней никого не было.

Петр и Тавифа, не сговариваясь, обнялись, по очереди поцеловали крест и решили, что пора действовать.

* * *

Пользуясь своим маленьким ростом, Петр стал продвигаться между заложниками туда, где валялся мегафон, брошенный боевиками. Взяв мегафон, он громко крикнул:

— Внимание! С вами говорит директор детского дома... Ребята, все, кто приехал сюда вместе со мной! Ребята, которые оказались здесь без родителей, послушайте меня! Собирайтесь возле Тавифы, она — самая высокая и сейчас еще встанет на скамейку, у нее в руках горящие свечи. Это в правой стороне станции у первой колонны!

Маленькие и большие, перепуганные и любопытные, грязные, полуголые из-за жары дети стали собираться и окружать Тавифу. На них уже никто не обращал внимания. Сверху раздавался стук, это террористы заколачивали все входы и выходы на станцию, которую решили взорвать. Петр со своим мегафоном старался перекричать их, что, кажется, удавалось:

— Ребята! Ничего не бойтесь! Не бойтесь взрыва и огня! Никто не погибнет, все останутся живыми, надо только молиться. После взрыва мы должны собраться и быть все вместе. Если будет страшно, то зовите Иисуса Христа и Богородицу! Сейчас очень важно молиться! Повторяйте за мной: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» «Пресвятая Богородица, спаси нас!»

Петр надеялся, что дети будут повторять за ним хором, но те смущенно молчали. Тавифа начала со своей скамейки вторить ему, но дети только испуганно оглядывались, они боялись открыть рот.

Времени на раздумья не было, нужна была помощь взрослых:

— Папы и мамы! Среди вас есть православные? Молитесь вместе с детьми, они не должны бояться! Я — не священник, но точно знаю, что сейчас нужна общая молитва. Ради наших детей, давайте все вместе: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!»

Несколько взрослых голосов присоединились, наконец, к общей молитве. Петр в мегафон, а след за ним все остальные — мужчины, женщины, дети — сначала шепотом, опасливо, а потом смелее и четче начали выговаривать слова *последней молитвы*.

Многоголосый хор рвался ввысь, и эхо отражало от стен станции их последний призыв к Богу. Да это была уже и не станция, а Храм, в котором христианские мученики молились перед восшествием на Голгофу... Все, кто мог, истово крестились и кланялись Тому, кто должен был сейчас услышать и спасти...

* * *

...Полыхнуло яркое пламя, и в его свете все опять увидели огромного, замершего перед прыжком дракона, который резко отпрянул перед блеснувшим, молниеносно поднятым над всеми оружием. Чья-то **богатырская рука**, отбросившая мегафон, высоко вознесла спасительный **КРЕСТ**.

Грохота взрыва они не слышали, потому что все в один голос зывали к Небу, умоляя о спасении.

* * *

Не испытывая ни страха, ни боли, наши герои на всякий случай не разжимали рук... Они куда-то падали (или, может быть, взмывали?). Невозможно определить, что это было за состояние и сколько оно длилось. Тавифа читала, что, когда наступает конец, можно со стороны увидеть свое тело. Она стала осматриваться, но ничего вокруг себя не увидела, кроме безграничной темноты, засасывающей как болото. Она вдруг с ужасом осознала, что во время общей молитвы они ни разу не упомянули Святую Троицу, ни разу не призвали на помощь Ангела Хранителя...

— Пресвятая Троица, помилуй нас! — крикнула она изо всех сил. Но не услышала своего голоса...

— Ангел Хранитель! Святой Ангел Хранитель!.. — Она не могла вспомнить, что нужно сказать дальше. Наступила зловещая минута страха и отчаяния...

— Моли Бога о нас! — закончил за нее голос Петра, который она не слышала, а чувствовала где-то внутри себя.

Откуда-то сверху они слышали детские голоса, повторявшие за ними молитву к Ангелу Хранителю, а потом еще один знакомый милый голосок, не выговаривавший хорошо букву «р», проникновенно сказал: «Пресвятая Троица, помилуй нас, — и добавил после короткой паузы: — Нас всех»...

Эта детская молитва оказалась, как видно, решающей.

* * *

...Мир, в котором находились они сейчас, стал меняться и светлеть. Отовсюду доносились шелест крыльев, шепот, какие-то вы-

сокие музыкальные голоса, чей-то смех... Подул легкий ветерок, и что-то засеребрилось впереди, что-то засияло, да так, что трудно было рассмотреть. Это было что-то очень знакомое...

— Сынок, да ведь это твой меч, им ты сражался с драконом, — услышали они голос мамы Петра. — Поклонитесь Кресту! Здесь вам назначена встреча с вашими чадами.

Петр и Тавифа бросились к огромному сверкающему Кресту, упали перед ним на колени, ощущая при этом необыкновенную легкость и радость.

Мир вокруг них становился живым и светлым, все в нем цвело и зеленело. В густой, украшенной яркими цветами траве стояли двое... Это был Петр, ставший могучим богатырем, и светловолосая милая девушка невысокого роста — Тавифа.

Они сразу узнали друг друга по тому многократно возросшему чувству любви и нежности, которое ощутили, встретившись взглядами. Изменения во внешности их ничуть не удивили, потому что они всегда казались друг другу очень красивыми.

Со всех сторон к ним бежали нарядно одетые дети, веселые и счастливые, а впереди всех — маленькая рыженькая девчушка в ярко-розовом платице. Это была соседская девочка, которую в детстве так оплакивала Тавифа. Малышка приближалась, не касаясь голыми ножками травы и цветов, раскинув навстречу Тавифе ручки для объятий и раскрыв радостные глазки...

Детей было очень много. Боковым зрением Петр заметил даже темнокожего мальчугана в бусах, сверкнувшего белками глаз и белозубой улыбкой. Этот ребенок прибил к ним уже потом, в метро.

Дети, обнимая и прижимаясь к ним, радостно восклицали: «Мама!» и «Папа!»...

Послесловие

Друзья мои, вы перевернули последнюю страницу повествования. Такой вот у нас получился конец. Одним покажется, что он плохой, а другим — что хороший. Все зависит от внутреннего устройства человека. Если вы веруете в Бога и в бессмертие души, то переход наших героев в мир иной вовсе не огорчит вас и не покажется сказкой.

ПРОВОКАТОРЫ

Бывают такие большие цели,
что в них невозможно попасть.
Афоризм

Гл-1

Хаос 90-х все еще носился в воздухе, когда Николай Мохов, аспирант исторического факультета МГУ, получил официальное предложение стать помощником одного видного политического деятеля, который уже многие годы стоял в оппозиции к власти. Поскольку вопрос о кандидатской диссертации откладывался на неопределенное время, а политика всегда очень интересовала Николая, он недолго думая согласился и впоследствии никогда не жалел о своем выборе. Звали оппозиционера Львом Моисеевичем Березуцким, он был одним из лидеров левого движения и возглавлял партию «Народ и свобода».

Познакомился Николай с Львом Моисеевичем одиннадцатилетним мальчиком, когда однажды оказался у него в доме. Сын Льва Моисеевича, Гоша, нескладный, болезненный пятиклассник, из-за своего высокого роста прозванный каланчой, пригласил Николая к себе домой и предложил вместе делать домашние задания. Дело в том, что Гоша обладал незаурядными математическими способностями и совершенно не владел русской грамматикой. Николаю же, наоборот, легко давались гуманитарные предметы, и он не мог взять в толк точные науки. С тех пор так и повелось — Гоша втолковывал Николаю, что два плюс два равно четырем, а Николай объяснял Гоше разницу между суффиксом и префиксом. Впервые увидев отца Гоши, Николай удивился тому, как непохожи они были — Лев Моисеевич, невысокого роста, полноватый, с огромной лысиной и одутловатым лицом закоренелого пьяницы был полной противоположностью своему сыну. Гоша же к одиннадцати годам был на полголовы выше своего отца, тощ как жердь, а бледное, бескровное лицо напоминало о жертвах Бухенвальда и Освенцима. И только позднее, увидев мать Гоши, Басю Натановну, Николай понял, почему он так не похож на своего отца.

Кроме Гоши, к которому Николай питал нечто вроде сочувствия и жалости, у него был еще друг — полная противоположность

Гоши. Павел Одинцов, так звали его друга, был крепкий, хорошо развитый физически паренек, всерьез увлекающийся восточными единоборствами. Их дружба началась не совсем обычно, однажды классе в седьмом Паша на перемене куда-то спешил и, запнувшись о Гошину ногу, чуть не упал. Обозвав Гошу жидовской мордой, он хотел бежать дальше, но тут Коля, подскочив к обидчику, дал ему звонкую пощечину. Началась драка, Паша, мгновенно сбив с ног и разбив нос своему противнику, с видом победителя ушел. На следующей перемене он подошел к Коле и, похвалив его за стойкость, предложил вместе с ним заниматься в секции карате и помолчав, добавил:

— Самозащита без оружия тебе еще не раз пригодится в жизни, а с твоими задатками из тебя получится классный боец.

Коля согласился записаться в секцию, и с тех пор они вместе пять раз в неделю стали ходить на занятия. Однажды, после очередных занятий, тренер подозвал Пашу и Колю и сказал:

— Мальчики, помните, дружба, зародившаяся в школьные годы самая крепкая и, как правило, длится всю жизнь, дорожите ею. Коля много раз пытался свести своих друзей поближе, пока после очередной попытки Паша не сказал ему:

— Отстань со своим Гошей, он размазня, а я не люблю таких людей. Я, конечно, буду защищать его, как твоего друга, но не более, понял?

— Ты что, антисемит? — воскликнул Коля.

— Никакой я не антисемит, просто я больше люблю людей крепких духом и телом, таких как ты.

Но однажды Коле удалось затащить в гости к Гоше своего друга. Сначала они просто болтали, наконец Паша попросил Гошу помочь ему с задачей по алгебре. Они так увлеклись решением, что с трудом оторвались, когда их всех пригласили отобедать. В этот день Лев Моисеевич был в ударе, за столом он в своем стиле рассказал несколько забавных историй, Паша от души хохотал, а Коля был очарован этим человеком и дал себе слово когда-нибудь научиться искусству рассказа.

В конце обеда Лев Моисеевич внимательно посмотрел на Пашу и сказал:

— Впереди вас, мой друг, ждут тяжелые испытания, будьте готовы к ним.

— Он хочет стать военным, — подал голос Гоша.

— У всех военных трудная судьба, — кивнул головой Лев Моисеевич.

Обед закончился, и Коля с Пашей вышли на улицу — клевый мужик Гошин отец, очень интересно рассказывает.

С тех пор Николай безотчетно стал ждать встреч с этим чрезвычайно интересным, динамичным и талантливым человеком. Когда бы он ни приходил к ним в гости, и если дома бывал Лев Моисеевич, это всегда был незабываемый вечер. Здесь было все — анекдоты и короткие рассказы, пантомимы и комментарии к последним новостям. Для Николая, росшего без отца с вечно занятой матерью, фактически без родительского присмотра, вечера в семье Березуцких были подобно оазису в бесплодной пустыне, где он полной грудью вдыхал свежий воздух, наполненный ароматом другой, диковинной жизни. Уже тогда, к 10-му классу, он стал собирать различные газетные заметки о диссидентах, по возвращении домой записывал в отдельную тетрадь наиболее понравившиеся рассказы знакомых и гостей семьи Березуцких, стал как бы хроникером этих в высшей степени интересных людей. Более того, однажды Николай буквально вынудил Гошу искать записки отца (а они, он не сомневался, были), и тот нашел. Это была толстая коричневая тетрадь в клеточку, исписанная мелким каллиграфическим почерком, с описанием различных жизненных ситуаций, в которые попадал Лев Моисеевич. Первая запись была помечена 1 сентября 1977 года, где десятиклассник Лев Березуцкий дает краткие характеристики некоторых учителей. Так историчка — истеричка, которая, кроме официальных коммунистических догм, ничего не знала, а главное, ничего знать не хотела. Биолога обозвал идиотом, который как попугай повторяет дурацкую Дарвиновскую теорию происхождения видов, и в частности человека. Прочитав подобное, Николай попытался по-новому посмотреть на своих учителей и ничего не увидел — уж больно убедительны были они.

Со слов Гоши, родился Левушка, как звали в семье, Льва Моисеевича, в Барановичах, в июле 1950 года, когда родители были в отпуске у его бабушки и дедушки. Мать, Ада Борисовна, — врач, отец, Моисей Адамович, — инженер, оба были членами КПСС, чем тяготились, но терпели, понимая, что только членство в партии дает им возможности карьерного роста. Прадед Льва Моисеевича был революционером, организовал первую социалдемократическую типографию в Минске, за что был сослан в Сибирь, где в Томском остроге родился его дед, будущий командир полка в конной армии Семена Буденного, а после окончания Гражданской войны работал в наркомате под руководством Льва Троцкого. В 37-м дед был обвинен в троцкизме, осужден на 10 лет лагерей, где и скончался от непосильных трудов. Те, кто близко знал Льва Моисеевича, были уверены, что именно революционная наследственность определила всю его жизнь — жизнь, как он считал, отданную борьбе с несправедливостью, независимо от того, кто в это время находился у власти. Генетической потребности борьбы немало, сами того не подозревая, способствовали его

родители, которые на кухне изливали друг другу свое недовольство существующими порядками, обвиняя во всех смертных грехах высшее руководство КПСС, которое запретило брать евреев на руководящие должности в государственные и общественные учреждения. Им был закрыт доступ в МИД, КГБ, МВД, аппарат ЦК КПСС и Совмин. И, как следствие, не брали их и в соответствующие вузы. Каждую субботу (шабат) Ада Борисовна готовила мацу, приходили самые близкие друзья отца и обсуждали положение евреев в разных странах мира, но чаще всего спорили о том, когда разрешат выезд евреев в Израиль и разрешат ли вообще. Эти домашние посиделки в еврейских семьях в конце концов привели к возникновению мощного движения еврейской эмиграции, охватившего до конца 80-х годов сотни тысяч человек.

Затем появлялся мужчина с козлиной бородкой, в черной длиннополой одежде, с кипой на голове и, при благоговейном молчании, на иврите читал Тору. Раз в месяц родители уходили в гости, где в одной из московских квартир отмечали Рош Хашан — первый день еврейского календаря.

Еще в подростковом возрасте Левушка узнал и о Тамбовской трагедии, и о незавидной роли будущего маршала Тухачевского, травившего газами недовольных советской властью крестьян, и о ГУЛАГе, где погибло великое множество народа. Особенно его поражали рассказы дяди Хаима, полтора десятка лет проведенного в сталинских лагерях. Этот дядя Хаим был фигурой во всех смыслах примечательной; во-первых, его облик не вязался с обликом человека, проведенного пятнадцать лет в концлагере, потому как он был мужчина в расцвете сил, плотного телосложения, розовощекий, неистощимый весельчак и балагур. Во-вторых, как это ни странно, защищал советскую власть, доказывая, что только она дала подлинную свободу еврейскому народу. А то, что произошло с Троцким и такими, как он, то это было ни больше ни меньше, как только внутренними разборками власть имущих. Однажды в один из таких вечеров дядя Хаим настолько увлекся, что, забыв о присутствии Гоши и Николая, вспомнил об одном из эпизодов своей лагерной жизни.

— Это было в самом начале 50-х, перед самой смертью Сталина, — рассказывал он. — Я только что прибыл по этапу в один из таймырских лагерей, стою в ветхой телогрейке на 50-градусном морозе и думаю только о том, чтобы поскорее кончился развод и мы приступили к работе. Проходит полчаса, потом час, наконец появляется пьяный полковник, начальник лагеря, и толкает речь: «Граждане уголовнички и недобитые враги народа, запомните одно — до неба высоко, до Бога далеко, до Кремля еще дальше, а потому здесь я ваш

царь и бог, и вы будете жить столько, сколько захочу я, полковник Насруддинов, и помните: здесь выживает сильнейший!» Но это было только начало — нас вывели из зоны, подвели к какой-то скале и выстроили в колонну по одному. Затем старшой наряда выдал три кайла на семьдесят зек и ушел. Каждому зеку полагалось ударить в породу три раза, затем снова становился в очередь за следующей порцией ударов. Подходит моя очередь, и вдруг тот, что стоял на три зека впереди, делает два удара по породу, а третьим проламывает череп своего соседа. Вы бы видели эту картину: все, кто был поближе, окружают плотным кольцом убиенного и истошно кричат охране: я, я-я-я-я убил!

— Но почему все эти люди хотят быть убийцами? — спросила я стоящего рядом старичка.

— А потому, жидок, что впереди убивца ждет пересылка, дознание, суд, а значит, несколько месяцев тепла и тюремного уюта.

— Но за это расстрел.

— Мойша, какой расстрел, это бытовуха, добавят еще десятку, ну и что с того, коль у тебя уже есть четвертак.

— Дядя Хаим, но вы-то как выжили в этом аду? — спросила Бася Натановна, мать Гоши.

— Басенька, мне просто повезло; как ты знаешь, я хорошо знаком с фельдшерским делом, это и помогло мне. Вскоре меня перевели в лагерную больничку, я был избавлен от вечного холода и тяжкой, никому не нужной работы. — Дядя Хаим помолчал, поднял указательный палец вверх и сказал:

— Кто бы чтобы ни говорил о советской власти, но и она может быть справедливой и жестоко карать настоящих преступников, каким был полковник Насруддинов. Сразу после 20-го съезда КПСС в Москве были созданы выездные комиссии из высоких московских чинов, которые были командированы во все ГУЛАГи страны с заданием произвести на местах расследование по злоупотреблению властью тамошних начальников и праву вершить суд над виновными. Так вот, уже через несколько дней пребывания такой комиссии в нашем лагере полковнику Насруддинову, за издевательства над зеками и воровство, был вынесен смертный приговор, и он был тут же расстрелян на вечерней лагерной поверке.

Эти рассказы бывалых людей подвели Левушку к мысли, что любая власть по своей природе преступна. О чем он поведал в статье для школьной стенгазеты. К счастью, этот опус успел перехватить отец и прочел непутевому сыну лекцию о выскочках.

— Сынок, — говорил он, — ты должен понять, что мы не вправе, даже намеками, критиковать существующий режим, он дает нам возможность жить и работать, ты еще молод, и тебе надо получить

образование, а уж потом.... — А что потом, он не договорил, видимо, подразумевал не иначе как свободу выбора.

Впрочем, Бася Натановна рукопись сохранила, а Гоша дал Николаю ее почитать. В ней рассказывается о каких-то полинезийских племенах, как они прекрасно жили, а все жизненно важные вопросы решали сообща. Дальше он пишет, как однажды на острова пришли злые люди и заявили, что теперь все племена образуют некое независимое полинезийское государство, что все взрослое население должно работать по принципу — от каждого по способностям, каждому по труду. Затем отдельное племя стало именоваться коммуной, для всех, включая детей 12 лет, ввели трудовую повинность: каждый взрослый мужчина должен был в течение дня выкорчевать не менее десяти деревьев, дети — обрубать сучки, а женщинам отводились уход за посевами и уборка урожая. За свой каторжный труд каждый работающий три раза в день получал миску риса и лепешку, так что коммунары вынуждены были разнообразить свой рацион червяками, ящерицами и другой тропической живностью. Непосильный труд на плантациях, издевательства пришельцев и полуголодное существование в течение десяти лет привели к почти полному вымиранию племен. Из этого Левушка делает вывод, что любая власть есть насилие, а потому преступна.

Окончив школу с серебряной медалью Левушка поступил в один из московских вузов, по окончании которого получил специальность инженера-конструктора летательных аппаратов. Учась на втором курсе он организовал подпольную студенческую группу, в которой обсуждалась необходимость введения студенческого самоуправления, автономия вузов, выборность ректора и право студентов приглашать с лекциями видных ученых. Все эти вопросы тесно связывались с проблемой государственной власти, которую необходимо было менять. Правда, уже через полгода эта группа, как антисоветская, была разгромлена, все, кроме Левушки, были исключены из института и отправлены в провинцию на исправительные работы. Поползли слухи о предательстве самого организатора, но вскоре все благополучно разрешилось. Лев Моисеевич публично покался в своих заблуждениях и заверил, что впредь будет неукоснительно соблюдать законы своей страны. Вместо политической борьбы он ударился в разгульную жизнь, почти перестал учиться, и в результате одна из его любовниц, Марина, забеременела. Левушка привел свою пассию домой, познакомил с родителями и попросил их благословения, но родители, узнав, что Марина русская, да еще из провинции, как-то неуклюже стали отнекиваться и попросили несколько дней для ответа. Целый месяц Левушка пытался убедить отца в том, что он, как порядочный человек, не может оставить беременную девушку.

Уверял, что, в конце концов, это их внук и они не могут бросить его на произвол судьбы. И уж совсем отчаявшись, стал доказывать, что свежая кровь только омолодит их семью и пойдет на пользу последующим поколениям Березуцких. На что отец категорически заявил, что порядочные девушки до свадьбы в постель не ложатся, а потому доверия ей не может быть.

— Но главное даже не в этом, — заявил он, — как-никак мы с матерью тоже живем в обществе, где давно целомудрие не в почете. Главное в другом: жена это старт в твою новую жизнь, и от того, насколько он будет хорош, во многом зависит твоя дальнейшая жизнь. Мы позаботились об этом и уже сговорились с Абрамовичами о вашей свадьбе с их дочерью Басей. Она согласна. Довожу до твоего сведения, что товарищ Абрамович Натан Михайлович не кто-нибудь, а заместитель министра финансов и мой начальник. Так что готовься, через неделю едем сватать, потом и свадебку сыграем.

Как Николай узнал из Левушкиных записей, такой вариант вполне ему подходил, а Марина? Ну что ж, как говорится, «се ля ви», против родительской воли не попрешь.

Марина, узнав, что свадьбы не будет, пришла к своему жениху, но когда дверь открыл его отец, плюнула ему в лицо и с гордо поднятой головой ушла. На следующий день в институте она взяла академический отпуск и уехала к родителям в свой родной город. Вскоре Марина родила мальчика Вову. Так появился на свет Владимир Львович, будущий, склонный к экстремизму, непримиримый националист.

Собственно, женитьба на Басе, как оказалось, была предопределена самим течением жизни. Дело в том, что Лева и Бася были очень близки еще со школьной скамьи. Тихая и застенчивая от природы, Бася, по прозвищу Дылда, из-за ее роста была постоянным объектом насмешек одноклассников, и Лева, по доброте душевной, все школьные годы опекал ее. Бася привязалась к нему всем своим израненным сердцем обиженного ребенка и уже не могла себе представить, что когда-то придет время и ее Левушка перестанет о ней заботиться. В классе десятом Лева увлекся девочкой из соседнего класса и перестал обращать внимание на Басю. Вот тогда Бася показала свой характер. Однажды, как всегда в последнее время, когда Лева после уроков шел провожать свою новую подругу, Бася догнала их, забежала вперед и, вызывающе глядя в глаза оторопевшему Лева, заявила:

— Придет время, ты все равно будешь моим.

Развернулась и с гордо поднятой головой ушла. Прошел год, потом другой, казалось бы, детские страсти должны были утихнуть, но только не для Баси. Она тенью следовала за своим избранником, издали следила за Левиными выкрутасами, была в курсе всех его

похождений, и вот ее час настал. Как говорится, пришло время, и Левушка оказался в ловушке. Бася знала, что Левин отец служит рядовым клерком в министерстве финансов, и этим обстоятельством решила воспользоваться в полной мере. Бася заявила своему отцу, что если он не поможет ей соединиться с Левушкой, то она покончит с собой. Натан Михайлович пригласил в свой кабинет Левиного отца, и там, за «чашкой» коньяка в задней комнате огромного кабинета, они пришли к обоюдному согласию. Судьба Левушки была решена.

И все бы хорошо, однако радости от житейских благ и собственно жены Лева не ощущал. Особенно угнетал его ее баскетбольный рост, Бася была на целую голову выше, и потому всю последующую совместную жизнь он старательно избегал выходить с ней вместе из дома. К тому же ее нижняя челюсть сильно выдавалась вперед, придавая ей вид безвременно состарившейся женщины. Но, как оказалось, все это мелочи жизни, как говорится, был бы человек хороший, а Бася была именно такой, не жадной, покладистой, в общем, добрейшей души человек, к тому же безропотно терпела все Левины выкрутасы, измены и придирки по мелочам. Узнав, что у Лева есть внебрачный сын, она выделила из семейного бюджета 40 рублей, узнала адрес Марины и от Левушкиного имени послала эти деньги в Нижнегорск. К ее неподдельному огорчению, через месяц деньги вернулись с припиской никогда больше не утруждать себя подачками. На том ее благотворительность и закончилась. Кто бы что ни говорил о благородстве души, но не каждая жена вытерпит недельные отлучки мужа, Бася же терпела и даже не спрашивала Лева, где он все это время бывает, твердо веря в его порядочность. Об отлучках стало известно его теще, и та, недолго думая устроила настоящий допрос своему зятю. Оказалось все очень просто: когда Лева вдруг замечал за собой слежку, он собирал самые необходимые вещи и уезжал на дачу к своему приятелю. Через неделю, получив от него сигнал, что все благополучно, обыска в квартире не было, никто не арестован, Лева возвращался в родные пенаты. На вопрос тещи, почему он никогда не говорил об угрожающей ему опасности своей жене, Лева резонно отвечал, что лучшая гарантия сохранения тайны — не знать ее вовсе. Так бы и продолжалось неизвестно сколько времени, если бы не соседка по даче. Эта соседка, уже не первой молодости, была чертовски хороша собой, и однажды они столкнулись в электричке, после чего все полетело кувырком. Не растроченная Левою любовная страсть вырвалась наружу, охватила все его существо так, что даже минута, проведенная без любимой, была невыносимой. Так продолжалось полгода, но однажды его задержали и препроводили в кутузку. Сидя в одиночке, Лева с ужасом представлял себе, как его отправляют

в далекий Магадан, где лютый холод и непосильный труд на урановом руднике. Зная мнительную натуру Левы, дни, проведенные в СИЗО, были самыми тяжелыми для его травмированной психики. На третий день, не выдержав неизвестности, он стал кричать и проситься на допрос. Вскоре открылась дверь, но вместо следователя на пороге стоял его тесть. Тесть долго рассматривал похудевшую фигуру своего зятя и наконец заявил: либо Лева возвращается домой к жене, либо 58-я статья и тюрьма. Лева, стораая от стыда за свое малодушие, выбрал дом и жену. Возвращался домой Лев Моисеевич с тяжелым чувством вины, ожидая скандала, слез и упреков и от этого все более раздражаясь и злясь на обстоятельства, в которые он попал. Но вместо истерики встретила Бася своего беспутного мужа молча, с немим упреком в глазах, всем своим видом показывая, что обижена, но совсем немного, самую малость, и что готова его простить, если он покается перед ней. Не выдержав этого немного укора, Лев Моисеевич встал на колени и, склонив голову, подполз к Басе, обхватил ее колени и тихо по-волчьи завыл. Этот тоскливый вой Бася приняла за рыдания заблудшего, потерявшего себя и раскаивающегося ребенка, опустила на колени рядом со своим Левушкой и заплакала не то от обиды, не то от радостного умиления. Недели через две Левушкина страсть к соседке начала утихать, а через два месяца совсем сошла на нет. Как говорится — все вернулось на круги своя. С тех пор Лева стал очень разборчив и осторожен в своих любовных связях, предпочитал женщин легко доступных, не обремененных предрассудками, которых можно было встретить в московских ресторанах.

Шел четвертый год студенческой жизни Льва Моисеевича, когда среди студентов появилась рукопись статьи о свободе слова в России. В ней говорилось о том, что современные правители огромной страны и их прихвостни из органов не дают честному человеку высказать все, что он думает о советской власти, о том, что в дурдомах сидят диссиденты, и т. п.

Все тут же приписали этот антисоветский пасквиль Льву Моисеевичу, но он категорически отвергал свое авторство. Одно было плохо, среди его приверженцев появился слух о том, что он проданся гэбистам, будто бы он провокатор и, подобно рыбаку, специально вбрасывает антисоветчину в качестве наживки для недовольных. В те дни несчастный Лева бегал по институту и уверял всех, что он здесь ни при чем, что это поклеп на его честное имя. Многие студенты снисходительно похлопывали его по плечу и говорили, что все, мол, о-кей, так и надо, а вскоре в институтской газете появилась карикатура, на которой рыбак, с характерным Левиным профилем, сидя на черной туче, забрасывал удочку с антисоветским пасквилом на крючке. Внизу толпились легкоузнаваемые сокурсники и жад-

но, широко разинутыми ртами, ловили рукопись. Больше недели Левушка ждал исключения из института, по несколько раз в день забегал в деканат, просматривал доску объявлений, но приказа все не было. Не выдержав неизвестности, Левушка помчался в комитет комсомола и там, под ехидными взглядами комитетчиков, написал заявление о своей непричастности к антисоветчикам, будто бы гнездившимся в стенах их прославленного института. К счастью для Левушки, никто и не собирался применять к нему никаких санкций. Поговаривали также, что Левушку куда-то забирали, после чего он начал стремительно лысеть. Знающие люди говорили, что облысел Лев Моисеевич после какой-то страшной трагедии, о которой в его семье никогда не упоминали. Впрочем, другие уверяли, что никакой трагедии не было и в помине, просто он тогда попал в компанию инакомыслящих, его несколько раз потряхнули гэбисты и после недельной отсидки в одиночке Лев Моисеевич потерял остатки своей и без того жиденькой шевелюры. Поговаривали также, что он, будто бы не вытерпев издевательств, раскололся и выдал всех участников крохотного кружка недовольных существующим режимом. Впрочем, всем этим рассказам и слухам мало кто верил, а иные даже уверяли, будто бы Лев Моисеевич нарочно распускает подобные слухи, что давало ему право называть себя «мучеником совести». Где тут была правда, а где вымысел, Николай так никогда и не узнал, но вот манеру Льва Моисеевича панически вздрагивать всякий раз, когда слишком громко стучали в дверь их квартиры, он давно заметил. Много позже Николай узнал, что Лева был отправлен на принудительное обследование в психиатрическую больницу, где будто бы был поставлен диагноз «вялотекущая шизофрения и параноидальное развитие личности». Впрочем, по убеждению Николая, подобный диагноз можно обнаружить у любой легковозбудимой творческой личности.

После окончания института Льва Моисеевича, по высокой протекции, устроили младшим научным сотрудником в одно из престижных КБ, где создавались новейшие фронтовые бомбардировщики. Первые полгода он так увлекся работой, что на время забыл своего главного врага — государство и все, что его олицетворяет. Вскоре он предложил свою разработку, что-то вроде летающего авто, сделал действующую модель, но идею не поддержали, тем самым вызвав взрыв негодования и целый поток обвинений чиновникам от науки. Поняв, что в прикладной науке и действующем производстве все уже распределено между маститыми учеными, Лев Моисеевич пустился в беллетристику, написал большую статью о пользе революционных потрясений в общественной жизни и под псевдонимом отправил ее в один из солидных отечественных журналов. Статью не опубликовали, но появилась разгромная редакционная статья

о псевдореволюционерах и провокаторах всех мастей. Впрочем, появление редакционной статьи не удивило Льва Моисеевича, и вскоре он совершенно забыл о журнале. Но, как позднее стало известно, кое-кто не только не забыл статью, но и каким-то образом отыскал ее автора. Однажды вечером ему позвонила женщина, представилась шеф-редактором журнала, сказала, что внимательно прочитала статью, полностью с ним согласна и попросила разрешения отослать ее в «Посев». В те годы это одиозное издание было под запретом и тайно распространялось в нашей стране. Недолго думая, Лев Моисеевич согласился и предложил закрепить заочное знакомство личной встречей. Через своих знакомых Лев Моисеевич узнал, что Фрида (так звали эту даму) совсем и не редактор, а одна из активисток Хельсинкской группы, через нее в столицу шла нелегальная литература и самиздат. Фрида не только распространяла всевозможную антисоветскую литературу, но и принимала непосредственное участие в акциях протеста на Красной площади, распространяла листовки с призывами свержения существующего строя. Много раз подвергалась арестам и принудительному содержанию в психиатрических лечебницах. Через три дня встреча состоялась в кафе на Арбате, Фрида Зибельман оказалась малопривлекательной женщиной тридцати лет, но весьма умной, начитанной и напористой особой. Беседа с ней окончательно убедила Льва Моисеевича в необходимости борьбы с существующими порядками, борьбы за демократизацию общества и отстранения от власти КПСС. С той поры в близком окружении он стал официально именовать себя диссидентом и борцом за права человека, намекая при этом на свою связь с определенными кругами Западной Европы и США. Связь эта, по-видимому, была, так как вскоре радиостанция «Голос Америки» передала полный текст его неопубликованной статьи. На следующий день после передачи Льва Моисеевича вызвали в Первый отдел КБ и потребовали объяснений. Страна стояла на пороге перестройки и гласности, и потому Льву Моисеевичу вместо дурдома предложили незамедлительно покинуть режимный объект. Получив расчет, Лев Моисеевич попытался устроиться на работу по специальности, но всюду получал отказ. Тогда он написал петицию в Верховный суд с требованием восстановить его на работе, указывая на то, что никаких военных тайн он в своей статье не разглашал, а значит, никто не может лишить его права на труд. Неизвестно каким образом, но эта петиция с комментариями забурных правозащитников попала на страницы иностранной прессы, получила широкую огласку на Западе и стала предметом обсуждения в Совете Европы. Представитель одной из стран — члена ЕС предложил Льву Моисеевичу выступить на заседании Совета с докладом о демократических свободах и правах человека в СССР. Это был

звездный час Льва Моисеевича, его заметили не только политические деятели, но и представители различных фондов развития демократии в странах Восточной Европы. Правда, для поездки в Брюссель требовался заграничный паспорт, и Лев Моисеевич приготовился биться за свое законное право свободного передвижения с чиновниками из МИДа, но, к его удивлению, уже через месяц получил документ, а затем и шенгенскую визу. По возвращении из Брюсселя Лев Моисеевич развил бурную деятельность по созданию нелегальной политической партии «Народ и воля», основной деятельностью которой должна быть борьба за отмену цензуры, реализация (не на бумаге, а на деле) основных прав и свобод, многопартийность и гласность. Основными методами борьбы провозглашались публичные акции, как то: демонстрации и митинги протеста, распространение листовок и собственной газеты, голодовки в знак протеста и другие формы ненасильственных действий, которые бы в конечном счете привели к установлению в стране демократической формы правления. Фрида Зибельман с восторгом поддержала эту идею и принялась лихорадочно вербовать сторонников демократии. Вскоре состоялся нелегальный съезд партии «Народ и воля», на котором присутствовало тринадцать человек из пяти регионов. На первом заседании был принят манифест ко всем неравнодушным людям с призывом создавать отделения партии на местах. Затем обсудили устав, но к единодушному мнению не пришли из-за формулировки ненасильственного свержения существующего строя. Семь делегатов требовали радикальных мер, вплоть до вооруженного восстания. Регионалы доказывали, что недовольство народа существующим режимом достигло предела, чему способствует отсутствие в магазинах жизненно важных товаров, и будто бы народ только и ждет новых вождей, способных повести за собой массы. Лев Моисеевич сумел погасить страсти, доказав, что радикальные формулировки на руку их врагам, которые постоянно ищут причину для разгрома любой оппозиции. Решили ничего не принимать, а обсуждение и принятие устава перенести на более позднее время.

Не успели создатели нелегальной партии решить вопрос о методах прихода к власти, как в стране грянули небывалые перемены. Под давлением фатальных обстоятельств огромная страна развалилась на части, к власти пришли новые неординарные личности. Их усилиями КПСС была упразднена, идола свергнуты, диссиденты могли спокойно выражать свои взгляды, а главное, можно было легально создать любую партию, вплоть до любителей пива. Наступило время политического и экономического хаоса, из этой мутной воды вынырнула целая когорта сомнительных политико-экономических деятелей, главным оружием которых, при полной растерянности но-

вых руководителей страны, были демагогия и умелое жонглирование экономическими теориями.

В этой обстановке Лев Моисеевич оказался как бы не у дел. Для успешной политической деятельности в новых условиях нужны были большие деньги, а их-то и не было. И тут ему на помощь пришла его жена. Оказалось, что Бася очень близка с Дарьей Завадской, муж которой был одним из советников президента по приватизации. Лев Моисеевич сразу оценил открывающиеся возможности и попросил жену устроить встречу с подругой. Тут же был придуман предлог — годовщина их совместной жизни, и Бася энергично взялась за организацию встречи. Было решено пригласить самых близких друзей, каждому из которых отводилась определенная роль, Левушка должен был блеснуть своими обширными познаниями в экономике, в частности по участию каждого жителя страны в приватизации государственной собственности. Особый упор делался на приобретении ваучеров и акций нефтегазовых предприятий, как самых востребованных на мировом рынке сырья. Сразу возникал вопрос о деньгах, и вот тут на первый план выступал владелец банка «Континенталь» Борис Абрамович Аллилуев, близкий друг отца Баси. Вечеринка состоялась, и после нескольких бокалов французского шампанского разговор плавно перетек к положению в стране и ее финансовому состоянию. Государственный финансовый крах был очевиден, и многие, знающие положение дел, люди искали возможности спастись от надвигающегося коллапса. Как оказалось, Басина подружка сразу смекнула, откуда дует ветер, и, улучив минуту, попросила Льва Моисеевича о встрече. «Клюнула», — потирал руки Лева и пригласил Дарью на чашечку кофе в «Метрополь». Дня через три встреча состоялась, на которой стороны обсудили степень участия каждого в деле. Было решено создать акционерное общество, которое бы скупило долги нефтяников перед бюджетом, а взамен получило нефть, которую можно было продать на Запад. Первый шаг был сделан. Вскоре было создано ОАО «Нефтепром», банк «Континенталь» выделил льготный кредит на 10 миллионов долларов, и колесо закрутилось. Через полгода Лева и компания настолько развернулись, что потребовалось создать несколько дочерних фирм, в том числе «Транснефть», которая, имея в собственности более 100 нефтеналивных цистерн, транспортировала нефтепродукты в страны Западной Европы. Во тут-то Лев Моисеевич впервые почувствовал запах больших денег. Политика была заброшена, радикальные друзья забыты, заботы о преумножении капиталов полностью завладели его сознанием. Втайне он уже подумывал о министерском портфеле или, на худой конец, значительной должности в аппарате президента, с тем чтобы непосредственно, а не через посредников,

влиять на состояние своих финансов. Вскоре такая возможность появилась, по протекции Дарьиного мужа Левушка встретился с президентом, и тот предложил ему пост советника по межнациональным вопросам, правда на общественных началах. Лева тут же согласился, у него появился свой стол в одном из кабинетов на Старой площади, а вскоре и нужные связи в политической элите страны. Деньги уже мало волновали его, свой первый миллион долларов они отметили в семейном кругу, и тесть тут же посоветовал открыть офшорный счет на Кипре, что он и сделал. Надо сказать, что тесть, несмотря на свою отставку, имел значительный вес в финансовых кругах ведущих стран Европы, а потому во всех делах Льва Моисеевича играл ведущую роль, именно он консультировал его во всех сделках с зарубежными партнерами и даже выступал их гарантом. Что касается его межнациональной деятельности, то тут Лев Моисеевич особых успехов не достиг, правда, он несколько раз встречался с лидерами сепаратистов, но все впустую. Эти встречи привели его к неутешительному выводу — только физическая ликвидация упертых в своем национализме бандитов способна дать положительный эффект. После одной из поездок на Северный Кавказ он встретился с президентом и высказал ему свои соображения на этот счет. Добавив, что надо создать несколько мобильных специальных групп, которые бы, не вступая в столкновения с бандитами, отслеживали и ликвидировали их курьеров с оружием и деньгами. Дальнейшие события показали, что президент прислушался к его советам, и вскоре главный бандит был уничтожен ракетой воздух — земля.

Гл-2

Окончив школу друзья разлетелись в разные стороны. Николай Мохов поступил в МГУ на исторический факультет, Павел Одинцов в общеобразовательное училище города Подольска, а Гоша — в Бауманское. Но, несмотря на столь разные интересы, их дружба с годами только крепла. Каждое лето они втроем отправлялись в самые интересные уголки России — первое лето после школы они провели на Байкале, затем побывали на Памире и в устье Волги и, наконец, добрались до Камчатки с ее вулканами и горячими гейзерами. В эти годы Николай, похоронив мать, остался совсем один и невольно стал еще больше дорожить их дружбой. Павла тоже постигло несчастье — умер от инфаркта отец, мать с горя запыла и через год отправилась вслед за своим мужем. И только Гоша шел по жизни, не зная ни горя ни забот, — окончив с отличием Бауманское училище, он был приглашен на стажировку в Гарвард. Прошел еще год, и вот однажды Николай получил от лейтенанта Одинцова приглашение на свадьбу, которая прошла скромно, без изысков, но очень тепло и весело.

Казалось бы, все наладилось, Николай поступил в аспирантуру, Павел женился и отправился служить вместе с молодой женой в самый отдаленный гарнизон — на Чукотку. Затем началась война, жена Павла, Люся, вернулась в Москву, а муж, получив внеочередное звание капитана, отправился воевать в Чечню в составе отдельного штурмового батальона под командованием подполковника Алексея Быданова.

Все шло по законам бытия — будущий ученый собирал материалы на диссертацию, военный воевал, математик пытался решить одну из загадочных теорем, пока осенним вечером в дверь аспиранта Мохова не постучали.

«Кто это может быть?» — подумал Николай и, открыв дверь, застыл на пороге.

Прислонившись к стене, стоял с бутылкой водки в руке Павел Одинцов.

— Пустишь? — заплетающимся языком спросил он.

— Что за вопрос, входи, очень рад тебе!

Они сели за стол, на котором красовались пара помидоров, несколько огурцов и любительская колбаса. Выпили за дружбу, за верность, помянули своих родителей, и Павел вдруг сказал:

— А я ведь к тебе пришел переночевать.

— Переночевать? — удивленно спросил Николай. — Ты что, с Люсей поссорился?

— Хуже, она развелась со мной, квартиру оставила себе, и теперь у меня ни кола ни двора и ни рожки с кожей, холостой и бездомный офицер Российской армии, — мрачно ответил Павел.

— Ну и дела! Но почему вдруг развод?

— Ей, видите ли, надоело ждать похоронку, надоело быть одной, надоело трястись от каждого стука в дверь. Ну все, хватит об этом, лучше скажи, когда ты женишься?

— Лет через десять, когда мне будет все равно, кто рядом со мной, — засмеялся Николай.

— Живи как знаешь, — махнул рукой Павел, — а я попою недельку и поеду снова воевать, но прежде заеду в Богородск, посмотрю дом, который мне достался в наследство от бабушки. Может быть, там, в богом забытом уголке необъятной России, мне придется доживать свой век.

Так и случилось — через полгода, после тяжелого ранения и ампутации ноги по колено, Павел Одинцов поселился в бабушкином доме. Однажды, не выдержав одиночества, он написал письмо своему бывшему командиру и другу подполковнику Алексею Быданову.

Получив письмо от Павла Одинцова, в котором тот описывал свое житье-бытье и звал его в гости, подполковник Алексей Быданов решил немедленно ехать к другу.

Собственно, Алексею было все равно куда ехать: из-за скандала, связанного с убийством малолетнего снайпера, за дело взялась военная прокуратура, и его, от греха подальше, командование отправило в бессрочный отпуск. Кроме того, в письме друга явно сквозила тревога, хотя прямо он об этом не писал, но уже то, что Павел вдрут влез в политику, настораживало.

Автовокзал в этом богом и людьми забытом городке представлял собой некий приземистый серый куб с большими давно не мытыми, грязными окнами и небольшой асфальтированной площадкой для рейсовых автобусов. Около входной двери, поджидая приезжих, шныряло несколько подозрительных типов и три цыганки с целым выводком цыганят. Проходя мимо этой разношерстной толпы, Алексей невольно прижал рукой свой тощий рюкзак и огляделся в поисках придорожного кафе. Окинув взглядом улицу, он заметил в одном из двухэтажных домов слабое свечение неоновой вывески и, решив, что это и есть кафе, направился к нему. Проходя мимо цыганок, он невольно задержал взгляд на молодой и довольно милой, опрятно одетой цыганке, которая тут же подошла к нему и, схватив за руку, прошептала:

— Служивый, тебя ждут большие трудности и большая любовь в этом городе, остерегайся людей, которые будут набиваться тебе в друзья.

— Брось болтать чепуху, я проездом и не собираюсь здесь задерживаться, — отдергивая руку, строго сказал Алексей.

— Мы предполагаем, а Бог располагает, — удерживая руку Алексея, свистящим шепотом сказала цыганка и, выразительно помолчав, добавила: — В кафе, куда ты собираешься идти, тебя ждет твоя судьба.

— Все, отстань, — решительно выдергивая руку из цепких пальцев цыганки, сказал Алексей и зашагал в сторону кафе.

— Ай, ай, ай, напрасно ты, служивый, так, я тебе всю правду сказала, судьбу предсказала, а ты не слушаешь, думаешь, цыганка все врёт, а ждет тебя еще кое-что. Если захочешь узнать, что ждет тебя, приходи сюда, я все скажу.

Пройдя метров двести, Алексей остановился и, взглянув на вывеску, прочитал: кафе «Маленький Париж»

«Неужели действительно Париж?» — скептически подумал Алексей и, спустившись по ступенькам вниз, открыл металлическую дверь. Вначале ему показалось, что в полутемном зале никого нет, но, приглядевшись, заметил нескольких человек, сидящих в противоположном конце зала. Отыскав у стены пустой столик на двоих, он подошел к нему, скинул с плеча рюкзак, задвинул его под стол и сел.

«Очень уютно», — подумал он, оглядывая небольшой зальчик кафе. Барная стойка, столики и площадка для танцев.

— Вы ужинать или просто посидеть? — подходя к нему, улыбаясь, спросила подошедшая девушка в темно-лиловом костюме. Белая блузка с высоким воротником оттеняла ее красивое, загорелое лицо вчерашней школьницы.

— Минуточку, сейчас посмотрю ваше меню и тогда решу, — улыбнулся в ответ Алексей.

— Хорошо, — кивнула девушка и положила на столик коричневую папку.

«Подумать только, сервировка, как в хорошем столичном ресторане, — салфетки, мельхиоровые приборы, чистые бокалы, цветы, вот тебе и глухая провинция», — удивился Алексей и, взяв в руки кожаную папку с меню, стал внимательно рассматривать его. К его еще большему удивлению, в меню значились не только салаты, борщи и гуляши, но и французские блюда.

«Так, для начала закажу-ка я жульен, луковый суп и мясо по-французски, а то совсем отвык от цивильной кухни», — подумал Алексей, и не успел он поднять руку, как около столика уже стояла девушка с блокнотом и выжидательно смотрела на него.

— У вас действительно все есть, что написано в меню, или так, для куражу? — не поднимая глаз, спросил он.

— Да, у нас все есть, все блюда, кроме дежурных, на заказ, вам сразу или подождете? — улыбнулась девушка.

— Тогда так, для начала кружку пива и сигареты, потом жульен, суп луковый и мясо по-французски, идет?

— Вам какое пиво?

— А какое есть?

— Есть чешское, немецкое, клинское, жигули и еще с десятков сортов.

— Тогда немецкое, «Бавария», у вас есть?

— И «Бавария» у нас есть.

— В таких пузатеньких бутылочках?

— Да, в таких пузатеньких бутылочках.

— Тогда несите две пузатеньких бутылочки «Баварии» и сигареты «Парламент», надеюсь, мои любимые сигареты у вас есть?

— У нас, как в Греции, есть все! — надменно ответила девушка и пошла в сторону барной стойки.

«Молода, красива и строптивая», — глядя вслед девушке, подумал Алексей.

Через несколько минут девушка принесла пиво и сигареты и поставила бутылки на стол.

— Вам как, налить или вы сами это сделаете, господин майор?

— Спасибо, я сам, видите ли, я привык все делать сам, даже наливать пиво, но вы не беспокойтесь, пиво вкуснее из горла, — с этими словами он взял бутылку и одним махом опорожнил ее содержимое.

— Ну вы даете, господин подполковник, — улыбнулась девушка, — прямо как мой отец, в армии все так пьют?

— Нет, только боевые офицеры, — в ответ улыбнулся Алексей и помолчав, добавил: — В боевой обстановке некогда рассусоливать.

— Значит, вы были в Чечне?

— Прямым оттуда, — закуривая сигарету, ответил Алексей.

— У вас тут дела или к родственникам?

— К другу, а жюльен хорош!

— А кто ваш друг? Если не секрет, конечно. Наш городок небольшой, все знают друг друга.

— Не секрет, а моего друга зовут Павел Одинцов.

— Паша Одинцов? Знаю, это мой сосед, но его сегодня нет дома, он в больнице.

— В какой больнице? — пробуя луковый суп, спросил Алексей.

— У нас тут одна больница, она здесь, неподалеку, через два квартала.

— Если у нас есть общие знакомые, надо и нам познакомиться. Судя по бейджику, вы Аня, а я офицер Российской армии Алексей Быданов, — вставая по стойке смирно, улыбнулся Алексей.

— Да, я Аня Кущеева, — улыбнулась девушка.

— Так и что же мне делать, Аня Кущеева? Уже вечер, в больничку не попадешь. Гостиница у вас есть?

— Есть, и тоже неподалеку, в центре, на соседней улице.

— Отлично, переночую в гостинице и с утра в больничку.

— Не получится, она на ремонте.

— Кажется, я влип, и что же мне делать?

— Ничего, за домом есть скверик с одной скамейкой, там и переночуете, вам же не привыкать ночевать под открытым небом.

— Это уж точно, не привыкать, а я так надеялся на мягкую постель, — вздохнул Алексей и, внимательно посмотрев на девушку, встал. — Нехорошо получается, вы стоите, а я сижу, не красиво.

— Я на работе, мне положено стоять перед клиентом.

— Но может быть, присядете, посетителей все равно никого нет.

— Хорошо, присяду, с самого утра на ногах, у нас главный наплыв посетителей в обед, все местные чиновники обедают у нас.

— Тяжело вам?

— Нет, уже привыкла, а вы где служите, при штабе или в поле? — спросила Аня и, указав на тарелку, добавила: — Вы кушайте, кушайте, а то мясо остынет и будет невкусным.

- В поле, а что? — принимаясь за второе блюдо, ответил Алексей.
- Да так, интересно, как там под обстрелом чувствует себя человек, страшно?
- Страшно, не боится только сумасшедший и самоубийца.
- А у вас были такие?
- К счастью, Бог миловал, у меня все ребята как на подбор, любому можно смело присваивать Героя России.
- Что же это за команда, где все герои? Можно узнать, если это не военная тайна?
- Не тайна, тем более я уже не командую отдельным разведывательным батальоном.
- Я так и подумала, что вы командуете чем-то таким, необычным, вы такой строгий, уверенный в себе и вообще не такой, как все. У меня отец был полковником, командовал танковым полком. Он был таким же строгим и уверенным, как вы.
- Почему был, он что, умер?
- Нет, погиб в первую чеченскую войну, в танке заживо сгорел.
- Извините, примите мои соболезнования, там в этом пекле многие погибли, особенно в первые месяцы. — Лицо Алексея померчало, он вспомнил свою последнюю операцию, когда погибли от пуля снайпера трое его разведчиков.
- Хватит о грустном, — улынулась девушка, — что было, то прошло, надо жить дальше, — и строго взглянув на Алексея, добавила: — Я, кажется, придумала, где вас устроить на ночь.
- И где же? — улыбнулся в ответ Алексей.
- У Павла, ключи от его дома у моей мамы, он всегда просит ее присматривать за домом, когда ложится в больницу.
- Часто он ложится в больницу?
- Раз в полгода, у него что-то с сердцем, да и с ногой не все хорошо, воспаляется от протеза, но он со дня на день должен вернуться. Я скоро освобожусь и провожу вас. Хорошо?
- А удобно ли входить в чужой дом без хозяина?
- Но вы его друг, значит, не чужой.
- Пожалуй, что так, — немного помедлив, ответил Алексей и подумал, что они не просто друзья, а братья по крови. Когда Павел, получив тяжелейшее ранение, истекая кровью, лежал в развалинах чеченского аула, только у Алексея оказалась редкая 4-я группа крови. Один из его ребят, по совместительству медбрат, быстро сделал на прямую переливание, и это спасло Павла от неминуемой смерти.
- Алексей, вы доедайте свой ужин, а я пойду, дам выручку и свободна, — вставая из-за стола, сказала девушка.
- Простите, одну минуточку, сколько с меня за ужин по-французски?
- Всего-навсего семьсот рублей.

— Сдачи не надо, — протягивая тысячную купюру, сказал Алексей.

— Да вы что, я не возьму, — протягивая сдачу, решительно заявила Аня.

— Нет, так не пойдет, спасибо за отличный ужин, а это в знак благодарности, — с этими словами Алексей решительно засунул деньги девушке в карман.

— Хорошо, ждите меня, я скоро.

Минут через десять Аня, помахав от барной стойки рукой, направилась к выходу. Алексей поднялся и, подхватив свой тощий рюкзак, направился вслед за ней.

— Теперь куда прикажете, ваша светлость? — подходя к Ане и протягивая ей шоколадку, шутливо спросил Алексей.

— В наш родовой замок, — в тон ему ответила Аня.

— Тогда вперед, на линию огня, кстати, если возможно, расскажите мне о своих ленных владениях.

— Если интересно, тогда слушайте. Когда-то, давным-давно, в конце 19-го века, голландцы построили здесь ткацкую фабрику, несколько жилых домов, начальную школу, клуб, набрали работников, обучили их ткацкому делу, и работа закипела. В их числе была и моя прабабушка, она оказалась не только хорошей, но и сообразительной работницей. Через три года ее направили на учебу в Голландию, по возвращении ее назначили сначала мастером, потом и начальником цеха. В самом конце 19-го века она вышла замуж за моего прадеда, и новую семью переселили из коммуналки в особняк для администрации фабрики, где мы проживаем до сих пор. Как видите, я местная аборигенка с глубокими корнями.

— Простите, Аня, но мне кажется, что вы не все время тут жили, вы точно не из заскорузлых провинциалок.

— Алексей, вы очень любопытны, все-то хотите знать: да, мы с мамой живем здесь после смерти отца, не пропадать же наследству.

— А раньше? Если не секрет, конечно.

— Секрет, — улыбнулась Аня, — вы лучше посмотрите по сторонам, это улица Первомайская, вот огромные дома с метровой толщины стенами, построили голландцы, здесь в отдельных квартирах проживал младший технический персонал фабрики. Там, дальше, видите красивый особняк, располагалась администрация, а еще дальше больничка — правда, за последние пятьдесят лет обветшала, но ничего, народ лечат, а это главное.

— Внушительные дома, построены на века, — оглядывая пятиэтажные здания из красного кирпича, заметил Алексей.

— Да уж, за последние сто лет так ничего более внушительного и не построили. Вон, посмотрите, стоят блочные коробки, и как только в них живут люди, летом жарко, зимой холодно.

«Куда же деваться людям, когда всем на все наплевать», — подумал Алексей, а вслух сказал: — Нашему народу не привыкать, главное была бы крыша над головой, а уж жар да холод перетерпим.

В это время из-за угла вышел парень крепкого телосложения с тяжелой нижней челюстью и маленькими свирепыми глазками на квадратном лице.

— Аня, а это что за перец? — с нескрываемой враждой глядя на Алексея, спросил парень.

Увидев парня, Аня мгновенно вся подобралась и с нескрываемой неприязнью взглянула на него:

— А тебе какое дело? Тебе чего надо, идешь своей дорогой и иди.

«Ощетинилась словно кошка увидевшая пса, — глядя на Аню, невольно подумал Алексей.

— И все-таки кто этот перец? — настаивал парень.

— Друг Павла Одинцова, приехал навестить однополчанина.

— А, этого забулдыгу, понятно, — кивнул парень.

— Не забулдыга, а Герой России, — одернула парня Аня.

— Ну, ну, пьянь подзаборная, а не герой, поди, опять в больничке. Правильно, дожрется до чертиков, пенсию пропьет и сразу в больничку, жрать-то дома нечего, вот он на казенный харч и переходит.

В глазах у Алексея потемнело, кровь ударила в виски, и в следующее мгновение он ударом в челюсть отправил парня в нокаут:

— Не люблю, когда о моих друзьях говорят гадости.

— Вы всегда такой горячий? — спросила Аня.

— Кто это? — когда они отошли от парня на несколько шагов, не отвечая на вопрос, спросил Алексей.

— Да так, Димка Большаков, местный бизнесмен, у него фирма по изготовлению железных дверей, мнит себя городским благодетелем, помогает престарелым и одиноким старикам.

— Значит, Димка Большаков, бизнесмен, он твой друг?

— Какой еще друг, так, встречались несколько раз, и все.

— А мне показалось, что он ревнует тебя, — усмехнулся Алексей.

— Пристал, как банный лист, каждый вечер одно и то же, поджидает у кафе, а сегодня, видно, опоздал, надоел до чертиков, — отмахнулась Аня.

Они молча прошли еще метров триста, мимо серой панельной пятиэтажки, и вышли к частному сектору.

— А вот и наша Красногвардейская улица, видите, второй дом справа, там я живу с мамой, а дальше дом Павла, — указывая на внушительный из красного кирпича, со сводчатыми окнами дом, сказала Аня.

— Да, умели наши предки строить, — подходя к дому, заметил Алексей.

— Это все голландцы, а наши построили домик Паши, скромный такой домик, но, как говорится, жить можно, и ладно, — откликнулась Аня.

Действительно, дом Павла больше походил на необжитый сарай — приземистый, с похожими на бойницы маленькими окнами и покосившимся крыльцом, он напоминал старого и очень больного, доживающего свой век человека, давно потерявшего веру на лучшую долю.

«Небогато, впрочем, я и не ожидал увидеть хоромы героя. Нет, сегодня герои не в чести», — мрачно подумал Алексей.

— Алексей, минутку подождите, я возьму ключи и открою дом Павла, — направляясь к калитке своего дома, сказала Аня. Оставшись один, Алексей стал рассматривать соседние дома; кроме большого, не менее пяти комнат, Аниного дома, чуть дальше стоял современный трехэтажный особняк. Напротив особняка высился не менее престижный дом с витринными окнами, украшенный небольшими, в готическом стиле, башенками.

«Неплохо здесь живется потомкам красногвардейцев, интересно, откуда деньги на строительство таких хором в этом захолустье?» — подумал Алексей.

— Разглядываете хоромы местных богачей? — выходя из калитки, спросила Аня.

— Смотрю и удивляюсь, откуда в вашем городке такие богатые люди, способные построить такие шикарные дома, — ответил Алексей.

— Не удивляйтесь, тот, что слева, — дом местного бандита, промышляющего рэкетом. Напротив, трехэтажный — дача областного прокурора, правда, он здесь редко бывает, домом управляет его мать и ее девятилетняя сестра. Дальше стоит депутатский домишко из девяти комнат, с бассейном и пристройкой для прислуги. Этот тоже бывает раз в месяц, но зато там постоянно обитают его помощники и телохранители, которые приезжают на отдых от трудов праведных. Кстати, участки на нашей улице по цене сравнимы с ценами на Рублевке, а все потому, что мы живем практически в сосновом бору, видите, какие кругом великолепные сосны. Павлу много раз за его дом предлагали большие деньги, но он уперся и ни в какую, не могу, мол, предать могилы своих предков. Вот так-то! А теперь идемте в скромную обитель героя, пора устраивать ваш быт, — сказала Аня.

— Райское место для бандюгана, что живет рядом с прокурором и как, уживаются? — идя вслед за Аней, спросил Алексей.

— Официально он не бандит, он владелец частного охранного бюро, но все знают о его другой деятельности, — усмехнулась Аня и добавила: — Народец у нас тут глазастый, все знает, от него ничего не укроется. Но, как говорится, не пойман — не вор.

С этими словами она открыла входную дверь, и они вошли в дом. На кухне и в двух комнатах, куда они вошли, было чисто и даже уютно, явно чувствовалась заботливая женская рука.

— Там Пашина спальня, а вы устроитесь здесь, на диване, в комнате есть постельное белье, надеюсь, справитесь, все, располагайтесь, а я пошла, мама ждет. Спокойной ночи, — направляясь к двери, сказала Аня и вышла во двор.

— Спасибо за приют, и вам спокойной ночи, — крикнул вслед Анне Алексей и, сев на диван, задумался. У него не выходило из головы сообщение Анны о том, что Павла в его тяжелейшие минуты жизни покинула жена. Он достал из кармана пачку сигарет и закурил. «Стерва, такая же стерва, как и моя бывшая, все они такие, им подавай уют, сытую жизнь и стабильность, а если нужно терпеть, ждать — это не для них», — раздраженно подумал Алексей.

«Чего, к примеру, не хватало моей — продолжал рассуждать Алексей. — Ну постоянные командировки, переезды, служебные квартиры, но он же любил ее, а это главное в жизни. Нет, ее подавай налаженный быт, свою большую квартиру и непременно в столицах, где она могла бы вести светскую жизнь, а попросту раз-другой в год сходить в театр или на выставку каких-нибудь современных авангардистов, и все. Так и получилось: год назад, когда он в очередной раз уехал на Северный Кавказ, его Люська собрала вещички и укатила в Москву, как оказалось потом, к ее давнему поклоннику, бизнесмену и удачливому дельцу Сергею Волкову. Этот столичный делец познакомился с его Люськой еще тогда, когда он учился в академии имени Фрунзе и они жили на съемной квартире в Чистом переулке в Москве. Потом выяснилось, что все последующие пять лет они тайно поддерживали связь, и если Люська бывала в Москве, то они вместе проводили не только вечера, но и ночи.

— А что тут такого, ну спала с Серегой, так тебя же месяцами не бывало дома, а мне что, надо было засохнуть? — заявила Люська на бракоразводном процессе. По настоянию Сергея они развелись в Москве, куда Алексей прибыл в командировку по своим армейским делам. По обоюдному согласию и за отсутствием детей развели их сразу, буквально в считанные минуты. Вышли они из загса вместе, Люську ждал «мерседес», на котором она и укатила в свою новую шикарную жизнь. Алексей долго стоял на тротуаре, прохожие толкали его, но он не чувствовал это и тупо размышлял о своей новой жизни с ее пустотой и одиночеством. Их брак продлился пять лет, поженились они, когда он еще учился на четвертом курсе высшего военного училища, и казалось, оба были счастливы, но оказалось все не так, счастлив был только он.

«Банальная история, — размышлял Алексей, — Люська права, женщине, как кошке, нужны тепло и уют, она все это получила». Он же ничего этого дать не мог, постоянные переезды из города в город, командировки — все это фактически задолго до развода разлучило их. С тех пор прошел год, но обида и злость на Люську не проходила, его оскорбленная душа требовала отмщения. Иногда в самые тяжелые минуты он, как мальчишка, даже собирался основательно побить соперника, даже изувечить его, но потом, посмеиваясь над собой, отмахивался от этой идеи. Постепенно боль оскорбленной души пошла на убыль, бывая любовь утасла, и теперь все произошедшее с ним и Люськой казалось вполне естественным концом их совместной жизни.

«Все прошло, как с белых яблонь дым», — вспомнив Есенинские строки, подумал Алексей и стал укладываться спать.

Спал Алексей беспокойно, всю ночь ему снились какие-то кошмары, неясные тени, угрожающе надвигаясь, пытались утащить его куда-то в черную пустоту. Он отбивался, бежал, они настигали его, он снова отбивался, и так всю ночь. Проснулся он весь в поту, голова плохо соображала, от непривычной постели все тело болезненно ныло и требовало отдыха.

«Шесть утра, внутренний будильник не даст проспать», — взглянув на часы, подумал Алексей и поднялся с дивана.

Пройдя на кухню, он отыскал свой вещмешок, открыл его и достал банку с чаем и плитку шоколада «Аленка». Затем, наполнив чайник водой из ведра, поставил его на газовую плиту. Пока чайник закипал, он отыскал в шкафу заварной чайничек, высыпав в него пригоршню заварки, залил ее кипятком.

«Люблю чай по-купечески, — бодрит и на вкус приятен. Чай по утрам — интересно, как люди жили без него? Ах, да, заваривали разные травы, говорят, очень полезно. Полезно, может быть, но не то, чай есть чай, и его ни с чем не сравнишь, даже с кофе, впрочем, это на любителя», — наливая в стакан янтарную жидкость, размышлял Алексей.

Ровно в девять часов Алексей вышел на улицу и направился искать местный рынок, который оказался всего в трехстах метрах от дома. Набрав овощей и фруктов и не дожидаясь приемных часов, он направился в больницу в надежде, что какая-нибудь сердобольная душа позовет Павла. Войдя в пустой приемный покой, Алексей огляделся: внутри больничка производила еще более удручающее впечатление, чем снаружи — потолок в желтых разводах, обшарпанные стены и давно не крашенные полы, все говорило о страшном запустении и беспросветной бедности местного здравоохранения. Заглянув в пустой коридор, Алексей двинулся дальше, пока не наткнулся на вышедшую из палаты медсестру.

— Вы что здесь делаете? У нас карантин, все посещения запрещены, — накинулась женщина на Алексея.

— Милая девушка, войдите в мое положение, я проездом, заскочил навесить боевого товарища, — прижимая руки к груди, взмолился Алексей.

— Ладно уж, ежели проездом, сейчас позову, вам кого? — смиловалась женщина.

— Я к Павлу Одинцову.

— Хорошо, идите в приемный покой и ждите.

Алексей вернулся назад и, усевшись на деревянную скамью, стал ждать. Через несколько минут дверь открылась и в комнату вошел его боевой товарищ, бывший командир первой роты капитан Одинцов, Герой России. Красавец, выше среднего роста, светловолосый, голубоглазый славянин, похожий на былинного богатыря.

«И такого красавца бросила жена», — глядя на Павла, невольно подумал Алексей.

— Командир, спасибо за то, что откликнулся на призыв друга, — обнимая Алексея, возбужденно закричал Павел, — вот так радость, спасибо, спасибо, что не забываешь боевых товарищей. Идем, командир, я свободен, сестричка сказала, что меня ждет какой-то военный, я сразу подумал о тебе, и впрямь это ты. Ну, командир, спасибо тебе, как же я рад видеть тебя, нет, ты даже представить не можешь, как я рад!

— Ты что заладил — командир да командир, — я не к подчиненному, а к другу приехал и если ты свободен, идем к тебе домой, там и поговорим.

— Хорошо, хорошо, Леша, прости, это я так, по привычке, а теперь уходим, а то как бы заведующая отделением не вошла, бабенка она строгая, раскричится, не остановишь.

— Кстати, я остановился у тебя, меня туда вселила твоя соседка Аня, это ничего, что без хозяина ворвался в твой дом?

— Ну ты даешь, это даже очень хорошо, что Аня привела тебя ко мне, славная она девушка, и как же ты познакомился?

— В кафе, зашел перекусить, разговорились, так и попал, — закуривая, ответил Алексей и, поглядев на сильно хромавшего Павла, подумал о том, что надо срочно заказать ему импортный протез.

Минут через двадцать они вошли в дом и, соорудив нехитрую закуску, уселись на кухне за стол. Алексей, достав из вещмешка бутылку коньяка, наполнил рюмки:

— Давай, Паша, выпьем за тех, кого из наших товарищей нет с нами, за тех, кто отдал свои жизни на этой проклятой войне.

Они поднялись и стоя выпили коньяк.

— А теперь, Паша, расскажи мне, как ты живешь, расскажи все как есть, без прикрас, — наливая по второй, сказал Алексей.

— Давай сначала выпьем за нас с тобой, за мужскую дружбу, а уж потом и поговорим, — ответил Павел и, опрокинув в рот содержимое рюмки, продолжал: — Хочешь знать, как живет одинокий инвалид? Скажу — не живет, а влачит полунищенское существование, и этим все сказано.

— Сильно сказано, — улыбнулся Алексей, — но, глядя на тебя, так не подумаешь — крыша над головой есть, в доме чисто и даже уютно, здоровьем тебя Бог тоже не обидел, крепок, как вековой дуб, а что еще надо человеку, так что не все так плохо, Паша. Одиночество? Так это дело поправимое, наверняка где-то ходит твоя девушка, пожди, и она найдет тебя.

— Оптимист ты, Леша, только я после того, как меня бросила жена, не очень доверяю женщинам. Все они суки и стервы!

— Меня тоже бросила, ну и что теперь, застрелиться? Так что все прекрасно, будет и на нашей улице праздник.

— Твои слова да Богу в уши, — улыбнулся Павел.

— И потом, если все женщины суки и стервы, то все мужики мерзавцы и скоты, но ты же не такой, ты очень хороший, геройский парень. Помнишь, как мы втроем отбивались от двадцати бородатых бандюков, серьезные были ребята, но мы выстояли, а все благодаря тебе, твоей смекалке. Это же надо было додуматься — стрелять прицельно одновременно из четырех автоматов. Помнишь, как ты в Хасавюрте захватил матерого бандита, главаря бандформирования, пошел один на верную смерть, а вернулся героем.

— Помню, такое не забудешь, за это мне дали «Героя», но если бы не ты, могли бы и не дать, а ты настоял, спасибо, — сказал Павел и пожал руку Алексея.

— Брось, что заслужил, то и получил, — отмахнулся Алексей.

— Все, хватит обо мне, расскажи о себе, я слышал, у тебя проблемы?

— Проблемы — не то слово, военная прокуратура собирается завести на меня уголовное дело за то, что якобы я убил невинное дитя. За рубежом подняли шумиху, мол, русские совсем распоясались в Чечне, насилуют женщин и убивают малолетних мальчиков. Чечены подхватили это и требуют наказать виновных, то есть меня, у них, видите ли, есть неопровержимые доказательства, что именно я застрелил подростка. Только этот подросток из снайперской винтовки положил троих моих ребят, а когда мы его захватили, он начал поносить нас так, что мои нервы не выдержали и я влепил ему пулю промеж глаз. На войне нет мальчиков и девочек, есть враг, который стреляет в тебя, и тут либо ты, либо тебя. Такова логика войны.

Прокуратура разбирается, а пока меня отправили в бессрочный отпуск. Теперь жду, чем все дело кончится, возможно, тюрьмой, вот такие, брат, дела. А пока суть да дело, решил навестить тебя, узнать, как ты в политику влип, — грустно улыбнулся Алексей, — давай рассказывай.

— Все очень просто, месяц назад ко мне приехал мой школьный друг Николай Мохов, помощник председателя партии «Народ и воля», и предложил создать городское отделение этой партии. Я почитал документы и согласился, а что, делать мне все равно нечего, работы в нашем городке нет, вот займусь народной волей, — улыбнулся Павел.

— Ну и как, получается?

— Получается, завербовал несколько бывших одноклассников, те еще привели пять человек, так что теперь у нас полнокровная партийная ячейка.

— Тогда что же тебя тревожит? — в упор спросил Алексей.

— Понимаешь, как только я начал свою агитацию, за мной была установлена слежка.

— А ты ничего не путаешь? Сейчас вроде бы любому гражданину разрешено создавать свою партию, — покачал головой Алексей.

— Трудно спутать, когда у тебя на хвосте сидит наглый мужичок, — отмахнулся Павел. — Ладно бы, пусть следят, мне это до фонаря, но неделю назад, после очередного собрания ячейки, ко мне подошли трое и на полном серьезе предложили распустить ячейку, а самому убраться из города. Вот такие, брат, дела.

— Ну, это мы еще посмотрим, кому убраться, а кому оставаться в этом городе, — нахмурился Алексей.

Он хотел что-то еще сказать, но в это время раздался стук в дверь и в комнату вошла Аня и с ней незнакомая девушка.

— Мы с Дашей на минутку, я видела, как вы вернулись домой, и зашли спросить, может нужно что, может, лекарства какие или еще чего? Даша — медсестра, может помочь. Видим, у вас все хорошо, мы пойдем, — с этими словами Аня открыла дверь.

— Аня, Даша, уходить, когда ко мне приехал друг, это не есть хорошо. Прошу к столу, у меня по этому поводу есть бутылочка цинандали, очень хорошее грузинское вино, как раз для девушек.

— Нет, нет и нет, никакого вина, мы торопимся, — с этими словами девушки выскользнули из дома и побежали к калитке.

— А Даша до чего же хороша, да еще и медсестра, — хитро поглядывая на Павла, заметил Алексей.

— Хороша Даша, да не наша, — усмехнулся Павел.

— А как она смотрела на тебя, глаз не сводила.

— Наверняка Аня ей наговорила с три короба, представила меня былинным богатырем, вот она по простоте душевной и глазела на живого Илью Муромца.

— Ты бы узнал, как найти Дашу, и, как бы невзначай, навевывался бы к ней, такое знакомство не помешает, — будто не слыша друга, продолжал Алексей.

— А ты подумал, как это я буду навязывать ей себя, мне такая перспектива не в кайф, — отнекивался Павел.

— Зачем навязываться, надо это сделать как бы невзначай, ты на себя посмотри, да мы с тобой женихи что надо, молоды, хороши собой, так что не все потеряно, — усмехнулся Алексей.

— Из тебя сват, как из дерьма конфетка, и брось мне пудрить мозги, — нахмурился Павел.

— Все, все, молчу, у тебя, кажется, есть банька?

— Ну а как же без нее, конечно, есть, — кивнул Павел.

— Давай истопим ее, попариться и чистенькими, свеженькими пойти и продолжить нашу встречу в кафе «Маленький Париж». Там наверняка нас ждет, какой-нибудь сюрприз, например французская кухня, ну как, а? — предложил Алексей.

— Заметано, иду топить баньку.

— Я с тобой, последний раз топил баню десять лет назад, в деревне у деда, но еще помню, как это делается.

— Прекрасно, бери ведро и таскай воду в бак, — согласился Павел.

Пока Павел растапливал печку, Алексей позвонил своему приятелю в Москву и попросил найти и прислать ему с нарочным импортный протез для Павла. Получив согласие, Алексей удовлетворенно потер руки и вернулся в баню.

Гл-3

В один из осенних дней Лев Моисеевич срочно вызвал своего помощника Николая Мохова и поручил ему взять билеты на ближайший поезд до Нижнегорска. Позвонив по телефону, Николай заказал два билета в СВ на вечерний поезд и ушел домой собирать вещи. Ровно в девять, за полчаса до отхода поезда, они встретились на перроне в сопровождении двух заместителей по партии, которым Лев Моисеевич дал последние указания и, попрощавшись, прошел в вагон. Следом за ним Николай внес два объемистых баула и дипломат с документами. Лев Моисеевич взял в руки дипломат, раскрыл его и вместо документов вытащил бутылку армянского коньяка, баночку черной икры, палку копченой колбасы, коробку шоколадных конфет и две оригинальные позолоченные стопки. Разложив все это на столе, он наполнил стопки коньяком и одну из них протянул Николаю.

— Давай, Коля, выпьем за успех предстоящего нелегкого дела. — Помолчав, добавил: — А в том, что оно будет очень трудным я уверен, надеюсь на тебя и твою помощь.

Они выпили одну, вторую, третью, и Лев Моисеевич разговорился.

— Сегодня утром я встречался с одним очень важным, приближенным к президенту, лицом, которое сделало мне предложение, от которого я не мог отказаться. Мотивируя нестабильностью в стране и необходимостью укрепления вертикали власти на местах, этот чиновник предложил президенту отменить выборность губернаторов и ввести прямое назначение глав регионов. Президент колебался и, чтобы окончательно убедить его в необходимости назначений, этот человек предложил мне провести в одном из регионов что-то наподобие переворота, или, по крайней мере, так потрясти основы, чтобы всем стала очевидна необходимость отмены выборов. Почему в таком деликатном деле выбор пал на меня? Все очень просто — мы с этим человеком в молодые годы диссидентствовали.

Лев Моисеевич замолчал и, строго глядя в глаза Николая, веско сказал:

— Надеюсь, ты понимаешь, что это не просто государственная тайна, на кон поставлены наши головы, так что даже под пытками ты должен молчать. И помни: этот человек входит в первую пятерку самых влиятельных людей в стране и еще помни: у него очень длинные руки.

В это время в дверь купе постучали и на пороге появилась молодая девушка, одетая в темно-синюю униформу и белую блузку, которая эффектно оттеняла загар на ее красивом лице.

— Господа, не угодно ли чаю? — сердечно улыбаясь, спросила она.

— Очень даже угодно, и покрепче, пожалуйста, — в тон ей ответил Лев Моисеевич и, дождавшись ухода девушки, мечтательно добавил: — до чего же сексапильна, стерва.

Через несколько минут девушка внесла поднос и, поставив на столик крепко заваренный чай, вышла в коридор.

— Одну минуточку, можно вас на два слова, — вслед за ней выскочил Лев Моисеевич.

Минут через десять Лев Моисеевич вернулся и, загадочно посмотрев на Николая, сказал:

— Коля, вот тебе деньги, сходи в вагон-ресторан, поужинай, развейся, наконец. Жду тебя через час.

Вернувшись в купе, Николай застал Льва Моисеевича в постели, глаза его лихорадочно блестели, на губах играла томная улыбка довольного жизнью человека.

— Жизнь полна приятных неожиданностей, — в ответ на вопросительный взгляд Николая сказал он и отвернулся к стенке.

На перроне в Нижнегорске их встретил мужчина лет пятидесяти, среднего роста, с роскошной шевелюрой на голове и тонкими чертами лица. Это был руководитель местного отделения партии «Народ и воля».

— Векслер Леонид Иванович, — представился он.

— Леня, с чего это ты представляешься нам? — удивленно воскликнул Лев Моисеевич.

— А, так, по привычке, вдруг забыли меня, — махнул рукой Векслер.

— Как же, забудешь тебя, ты у нас один из лучших, вдобавок член политсовета.

Тем временем Николай, чтобы не мешать их разговору, направился к зданию вокзала, но Лев Моисеевич тут же остановил его:

— Ты со мной, ты везде будешь со мной, — прошептал он ему на ухо. И тут же представил Николая Векслеру: — Мой помощник Николай Мохов, прошу любить и жаловать.

На привокзальной площади Николай вдруг заметил несколько милицеских машин и автобус с затемненными окнами. «Неужели ОМОН, вот так встреча», — подумал он и, коснувшись руки Льва Моисеевича, глазами показал на милицеских.

— Они думали, что на вокзале я им устрою митинг, — приосанившись и вздернув подбородок, рассмеялся он.

Однако оба они ошибались, из здания вокзала вышла довольно большая, возбужденная толпа с транспарантами, на которых было написано: «Боря, добро пожаловать в наш прекрасный город». — Так вот кого встречает наша славная милиция! — с облегчением подумал Николай. И тут с противоположного конца площади донеслось:

— Боря-гомосек, Боря-гомосек, гомосеки, вон из нашего города, — скандировало несколько молодых, одетых в черную униформу парней. Угрожая палками, они быстро пошли в сторону встречающих, и тут из автобуса выскочили омоневцы со щитами и дубинками, встали в шеренгу и двинулись в сторону чернорубашечников. Чем закончилась встреча на вокзале, они так и не узнали, так как быстро сели в машину и покатали в город.

Минут через десять они въехали во двор особняка, поднялись на второй этаж, где в просторном зале на большом столе были расставлены несколько бутылок с вином и тарелки с закусками.

— Прошу к столу, как говорится, чем богаты, тем и рады. Каждый ухаживает сам за собой, — разводя руками, сказал Векслер и, взяв бутылку бордо, налил себе в стакан вина. Вслед за ним потянулись и гости.

— Прекрасное вино, — отпив глоток, заметил Лев Моисеевич. — Прямо из Франции или через Москву?

— У нас тут один бизнесмен, кстати, наш спонсор, наладил прямые поставки из Франции не только вина, но и сыров, колбас и других продуктов, вплоть до картофеля, — улыбнулся Векслер.

— Но картофель-то зачем? — удивился Лев Моисеевич.

— Как зачем, ясно дело — для куражу. У него фирменный магазин, обслуживается народец состоятельный, денег не жалеющий, тут главное — качество.

— И что же, картошка у нас хуже, чем во Франции? — спросил Николай.

— Да не хуже, дело в престиже, мол, я вам не какое-то чмо, могу позволить себе даже лягушку в кляре, — хохотнул Векслер.

Вообще Векслер был в хорошем настроении, то и дело поднимал бокал, говорил дежурные тосты и предлагал выпить. Пили много и с удовольствием, наконец, Лев Моисеевич отставил бокал и, вытерев салфеткой рот, спросил:

— Скажите, уважаемый Леонид Иванович, вы на нашем первом, так сказать организационном, съезде выступали за принятие радикальных мер по отношению к существующей власти; вы по-прежнему стоите на этих позициях?

— Безусловно, я своих взглядов не меняю и, чем больше смотрю на весь этот хаос, тем все более убеждаюсь в необходимости ее свержения, — весь подобравшись, точно боксер, готовый к бою, заявил Векслер.

— Скажите, Леонид Иванович, а каковы настроения, так сказать, народных масс?

— Это кого надо понимать под народными массами — пенсионеров? Так им стали через раз выплачивать пенсии, они и притихли. Рабочий класс? Так эти рыскают в поисках заработка и молчат. Средний класс, как у нас теперь говорят, еще не сформировался, ну а те, что имеют свое маленькое дело, ворчат и не более. Одним словом, болото, — пожал плечами Векслер.

— Наш народ известен, так сказать, своей терпеливостью, но если его раскачать, дать ему направление, поставить цель, то он, подобно рассерженному медведю, начнет все ломать и крушить, лишь бы добраться до пчелиного улья, — раздумчиво сказал Лев Моисеевич.

— В провинции всегда тихо, Пугачевы еще не родились, бунтовать некому, а вот Москва другое дело, там бурлит передовая мысль, а за ней недалеко и до радикальных действий, — вздохнул Векслер.

— Тут вы, Леонид Иванович, правы. Настроение в Москве самое боевое, штормит, сами по телевизору все видите — шахтеры стучат

касками по мостовой, пенсионеры перекрывают автострады, народ голодает и в любое время может сорваться и понести, как в 17-м. Но если сейчас не протянуть народу руку, не поддержать, все может заглохнуть.

— Так вот зачем вы приехали, а я все гадаю, что нашему уважаемому Льву Моисеевичу понадобилось в нашей глуши, не на рыбалку же он собрался, — оживился Векслер. — И как же вы думаете растормошить наших чухонцев?

— Дорогой Леонид Иванович, мы вместе с вами должны подумать и разработать план, как, какими методами и средствами изменить, так сказать, существующие настроения в нашу пользу, — усмехнулся Лев Моисеевич.

— Разработать план, привлечь необходимых людей дело нехитрое, но, чтобы план сработал, нужны большие деньги, а их-то как раз и нету, — развел руками Векслер.

— Деньги будут, — сказал как отрезал Лев Моисеевич, — нужны люди, знающие обстановку, а главное, владеющие, так сказать, нужной информацией и готовые продать ее. А уж наше дело — умело воспользоваться полученной информацией, использовать ее в нужном направлении. Кроме того, нужна своя газета, которая бы публиковала нужный нам материал.

— Если деньги есть, есть и газета, — воодушевился Векслер — «Глас народа» подойдет?

— Самое, самое то, именно глас народа, а глас народа — глас Божий, — одушевился Лев Моисеевич. — И что же, она действительно существует?

— Влачит газетка жалкое существование, но жива, — усмехнулся Векслер. — Есть у нас тут один упертый, Жора Захаров, на свои деньги содержит, иногда мы ему помогаем, перед выборами делаем заказы. Правда, выходит она нерегулярно и малым тиражом, но это поправимо, были бы деньги, а там...

— Николай, надо как можно скорее встретиться с этим Жорой и обо всем договориться, понял? Итак, на каком тираже мы остановимся? — повернулся Лев Моисеевич к Векслеру.

— Думаю, тысяч пять нам хватит, для начала.

— Для начала тысяч десять, а потом посмотрим: если надо, отпечатаем и миллион.

— Леонид Иванович, — обратился Николай к Векслеру, — как мне найти этого Жору?

— Сейчас, — он достал свой телефон и продиктовал номер Жоры. — Звоните прямо сейчас, скажите, что от меня, и договаривайтесь о встрече.

— Простите, где нам лучше всего встретиться?

— Как где? Да прямо здесь, теперь этот дом — ваша штаб-квартира, третий этаж в вашем полном распоряжении. Там будете жить, там и работать.

Николай тут же набрал номер телефона и договорился о встрече с Жорой на семь часов вечера. Как ни странно, Жора не согласился прийти к Векслеру, а назначил встречу в кафе «Жемчужина».

— Газета газетой, но нам нужен надежный, хорошо информированный источник, — сказал Лев Моисеевич, — лучше всего заинтересованный источник, такой который бы интересовался не только деньгами.

— Есть такой источник, это прокурор, он давно и безнадежно точит зуб на губернатора. Но, предупреждаю, человек он крайне осторожный, к нему просто так не подойдешь и не спросишь, — сказал Векслер. — Правда, есть один человечек, мой одноклассник, брат жены прокурора, и пользуется его доверием. Попробуем через него.

— Прокурор — это хорошо для начала, но нужен такой человек, который бы знал всю подноготную губернатора, такой есть?

— Нужно искать, — развел руками Векслер.

— Николай, срочно займись этим делом, ищи и найди, — приказал Лев Моисеевич.

Перед тем как идти на встречу с Жорой, Николай просмотрел несколько номеров газеты «Глас народа», любезно предоставленных Векслером. Маленький, но едкий листок знакомил читателей с безбедной жизнью местных чиновников, воровством бюджетных денег, обманом дольщиков и бандитскими разборками. «Направление и тематика газеты вполне устраивает и потому будет очень полезной в дальнейшем, — подумал Николай. — Интересно, кто же это такой неугомонный Жора и кем на самом деле является». А потому, не мешкая, в семь часов вечера он был в кафе «Жемчужина» и сидел, как условились, в дальнем углу за столиком на двоих. Прошло минут тридцать, Жора все не приходил, и Николай уже начал подумывать, что напрасно ждет, как к столику подошел мужичок среднего роста, в серой куртке, с лысиной во всю голову, обрамленной буйной растительностью. Не спрашивая разрешения, сел и нагло уставился Николаю в глаза.

— Так вы, значит, от Векслера? И как поживает этот анархист?

— А вы Жора?

— Да, я Жора — так как же поживает этот демагог?

— Но почему анархист и демагог? — уставился Николай на Жору.

— Да потому, что все в городе знают, что Векслер спит и видит хаос в нашем городе и всем говорит, что хаос есть начало революции.

Я, конечно, не против революции, но бескровной, а Векслер требует искупительных жертв.

— То есть что это за искупительные жертвы?

— А то и жертвы — он считает, что пока мы не перебьем всех фанатичных коммуняков, мира в стране не будет. Он считает, что они слишком много натворили бед и за это должны ответить. А то, что они перекрасились и не призывают к открытой классовой борьбе, так это временно. На смену соглашателям, которые сейчас возглавляют КПРФ, придут фанатики, и тогда все, держитесь.

— Жора, давайте оставим в стороне Векслера и перейдем к делу?

— К делу так к делу. А что за дело?

— Дело в том, что нам нужна ваша газета, мы предлагаем увеличить ее тираж, сделать ее еще более актуальной и востребованной.

— Простите, кто это мы?

— Мы, партия «Народ и воля».

— И что же вы хотите?

— Мы финансируем, а вы печатаете те материалы, которые мы вам заказываем.

— Все правильно, кто платит, тот и заказывает музыку, и каков же будет тираж?

— Для начала десять тысяч экземпляров.

— Вы это серьезно?

— Куда как серьезно, так вы согласны?

— Согласен ли я? Конечно, согласен, давно мечтал о спонсорах, и вот они здесь. Сделаем так, вы переводите деньги на мой счет, я арендую помещение, принимаю на работу одного очень бойкого журналисту, распространителей, составляю смету расходов, договор, и вперед. Согласны?

— Согласен, жду смету, договор не нужен, мы вам доверяем, да и незачем всем знать, кто заказывает музыку. И еще, я уверен, вы знаете всех и все. Нам, за отдельную плату, нужен человек, который бы покопался в грязном белье некоторых здешних политиков.

— Хорошо, если за отдельную плату, найду вам такого человека, — кивнул головой Жора и поднялся. — Жду перевод денег и сразу приступаю к работе. А теперь привет, я ушел.

Позже Николай узнал, что Жора не просто журналист, но своего рода местный Шерлок Холмс, умеет раскопать такое, что и профессионалам не под силу.

Три года назад Жора начал информационную войну против мэра города, откопал не только нарушения бюджетных статей, но и тайный бордель для своих особо приближенных и московских гостей. Все это Жора опубликовал в своей газетенке, а в Интернете поместил

видео, как мэр балдеет в бане с голыми девицами. Скандал разразился страшный, жена мэра подала на развод, городская дума выразила недоверие и свергла его. Через неделю на Жору было совершено покушение, в него стреляли несколько раз, но он чудом избежал смерти. И, как водится, ни заказчика, ни исполнителя, конечно, не нашли, да и не искали. Кроме того, его многократно били, несколько раз с переломами ребер лежал в больнице, жена, не выдержав такой жизни, бросила его и куда-то уехала. Казалось бы, все, пора успокоиться, но этот Жора настолько упертый, что, несмотря на смертельную угрозу и житейские неурядицы, дело свое не бросил.

Николай вернулся в теремок, поднялся на третий этаж, холл был пуст, комната Льва Моисеевича тоже. Он прошел в свою комнату, и, упав в кресло, задумался. Безусловно, в своих попытках растормошить плутократов, заставить их испугаться за свое положение, дать им понять, что они уязвимы. Лев Моисеевич прав, но одно его смущало: не слишком ли они горячатся, и, если все их планы удастся осуществить, не приведет ли это к большому хаосу, в котором пострадает много людей. Революции хороши, когда они бескровны. От этих мрачных мыслей его отвлекли доносившиеся из холла голоса. Прислушавшись, Николай понял: это Лев Моисеевич разговаривал с какой-то женщиной. Но уже через минуту так же понял, что в холе находилась бывшая любовница и мать сына Льва Моисеевича, Марина. И потому он стал внимательно прислушиваться к их разговору.

— Ох и мерзавец же ты, Левушка, тридцать лет ни слуху ни духу, а ведь знал, что у тебя растет сын, знал, скажи, знал?

— Мариночка, прости, знаю, что я мерзавец, и ничего не мог поделать, да если бы я приехал и увиделся с тобой, то навлек бы на тебя беду.

— Ой, навлек бы на меня беду, ох умора, это надо же, беду! Лева, да ты сам ходячая беда.

— Марина, пойми, за мной постоянно следил КГБ, меня даже в психушку хотели упрятать.

— Ох, Лева, Левушка, все в политику играешь? Не наигрался за 30 лет? При коммунистах был в оппозиции и теперь опять? Почему? Говорят, ты самому президенту ручку пожимал, и вдруг оппозиция? Почему?

— Э, так сказать, во взглядах разошлись. Понимаешь, он хочет, как и коммуняки, всем заткнуть рот, всем, кому не нравится его политика, а тем временем его прихлебатели беззастенчиво разворовывают национальные богатства.

— Брось, Лева, радеть хренов, думаешь, я в нашей глуши не знаю, что и ты к этим богатствам приложил руку, да, видно, кому-то показалось, что слишком ты много хапнул и не поделился,

а этого не любят, вот и выкинули тебя за борт. Но ты же не можешь этого простить, ты им решил мстить, вот и вся твоя политика. Скажи, так? Та-ак!

— Марина, ну какая месть, очнись, этим плутократам и ворам моя месть, что собаке блохи, — кусают, но не мешают жить. Лучше расскажи, как ты жила все эти годы?

— Как я жила? А жила ли я? — воскликнула Марина и, немного помолчав, продолжала: — Как сейчас помню, приехала домой, открываю дверь, вхожу, а там пьяный в лоскуты отец родную дочь встречает. Вместо объятий и поцелуев его первыми словами были: Нагулялась, ишь какое брюхо, таскать не тяжело? Только знай, кормить тебя и твоего выродка я не собираюсь, поняла? Да и вообще, тесно у нас, думал — вот уехала дочка, найдет себе в столицах мужа, и мы с матерью заживем в свое удовольствие, ан нет, явилась, да еще с пузом».

Хорошо хоть мать вмешалась, утащила пьянь в комнату, а меня проводила на кухню: «Ты, — говорит, — не слушай отца, он в последнее время совсем сбесился, пьет, часто дома не ночует, думаю, завел шлюху, вот и на меня стал с кулаками бросаться. Думаю, дело идет к разводу, и, откровенно говоря, надоели мне его выкрутасы, если нашел под стать себе подругу, пусть уходит, плакать не буду. Боюсь только, как бы не потребовал квартиру разменять, с него станет. Ой, что это я все о нехорошем, ты-то как? От жениха или мужа забеременела?» Ну, я, конечно, все ей рассказала, как водится, поплакали и решили, что некоторое время я поживу у ее подруги.

Некоторое время Марина молчала, а затем, всхлипнув, продолжала:

— Вот так, Левушка, пока ты катался как сыр в масле, богатенькую женушку обувал, я скиталась по чужим углам и готовилась к родам. Сын родился через два месяца после моего приезда домой, большой, крепкий, аж пять кило, богатырь, и назвала я его Владимиром, в честь Высоцкого.

— Бог ты мой, как же ты рожала такого гиганта? — воскликнул Лев Моисеевич.

— Как-как, с криком и воем, знаешь, как волчицы воют? Так и мы, бабы, когда прижмет, превращаемся в волчиц, — воскликнула Марина. — Сначала хотели делать кесарево, но я им заявила: рожу, сама рожу! И родила, с разрывами, но родила, вот так! А пока я лежала в роддоме, мой папаня развелся с матерью, разменял квартиру и стал сожительствовать с молодой алкоголичкой. Тогда я думала, что отец впал в старческий маразм, и только потом поняла, что к пятидесяти годам многих мужиков тянет на новые впечатления и молодое тело. Тебя, поди, тоже?

— Нет, Мариночка, нет, я отдаю себе отчет, что всему свое время и жить надо так, как тебе предназначено судьбой.

— Хочешь сказать, что твоя Бася — это твоя судьба? Да я убеждена, что ты никогда, слышишь, никогда ее не любил, а женился по расчету.

— По расчету или нет, а живем мы с Басей 30 лет и разводиться не собираемся.

— Ой, ой, не зарекайся, в этом мире ничто не вечно, и даже крепкие семьи всегда под угрозой распада, все зависит от случая, от роковых обстоятельств и силы характера супругов. Ну ладно, хватит об этом, лучше я тебе расскажу о сыне, каким он был в детстве и как мы с ним жили. А жили мы даже очень дружно, настолько, что без меня он не хотел оставаться даже на минуту, — я готовлю обед, он со мной, я иду в магазин, он со мной; если он играет, я должна играть вместе с ним. В три года он научился плавать и с годами стал одним из лучших пловцов нашей области. Кстати, он до сих пор не бросает плавание, иногда выступает на соревнованиях. Но это было потом, а когда ему исполнилось пять лет, случилось несчастье, мы с ним попали в автомобильную аварию. Я отделалась довольно легко, а вот Вовка получил тяжелейшую травму — разрыв внутренних органов и повреждение позвоночника. Когда нас привезли в больницу, врач, осмотрев сына, покачал головой и сказал: «На позвоночнике потребуются очень сложная операция, боюсь мы сами не справимся, нужно вызывать специалистов из Москвы. А пока мы займемся внутренними органами, надо срочно останавливать кровотечение. Я подождала конца операции, все прошло хорошо, но нижняя часть тела оказалась парализованной. Надо сказать, люди в этой больнице оказались добрыми и отзывчивыми, один из хирургов тут же позвонил в Москву, рассказал, что случилось с моим сыном, и, выслушав ответ, сказал в трубку: «Хорошо я сообщу ваше решение матери. В общем, дело обстоит так — мы передадим им историю болезни, и они назначат время операции, это примерно будет через полгода, а может быть, и месяцев через девять, но если нужна срочная операция, то это будет стоить три миллиона рублей. У вас есть три миллиона? — спросил он меня. — Если нет, я бы настоятельно советовал найти нужную сумму и отправить сына в Москву». Представляешь, какие огромные деньги были для меня? Для меня, продавца на рынке, получающей триста рублей в день, которых едва хватало на продукты и мелкие расходы. Вот тут-то я впервые решила разыскать тебя и потребовать оплатить операцию нашего сына. Разыскала телефон, позвонила, но мне сказали, что ты не то в Америке, не то в тюрьме и тебя в ближайший месяц или два не будет. Лева, ты представляешь мое состояние? Я была в панике, и тут я вспомнила, что еще полгода назад ко мне

подбивал клинья один уже немолодой мужичок и даже предлагал выйти за него замуж. Я позвонила ему, напомнила наш последний разговор и сказала, что согласна быть его женой, но при одном условии — если он оплатит операцию моему сыну. Он тут же согласился и предложил приехать к нему домой для окончательного решения вопроса. Через три дня мы оформили наш брак, а еще через два дня мы спецрейсом летели в Москву. Вот так я, Марина Петрова, стала мадам Бабиковой, женой богатого владельца винзавода и акционера некоей Магаданской золотодобывающей компании.

— Человек-то он хороший? — не выдержал Лев Моисеевич.

— Человек, говоришь? Да, Алексей Алексеевич оказался очень порядочным человеком, понимал, что я его не люблю, и согласен был ждать, когда я к нему привыкну и, может быть, даже полюблю. Представляешь, я действительно со временем полюбила его, по-своему, не так, как тебя, но все же мне было с ним хорошо. Года два я не работала, все время проводила с сыном, а когда он окончательно окреп, решила завести собственное дело. Мы с Алексеем долго спорили, и наконец он согласился открыть на мое имя фирму по проектированию и производству катеров и яхт класса река — море. Кстати, фирма процветает и дает хороший доход.

— Значит, у тебя все хорошо? Ты счастлива? — сдавленным голосом спросил Лев Моисеевич.

— Да как сказать, вот увидела тебя, и все в груди перевернулось, как будто и не было этих тридцати лет, — вздохнула Марина.

— Марина, а где сейчас твой муж?

— Где, где, — махнула рукой Марина, — три года как похоронила его, царство ему небесное.

— Значит, ты вдова? Это же прекрасно, ты свободна, прекрасно, прекрасенько! — потирая руки, радостно воскликнул Лев Моисеевич.

— Не понимаю, чему ты радуешься? Вдова вдовой, но прыгать к тебе в постель я не собираюсь — сказала, как отрезала, Марина.

Лев Моисеевич что-то хотел сказать, но в это время раздался голос Леонида Ивановича Векслера:

— Дорогие гости, прошу извинить меня и пригласить вас к столу, все в сборе, ждем только вас и Николая, а кстати, где он?

— Я тут, — открывая дверь, подал голос Николай, — вздремнул вот, спасибо, что разбудили.

Николай взглянул на Льва Моисеевича, тот подозрительно посмотрел на него и отвернулся. Затем посмотрел на Марину и понял, почему прерывался и хрипел голос у шефа. Перед ним стояла очень красивая голубоглазая брюнетка, лет тридцати пяти, с великолепной сексапильной фигурой в черном платье и чернобуркой на плечах.

На высокой, как у молодой девицы, груди блистало бриллиантовое кольцо, которое дополняли серьги и браслет прекрасной ювелирной работы.

«Нехило, очень даже нехило живет вдова», — подумал Николай и скромно опустил глаза.

В холле второго этажа, куда они все спустились, за огромным накрытым к обеду столом сидели пятеро. Сам Векслер Леонид Иванович, бывший главный инженер крупного механического завода, из-за аварии оказался в тюрьме, отсидел три года, там и набрался демократических лозунгов. Его жена, Валентина Ильинична, стареющая женщина внушительных размеров с обвисшей грудью и огромным животом чревоугодницы, никогда и нигде не работала; умело подыгрывая мужу, держала его в ежовых рукавицах. Их сын, Виктор Леонидович, интеллигентный, склонный к полноте, тридцатилетний мужчина, копия отца, предприниматель, делал деньги на торговле цветными металлами. Пять лет назад, примкнув к новоявленным российским коммунистам, вскоре разочаровался в их примиренчестве с существующей властью и порвав с ними, создал новую организацию, которая не отвергала силовой захват власти. Его жена, Ольга, худосочная безликая особа, с нервными пальцами изящных рук пианистки, девять лет назад окончила Московскую консерваторию, но концертную деятельность сменила на тихую, спокойную и обеспеченную жизнь замужней женщины. Обособленно сидел крепко сбитый, довольно симпатичный молодой человек, с тонкими чертами лица, ранними залысынами на коротко стриженной голове — Владимир Петров, внебрачный сын Марины и Льва Моисеевича. В свое время он увлекся идеями анархизма, которые почерпнул из сочинений патриарха российской анархии Петра Крапоткина. Три года назад создал в городе незарегистрированную в Минюсте организацию без каких-либо четких правил и политических направлений, в составе которой была боевая группа, жаждущая решительных действий. Одним из направлений деятельности этой группы была борьба за чистоту русской нации и православия, а потому изгнание из города всех иноверцев стало для них основной задачей на данном этапе.

— Проходите, гости дорогие, выбирайте место за столом по своему вкусу, будем праздновать десятилетний юбилей нашего сына и нашей невестки. Сынок, открывай шампанское, будем пить и веселиться, — торжественно, как на приеме в честь именитого гостя, говорил Векслер.

Стол ломился от разносолов, здесь было все — купеческая уха, красная рыба трех сортов, различные салаты, в центре на подносе красовался фаршированный поросенок. Перед каждым гостем лежали

старинные серебряные столовые приборы и оригинальные тарелки с княжескими вензелями.

«Как в стародавние времена, в лучших купеческих традициях», — оглядывая стол, подумал Николай.

После пятой рюмки, как всегда бывает в русских застольях, начался политический спор. Первым подал голос Виктор.

— У нас в городе говорят, что вы, Лев Моисеевич, приехали к нам делать революцию, так?

— Какую революцию, — вскинулся Лев Моисеевич, — что за вздор, мы приехали по своим партийным делам и только.

— Странно, — продолжал Виктор — откуда все эти слухи, не из воздуха же они взялись! Говорят также, что вы хотите свергнуть нашего губернатора, — что ж, мы, новые коммунисты, или, как нас теперь называют, неотроцкисты, готовы поддержать вас, скажите, когда и мы встанем рядом с вами и пойдем и свергнем нечестивца!

— И чем же так нехорош наш губернатор? — спросила Марина.

— А всем, — воскликнул Виктор, — был коммунистом, стал еди-нороссом, в его аппарате только свои и никого постороннего. Но это не главное; главное, область с каждым годом нищает, инвестиций кот наплакал, промышленность чахнет, а он и в нос не дует. До чего дожили, в бюджете нет денег, чтобы выплатить пенсии, берут кредиты. Так больше продолжаться не может.

— Да-а-а, тяжело в деревне без нагана, — неожиданно подал голос до того молчавший Володя. — Революция — это хорошо, это по-нашему. Скрутим всех в бараний ро!

— Господа, господа, как же вы представляете себе эту самую революцию? — вальяжно откинувшись на стуле, спросил Лев Моисеевич. — И потом, смею вам напомнить, что революции бывают разные, кровавые, как в семнадцатом, и бескровные, как в девяносто первом. Вы какую предпочитаете?

— А это как пойдет, не согласится добровольно передать власть, устроим кровавый бунт, — воскликнул Володя.

— Это вы, анархисты, только и можете, что громить ларьки да избивать черных, а для революции нужны деньги и единство левых сил. Ни того ни другого у нас нет — с жаром заговорил Виктор. — Говорят, у вас, Лев Моисеевич, есть связи с границей, может быть, они нам помогут?

— Да кто же все эти слухи распускает? — с тревожной ноткой в голосе воскликнул Лев Моисеевич. — Уже и границу сюда приплели! Так скоро в шпионаже и в государственной измене обвинят! Ну и дела!

— Успокойтесь, никто вас ни в чем не обвинит, а граница?.. Теперь это у нас модно говорить, что граница нам поможет, — успо-

коил его Векслер, — молодежь, что с нее взять, ей подавай перемены немедленно, а так не бывает, сначала люди должны созреть для перемен, а уж потом... А вообще Россия — страна непойманных воров и непуганых идиотов, живущих в ожидании будущего счастья.

— Мужчины, давайте прекратим этот никому не нужный спор и послушаем музыку, — воскликнула Валентина Ильинична, жена Векслера. — Ольга, садись за рояль и сыграй нам что-нибудь из классики.

Ольга под настойчивым взглядом свекрови пошла к роялю, и через несколько минут в холле зазвучала музыка Прокофьева.

На этой благостной ноте вечер закончился. Первым поднялся Володя и, не прощаясь, вышел из комнаты. Через несколько минут встала Марина и, взглянув на Льва Моисеевича, сказала: — Надеюсь, мне не придется одной идти домой?

Дальше оставаться было неприлично, и Николай ушел в свою комнату.

Гл-4

Через три часа чистые, свежие и бодрые Алексей с Павлом сидели за столиком в кафе «Маленький Париж» и внимательно изучали меню. В полутемном зале собралось довольно много молодежи, почти все столики были заняты, в углу шумная компания, человек десять, отмечала чей-то день рождения, а в центре зала трое парней под музыку «Бони М», вихляли бедрами.

«Где же Аня, может быть, она сегодня не работает?» — внимательно оглядывая зал, подумал Алексей.

Аня появилась неожиданно и сразу направилась к их столику.

— Добрый вечер, вы уже выбрали? — сдержанно спросила она.

— Пока еще нет, но для начала по бокалу мартини, — улыбнулся Алексей.

— Аня, у вас тут только французская кухня или можно, что попроще? К примеру, русская водочка и рыбное ассорти? — спросил Павел.

— У нас есть все, что пожелает клиент. В общем, вы тут выбирайте, а я пойду обслужу соседний столик.

— Ты бы на водочку не налегал, вечер длинный, успеешь, — сказал Алексей.

— Леша, ну не хочу я мартини, хочу водочки, — взмолился Павел.

— А, черт с тобой, только я не потащу тебя.

— Я знаю свою меру, для начала сто пятьдесят, потом еще столько же, и баста.

— И давно это у тебя такая норма? В Чечне я этого у тебя не замечал, пил как все — двести неразбавленного спиртыги, и ничего, мог снова в бой, — заметил Алексей.

— Так то Чечня, там особый случай, все мы на нервах держались, а постоянные стрессы не давали расслабиться, — покачал головой Павел и глубоко задумался. Затем внимательно посмотрел на Алексея и продолжал: — После госпиталя я вернулся домой, и это было самое тяжелое время в моей жизни, я не знал, что мне делать, скажу откровенно, я растерялся в том хаосе, что творился вокруг. Кругом разруха, текстильная фабрика обанкротилась и выбросила на улицу почти три тысячи своих работников, следом сложила ласты передвижная механизированная колонна, рынок стал главным местом, где можно было что-то продать и на вырученные деньги как-то прожить. Представляешь меня на рынке с мешком картошки и пакетом огурцов? Нет? А что было делать, когда пенсия приходила с месячным опозданием, а иногда задерживалась еще дольше. В такой обстановке было не до жиру — быть бы живу. Через месяц я сорвался и запил, запил по-черному — продам ведро картошки и тут же покупаю бутылку самогонки. Так продолжалось почти год, одному удивляюсь, как это я не сгорел, не иначе армейская закалка.

— Но ты же остановился? — спросил Алексей.

— Как видишь, завязал же. После того, когда в очередной раз с похмелья трясся, как осиновый лист на ветру, я сказал себе — все, хватит, иначе сдохну где-нибудь под забором, как последний бомж, а это негоже русскому офицеру.

— В конце концов ты нашел в себе силы бросить пить, а это главное.

— Бросил и с помощью добрых людей нашел себя.

— В политике?

— А почему нет? Сегодня политика самое востребованное занятие. Знаешь, сколько в стране партий?

— Наверняка много, — усмехнулся Алексей.

— Да уж не мало, десятка три-четыре наберется; кстати, это довольно увлекательное занятие — встречаться с людьми, разъяснять позицию и платформу своей партии, убеждать, что она самая что ни на есть правильная, ну, в общем, агитировать.

— Если не секрет, что же это за платформа, за которую ты агитируешь?

— А тебе это в самом деле интересно? Тогда слушай. Наша цель — демократический и социально ориентированный социализм, мы за принятие таких законов и создание таких условий, чтобы бедность и нищета исчезли из нашей жизни, мы за справедливое, свободное

и материально обеспеченное общество. Мы — партия тех, кто собственным трудом, талантом и личной инициативой делает свою жизнь лучше, богаче, достойней.

— Насколько я понял, с политикой ты уже подружился и у тебя неплохо получается.

— Да, кое-что получается, образовался крепкий костяк первички, и уже есть больше десятка заявлений о приеме в партию. Растем. Так что давай водочку, и баста.

— Тогда и мне так же, в общем, заказываем бутылку русской, ассорти, салаты и много мяса, не французы же мы, мы русские, значит, и пить будем по-русски, — засмеялся Алексей.

В это время в зал вошла Даша и, увидев Анну, помахала ей рукой.

— Анюта, зовите вашу подругу к нам за стол, — попросил Алексей.

Аня привела и усадила смущенную Дашу рядом с Павлом.

— Вот теперь можно и мартини, нет, пожалуй, шампанское, Аня, носи шампанское, — воскликнул Павел.

— Даша, а ты что будешь кушать? — спросил Алексей.

— Я сыр и блинчики с икрой, — покраснев, ответила Даша.

Через несколько минут Аня принесла большой поднос и разложила закуски на столе. Затем сходила еще раз и принесла ведро с шампанским и бутылку русской водки.

— Вам приятного аппетита, а мне работать, — улыбнулась Аня и ушла к барной стойке.

— Чего сидим, Павел, наливай шампанское, настоящий праздник только начинается, — воскликнул Алексей.

Пока Павел занимался шампанским, Алексей наклонился к Даше и спросил, давно ли здесь работает Аня.

— Кажется, с полмесяца, она же студентка, приехала на каникулы к матери и сразу устроилась сюда, — ответила Даша и снова покраснела.

«Интересно, отчего она краснеет?» — подумал Алексей, но спросил о другом:

— А где Аня учится?

— В МГУ, на юрфаке.

— Значит, будущий юрист, а ты, случайно, не в хирургии работаешь?

— Да, в хирургии, — еще больше покраснела Даша.

— Операционной сестрой? Редко встретишь такую беззащитную, скромную девушку в операционной, — глядя на смущенную Дашу, воскликнул Алексей и, помолчав, добавил: — Мне приходилось туда попадать, и все сестры, кого я видел, были, как на подбор, крепкие и беспощадные.

— Беспощадные? Не может быть! — воскликнула Даша.

— Да, именно беспощадные, знаешь, как они с нами обращались? Берет бинт и с мясом отдирает от раны! Разве это не беспощадность? Скажи, Павел, разве не так?

— Точно так, ужас, какие кровожадные, — подыграл Алексею Павел. — Помню такой случай: рядом со мной в госпитале лежал обожженный танкист, так медсестра на живую срывала с него бинты, да еще и приговаривала: Терпи, дружок, для тебя стараюсь».

— Перестаньте, она все правильно делала, гной убирала, — возмущенно воскликнула Даша и, посмотрев на улыбающихся ребят, поняла, что ее просто разыгрывают: — Да ну вас, — махнула она рукой, — тоже мне, шутники.

Павел разлил шампанское по бокалам и торжественно произнес:

— Предлагаю выпить за начало всех начал, за прекрасных женщин, дающих мужчинам мужество жить и во имя их совершать подвиги, за тебя, Даша.

В это время в зал во главе с Димкой Большаковым вошли четверо парней и уселись за соседний столик. Небрежно развалившись на стульях, они с вызовом оглядели зал и уставились на Алексея. Как в прошлый раз, в глазах у Алексея потемнело, в голове раздалась барабанная дробь, он, подобно зверю, готовому к прыжку, весь подобрался и начал подниматься из-за стола. В это мгновение чьи-то руки мягко легли на его плечи и усадили на стул.

— Успокойтесь, здесь не место для разборок, — прошептала Аня.

«Нервы ни к черту», — мрачно подумал Алексей и взяв руку Анны, поцеловал ее.

Впервые с ним это случилось в Чечне, год назад, во время боя в горах, когда один из молодых офицеров бросил свой взвод и спрятался за грудой камней. Тогда, в порыве дикой ярости, он вытащил из укрытия труса и на глазах у всех избил его. Вернувшись на базу Алексей предложил офицеру написать рапорт о переводе его в другую часть. С тех пор припадки дикой злобы с сильнейшей головной болью и провалом в такие минуты в памяти случались все чаще и чаще. Теперь даже одно неосторожно сказанное кем-то слово или взгляд, могло вызвать неуправляемый, всесокрушающий гнев.

— Командир, ну ты даешь, напугал ты меня, — наклонившись к Алексею, прошептал Павел и, помолчав, добавил: — Не стоит так реагировать на этих подонков, придет время они свое получат.

В это время Аня подошла к стоявшему у стойки бара парню и что-то сказала ему. Парень молча выслушав ее, направился к столику четверки и что-то сказал одному из них. Те переглянулись между собой и демонстративно отвернулись от Алексея.

Не успел Павел наполнить рюмки, как в зал вошли пятеро в масках, один из них с обрезом в руках остался у входа, второй прошел к двери, ведущей на кухню и, повернувшись к залу, направил свой обрез на ближайший столик. Увидев входящих, Аня бросилась к Алексею и встала за его спиной. Тем временем, отшвырнув официанта, вставшего на их пути, трое молча бросились к барной стойке и битами начали громить витрину с напитками, затем, разбив кассовый аппарат и перевернув барную стойку, принялись ломать ее.

Алексей вопросительно взглянул на Павла, как бы приглашая его к действию, но тот только покачал головой и, наклонившись, прошептал:

— Не лезь, один местный бандит отнял у другого кусок хлеба, вот они и дерутся из-за него.

— А, что, местный народец привык к подобным разборкам? — спросил Алексей.

— Все прекрасно знают, кто с кем воюет. Тимур, владелец кафе в центре города, из-за «Маленького Парижа» терпит убытки, вот и наезжает, пытается показать, кто в доме хозяин, да только уже завтра сам же все и восстановит.

— Это почему же?

— Не знает, дурак, что фактическим владельцем «Маленького Парижа» является наш мэр, а уж он надерет уши кому угодно, и Тимуру в первую очередь.

Закончив разгром, мрачная пятерка так же молча вышла из кафе.

— Девушки, вы не против, если мы соберем все со стола и продолжим праздник в беседке на берегу холодного пруда? — спросил Павел.

— Даша, мы не против?

— Я согласна, — улыбнулась Даша.

— Прекрасно, вот только соберу все со столов, и я свободна, — ответила Аня.

— Тогда вперед, на линию огня, сказал боец и лег на дно окопа, — засмеялся Павел.

Гл —5

Проснулся Николай часов в девять и тут же прошел в комнату своего шефа, но там его не оказалось. Кровать заправлена, вещи неразобраны, по всему было видно, Лев Моисеевич не ночевал, а главное, Николай не знал, где он теперь находится. Не успел Николай встревожиться, как услышал на лестнице тяжелые шаги уставшего

человека. Его шеф, утомленный, но довольный, неспешно поднялся в холл и устался на Николая.

— Ждешь? Надеюсь, тревогу не поднял? Молодец. Чем собираешься заняться?

— Сегодня в двенадцать у меня встреча с Захаровым Жорой, газетчиком, он обещал познакомить меня с интересующим нас человеком, который будто бы хорошо информирован о местных нравах в чиновничьем мире и не только.

— Как я понимаю, нужны деньги?

— Лев Моисеевич, деньги, конечно, нужны, они делают людей покладистей, сговорчивей, готовых помочь ближнему, — улыбнулся Николай.

— Хорошо, ты их получишь, — согласился Лева Моисеевич и, вытащив из-под кровати чемоданчик, открыл его.

Столько денег сразу Николай никогда не видел, чемоданчик был полностью забит пятитысячными и тысячными купюрами.

«Теперь дело за малым — правильно использовать это богатство», — подумал Николай, и, будто читая его мысли, Лев Моисеевич сказал:

— Эти деньги предназначены для благого дела, они должны помочь исправить местную ситуацию к лучшему, к власти должны прийти новые, достойные доверия люди, понял?

— Понял, не дурак, — ухмыльнулся Николай.

— Для начала возьми вот это, — и он протянул ему три пачки пятитысячных купюр, — но будь экономным, зазря деньгами не швыряйся. Жорику дашь аванс и, если появится интересный материал не скупись, забойный компромат десятикратно окупает все затраты на него. — Лев Моисеевич похлопал Николая по плечу и продолжал: — Пока ты ходишь я вздремну, бессонная ночь не проходит бесследно, годы не те, а ты иди, иди.

До встречи с Жориком оставалось два часа, и Николай решил побродить по осеннему городу, посмотреть его достопримечательности. Однако из его затей ничего не вышло. Не успел он выйти за ворота особняка, как к нему подошел сын Векслера, Виктор.

— Ты, Николай, прости меня, я тебя поджидаю, хочу поговорить, — начал Виктор.

— О чем?

— О твоём шефе, о нашем движении да и просто о жизни.

— А я хотел прогуляться по городу, — ответил Николай.

— Наш разговор твоему знакомству с городом не помешает, даже наоборот, — улыбнулся Виктор.

Они гуляли по городу, Виктор рассказывал историю города, показывал наиболее интересные места и все время говорил о политике.

— Понимаешь, противостояние между молодыми коммунистами и старой гвардией, которое есть сейчас в КПРФ, возникло давно из-за нежелания руководства партии прислушиваться к новым идеям и критике в свой адрес. Более того, любую критику и даже замечание они, эти старые перцы, воспринимают как личное оскорбление. Кстати, тебя не удивляет, то, что мы с отцом стоим на разных политических платформах? — спросил Виктор.

— Нет, не удивляет, главное, чтобы это не мешало дружно жить, но интересно, почему же у вас столь различные взгляды?

— Я, как и все, был пионером, потом комсомольцем и с тех пор не меняю свои взгляды, я по натуре своей консерватор и не приемлю современную многопартийность с ее неразберихой и демагогией большинства новоявленных демократов, которые в большинстве своем не знают ничего, кроме популизма. Я уверен, что своей демагогией и популизмом они прикрывают свою политическую импотенцию, и не более того, — ответил Виктор.

— Может, ты и прав, но настали новые времена, у людей появилась возможность высказаться, заявить о себе, потому что они устали кланяться одному идолу, — заметил Николай и, чтобы поддержать разговор, спросил: — Ну, так что там с противостоянием?

— Так вот, сначала кризис в КПРФ затронул лишь партийную элиту, — продолжал он, — причем разногласия главным образом касались идеологических аспектов. В партии образовалось два противоборствующих лагеря: консерваторы и неотроцкисты. Партийное руководство заклеямило последних позором и выдало из своих рядов.

— Нетерпимость — главный недостаток всех коммунистов, — поддакнул Николай, — впрочем, чему тут удивляться, все они из КПСС, а значит, по-другому не могут.

— Теперь дела обстоят много хуже, — продолжал Виктор — протесты перекинулись на региональные отделения и местные ячейки.

Виктор на минуту задумался и хотел продолжать, но в это время к ним подскочил плохо одетый взъерошенный старичок и, тыча пальцем в Виктора, истошно завопил:

— Мерзавец, раскольник, мы надеялись на вас, молодежь, а вы вместо того, чтобы поддержать нас предаете дело нашей партии, позор предателям! — И, плюнув под ноги Виктору, старичок с достоинством удалился.

— Вот, всегда так, чуть что — предатели, раскольники, — вздохнул Виктор и, помолчав, продолжал: Поразительно, но провал политики КПСС, ее развал ничему их не научил, они так и остались в прошлом: в общем, мы, молодые члены партии, готовы выйти из КПРФ и создать свою партию, но нам нужна помощь.

— И в чем состоит эта помощь? В деньгах? — в упор спросил Николай.

— Именно в деньгах, и ты, Николай можешь помочь.

— Но как?

— Поговори со своим шефом, у него связи, да и деньги водятся.

— Хорошо, обязательно поговорю, думаю, он согласится помочь.

На этом они с Виктором расстались, и Николай поспешил на встречу с Жориком, которая должна была состояться, как и в первый раз, в кафе «Жемчужина».

«Не знаю почему, но этот Виктор вызвал у меня невольную симпатию. Молодой, талантливый инженер, кандидат наук, вместо того чтобы заниматься наукой, ударился в политику. Говорили, что ему предлагали лабораторию в местном институте, но он отказался и остался простым преподавателем, — шагая по улице Ленина, размышлял Николай.

Когда он добрался до кафе, Жора уже сидел в углу с каким-то невзрачным типом и пил пиво.

— Знакомьтесь, — вместо приветствия сказал Жора. — Матвей Алексеевич, бывший майор КГБ, в настоящее время частный сыщик. А это Николай, он интересуется... а он многим интересуется, — махнул рукой Жора.

— Итак, что или кто конкретно вас интересует? — с места в карьер начал Матвей Алексеевич.

— Николай, ты чего мнешься, не бойсь, это мой человек, проверенный, липу не впарит, ручаюсь, — заверил Жора.

— Мне нужен компромат на приближенных к губернатору, на тех, кому он доверяет, — сказал Николай.

В следующую секунду Матвей Алексеевич, словно фокусник, откуда-то извлек папку и, раскрыв ее, сказал:

— Для начала даю вам документы на зама известной личности. Это весьма колоритная фигура, одноклассник и личный друг. Личность незаурядная, чрезвычайно упорен в достижении цели, жаден, был замешан в нескольких аферах с бюджетными деньгами но, как говорится: не пойман — не вор. Очень любит подсматривать за теми, кто совершает половой акт, при этом, мастурбируя, получает кайф в полном объеме.

— Отлично, кто еще? — спросил Николай.

— Еще некий менее заметный, но очень влиятельный персонаж, от решений которого зависит, получите вы облюбованную вами госсобственность в аренду или личную собственность или нет. Откаты берет в наглую, поскольку делится с кем нужно, знает, его всегда прикроют. Страдает нарциссизмом — часто любит себя своим обна-

женным телом, снимает себя голого на видео и при этом занимается рукоблудием. Кстати, наш прокурор попытался сесть ему на хвост, но получил такой нагоняй, что тут же спрятал весь собранный материал в нижний ящик своего сейфа. Пока все, для начала нашего делового партнерства хватит.

— Сколько? — глядя в глаза Матвея Алексеевича, спросил Николай.

Матвей Алексеевич взял салфетку, что-то написал и подал Николаю. Взглянув на цифру, Николай без возражений отсчитал требуемую сумму и, завернув ее в бумагу, передал сыщику. Взяв сверток, Матвей Алексеевич ощупал его и, видимо оставшись довольным, положил папку на стол. Затем не спеша допил свое пиво и, не прощаясь, ушел.

— Любопытный тип этот Матвей Алексеевич. Может быть, расскажешь мне о нем? — спросил Николай Жорика.

— Очень даже любопытный тип, — согласился Жора и продолжал: — Он всю свою жизнь в КГБ занимался тайным сыском, у него богатейшая коллекция компромата чуть ли не на половину населения нашего города. Когда разогнали КГБ и образовалась ФСБ, его туда не пригласили, чем страшно обидели, поскольку он считался лучшим сыщиком не только в нашей области, но и всего Поволжья. Несколько раз приглашали в Москву, но он категорически отказывался, не хотел теряться в столице. Как говорится — лучше быть первым в деревне, чем последним в городе. Холост, живет с престарелой матерью, особых запросов не имеет и деньгами интересуется мало, для него важнее всего работа, в общем, фанат сыска.

— Деньгами, говоришь, не интересуется, а цену заломил что надо, — усмехнулся Николай.

— Информация стоит того, Николай. Передай мне папку, и я все это опубликую в нашем первом номере, согласен? А теперь к нашим баранам, — улыбнулся Жора и передал ему листок бумаги. — Это смета расходов, посмотри и, если согласен, подпиши.

Николай внимательно прочитал смету и согласно кивнул головой. Затем достал деньги и передал их Жорика.

— Это аванс, начинайте печатать газету, и чем быстрее, тем лучше.

— Через два дня номер будет в печати.

— Очень хорошо, но, прежде чем передать газету в типографию, ты покажешь нам ее макет, договорились?

— Почему нет, конечно, покажу, — согласился Жорик, — что-нибудь еще?

— Жора, если тебя не затруднит, не мог бы ты рассказать мне о Векслере?

— Биографию, что ли? — усмехнулся Жора.

— Можно и биографию, лучше неофициальную.

— Можно и неофициальную, хотя та и другая тесно переплелись, если честно, даже не знаю, можно ли их отделить друг от друга. Сразу скажу, Векслер — человек неординарный, с замашками местечкового вождя, но это так, к слову. Леонид Иванович, как и все советские дети, успешно окончил школу, потом институт и начал свою трудовую деятельность на медеплавильном заводе сменным мастером, затем он начальник смены и главный инженер. Через три года, после ряда успешных выступлений на рабочих собраниях, он был избран председателем городского профсоюза. Как говорится, пошел в гору, но не тут-то было, молодой и напористый профсоюзный деятель оказался человеком любвеобильным, а попросту ветреным. Будучи женатым, Леня завел роман с какой-то не то школьницей, не то со студенткой техникума, в общем, с малолеткой. Роман получился бурным, со слезами, семейными скандалами и сердечными приступами его благоверной. Все бы ничего, в семье всякое бывает, но тут о связи своей дочери с женатиком узнали ее родители, и разразился на весь город грандиозный скандал. Родители было собрались привлечь соблазнителя к суду за связь с малолеткой, но их дочь заявила, что, если они это сделают, она сбежит из дома и покончит жизнь самоубийством. Родители отступили, но нашлись радетели высокой нравственности и пожаловались в партком комбината. В результате наш герой был отстранен от профсоюзной работы. Тем временем родители девицы отправили ее в Москву, к дальним родственникам, где она впоследствии успешно вышла замуж за милицейского генерала. А что Векслер? Векслер впал в глубокую депрессию, бросил профсоюз, полгода глушил водку и чуть не попал на принудительное лечение от алкоголизма, но обошлось. Тем временем в стране стали появляться кооперативы, и вот тут-то Леня снова нашел себя. Он один из первых организовал кооператив по производству кирпичей, и дело пошло, заказы сыпались как из рога изобилия, производство расширялось, работники стали получать по тем временам бешеные деньги, до тысячи и более рублей в месяц. Для сравнения замечу — сталевар получал триста, максимум четыреста рублей. Однако недолго музыка играла, недолго фраер танцевал — появились желающие поживиться за чужой счет, одна из работниц райфинотдела предложила оплатить ее поездку в Индию. Векслер отказался, и тогда в кооператив нагрянула финансовая проверка, нашли нарушения, все деньги сняли со счетов, лавочку прикрыли. Заказчики, которые оплатили поставки кирпича, подали на кооператив в суд, но проиграли. Тогда он создает новый кооператив, который стал оптовым поставщиком сахара, подсолнечного масла и конфет в местные торговые орга-

низации. Вы, конечно, помните беспредел начала 90-х, воровали все и у всех. Векслер не стал исключением — сначала у него украли вагон с сахаром, потом цистерна подсолнечного масла пропала на просторах родины чудесной. Это был удар ниже пояса, и все бы ничего, от потребителей можно было как-то отбиться, но тут вмешались местные бандиты. Эти не церемонились, они предложили: либо должник в недельный срок отдает деньги, либо будет закатан в асфальт. А для того чтобы он не сбежал, около его квартиры круглосуточно дежурили бойцы. И вот тут-то сказался авантюрный характер Векслера — он находит свою старую знакомую, работницу госбанка, через нее берет кредит, расплачивается с бандюками и исчезает из города. Авантюризм заключался в том, что Векслер не то почувствовал, не то вычислил, но вслед за его исчезновением рублики почти полностью обесценились и то, что раньше было солидной суммой, превратилось в копейки. После очередного скачка инфляции, когда рубль потерял в цене более тысячи процентов, он появляется в городе и погашает вконец обесценившийся кредит. В это время Центробанк без устали днем и ночью печатал все новые и новые миллионы рублей, на которые можно было купить только хлеб и самогонку. Страна дошла до последней черты, впереди маячил дефолт, и если бы не гуманитарная помощь бывших врагов, в России начался бы, как в тридцатые, повальный голод. Кому голод, а кому большой навар — так, наверное, думал Векслер, когда под голодный шумок, начал скупать ваучеры, необеспеченные векселя и долги местных промышленных предприятий. Вот тут снова сказались не то авантюризм, не то гениальное чутье Леонида Ивановича. К тому времени металлурги имели огромные долги энергетикам, которые требовали их возврата и угрожали обесточить комбинат. Зная об этом, Векслер выкупил долги, а за это металлурги рассчитывались с ним по бросовым ценам металлопрокатом, который он уже по мировым ценам продавал за рубеж. Предприятия нищали, а наш друг превращался в долларового миллионера. Теперь ты понял, почему его считают авантюристом? Как видишь, Векслер из тех, кто даже в сложнейшей обстановке находит выход из любого положения, как говорится звезд с неба не хватает, но есть у него такая фишка — он непременно хочет стать губернатором.

— Еще вопрос, что ты скажешь о его сыне? — впечатленный рассказом Жоры, спросил Николай, и подумал, что с таким характером, как у Векслера, все может быть и никто не удивится, если он придет к руководству области.

— О Викторе? А ничего, в отличие от своего отца, он положительный до слез. Окончив школу с золотой медалью, поступил в местный политех, через год после окончания защитил диссертацию и получил

место преподавателя. В настоящее время читает студентам лекции по сопромату. Однолюб, не употребляет, не буйнит — чист, как слеза младенца. В общем, весь в мать.

Николай поблагодарил Жорика, и на том они и расстались. Он шел в свое временное пристанище и рассуждал о своих новых знакомых, пытаясь понять, что ими движет в их неумности — характер, не реализованный потенциал или жажда быть на виду, чего бы это ни стоило? «Ну, — думал он — с сыщиком все понятно, обида и неумение приспособиться к новым реалиям, отсюда фанатизм сыска, а Жора? Да с его талантом он наверняка смог бы работать в любой газете, так нет, ему подавай собственный листок, где бы он мог излить всю свою желчь, свое недовольство и раздражительность. Впрочем, какое мне дело до них, каждый живет так, как хочет и может. Одно не подлежит сомнению — без таких людей не обходилось ни одно общество, всегда найдутся те, кто идет наперекор любому общественному строю. Спорить и протестовать — потребность человека неутомного, неуживчивого, и далеко не каждый из нас обладает такими чертами характера. Так что бог с ними, но пока они есть, любая власть не может спать спокойно, а пока все хорошо, мы с их помощью тряхнем это сонное царство.

Возвратившись в теремок, Николай застал своего шефа в приподнятом настроении, казалось, что прошедшая ночь добавила ему не только эмоций, но и силы.

Лев Моисеевич стоял перед зеркалом и оглаживал новенький, темно-синий в мелкую полоску, костюм. Увидев своего помощника, встрепенулся и просиял:

— Ну наконец-то явился, а я тут по случаю прикупил себе новый костюмчик, как он тебе?

— Прекрасный костюм, и галстук в тон ему, в нем вы настоящий денди, — весело сказал Николай и вкратце рассказал ему о своей встрече и полученных материалах, добавив, что источник внушает доверие, его услугами смело можно пользоваться в дальнейшем.

— Прекрасно, я в ближайшее время собираюсь встретиться с некоторыми местными лидерами левого фронта, а пока, пока я занят, — протирая лицо туалетной водой, воскликнул Лев Моисеевич.

— Если не секрет, чем же? Неужели Мариной? — улыбнулся Николай.

— Мой юный друг, ты даже не можешь представить себе, что она со мной сделала, я помолодел на 20 лет, я готов на безрассудства. Ты, Николаша, не представляешь, что это была за ночь — ночь воспоминаний и надежд, ночь наслаждений от общения со столь прекрасной женщиной.

— Вы хотите сказать, что всю ночь проговорили? — удивленно глядя на своего шефа, воскликнул Николай.

— По-твоему, все наслаждения сводятся к постели? Нет, друг мой, есть более утонченные наслаждения — к примеру, эстетические, так вот нечто подобное я испытал минувшей ночью, — укоризненно вскричал Лев Моисеевич.

«Мазохист, точно мазохист», — глядя на неестественно возбужденного шефа, подумал Николай и чтобы утвердиться в собственной догадке, спросил:

— Вы что же, как школьник всю ночь держа ее за ручку, проговорили?

— Да, всю ночь, именно держась за ручку, проговорили, а что, это позволительно только юным?

— Да нет, что вы, как говорится — любви все возрасты покорны, но будьте осторожны, женщины коварны, — вспомнил не то вражду, не то ненависть в глазах Марины, которые вчера он заметил при ее взгляде на его шефа.

— Что ты хочешь этим сказать? — вскинулся Лев Моисеевич.

— Ровным счетом ничего, просто напомнить, что история полна примеров женского коварства.

— Ну, так это история, там всякое бывало: предательство, измена, убийство и прочее, — так что же, по-твоему, я вообще не должен доверять людям?

— Доверять доверяй, но осторожность не забывай, — парировал Николай.

— Хорошо, хорошо, я буду осмотрительным, лишнего ни гугу.

— Особенно про наши источники информации, если будет интересно, ссылайтесь на меня.

— Ну ты и конспиратор, где только ты этому научился? — удивленно спросил Лев Моисеевич.

— Лев Моисеевич, простите за нескромный вопрос, а где во время ваших посиделок был ее сын?

— Успокойся, Марина живет одна, она решила, что сына не надо стеснять, и купила ему квартиру.

— Почему бы и не купить, если есть деньги. Он женат?

— Ты, Николай, как въедливая бабка, тебе-то какое дело, женат он или нет?

— Лев Моисеевич, мне нет дела, женат он или нет, но он ваш сын, а значит, наследник.

— Ты что, совсем, какой еще наследник? У меня уже есть кому передать свой капитал.

— Лев Моисеевич, — воскликнул Николай — я не имел в виду деньги, я имел в виду ваше политическое реноме, ваши убеждения и желание добиться справедливого разрешения всех российских проблем, таких как искоренение коррупции и взяточничества, а главное честных выборов всех ветвей власти.

— Николай, успокойся, мне еще рано задумываться над такими проблемами, придет время, и наследник появится сам собой. Пойми, в таких вопросах решающую роль играют не родственные, а духовные узы, — отмахнулся шеф.

— Да-а-а-а, если бы так, мир был бы идеален, — развел Николай руками, — но чаще всего преемников ищут среди родственников по крови.

— Не понял, ты что, хоронишь меня?

— Упаси вас Бог, я просто хочу выяснить, как вы представляете себе встречу со своим сыном?

— Во-первых, я надеюсь, что он разумный человек, а значит, поймет меня. Во-вторых, не знаю, что у взрослого человека, никогда не видевшего родного отца, в голове, и это тревожит меня. На одно надеюсь, что мы найдем общий язык. Одно странно и даже обидно, он никогда не искал меня!

— Успокойтесь, в самодостаточной семье редко вспоминают о своих родственниках, тем более таких далеких, как вы.

— Что значит далеких, поясни?

— Простите, я имел в виду расстояние. Вот если бы вы были здесь, в этом городе, тогда наверняка вас бы разыскали и познакомили. Лев Моисеевич, не обращайтесь внимание на нас, молодых, мы народ черствый, и вы должны быть готовыми к этому.

Говоря это, Николай боялся, что встреча брошенного сына с биологическим отцом ни к чему хорошему не приведет. Он хотел еще сказать о разнице в характерах и воспитании, но тут на пороге комнаты появился Векслер.

— Друзья мои, — довольно потирая руки, вскричал он, — я к вам с хорошей новостью, только что городским отделением нашей партии принято решение о проведении грандиозного марша несогласных, в котором примет участие до пятидесяти тысяч человек.

— И когда же состоится это грандиозное шествие? — вытесняя Векслера в холл, спросил Лев Моисеевич.

— Ровно через две недели, власти уже извещены, думаю, все пройдет хорошо, мы покажем свою силу и предупредим власти о недопустимости такой политики, которую она проводит сейчас, потребуем внеочередных выборов Заксобрания и губернатора.

— Очень хорошо, — потирая руки, сказал Лев Моисеевич и после некоторого раздумья добавил: — Неплохо было бы привлечь к этому мероприятию другие партии, к примеру, коммунистов и всех прочих.

— Я начал вести переговоры с некоторыми представителями левого фронта, думаю, они согласятся и примут участие в шествии, — согласно закивал головой Векслер.

— Одно меня смущает, — заметил Лев Моисеевич, — успеете ли вы организовать народ на это шествие?

— Вы что же, думаете, что мы вот так, с бухты-барахты, взяли и решили провести шествие? Нет, — взмахнул руками Векслер, — мы к нему готовимся уже больше месяца, задействована масса народа, наши агитаторы обходят дома и поименно приглашают жителей высказать свою позицию и свои требования к власти.

— Ну, вы и молодцы, провести такую работу втайне от нас, от Центрального комитета партии, это что-то, — воскликнул Лев Моисеевич, — но, как говорится, победителей не судят. Вот только вызывает сомнение ваш оптимизм по поводу количества участников шествия: пятьдесят тысяч даже для столицы прилично, а для вас???

— Дорогой Лев Моисеевич, не забывайте, наш город миллионник, так что названная цифра вполне приемлема, — возразил Векслер и, попрощавшись, вышел из комнаты.

— Большой оптимист этот Векслер, — заметил Николай — и дай то Бог, чтобы это не превратилось в пустышку.

— А мы с тобой, Николай, поддержим его и сделаем все от нас зависящее, чтобы это шествие состоялось и получило громкую огласку на всю страну. Для этого мы встретимся со всеми здешними оппозиционерами, пообещаем им деньги на условиях — утром стулья, вечером деньги, — рассмеялся Лев Моисеевич.

— Лев Моисеевич, вы знаете, что Векслера называют авантюристом?

— Авантюристом, говоришь, — есть у него такой грешок, но в остальном он человек что надо. Впервые я с ним встретился в Москве в начале девяностых. Приходит он к нам в партийный штаб и говорит — я из Нижнегорска, мы хотим организовать там отделение вашей партии.

Я спрашиваю его, сколько человек сейчас готовы войти в нашу партию? «Пока я один», — смеется он. «Один? Да вы авантюрист», — говорю я ему. «Совершенно верно, я авантюрист и даю вам слово, через неделю в партию вступит не менее пятидесяти человек. Вот тогда и приходи», — отвечаю я ему. «Дайте мандат на создание городской ячейки, и я вас не подведу». Представляешь, не подвел, ровно через неделю приехал с нотариально заверенным списком городской ячейки, а через год в наших рядах было уже полторы тысячи членов партии, вот тебе и авантюрист.

«Любопытный человек этот Векслер, то-то еще будет...» — подумал Николай и уже хотел предупредить шефа о возможных авантюрных выходках Леонида Ивановича, но тот замахал на него руками.

— Все, все, на сегодня хватит разговоров, я занят, иду переодеваться, мы с Мариной идем в театр, спектакль дает какой-то новомодный петербургский режиссер, будет весь городской бомонд, — с этими словами он повернулся и ушел в свою комнату.

Гл-6

Ровно в восемь утра мобильный телефон Николая тревожно заверещал. Звонил Захар, сосед по лестничной площадке, который в его длительные отлучки присматривал за московской квартирой.

— Николай, — раздался тревожный голос соседа, — в твоей квартире потоп, внизу забился стояк, и все дерьмо хлынуло к тебе, вонь стоит на весь подъезд.

— Ты что, предлагаешь мне все бросить и мчаться в Москву?

— Да нет, ничего я не предлагаю, просто ты же должен знать, что творится у тебя дома, — закричал Захар. — Я уже нашел фирму, которая занимается уборкой квартир и часа через два они все уберут.

— Захарушка, вот за это спасибо, вечером я тебе позвоню, узнаю, воняет ли в подъезде, и помни, за мной бутылка, — обрадованно закричал Николай.

— И не одна, — хохотнул Захар.

Вообще, надо сказать, без этого Захара было бы трудно жить, он работал сантехником в ЖЭКе, и Николаю приходилось часто звать его на помощь. За последние пять лет их старенький дом окончательно пришел в негодность и аварии подобно этой случались с завидной регулярностью.

«Все, надо срочно менять квартиру», — отключая телефон, подумал Николай и, откинувшись на подушку, попытался снова заснуть. Не успел он задремать, как в комнату буквально ворвался Векслер.

— Николай, немедленно вставай, Лев Моисеевич с травмой головы и переломанными ребрами доставлен в пятую городскую больницу, — воскликнул он.

— Лев Моисеевич избит? — встревожился Николай и подумал, что ожидал чего угодно, но только не этого.

— Мне позвонил знакомый доктор и сказал, что Лев Моисеевич был избит уличными хулиганами. Так что собирайся, едем в больницу и там все выясним. Жду в машине, — сказал Векслер и вышел из комнаты.

В приемном покое их встретил доктор, знакомый Векслера, и проводил в палату пострадавшего. Пока они шли по коридорам первого и второго этажей, доктор рассказал, что пациента доставила «скорая», которую вызвал какой-то прохожий. У него сотрясение мозга сред-

ней тяжести и перелом нескольких ребер — видимо, лежащего били ногами, и после некоторого раздумья доктор добавил:

— Через неделю ваш друг будет как новенький.

Лев Моисеевич, весь перебинтованный, лежал один в двух местной палате и, глядя на встревоженные лица посетителей, улыбался.

— Почему вы не позвонили мне? Я бы вас встретил у подъезда, — склонившись над ним, спросил Николай.

— Извини, не подумал, что меня кто-то может избить.

— Но как это случилось, можете рассказать?

— Кому-то очень не понравилось, что я приехал в город, — как бы не слыша Николая и продолжая чему-то улыбаться, сказал он, — и это очень хорошо, значит, я приехал не зря, меня бояться.

— Конечно, бояться, — поддакнул Николай, — но кто и как напал на вас?

— После театра я проводил Марину домой, мы выпили по чашке кофе, и я пошел домой. Вышел из подъезда, прошел шагов двадцать, и тут ко мне подходят двое в масках и, не говоря ни слова, начинают бить. Я понимал, что сопротивление бесполезно, и молча сносил удары этих подонков. Один из них зашел сзади и чем-то тяжелым ударил меня по голове, я упал, но прежде чем потерять сознание, услышал: «Если не уберешься из города, будет хуже». Это все, что я помню. Очнулся я уже в палате и сразу попросил дежурного врача позвонить вам, Леонид Иванович.

— Милиция уже была? — спросил Векслер.

— Милиция? Нет, не была, а что, должна?

— Конечно, должна, это же не просто хулиганство, это покушение на жизнь видного политического деятеля, и то, что нападавшие угрожают вам, Лев Моисеевич, дальнейшей расправой, — тому подтверждение, — воскликнул Векслер.

«Милиция милицией, а я попытаюсь выяснить через нашего сыщика, кому нужно, чтобы мой шеф исчез из города», — глядя на возбужденного Векслера, подумал Николай.

— Я все это так не оставлю, я подниму газетчиков и телевидение, прокуратуру, — расхаживая по палате и приходя во все большее возбуждение, говорил Векслер, — это покушение на лидера партии есть попытка запугать весь левый фронт, и мы должны ответить всем мерзавцам, которые пытаются заткнуть рот несогласной части общества.

— Леонид Иванович, — подал голос Лев Моисеевич, — успокойтесь, газетчиков и вообще шума не надо. Пусть милиция потихоньку разбирается, и этого достаточно.

— Но почему? Почему вы не хотите широкой огласки? — с недоумением на лице спросил Векслер.

— Это не входит в наши планы, до поры до времени мы не должны привлекать к себе внимание, — ответил Лев Моисеевич, — у нас с вами впереди большие дела, и мы не можем подвергать их риску.

— Так все-таки планы есть? А вы все ходите вокруг да около, а я подозревал, подозревал, что вы не хотите до поры до времени откровенничать, — воскликнул Векслер, — жду не дождусь, когда вы посвятите меня в свои планы.

— Скоро, очень скоро, вот очухаюсь, и тогда все вам расскажу, а пока помните — я здесь исключительно по партийным делам.

Векслер что-то хотел ответить, но в это время вошел доктор и выпроводил их из палаты. Они вернулись в теремок, и Николай, тут же позвонив Жорику, попросил его о встрече с ним и частным сыщиком Дубовым.

Встреча состоялась через час, все в том же кафе «Жемчужина». Почему именно в этом кафе, Николай узнал через неделю, когда при очередной встрече с Жориком к ним подошла женщина и, обняв его, поцеловала в щеку. Жорик познакомил ее с Николаем, добавив, что это его сестра Нина, совладелица кафе, а потому пиво ему и его друзьям подают бесплатно.

Николай вошел в кафе, сел за наш столик и заказал кофе. На сей раз ждать Жорика и сыщика пришлось минут двадцать, наконец они появились и, рассевшись за столиком, выжидательно уставились на него.

К столу тут же подошла девушка и поставила на стол три кружки пива.

— Это от нашего заведения, — улыбнулась она.

— Я попросил вас о встрече в связи с тем, что этой ночью на моего шефа было совершено покушение, и сейчас он лежит в пятой горбольнице с проломленным черепом и сломанными ребрами, а потому прошу вас о помощи, — сказал Николай и выжидательно посмотрел на сыщика.

— Это что же, политика или хулиганы? — спросил Матвей Алексеевич.

— Больше похоже на политику, — ответил Николай и пересказал все, что услышал от шефа.

— Судя по всему, тут скорее политика, — согласился Жорик, — а значит, я поднимаю шум.

— Жора, прошу тебя, пошуми, но только в своей газете.

— Почему? — удивился Жорик.

— Это просьба Льва Моисеевича, а у него на этот счет свои соображения.

— Воля ваша, господа, ограничусь своей газетой, но подам материал так, что властям не поздоровится, — согласился Жора. — А теперь, если у тебя, Николай, нет ко мне больше вопросов, еду к пострадавшему и беру у него интервью.

«Хорошо, когда есть такие деликатные люди, — подумал Николай о Жорике, — он как будто почувствовал, что мне надо остаться наедине с сыщиком, взял и ушел».

— Матвей Алексеевич, у меня к вам конфиденциальная просьба собрать все что есть о Марине Бабиковой, в девичестве Петрова, а также по своим каналам выяснить, кто напал на моего шефа, — попросил Николай сыщика.

— Знаю таких, люди они не последние в городе, она бизнес-леди, ее сын известный националист и, как он себя позиционирует, борец за чистоту русской нации. Как скоро надо это сделать?

— Чем скорее, тем лучше.

— У вас есть компьютер? Давайте ваш адрес.

Николай записал свой e-mail на салфетке и передал его сыщику.

— К вечеру досье на этих людей я перешлю вам по электронной почте, а с расследованием инцидента придется подождать, дня через два картина будет ясна.

На этом они и расстались, Николай поспешил к Векслеру в надежде узнать последние городские новости, но все было спокойно. Толпы народа не митинговали у здания больницы, никто не требовал немедленно найти злодеев и покарать их. Все, даже Векслер, были заняты своими делами, и никому не было дела до ночного происшествия. Он заглянул в свой ноутбук, просмотрел странички блогеров, но ничего не нашел и отправился в магазин за продуктами для шефа.

Ровно в четыре часа Николай был у Льва Моисеевича в палате и раскладывал продукты на его тумбочке.

— Я принес вам все, что необходимо больному, — апельсины, мандарины, кефир и так далее.

— Рыбу принес? — капризно скривив губы, спросил шеф.

— Рыбу? Какую рыбу, вы же ее никогда не ели, — удивился Николай.

— Я так и знал, что не догадаешься, а вот сейчас хочу рыбы, семгу хочу, малосоленую, или форель, тоже подойдет.

— Рыбу так рыбу, сейчас сбегаю в магазин и принесу.

— Никуда не надо бежать, сейчас придет Марина и принесет мне рыбу, я ее просил об этом.

В эту минуту в палату вошла Марина и, не обращая на Николая внимание, склонившись к Льву Моисеевичу, расцеловала его в обе щеки. Пододвинув Марине стул к кровати и, попрощавшись, Николай вышел из палаты. Больше ему здесь делать было нечего, и он

поспешил в теремок, где, как надеялся, пришло сообщение от Матвея Алексеевича. Действительно, Николай его получил, в нем сообщалось, что Марина Дмитриевна Петрова родилась в простой советской семье, отец всю жизнь проработал на медеплавильном заводе, мать медицинской сестрой в одной из городских поликлиник. В пятнадцать лет Марина, вместе с группой ребят, впервые была задержана милицией за употребление и распространение наркотиков среди своих сверстников. В числе задержанных оказался сын крупного чиновника и дочь прокурорского работника. Было возбуждено дело, в котором фигурировали отпрыски многих известных людей города. Следствием было доказано, что многие школы были охвачены сетью наркодилеров, которой владел некто Расул, уроженец Дагестана. Скандал получился громким, но тут вмешались деньги, и очень скоро его прекратили за недостатком улик. Источник в милиции доносил, что следователь, который вел дело, получив крупную взятку, не только уничтожил улики, но и заново переписал протоколы дознания, убрав оттуда фамилии наиболее известных людей. Видимо, поняв, что наркотики до добра не доведут, Марина перестала их употреблять, взялась за учебу и, успешно окончив школу, уехала в Москву. «Мною, М. А. Дубовым, через свои источники удалось установить, что вскоре после поступления в институт Марина устроилась на работу в стриптиз-клуб, сначала официанткой, затем стриптизершей, но, проработав полгода, неожиданно ушла из клуба и уехала из Москвы.

Приехав к родителям, Марина хотела сделать аборт, но тут ее мать заявила, что ни о каком аборте не может быть и речи и если дочь не хочет воспитывать ребенка, это сделают они с отцом. Так и получилось: родив мальчика, Марина отдала его родителям и через некоторое время устроилась в местный стриптиз-клуб. Очень скоро ее сладострастные, с оттенком цинизма выступления в клубе стали его визитной карточкой. Местные братки, которые буквально оккупировали клуб, приходили в бешеный восторг от ее выступлений. Вскоре между отдельными бандитскими группировками началась, чуть ли не война за право обладать ее телом. Конечно, главными было не ее соблазнительные формы и способность возбуждать толпу, а доходы, которые получал клуб от ее выступлений. По этому поводу собрался «сходняк», на котором решили, что Марина будет выступать по очереди в каждом из четырех городских клубов. Мой источник доносил, что все попытки некоторых братков затащить ее в постель она категорически отвергала, ссылаясь на то, что больна гепатитом С, который передается только половым путем. Через полгода монашеской жизни Марина наконец сдалась яростному напору местного авторитета по прозвищу Пижон, прозванного так за его страсть к до-

рогим шмоткам и неумное желание походить на английского лорда. Пижон подарил своей любовнице трехкомнатную квартиру, представил к ней охрану и не подпускал к ней никого ближе, чем на пять шагов. Так продолжалось три года, за это время ее сын, месяцами не видевший мать, совсем перестал ее признавать и относился к ней, как к дальней родственнице, которая иногда, по праздникам, появлялась в их доме. Совершенно не занимаясь воспитанием сына, денег на его содержание Марина не жалела, ежегодно отправляя мальчика со своими родителями на всевозможные заграничные курорты и лечебницы. Но вскоре беззаботная и по-своему счастливая жизнь кончилась. Рождественским вечером, во время выступления, клубная подруга, стора от зависти, на глазах у изумленной публики плеснула в лицо Марины соляную кислоту. После многих операций глаза удалось спасти, но лицо Марины превратилось в сморщенное печеное яблоко, а от былой красоты не осталось и следа. К чести Пижона надо сказать: увидав обезображенное лицо Марины, он не бросил ее, а отправил в Германию, где ей сделали пластическую операцию. Вернувшись в родные края, она продолжала выступать в клубах, но уже без былой страсти, и постепенно ее популярность стала угасать, а вскоре совсем сошла на нет. И тут на сцене появляется всем известный в городе пятидесятипятилетний владелец винзавода Алексей Алексеевич Бабилов. Бросив свою семью, он уже год жил один в двухэтажном особняке и искал новую хозяйку своих владений. Поняв, что ее время в клубе уходит, Марина без особых колебаний согласилась на предложение руки и сердца престарелого жениха. Обладая практическим умом, Марина предложила заключить входивший в то время в моду брачный контракт, по которому в случае смерти мужа все его имущество наследует она. Однако и Бабилов был мужиком осмотрительным и практичным, а потому, со своей стороны, внес в контракт два обязательных пункта: первый — наследство переходит только в случае естественной смерти владельца имущества, и второе — в случае измены супруги она лишается права на наследство, а брачный контракт расторгается.

Злые языки поговаривали, что Бабилов несколько лет был влюблен в Марину и, бросив жену и двоих детей, ждал своего часа.

Через год замужней жизни, страдая от безделья, Марина вспомнила, что когда-то начинала учиться в институте, но бросила его и вот теперь пришло время получить высшее образование в местном политехническом институте. Успешно, а главное самостоятельно, сдав экзамены, Марина через пять лет получила диплом инженера и тут же вместе со своими двумя однокурсниками создала фирму по производству малотоннажных судов класса река — море. Начало было положено и оказалось очень своевременным делом, так как в городе

появились люди, которые вдруг захотели бороздить не только речные, но и морские воды. Своевременным оно оказалось еще и потому, что вскоре на Бабикова стали наезжать бандиты и требовать у него продать за бесценок большую часть акций винзавода.

Бабиков долго сопротивлялся, даже обращался в различные инстанции, но все отказались ему помочь и тогда он, под угрозой здоровью и жизни, уступил бандитам шестьдесят процентов своих акций. Но дело этим не кончилось, вскоре новые хозяева объявили о закрытии завода, а на самом деле перерегистрировали его на подставные лица и выкинули Бабикова на свалку. К счастью для Бабикова, ранее накопленных капиталов хватило ему до конца жизни и даже осталось его детям.

С годами между Мариной и ее мужем все чаще стали возникать ссоры и скандалы с мордобоем. Год от года подозрительность и ревность Бабикова только росли, но прямых доказательств измены жены у него не было. И тогда он нанял меня (Матвея Дубова) добыть для него доказательства неверности его благоверной.

Однако, как я ни старался, ничего подозрительного обнаружить не смог, вплоть до позапрошлого года, когда, потеряв осторожность, Марина отправилась в Грецию с любовником вдвое моложе ее. Я полетел вслед за ними и, сделав несколько ярких, не оставляющих сомнения снимков, тут же вернулся назад.

По возвращении блудницы разразился громкий скандал. Бабиков через суд потребовал расторжения брачного контракта, выгнал неверную жену из своего особняка, а сам через полгода от беспробудного пьянства скончался. Чувствуя свою скорую кончину, он оставил свое миллионное состояние сыну и дочери, а бывшей жене завещал свой особняк, в котором она и сейчас живет.

Марина вернулась в свою квартиру и уже не скрывала своей связи со своим молодым любовником».

Николай дочитал досье на Марину и глубоко задумался — уж очень не стыковался ее рассказ о своем житье-бытье его шефу и то, что он только что прочитал. С одной стороны, не верить сыщику у него причин не было, но все-таки зачем Марине нужно было так нагло врать? Разве она не понимает, что мы не настолько наивны, чтобы всему безоговорочно верить? Бедный Лев Моисеевич, его явно принимают за простака, который из чувства вины без слов проглотит все, что ему подадут в траурной обертке. Значит, сообщая заведомую ложь, Марина имеет на то веские причины? Значит, нужно, ничего не сообщая шефу, посмотреть, как дальше будут развиваться события вокруг этой парочки. «И еще, — решил Николай про себя, — как говорится доверяй, но проверяй, и потому постараюсь все узнать из других источников. Первое, что я сделаю, это порасспрошу соседей об отце

и матери Марины. Второе — схожу в стриптиз-клуб и узнаю, действительно ли Марина там танцевала. Наконец, через нашего сыщика надо будет выяснить все о нынешнем любовнике».

Гл-7

Проснулся Алексей, как всегда, ровно в шесть утра, мышцы на руках и пояснице после вчерашней непривычной работы топором даже после крепкого сна слегка побаливали. Переколоть машину березовых чурбаков, сложить дрова в поленницу даже для двух здоровых мужиков оказалось делом совсем нелегким. Закончив укладывать дрова, они с Павлом долго сидели во дворе, пили пиво и наслаждались теплым осенним вечером. Лежа в постели, Алексей вспомнил, как Павел лихо с одного удара колуном раскалывал огромные кряжистые чурбаки, и невольно улыбнулся — поднаторел парень, свой дом многому научит, даже колоть дрова. Вчера, глядя на своего увлеченного работой друга, Алексей даже позавидовал Павлу, позавидовал его заботам, его верности своему очагу и, невольно сравнивая себя с ним, подумал, что сам-то он, гонимый властью, оказался один одинешенек на этом белом свете. Родители?.. Жизнь второй раз дала трещину — гибель родителей в автомобильной аварии. когда он еще учился на четвертом курсе военного училища, настолько сильно потрясла его, что он с трудом сдал выпускные экзамены. И вот теперь он снова оказался в тяжелой ситуации: то, что в армии ему больше не служить, было ясно как день. После шумихи в российской и зарубежной прессе о его поступке в Чечне у командования вряд ли хватит мужества отстаивать какого-то подполковника, и, уволив самоуправца, оно постарается поскорее замять этот инцидент. Алексей понимал своих генералов, но обида жгла его сердце и не давала ему покоя, усугублялось все это еще и тем, что он, отдав всего себя армии, не мыслил себя вне ее рядов. И тем не менее существующие реалии надо было принимать как должное, искать себя в новом беспокойном мире, где правила бал нажива, воровство, взяточничество и просто наглый разбой.

«Чтобы жить, придется создавать свое дело или на худой конец стать охранником, какого-нибудь нового русского», — думал Алексей.

От этих невеселых мыслей его оторвал телефонный звонок из Москвы. Алексей услышал голос своего московского приятеля:

— Твой заказ выполнен, встречай сегодня моего гонца, он передаст тебе посылку.

— Где его встречать?

— Как где, у Павла дома, старшина придет вечером, деньги за посылку передашь ему. Все, привет нашему герою.

«Молодец, оперативно сработал», — подумал о своем приятеле Алексей. Затем поднялся с постели, оделся и вышел на крыльцо. Было еще темно, но на востоке уже появилась светлая полоска, через несколько минут она окрасилась в ярко-красный цвет, и вскоре первые лучи солнца осветили небо. Ополоснув лицо в кадучке с водой, Алексей прошелся по двору, зачем-то заглянул в сарай и, вернувшись на крыльцо, сел на его ступеньки.

— Сидишь? — услышал он голос Павла. — Ну сиди, сиди, а я приготовлю завтрак и позову тебя.

Через несколько минут яичница, стандартный завтрак холостяков, шипела в сковородке на плите. Позавтракав, Павел вытер губы полотенцем и, внимательно посмотрев на Алексея, спросил:

— После вчерашней зарядки руки-ноги не болят?

— А что, должны болеть?

— Да я так просто спросил, сегодня нам предстоит еще одна работенка.

— И какая же?

— Копка картофеля на плантации у наших прекрасных соседок, понятно у каких? — улыбнулся Павел.

— Прекрасно, в последний раз я копал картошку классе в девятом. Тогда мы всем классом хором декламировали: «Нам солнца не надо, нам партия светит, нам хлеба не надо, работу давай!» — и еще что-то, только забыл, — рассмеялся Алексей.

— Это же в каком году было? Тут антисоветчиной пахнет, — засмеялся Павел.

— В восемьдесят пятом подобным виршам уже никто не удивлялся, анекдоты ходили похлеще, и ничего, власть попросту их не замечала, — отмахнулся Алексей.

— И как выяснилось, напрасно, где она теперь, горемычная!

— Где, где, в Улан-Удэ! — хохотнул Алексей.

— Все, повеселились, и будет, пора за дело приниматься, встаем и вперед!

Через несколько минут, прихватив вилы, друзья вошли во двор соседей, где их уже ждали Анна и ее мать, Лидия Аркадьевна, сорокалетняя, хорошо сохранившаяся русская женщина, способная вынести любые несчастья и невзгоды, выпавшие на ее долю. Ее прямой и добрый взгляд серых глаз говорил о широте души, способной сопереживать чужому горю. Поздоровавшись, Лидия Аркадьевна внимательно оглядела Алексея, будто прикидывая, может ли он копать, и молча протянула ему вилы. Алексей с Павлом прошли в дальний конец огорода и с азартом принялись за копку картошки. Через два часа делянка была полностью убрана, картофель для просушки рассыпали под навесом, ботву уложили в кучу и прошли на веранду к столу.

— Это что ж, домашние? — посмотрев на стол, спросил Павел.

— Аня у нас большая мастерица по части домашних пельменей, — улыбнулась Лидия Аркадьевна и, взяв Алексея под руку, подвела его к столу. — Милости просим, как говорится, чем богаты, тем и рады вас угостить.

Они прошли к столу и сели, хозяйка взяла суповую миску, в которой лежали пельмени, и разложила всем по тарелкам, затем протянула бутылку водки Павлу и попросила разлить ее по рюмкам.

— За здоровье нашей высокоуважаемой хозяйки, — поднял рюмку Павел.

Павел и Алексей выпили, Лидия Аркадьевна пригубила и поставила рюмку.

— Так не пойдет, за свое здоровье надо выпить, — стал настаивать Павел, и внимательно посмотрев на хозяйку, продолжал: — Вы, Лидия Аркадьевна, такая грустная, задумчивая, случилось что-нибудь?

— Ничего не случилось, но может случиться, — ответила Лидия Аркадьевна. — Я все время тревожусь за Анютку, беспокойно у нас в городе, тревожно как-то. У меня такое ощущение, что над городом витают какие-то темные силы. Вот недавно группа кавказцев изнасиловала молодую девушку и скрылась. Полиция разводит руками, мол, ничего сделать не можем — преступники ушли в горы и там их не достанешь. Скажите, Алексей, у нас в стране для одних закон писан, для других нет?

— Одно могу сказать: так получилось, что Кавказ сам по себе, а мы сами по себе, вот и получается, что не везде закон работает, там, в горах, он подменяется клановыми понятиями. Много веков назад некогда большие народы были фактически истреблены, осколки этих народов ушли в горы, и с тех пор их мировоззрение фактически не меняется — любым способом сохранить свой клан, свои обычаи, свою независимость. Неприятие чужой веры, чужой культуры у них в крови, вот почему мы такие разные, хотя и живем в одной стране... — сокрушенно покачал головой Алексей.

— Ладно кавказцы, но и наши люди стали недобрыми, злыми, по любому поводу готовы глотки порвать друг другу — вздохнула Лидия Аркадьевна и, перекрестившись, прошептала: — Господи, сохрани и помилуй всех нас и прости нас грешных.

— А с чего им быть добрыми, работы в городе нет, люди перебиваются случайными заработками, и вообще удивляюсь, как это мы все еще живы, а не умерли от голода, — поддакнул Павел.

— Турция нас спасет, — улыбнулась Аня. — Видели, сколько челноков каждое утро собирается на вокзале? Значит, не все потеряно.

Обед подходил к концу, когда Аня вдруг встала, посмотрела в окно и сказала:

— Павел, к вам приехал какой-то военный. Стоит у калитки и не знает, что делать, войти стесняется, ждет, когда хозяин его заметит.

— Это ко мне, — поднялся Алексей и, поблагодарив за обед, вышел из дома.

У калитки, с коробкой в руках, стоял старшина и нерешительно поглядывал на окна дома.

— Привет, старшина, а я тебя ждал только вечером, — подошел к нему Алексей.

— Здравия желаю, товарищ подполковник, извините, что раньше побеспокоил, военком дал машину, и вот я здесь, примите посылку, — протянул он коробку.

— Сколько с меня? — принимая из рук старшины коробку, спросил Алексей.

— Нисколько, все за счет Минобороны, так сказал майор Прохоров.

— Минобороны? — недоверчиво спросил Алексей и, улыбнувшись, добавил: — Свежо предание, а верится с трудом.

— Проверять будете?

— Нет, не буду.

— Если нет, я поехал, вечером буду дома, — и, козырнув, старшина направился к машине.

Не успел Алексей войти в дом, как на пороге появился Павел и с любопытством посмотрел на коробку:

— Это что, твои вещи?

— Нет, это тебе подарок от Минобороны, принимай.

— Не понял, я вроде бы ничего не просил, и потом, с каких это пор наши генералы расщедрились на подарки, нет, все что угодно, но только это не они, — поднял руки Павел.

— Подарки не просят, их либо дарят, либо нет.

— Ладно, подарок так подарок, давай смотреть, что же там такое?

— Там суперсовременный немецкий протез, бери и сейчас же примерь, надеюсь, подойдет.

— Значит, не генералы, а ты?

— Нет, не я, я только назвал им твой размер ноги, об остальном позаботились штабные чины.

Павел распечатал коробку, осмотрел протез и молча ушел в свою спальню. Появился он минут через десять, прошелся по комнате и, посмотрев на Алексея, спросил:

— Ну как?

— Отлично, великолепно, если не знаешь, то никогда не подумаешь, что ты на протезе, — довольно улыбнулся Алексей.

— Точно, сидит как влитой, не трет, не жмет, а главное, не скрипит, — улыбнулся в ответ Павел.

— Теперь ты жених хоть куда, а Дашка хороша! — хохотнул Алексей.

— Да пошел ты, скажешь тоже.

В это время зазвонил мобильный телефон Павла, и он, немного поколебавшись, ответил. Говорил он буквально несколько секунд, затем посмотрел на Алексея и сказал:

— Звонил помощник председателя партии, хотят приехать, а собственно, уже едут ко мне не то с ревизией, не то с проверкой.

— Председатели не ездят с ревизиями, они ездят, чтобы воодушевлять, — заметил Алексей и, внимательно посмотрев на Павла, сказал:

— А ты вообще-то должен гордиться, что тебя удостоивают подобной чести, как-никак из самой матушки-Москвы к тебе пожалует сам председатель партии.

— Больше почет — больше хлопот, — хохотнул Павел.

— Велик почет не живет без хлопот, — засмеялся в ответ Алексей. — Так что давай собирайся, в магазин идем, продукты купим, гостей угостим.

— Еще чего не хватало, чай, кофе, да и не более, — отмахнулся Павел.

— Брось валять дурака, теплый прием обеспечит тебе хорошие отношения с центром, а в наше недоброе время иметь связи в Москве кое-чего стоит, — сказал Алексей и направился к двери.

Через час они вернулись с двумя набитыми доверху пакетами, и, выкладывая на стол эту гору продуктов, Алексей с облегчением заметил:

— Теперь и гостей встречать можно.

Гости появились минут через тридцать — черный внедорожник резко затормозил у калитки, и из него вышли двое внушительного вида мужчин.

— Гости прибыли, иди встречай, — посмотрев в окно, сказал Алексей.

Павел вышел на крыльцо, посмотрел на прибывших и направился к калитке:

— Прошу в дом, гости дорогие.

— Здравствуйте, Павел, помните меня? — спросил Лев Моисеевич.

— С Николаем вы старые друзья, значит, можно и в дом войти.

Они вошли в дом, и Павел представил Алексея: — Подполковник Быданов Алексей Иванович.

— Быданов, Быданов, — наморщив нос, несколько раз произнес Лев Моисеевич, — Быданов, ну как же, слышаны, о вас в послед-

нее время вся зарубежная пресса только и пишет, требует расправы над вами. А что, и в самом деле было так, как они это происшествие изображают?

— Не знаю, что они там плетут в своих газетенках, а только я сделал то, что должен был сделать, — убил врага.

— Но они там расписывают, что вы застрелили ребенка?

— На войне нет детей, если они с винтовки убивают моих солдат; интересно, что бы вы сделали в подобной обстановке? — вдруг спросил Алексей.

— Не знаю, никогда не служил в армии, тем более не воевал, но, наверное, при определенных условиях, то же самое, — в раздумье ответил Лев Моисеевич.

Тем временем, наспех сервировав стол, Павел пригласил гостей отобедать.

Обед получился каким-то скомканным, Лев Моисеевич отказался от водки, наскоро проглотив несколько кусков колбасы с сыром, начал разговор.

— Удручающее впечатление производит ваш край, поля давно не паханы, заросли сорняками, животноводческие фермы разрушены, как вы тут живете, ума не приложу, — со вздохом сожаления сказал Лев Моисеевич и, посмотрев на Павла, спросил:

— Народ-то что обо всем этом думает?

— Народу наплевать, каждый думает только о себе, а до всего остального ему нет дела, — ответил Павел.

— Но есть же здесь неравнодушные люди?

— Есть, аж двадцать человек, собираемся, обсуждаем положение в стране и в городе, а что делать, не знаем, может, подскажите? — обратился Павел к Льву Моисеевичу.

— За тем и приехали, мы хотим провести ряд акций с требованием повышения жизненного уровня народа, а для этого и вы должны включиться в работу.

— Мы готовы, что делать? — спросил Павел.

— Прежде всего вести разъяснительную работу среди населения города, убеждать, что если от власти ничего не требовать, она ничего и не даст, а значит, надо выводить народ на митинги протеста, требовать от властей создание новых рабочих мест и так далее. Вот вы, подполковник, — неожиданно обратился Лев Моисеевич к Алексею, — верой и правдой служили Родине, кровь проливали, а вместо благодарности она собирается вас судить. Не сама, конечно, Родина, а те чинуши, которые якобы пекутся о ее престиже, им плевать на правду, им надо показать себя борцами со всякого рода насилием. Вы жертва в их жестокой игре, и они не отступятся, пока не упекут вас за решетку. Бороться вам надо за свое будущее, не сидеть сложа руки, а бороться.

— Взять в руки автомат и перестрелять всех злых чиновников? — с сарказмом сказал Алексей.

— Зачем, а вот создать боевую группу для наблюдения за соблюдением законности в губернии — это вам под силу.

— И как вы себе это представляете? — спросил Алексей.

— Очень даже просто, всем известно, что есть следователи, фабрикующие дела, есть судьи, выносящие оправдательные приговоры заведомым преступникам, вот с ними и надо работать. Работать так, чтобы неповадно было исказить закон, — ответил Лев Моисеевич и, помолчав, продолжал: — Насколько я понимаю, вам все равно где жить, предлагаю остановиться в Нижнем, мы там обеспечим вас жильем, найдем работу, ну, в общем, обустроим быт.

— А я в качестве народного мстителя буду наводить порядок в этом городе, так?

— А почему и нет, вас что-то смущает? В общем, вы не торопитесь, подумайте.

— Простите, Лев Моисеевич, вы всегда так берете быка за рога? — рассмеялся Алексей.

— Я делаю предложение хорошему человеку, я хочу ему только добра, и этим все сказано, — парировал Лев Моисеевич и, помолчав, добавил: — Делать добро должно быть смыслом жизни каждого из нас.

Лев Моисеевич задумчиво прошелся по комнате, затем посмотрел на своего помощника и сказал:

— Николай, принеси из машины наши агитационные материалы, они помогут Павлу в его работе.

Когда Николай вышел, Лев Моисеевич посмотрел на Павла и сказал:

— Мой помощник останется у вас на два-три дня, познакомится с людьми, поможет тебе в организации, и помни, он твой помощник, а не ревизор. Жить он будет в гостинице. Ну, кажется, все, я уезжаю, до свидания.

С этими словами он вышел из дома и направился к машине.

— Николай, ты остаешься здесь на два-три дня с особым заданием.

— Слушаю.

— Задание вот какого рода: подберешь пятерку местных ребят из забулдыг, дашь им по пятьсот рублей и скажешь, что они получают еще по тысяче, если во время митинга забросают мэрию камнями. Отдельно найдешь парня, который согласится за десять тысяч рублей бросить в окно мэрии «коктейль Молотова», понял?

— А где же я возьму этот «коктейль»? — спросил Алексей.

— Это не твоя забота, пришло.

— Кстати, откуда это у нас агитки, мы вроде не заказывали?

— От Векслера, отпечатал еще месяц назад, теперь пойдут в дело, — садясь в машину, ответил Лев Моисеевич.

«Кажется, заваривается каша», — глядя вслед внедорожнику, подумал Николай.

Так и случилось. Через неделю более ста человек собрались около мэрии, и Павел открыл митинг. Но не успел он сказать и несколько слов, как в здание мэрии полетели камни, посыпались разбитые стекла окон. Кто-то начал скандировать: «Долой мэра, долой мэра!» Этот призыв сразу подхватило несколько десятков голосов, поднялся глухой многоголосый рокот, от которого толпа пришла в сильнейшее возбуждение и с криками: «Долой мэра!» и его прихвостней, ворвалась в здание. Начался погром, через полчаса вся мебель в кабинетах была разломана, листы деловых бумаг, точно ласточки в ненастную погоду, носились в воздухе, пахло гарью и несчастьем. Павел пытался остановить толпу, но его никто не слушал; ощущая собственное бессилие, он бросился за подмогой в милицию, но на полпути остановился и повернул назад, не в его характере было обращаться к людям, которым он не доверял и которых в глубине души презирал.

Через час беспорядки у мэрии перекинулись на улицы города, откуда-то появившиеся молодые люди в масках били витрины магазинов и поджигали дорогие иномарки. Так продолжалось несколько часов, и только к вечеру, превратив центр города в руины, молодые люди исчезли так же незаметно, как и появились.

Прошло еще какое-то время, погром начал стихать, а потом и вовсе прекратился — город оцепенел, редкие прохожие торопливо перебегали улицы и быстро скрывались в подъездах домов.

На другой день в город прибыла высокая комиссия, которая пыталась выяснить причины и найти зачинщиков погрома, но, так ничего и не добившись, пришла к выводу, что в городе орудовала хорошо организованная группа провокаторов, которые сумели возбудить толпу и организовать беспорядки.

В народе же появились слухи, что все это организовало некое тайное общество — защитник обездоленных, которое направило летучий отряд для наказания зарвавшихся чиновников.

Гл-8

Сентябрь в этом году выдался по-летнему теплым. Березы, тополя и липы зеленели так, как будто впереди их ждали жаркие солнечные дни, и только клен не поддавался обманчивому очарованию осени. В один из таких дней разнеженный солнечным теплом Лев Моисеевич лежал в гамаке на открытой веранде и ждал Векслера. Рядом на стуле примостился его помощник Николай Мохов и тоже ждал,

что скажет шеф о качестве выпущенной газеты и опубликованной в ней статье, которую в эту минуту просматривал Лев Моисеевич. Время от времени он вытирал большим синим платком вспотевшую лысину и удовлетворенно кивал головой.

Статья называлась «О продажности, патриотизме и демократии», в которой рассказывается, как мастерски мэр города прикрывает свою продажность такими понятиями, как патриотизм и демократия. Прикрываясь псевдопатриотизмом, он подписал проект прокладки дороги через сосновый бор, мотивируя это тем, что после завершения строительства резко сократится время доставки грузов в губернский центр, что положительно скажется на продуктовых ценах. Отметая возражения оппонентов, мэр сослался на депутатов городской думы, якобы поддержавших его в принятии решения. Правда, он скромно умолчал, что при этом получил 30 миллионов рублей в виде откатов. Автор статьи утверждает, что наиболее влиятельные депутаты также не были обижены и получили по несколько десятков деревянных рубликов. Автор призывает народ встать на защиту соснового бора, как места отдыха горожан.

— Зеленые знают?

— Нет, Лев Моисеевич, это сигнальный номер, ночью начнут печатать, к утру тираж будет готов, и сразу начнем его распространение.

— Очень хорошо, но зеленых надо подкормить, пусть они организуют пикеты, разобьют палаточный лагерь и все такое прочее. Так что завтра же, Николай, займись этим. А сейчас ты чем займешься?

— Сейчас иду в редакцию, встречу с распространителями и посмотрю на реакцию людей, прочитавших этот номер, — ответил Николай.

— Правильно, нам очень важно знать о настроениях в обществе, направлять его в нужное нам русло и в конце концов использовать по своему усмотрению. Сейчас мы должны сделать все, чтобы довести протестные настроения до точки кипения, до взрыва, и тогда наша миссия будет завершена. Иди и помни — до взрыва!

— Но, Лев Моисеевич, одними статейками, как бы ни были они взрывны, толпу не разогреешь, надо что-нибудь этакое, не стандартное...

— Будет тебе, Коля, и не стандартное, Векслер у нас самый нестандартный, ему и карты в руки, а теперь иди, мне подумать надо.

Николай направился к двери и тут же столкнулся с Векслером. Выглядел Леонид Иванович чрезвычайно эффектно — внешне растрепанный, внутренне он представлял собой сжатую до предела пружину, готовую мгновенно разжаться и выбросить взрывной заряд огромной мощности. Глядя на него, Николай подумал: вот человек нашедший себя в деле, о котором мечтал, о котором грезил долгие

месяцы рутинной работы. И, как оказалось, эта организационно-воспитательная рутина начала приносить свои плоды. Люди из его окружения полностью понимали и поддерживали своего лидера, осталось за малым — направить их в нужном направлении и ждать результата.

— Вот, пришел доложить, что подготовка к митингу в самом разгаре, только что провел совещание с секретарями партячеек, решили: каждый член партии приводит с собой на митинг не менее десяти человек, — потирая руки и садясь в кресло, — сказал Векслер.

— Отлично, выходит на митинг соберется тысяч сто пятьдесят? — оглаживая лысину, спросил Лев Моисеевич.

— Думаю, не менее, а если учесть, что мы приглашаем все левые партии принять участие в митинге, то и все двести, — ответил Векслер.

— Хорошо, очень хорошо, если так, а вы, Леонид Иванович, молодец, отлично провели репетицию в этом, как его, ну, в общем, городке. Все прошло четко, без сучка и задоринки, особо хочу выделить ваш летучий отряд, давно он у вас?

— Уже полгода, как говорится, жизнь заставила. В январе мы собрали митинг в поддержку рабочих патронного завода, который объявили банкротом и собирались закрыть. На митинг собралось человек пятьсот, в основном пенсионеры да женщины, жены рабочих. Все шло нормально, и вдруг, откуда ни возьмись, появились какие-то молодцы и начали избивать стариков и женщин, и тут вокруг одного из моих парней собралось человек пятнадцать, и они бросились на мерзавцев. Слава богу, никто особо не пострадал, но тогда я понял — необходимо создать боевую единицу, которая бы охраняла наши мероприятия от разного рода провокаторов.

— Понимаете, Леонид Иванович, митинг — это только часть нашего дела, и тут ваш летучий отряд должен развернуться во всей своей красе.

— Понимаю, устроить заварушку, только с большим размахом, — улыбнулся Векслер.

— Не совсем, надо организовать выступление радикальной молодежи сразу в нескольких концах города для того, чтобы растянуть силовиков по всему городу.

— Тогда придется менять всю структуру предстоящих выступлений, часть народа направлять в районы, что значительно ухудшит наши позиции в центре.

— А, вот вы где, заговорщики, когда начнете свергать? — входя на веранду, воскликнула Марина.

— Марина, что за шутки, какой заговор, какие заговорщики, — воскликнул Лев Моисеевич.

— Ты, Левушка не придуривайся, весь город говорит о том, что затевается большая заварушка, которая якобы должна привести к смене власти, а ты — «какие заговорщики», да вот вы и есть те самые заговорщики, и не отпирайся!

— Без меня меня женили — кажется, так говорят в подобной ситуации, — махнул рукой Лев Моисеевич.

— Мне вы можете довериться, я умею молчать, но скажу — будьте осторожны, вчера губернатор собирал силовиков и поставил им задачу не допустить беспорядков в городе, но я не за этим пришла. Собирайся, Левушка, мы приглашены на фуршет по случаю Дня пограничника.

— Какой пограничник, какой фуршет, кто это все выдумал? — воскликнул Лев Моисеевич.

— Какая разница, был бы повод, а пограничник найдется, — засмеялась Марина. — Кстати, там будет и губернатор, познакомишься, поговоришь, может быть, и поладите. Так что иди переодевайся.

Лев Моисеевич вышел и вскоре вернулся в черном смокинге, ослепительно белой манишке, галстук-бабочке и лакированных туфлях.

— Жених, да и только, — воскликнул Векслер

— А что, прикажете идти на фуршет в моем задрипанном пиджачке и стоптанных башмаках? — парировал Лев Моисеевич.

— Да нет, я просто так, больно хороши вы в этом наряде, ни дать ни взять посол при королевских величествах, — оправдывался Векслер.

— Хватит разговоров, идем, Левушка, идем, а то этот говорун еще и не то выдумает, — воскликнула Марина.

Они вошли в зал ресторана, и Лев Моисеевич удивленно огляделся — за огромным т-образным столом, заставленным различными закусками, сидело человек около ста, не меньше. Все сидели, как школьники, положив руки на колени, и чего-то или кого-то ждали. Марина, подхватив Льва Моисеевича под руку, повела во главу стола, где были свободны два стула, и, усадив его на один из них, подошла к губернатору и что-то прошептала ему на ухо. Оказалось, ждали именно их, и как только Лев Моисеевич с Мариной уселись за стол, поднялся губернатор, высокий, дородный, импозантный мужчина шестидесяти лет и, произнеся краткую речь во славу одного из присутствующих, который отныне становился почетным пенсионером, затем вручил ему грамоту и коробку с подарком.

На этом торжественная часть была закончена, и все принялись усердно пить и закусывать.

«Вот тебе и фуршет, обычная русская пьянка с огромным количеством водки и обилием закуски, ишь как чавкают, будто месяц

голодали. Все в каких-то мятых гуздюмчиках, один я нарядился как дурак с чистыми ушами», — неприязненно подумал Лев Моисеевич и уткнулся в свою тарелку.

Прошло с полчаса, произносились дежурные тосты, под которые приглашенные пили и дружно закусывали холодными закусками. Льву Моисеевичу показалось, что все уже насытились, и тут в зал торжественно внесли на подносах несколько молочных поросят. Все дружно зааплодировали и, потирая руки, стали ждать, когда же можно будет растерзать розовые тушки. Кто-то из приближенных отрезал кусок поросенка губернатору, и он, позвонив вилкой о бокал, поднялся.

— Дорогие дамы и господа, товарищи, — в наступившей тишине начал он. — Учитывая то, что здесь собралось практически все руководство области, хотелось бы сказать несколько слов о текущем моменте. К сожалению, радоваться нам не приходится, последние полгода наблюдается резкий спад производства, закрыто три важнейших завода и несколько фабрик, на улице оказалось пятнадцать тысяч человек, которым мы выплачиваем пособие по безработице, отчего наш бюджет трещит по швам, денег не хватает, и их неоткуда взять. Одна надежда на скорые инвестиции.

Губернатор помолчал, внимательно оглядел присутствующих и продолжал:

— А тут, на беду, всех нас огульно левые партии обвиняют в казнокрадстве и взяточничестве. Согласно их заявлениям все мы, тут присутствующие, воры, но почему-то себя они к таковым не причисляют. Но вот казус, один из левых депутатов Заксобрания усиленно критиковал одного из наших министров, не буду называть фамилию, за взятки. Мы уволили этого министра и предложили депутату освободившееся кресло, он согласился, и что же? А, то что уже через полгода им заинтересовалась прокуратура, а Счетная палата обнаружила нецелевое использование бюджетных денег, заведено уголовное дело. Как видите, одно дело — популистские заявления и другое дело — когда человек ворочает миллионами, и ему начинает казаться, что он может распоряжаться ими по своему усмотрению. И уже ничего страшного не видит в том, что как-то, нечаянно, на его зарубежном счете оказалось полтора миллиона евро. Вот тебе и левые, оказываются, такие же воры, как и мы, грешные.

Губернатор сделал эффектную паузу и продолжал:

— Все те же левые обвиняют нас в том, что мы якобы зажимаем демократические преобразования в нашей стране и, чтобы противостоять нам в борьбе за эту самую демократию, некоторые левые партии получают гранты и пожертвования от американских толстосумов. Вот, например, партия, которую возглавляет наш гость, Лев

Моисеевич, только в этом году получила на провокационные нужды семьсот тысяч долларов от американского Госдепа, это так, господин Березуцкий? И правда ли, что с вашей подачи случились беспорядки в Богородске?

— Это провокация, — весь побагровев, вскричал Лев Моисеевич, — вы еще пожалеете об этом, господин губернатор!

С этими словами Лев Моисеевич выскочил из-за стола и бросился к выходу.

Добирался Лев Моисеевич до дома как в бреду, выпитая водка не давала сосредоточиться и принять правильное решение. Окончательно он очнулся у себя в постели и, срыгнув остатки пищи, пришел в себя и позвонил своему помощнику Николаю Мохову. Николай оказался неподалеку, прогуливался в саду и тотчас поднялся к своему шефу.

— Коля, прошу тебя, найди местного мафиози, или как их там — вора в законе, поговорить надо.

— О чем, если не секрет? — спросил Николай.

— Какой, к черту, может быть от тебя секрет? — воззрился на него Лев Моисеевич. — Надо через него устроить настоящий бунт лагерников. Он, ясно дело, запросит денег, не скупись, обещай ему сто тысяч зелени, думаю, клюнет.

— Постараюсь.

— Да уж, постарайся, это очень важно, и не только в контексте предстоящих дел, но и потому, что губернатор позволил себе оскорбить нашу партию. И еще, через свои источники узнай всю подноготную губернатора.

— Хорошо, немедленно свяжусь с бывшим майором КГБ Дубовым, он наверняка все знает о местной знати.

— Теперь все, иди — махнул рукой Лев Моисеевич.

Николай хотел выйти, но в эту минуту дверь в комнату открылась, и вошла Марина.

— Левушка, ну зачем ты ушел, ушел молча, почему не ответил этому снобу? — воскликнула Марина. — Знаешь, как говорят на Востоке? Собака лает, а караван идет себе, идет. Так и здесь, мало ли кто да что наговаривает на тебя. Правда, вчера из Москвы сообщили, что к нам едет секретарь американского посольства и он как будто бы хочет встретиться с тобой.

— Ну что за чушь, какой еще секретарь, не знаю никакого секретаря и не собираюсь с ним встречаться, — воскликнул Лев Моисеевич и, помолчав, спросил: — Скажи, Марина, откуда тебе все это известно?

— Не беспокойся, у меня свои каналы, в нашем городе если ничего не знать, долго не протянешь, а за информацию приходится платить, — улыбнулась Марина.

— Николай, ты что застыл как истукан, давай иди, займись делами, — прошипел Лев Моисеевич.

Николай поморщился и вышел из комнаты. Он прошелся по этажу, спустился во двор и достал мобильный телефон.

— Алло, Матвей Алексеевич, Николай Мохов вас беспокоит, необходимо встретиться. В нашем месте завтра в два? Хорошо, в два.

На другой день ровно в два Николай сидел в кафе «Жемчужина» и ждал сыщика. Дубов появился ровно пять минут спустя и, присев на краешек стула, вопросительно посмотрел на Николая.

— Матвей Алексеевич, у вас есть связи с местным криминальным миром?

— У меня есть связи везде, зачем вам?

— Сведите меня с самым влиятельным вором в законе, есть разговор.

— Он вряд ли захочет в тобой встречаться.

— Захочет, потому как есть дело на сто тысяч долларов.

— Тогда другое дело, поговорю и позвоню тебе. Все?

— Нет, еще надо досье на губернатора.

— Это проще, вышлю на твою почту. Сумму гонорара сообщу позднее, так как не знаю, во что мне обойдется организация встречи с местным смотрящим.

Николай вернулся в особняк Векслера и вскоре получил сообщение от сыщика Дубова.

В нем он писал, что губернатор Русаков Василий Петрович, 60 лет от роду, вот уже 26 лет возглавляет Нижегородскую область. В свое время сделал стремительную партийную карьеру, в 40 лет стал первым секретарем обкома КПСС, в начале 90-х был избран губернатором и с тех пор занимает эту должность. Пользуется авторитетом старшего поколения, особенно бывших коммунистов. В коррупции и прочих неблагоприятных делах замечен не был, чист как слеза ребенка. Но за последние десять лет его жена, Галина Спиридоновна, возглавляя строительную фирму, сколотила личное состояние в 27 миллионов долларов, купила домик на берегу Женевского озера и виллу в греческих Салониках. Старший сын, Валерий, 32 лет, стажирруется в Гарварде на юриста международного права; младший, Петр, 22 лет, учится в Кембридже на третьем курсе философского факультета. Увлекается рыбалкой, часто ездит на Селигер, несколько раз по служебным делам выезжал в Германию и Голландию, однако результаты этих поездок оказались нулевыми, инвесторы так и не приехали в область. Властный характер от природы может менять в зависимости от обстоятельств, в меру хитер, с людьми общителен и доброжелателен. На проступки своих подчиненных смотрит сквозь пальцы, на все обвинения в их адрес отвечает: доказательства, а если их нет, то не пойман — не вор.

К сведению, все главы городов и районов области — его ставленники и беспрекословно выполняют все его указания. Единственный человек, который проявляет самостоятельность, — прокурор.

«Да, немного, — мрачно подумал Николай, — зацепиться не за что. Единственное, что можно сделать — свалить его заместителей, а ему предъявить обвинение в попустительстве и потворстве своим подчиненным, тем более что один из них, по слухам, уже украл почти миллиард и скрылся за границей».

Когда Николай рассказал о досье на губернатора Льву Моисеевичу,, тот помрачнел и, по привычке протерев свою лысую голову носовым платком, промолвил:

— Плохо работает твой осведомитель, у каждого есть черные пятна в его биографии, пусть копнет поглубже, опросит старых коммуняков — может что-то и наскребет.

На другой день, часов в одиннадцать, позвонил Дубов и сообщил, что встреча с местным мафиози состоится ровно в четырнадцать часов в кафе «Жемчужина».

Без четверти два Николай сидел за столиком кафе и настороженно оглядывал всех входящих. Ровно в два двери кафе с шумом распахнулись и в зал ввалились четверо бритоголовых парней в кожанках. Они оглядели зал, затем один из них вышел и вернулся с благообразным седовласым старичком, этот вид придавали ему аккуратная клиновидная борода, усы и очки в золотой оправе.

«Больше похож на профессора, чем на вора в законе», — глядя на приближающегося старца, подумал Николай.

— Так, у кого тут разговор на сто косых? — усаживаясь за стол, спросил старичек.

— У меня, — несколько потерявшись, ответил Николай.

— Так говори, не тяни кота за хвост.

— Понимаете, тут дело деликатное, а кругом народ.

— Это мой народ, так что говори смело, — усмехнулся старичок.

— Скажите, вы можете организовать бунт в местной колонии?

— Мы можем все! Когда нужно?

— В воскресенье с утра, так, чтобы все силовики собрались у стен колонии.

— Можно и в воскресенье, но это потребует серьезных расходов, ты готов оплатить?

— Здесь пятьдесят тысяч долларов, — протягивая сверток, сказал Николай, — еще пятьдесят отдам после окончания акции.

— Нет, плати все сто, тогда и дело будет, — усмехнулся старичок.

— Хорошо, вот еще пятьдесят, — протянул вторую пачку Николай. — Бунт должен начаться ровно в семь утра, договорились?

— Договорились, — поднимаясь из-за стола, ответил старичок.

Николай посидел еще минут десять, размышляя о сделке и личности вора в законе, который как будто забыл воровской жаргон и превратился в интеллигентного старичка дореволюционной закваски, и только все в наколках руки, выдавали истинное лицо этого своеобразного старичка.

В это же время губернатор вызвал к себе начальника департамента конкурсов и аукционов комитета и тоном, не терпящим возражений, сказал:

— Вы там собираетесь выставить на аукцион земельный участок под коттеджное строительство, так?

— Да, Василий Петрович, в пойме речки Искитимки, всего 42 гектара.

— Обстановка в городе настолько плоха, что мы вынуждены пригласить из Москвы особый отряд по борьбе с беспорядками, кажется, «Альфа». Вы должны знать, что просто так они не поедут, надо платить, а в бюджете денег нет, их надо достать, понятно? Вижу, что понятно, есть один способ — это немедленно без всяких там аукционов сдать в аренду Искитимский участок сроком на 50 лет, с правом последующего выкупа. Деньги за аренду взять за все годы землепользования. У вас есть такие желающие?

— Есть, Василий Петрович, например ООО «Атлант», деньги у них есть, сделку можно заключить уже сегодня.

— Прекрасно, действуйте; если что, ссылайтесь на меня, а я тем временем договорюсь с Москвой.

БОЛЬШАЯ ЗВЕРИЛЬНИЦА

*Эпическая поэтическая трилогия**Цикл второй**ПАНЕЛИ ЗВЕРЕЙ И ЗВЕРЕНЬШЕЙ¹*

О, жизни путь!

О, жизни путь — панелью без панели,
Людской советский наш звериный путь!
Да, так мы жили, с этого зверели,
Но не хотим в Зверильнице заснуть!

Пока не вмещался восход

Орленок, орленок, обидой подъятый,
С немолчною кровью в грязи,
Со смехом разбитым, с нахрапом проклятым
Нелепое сердце из выси грозит.
И шепчется сладко душитель бескрылый,
И пламень гнобится опять,
И бьются-гремят огненосные жилы,
И скалятся слезы на Родину-мать.
Неправда горит, а зарница не тлеет,
Пока не вмещался Восход.
Орлов не щадят, а орлят не жалеют,
Но праведный клекот живет.

К полету

Меркнет мир, освещаясь, летя, не летит,
Он застыл от пустого полета,
В нем жестокая сытость желает спасти
Человека от силы Народа:
Сгинь, Народ и Природа, не знаем миров,
Что не знают чертогов паучьих!
... Что начало крылу? То — Господень Покров,

¹ Окончание. Начало в № 6, 2013 г.

А под солнечной сетью страны пауков
Не грехи, а безумие мучит.
Там талдычат одно: вечен разум живой —
Но — шмоток обгорелого мяса!
...Хочешь видеть себя? Так впусти и открой
Огонек пробужденья неясный.
Он — не точка, он — мир, не столетие — время,
Он извечные корни, что идут через семя,
Лесть лобзает его: «Есть и стол, и кровать,
Правда есть». Будто взлета не надо.
Так взлети же, крылатый, коль хочешь поднять
Мира взлет меж кумиром и кладом!

Ветер и человек

Ветры меняются, словно начальство,
Что, кажется, ветер — дудит и гудит,
Щедрый Эол — а ведь чепуха все —
Даром трясет и трясется в груди.
Что ж, не червонцы с пирожными катит
Этот ветряга, суров и здоров,
Но будет богат и силен, кто ухватит
Ветер, похожий на сотни ветров.
Ветры упущены ленью восторженной —
Сей без истомы на сердце хватай,
Дом недостроенный с ним обустроишь ты,
А не дубинам липовый рай.
Веруешь, нет ли, но эта лишь пахота праведна,
Нечего радовать взор надувающей сорной траве,
Дом заполучишь ты, со свистом ветров не играя —
Коли руки твои решительны, и всем Сократам — рай в голове.

Борьба

Канут льдиной строптивой и зло, и добро,
Рассияется счастье — а борьбе все равно.
День свободы немислимый сумрак настлал.
Под злодейским крылом коммунара умирал.
Над худой, посеревшею зимней Москвой
Трепетали пурги обожженные струны.
Умирала последняя клетка Парижской коммуны живой
В подлом теле бездушной советской коммуны.
Новый Сорок Второй! Устарелый январский сверчок
Забывался забытым бессильным ликующим гномом.

И столетнего сердца последний толчок
Прокатился под Вязьмою классовым громом.
В океане годов не слышать океанистый гул,
Даже Веру вернуть, засыпая, уже невозможно.
Но свобода в потемках, в проклятом безбожном мозгу
Дерзновенна, кощунственна, но не безбожна:
«Проклянут меченосцы мечи, но сильнее меча и сожжения есть —
в общем счастье сойдутся с народом, но помните: если,
Предлагая вам душу свою, как задаток, пришлют “мерседес”,
То затем, чтоб не только без крови, а и без слезы,
Не убив, задушить в “мерседесе”!»

Парадоксы

Самое грустное в мире —
Это всегда быть разумным.
Славлю братву красноносою,
Что кончину водочной отрасли
Вахтой памяти чтит у магазина,
Точно под дудку козлы.
Самое грустное в мире —
Это всегда быть разумным.
Славлю больные фантазии
О черте, сидящем на форточке,
Плюющем на транквилизаторы,
Боящемся кроме кропления —
Пластмассового ружья.
Самое грустное в мире —
Это всегда быть разумным.
Славлю ментов метромоста,
Вашей нумизматов гоняющих,
Совками гребущих премии,
А скокарей в собственной будке
В полдень не смогших засечь...
Самое грустное в мире —
Это всегда быть разумным.
Славлю солдат Революции,
Живших парадоксально —
Если раскидывать разумом
Парадоксальных вещей!

Собаколов

Слез не видно — только пена,
Плач не слышен — только рык...
Ты зачем, в штанах сирена,
Колбасой дразнил язык,
А меня — в сачок, в машину?
Гаркнешь: «Псина, все, кранты!»
Средь людей мы, как в пустыне,
Вечно были — я и ты.
А в газету сто блондинок,
Бима Белого любя,
Строчат письма на машинках,
Словно пули шлют в тебя.
Но когда-то с теплой дачи,
Где одна из них жила,
Я летел. Пинок горячий,
Да не ведать в нем тепла.
«Враг народа» — я, заразный.
Но глаза толпы рычат:
ЧЕЛОВЕК без гнева разве
Вправе зырить палача!
Господином-либералом
Стенька Разин был проклят:
«Под его дубья удары
И простой попал солдат!»
За любой идет неправдой,
Как вагон, Собаколов
Неизбежный. Из породы
«Отпущения козлов».

Король и солнце

Гладенькое рыльце, крапчатые брючки,
Стонет о подвале гитара замогильно,
Нервно-стенательны хлама рулады,
Нежного утреннего солнца страшатся.
Плачется умильно птенец гнезда Булата,
Словно алчный птенчик в первый день на воле,
Воет из бунгало о блюде коммунальном,
Ужасом утреннего солнца объятый.
На вопрос, что задала грязная эпоха,
Потрясает грозной мюнхенскою кружкой,
Ищет позу в песнях тяжелого рассвета —

Тяжек для него луч солнца единый.
Солнце заявило: «Вижу все в моем вселенском доме,
Я радо, что любая капля у меня на виду,
Я хотело бы жить и умереть в дурдоме,
Если б не имело себе такого диалектического подтверждения,
Как король Полудур под подолом у дур-р!»

1979-й

Еще гниет замлевшая жара,
Еще кряхтит теплом горчащим осень,
Еще блистает мертвое «ура»
И на себе венец великий носит.
Сияние советского венца,
И Коллектива беспощадный голос.
Целительней и чтимее слепца
Не станет животворный солнца волос.
Тупая гниль почетнее чумы,
И светел меч на опетом кургане,
И за весной Земли не знать зимы,
Где мы Берлин оставили в Афгане.
Весна на три минуты нам дана,
А дальше — счастья погребальный морок —
Чадить на мрамор. И твоя вина
Заслужой станет сорок раз по сорок.
Под черта намалеван Пиночет
Мальцом-марксистом в богадельне детской,
И бред ребячий видит только свет
В зловонном желтом отсвете советском.
Бред светит нам, наш обморок живет,
Тот обморок, тот радужный, летящий.
Кто растравил сомнением живот,
Рассветом пучась, остается спящим!
Еще гниет замшелая жара,
Еще кряхтит теплом горчащим осень,
Раскрыла пасть лубянская гора,
И служит ей грядущий светоносец.

Баллада о мотыге

Порою под судом не руки,
А то, что держат руки те!
Гром онемел. И дождь. Без звука
Клубится снег на борозде.

В тебя, мотыга, я увидел,
Как в саблю, пальцы влипли. Стой!
Я вспомнил фото: черный китель,
И рядом с бурой кобурой
Была мотыга там, в Кампучии,
Была мотыга в бесовской силе,
Она рубила, она рвала
Тех, кто любил и кто учился.
А мы учились и мы любили,
И на записке в сердце билась
Аляповатая стрела.
...Ты скоро спишешься в музее,
А ТА — не двинется вовек...
...Плащ-пяточка от крови сели.
...А на железе — жирный снег.
Но кем же — нами — мир расколот,
И под судом — труда сестра,
Опилки подпилили молот
И затупили сталь серпа.
Земля трещит от революций,
А ты — с простой землей в борьбе,
И в землю синюю прольются
Лихие пятна на тебе.

Самотечный корр и редактор-пень. 1979 год

На машинке институтской,
Ярым духом исходя,
Всем дает по черепухе
Разудалая статья.
А вот статьи печатающий дом,
Там сорок лет прокисший пень сидит,
И в петлю пять ребят прошли его столом,
От слез девчачьих вырос эвкалипт.
Пень: Советую вам песни не писать,
У всех у вас выходят КАК БЫ песни.
Единственно, могу по дружбе указать —
Читать поболее, а сюда не ездить.
Статья? Опять порочат комсомол?
За крест? Что? По уставу исключен ты!
Будь ты хотя бы бывший заключенный,
То я б скорее разговор завел.
Корр: А критику ругальную ругать —
Не по советскому закону дело.

Пень: Да, да. Свобода. Предлагать в печать
И право резать — это наше тело.
Товарищ исключенный, здесь не стой!
Здесь ПРАВО, МЫ. Мы — Николай Второй! Вот так!
Корр: Простите, но за эти вот слова
В счастливом детстве жив ты был едва ли...
Пень: Со мной — на «ты»? Ты чьи берешь права,
А мы за вас ту лажу развенчали!
Да, жаль той правды, силы грозной той,
Ты подрастаешь без нее пустой!
Корр: И вот приди сюда я через год —
Опять борьба на смерть, не на живот!
Ведь если мне за Ленина засесть,
На что потянет вражий ваш насест!
Поверит кто-то вашенским словам
И, как дурак, в дерьме увязнет сам!
Вчера, сегодня, завтра — верил, верил,
А мне за это — двери, двери, звери!
Пень: Я говорил с начальством вашим тесно.
Вы нездоровы, дело бесполезно. Пока!
Корр: Уйду, уйду, уйду, уйду скотинкой,
Камней огреб — ни хлеба, ни травинки...
Пень: Ну что за Библия, дружок, Господь с тобою,
Живи, люби, в лесу варгань жаркое...
Корр: Уйду, уйду, уйти — всегда уйду,
Ты звякнешь — звякни: в дурку попаду,
Но ты — дурак и пень на весь твой век.
Мы здесь одни? Ну, х... нам ваш генсек!

Подражание А. Блоку

Продубил всесоюзное небо мороз.
С энской станции, энским путем
По неправому слову за правды утес
Шел «за речку» секретный вагон.
Ночь мерцала мертвецким огнем фонарей
Леонид-Ильичевской брехни.
В лучезарном мозгу двух разъять Ильичей
Не смогли — не успели! — они.
Под звездой, покрывавшей неведенья лес,
Через правду в безумной вине
Ковыляет к рассвету безногий Прогресс,
Раскаливший язык на войне.

Патетическое. Осиновый крест

Ощупью, эфемерными пальцами прапамяти
Я чувствую далекий день,
Раннее детство чьих-то нынешних пап и мам.
Только что орошенная степь.
Огромные розетки листьев,
Точно блюда из веселого зеленого фарфора
С красными полосками
Закрывают кого-то от далекой, но уже идущей войной
жестокой Европы,
Золотые шары горько улыбаются, тягостно жалея
умирающий мир.
В этот день самый страшный гром над полем жесток.
Дождь от горя щедрился, разрыдался песок:
«Пейте, граждане, пейте эти слезы до дна —
Капли доброго неба, сок грядущего дня!»
И вот вы — эти папы и мамы, когда пришел грядущий день,
Клянете извечную людскую злобу,
Но в чистоте своей высокомерной равнодушны — и льются слезы
и невидимая кровь.
Трясете Совести купюрой непреложной
Вы, чванно поборая по Добру, еще неведомых плетей на мир
зовете —
На грязных и недобрых, кто не знает, что доброта отмерена
реестром.
Да, наше знамя всех побед великих ужасно неразумно
всепрощеньем —
Оно всходило, сирых поднимая.
А мудрому при вас одна награда — ОСТАТЬСЯ ПРИ СВОИХ,
И крест осиновый. И я не лучше тех,
Кто гадом сгнил под сгнувшим дрекольем по манию двух люмпен-
самодержцев.
Да, крест осиновый. Когда они растут в года беды,
Излишне говорить: «Любое дерево, чей плод и сок вам будет
не по вкусу — долой,
И вам не важно ни гнилое семя, ни здоровый корень этаких деревьев».
Под этими крестами мы едины...

Слепцы

Мертвой дорогой плетется Земля,
Нет пути нормальной.
Верная клюнула душу змея —

Нынче в цене медали!
В сраный вонючий советский треп
Не верит и сам дедуня.
Синь от пятерок и зад, и перед
У дела, что проведу я!
Длинный и узкий, как колбаса,
Дом, точно старость, серый.
Много «колбас» здесь пришлось искушать
Гитлеру в сорок первом.
Стырим — и на черта треп-заливай
Про крыску и домового!
— Серый, по быру полкатышки давай!
— А может, чирик, Вова?
Взвоят газеты: «Без лент, как без тела башка,
Слава родная о камни стучит — и набат, и костыль.
Память не тронь, а замаешь, злое бывшее вскопав,
И съест нас небытья могильная пыль!
Дрема святая заводит дедов,
Разгоряченная правда встает,
Каждый, подъятый святым этим бредом,
Мчится из сини в проклятый год!
Сполох наш — век, вздох — как тысяча лет,
С нашею правдой — бердыш, именной пистолет!
Бред святой, топором партизанским
Бей Пол Потов и Гитлеров бей,
Как веревки катов срубал ты,
Не ломая родных ветвей!
Оттого, что, не зная позора,
Прошлым бьем, как в “козле” —
Гады вновь на лазурной
Воссмердевшей Земле.
Если слава святая железная
Для кого-то — медовый ион,
То заморская гадина ремжет
Всю планету засыпать в нейтрон!»
...Хрыч не дернулся шибко
От паскудства политподлеца.
Ведь сегодня походкой широкой, но поступью хлипкой
Наступает слепец на слепца:
«Старый хрыч наш дражайший, ты на славе стоишь,
Славой вас ублажали, а от истины — кыш!
В бесколбасье полвека ты выгадывал честь,
Но пришибла тарелка не могущего есть!

Как щитом, ты медалью честь системы спасешь,
От Идеи кристальной вольный нож отведешь,
Но в Идее кристальной занимается смрад,
Но под крышкой медали — люк, а в нем — черный ад.
На сегодня Расея той медалью жива,
Но придавлено ею горло мира, и убиты спасенья слова.
На заклятье — заклятье, а спасение — где?
На словах “Слава хлебу!” не пройти борозде.
Не прожить мирозданию на “хвале” и “прости”.
И сердце колыханьем можно мир погрести!»

Угра-1943

Позабитый страной, отлетел летний день,
Укатился в канаву, помятый,
От своих и чужих плевой пылью взлетел
И вернулся отставшим солдатом.
Лес морозный, дай к солнцу дорогу им, дай,
Дай дожить им до светлого лета!
Вот багряно взглянув, с печки спрыгнула даль,
Растрепала февраль по рассвету.
Вот уходят они из промозглой избы,
В этой жизни им зябко и зыбко,
Только нынешний лес тех жильцов не забыл,
Он, дулятый, заплачет и зыкнет.
Тяжек выдох весны — март снега развезет,
И забудешь о будущей стуже.
В теплый воздух дыханье ушедших уйдет,
И слезами покатятся лужи.

Моим сверстникам

Чужие звезды? Есть ли что чужое,
Когда «своим» ни звезд, ни солнца нет!
А радуга синтетики сладка,
Шипы чужие в ней не ядовиты,
«Своя» — морская дохлая звезда!
Но неужели солнце слишком жгуче,
И не достать его. И лампа пыток
Взрывает в сердце солнечный закон:
Смоленские болота, помним вас!
Пошлите бой нам в наше умиранье!
Мы в жигу вашу красно-бурдяную
Готовы слить свою гнилую кровь,

Холодный пот ночных видений красных:
Болото. Бьем коричневого гада.
И в смеси крика крик тоталитарен,
И не коричневы, и не красен он:
Заткнуться б неотъятностью времен!
«За...» Родину, иль шефа, или, или...
Но если мы до крика докричались,
То нас легко унять и поделить.

9 мая 1980 года

Даты той опетой два крюка
Теплый воздух, как тело, проткнули.
Мы — в горячке немые: прикатил ураган,
Обоюдно оскалены дула —
В пару нашенской стуже нашелся мороз...
Кос уж нет, а рука еще косит,
В глубь незримых молитв зарывается мозг...
Люди, солнце слезы вашей просит!
А сегодня, как будто весной овес,
Стали зелены давние карты —
Прорастают тихонько семечки слез
Молодых — за измятую правду.
Шоколад? Его дальние солнца калят.
Но обертке зачем поседевшие краски,
Для тебя ли они, шоколад,
Коль не скажешь о чирьях титанских!
Не малыш я, и сердце дрожит и бежит —
Вот картинки тускнеющий глянec —
Воевавший за Землю мужик.
Неужель продаешься, мужик?
Пил, но вовсе ты был не из пьяниц!
Сушь придет — и забытый твой пот оживет,
Пните пыль — и она задымится,
Отправляется солнце в полет —
На рыгающий гурт опуститься!
Жаждем, словно дожди, прыгнуть в правды между...
Но — «не вам нашу жизнь залапать».
По уставу качают нам в горло слезу.
Правда то, иль пьянящая слякоть?
Где слезе не пройти, не протечь,
Где не плачут колелые кости,
Как суровый мотор, в алкашей садит речь,
Речь горячая дяденьки Кости.

...Было Косте над гибелью Красса смешно,
Пацаном звал он гадами гуннов.
Горло вскоре до жести прожгло,
Время с пальцев его не сошло,
Впившись в косточки стуком чугунным.
...Поворот колеса — до боев три версты,
Блажь сходила под шпалищи каплями,
Только мнились крестами столбы,
Той дорогою скорбной спартаковской.
Зарастал на болоте в крови
Почерневший планеты затылок.
...Ты сегодня опять те сто грамм позови,
Как покроешь «распутных бутылок»!
И опять на завод ты везешь в переплав
Из раскопок металл допотопный,
И гудит давний грохот в ушах,
Когда мину пустую растопят.
Ты по чести рабочей наяривал жар
Кумачового хитрого дара,
Где шагаешь ты с Жанною Д'Арк,
И поешь вместе с Виктором Харой.
Ты, как в песне, Земля. А для старой земли
Не бывает паршивого сора.
Шоколад — малышам. А обертка — в пыли.
(Шоколад под названьем «Аврора».)
...Над церковной оградой — тишь,
Как сова, давний спит репродуктор.
Ты на серой скамейке сидишь
Под изморенным громами дубом.
Тишина, тишина, тишина,
Словно влага, течет по рубахе.
Ненавидят тебя, тишина,
И боятся Сомосы и шахи.

Подражание Н. Некрасову

Звонкое озеро. Дикие груши
С каждым морозом черней и черней.
Гады любые, что Землю порушили,
С чертом ночами играют в хоккей.
В рабстве далеком из нашего сока
К нашему счастью взлетели пути.
Мнится ночами: не эта ль дорога
Может нас к рабству души привести?

Спорщик незрел, и ему пожелаешь
Каменный хлеб, ухмыляясь, подать.
Смех нам! И мертвый герой не стенает,
Можно самую планетой играть.
Мало ли словом каким я играю,
Прянул порыв, отгорел — и забыт.
Клятва: «Пусть Совесть меня расстреляет,
Пусть буду в хляби болотной зарыт».
Плюнем на все в ночь иссиня-зеркальную,
Путь наш столбами-крестами объят.
Лампы, как блики стальных подстаканников,
Сонной тревогою жизни блещат.
Тени? Да, тени! Немы и непуганы,
Некому, незачем петь.
Насмерть стояли — и тем не погублены,
Не за копейку мереть
Силе их, чтобы в столетии дальнем
Правнуки наши не шли в кандалах.
...Кожа, сопрев, нарывала. Не ждали
Ни снисхожденья, ни чистых рубах!
Дядю чьего у врага мы видели?
Ты не тревожь его, глупый вагон!
Раб без раба он: как прежде по Гитлеру,
Целит по жирному Западу он!
Мы же — никто в отрицании бешеном,
Он же, как чудо живая скала,
Хочет поднять нас на бешенство «Першингов»,
С ним бы Расея до ада дошла!
Вместо холодного нашего зрения
Вставлены в очи угли расстрелянных.
Солнце зашло — и навеки оставлен он
В маршевом мареве ярости Сталина!
Нам бы прикрыть бы бойца окаянного,
Нам бы прикрыть бы трудягу войны,
Пившего вдрызг, но душою непьяного,
Знавшего Бога в когтях сатаны.
Давних строителей мертвые правнуки,
Боги в осенней грязи
С нами по-своему тоже неправедны...
Локоть — не надо, а Правду — грызи!

Последний друг

В горячей чашобе забытого дня
Антеем ты тяжесть отечества нес.
Не солнце от вас отреклось, не земля,
А босс и его пес.
Последний твой друг средь незримых дорог —
Награда дорог боевых.
Но сила — у грязи — бесстыжий смог
Из задниц «чаек» лихих.
Что в мире возможно, ты все превозмог,
Да только не подлость Кремля.
С тобою навечно последний дружок
И лучший товарищ — Земля.
Отмыта в сортире твоя борода,
Отчищен пиджак на снегу,
Но дышит свободой сено в стогу,
И друг твой последний сияет всегда.
Жемчужное небо, сухая земля
И орден тебя берегут.

14 апреля 1980 года

Четырнадцатое апреля восьмидесятого —
Год с нулем, как пустая мишень, не охраняемая никем,
Или, напротив, шахта для взлета.
Маяковский пятьдесят лет назад...
Меня чмокнула снежинка, как последняя копейка,
Брошенная полвека назад последнему безработному.
А где-то они сейчас — неужто и у нас, и, быть может, я сам?
Где-то их Маяковские? Или наши? Или я сам?
Работы полно, но мы не ведаем, кто есть мы.
И слово «хорошо» цинично и слепо стоит рядом
со словом «умер».
И за невидимыми пулями тянутся жестокие струнки,
И, перерубая дисканты новых голосов, растворяются
в кипящем над планетой эфире.
Боровицкий холм пятнист — карта с океанами проталин,
Горами закостеневшего снега,
Равнинами едва запушившейся зелени.
Зыбкая весна — как полвека, как полтыщи лет назад.
Весна мешкает нынче, а Маяковскому было боле боли
До мешканья мировой революции.
Но мы! Обойдемся! Была бы весна вечной,
А сейчас она почему-то похожа на осень. Почему?

К 100-летию
Московской олимпиады 1980 года

Ушедший байдарщик промчит по реке,
Как чайки, качнутся бакены,
И солнышко в доброй железной руке
Будет шуметь вместо факела.
Я встану из давней могилы своей,
Хвачу без стыдливой краски:
МОЯ это сказка, и быть ей моей,
Всемирной став вечной сказкой!

Мальш

Давний год притерпелся к вопросам,
Лишь когда стал серебряно-сед.
Изогнувшись под плеткой мороза,
До сирены мой тюхался дед.
В классной комнате, пестро-веселой, —
Словно ночью ваганьковской тишь,
Притулился в пальто долгополом
К футуристскому тому мальш.
Да, мальш. Он в грядущем со рвением
Заработает лживым трудом
Именитую яму забвенья,
Мертвый орден на рынке чужом.

Бомонд-1981 с книгой И. Северянина

В джинах хитренький Гриша,
Взгромоздясь на киот,
Русь кисейную выжмет,
Слез пол литра нальет.
Не дала ведь Коммуна дожевать ананас,
Мертвой каплею в дюне канул голос и глас.
Эти игры уж наши, наши вирши — в бокал,
Если руку не взрыв, а станок оторвал —
Не дадим вам руки, вы — не наши!
Критиканства щекотка — точно в горле вино:
Нашим олухам водка иль идея —
Не все ли одно?!

Учись защитить свободу!

Любая снежинка и капля, поверь,
Поймите, и годы, и воды:
Порой, защищая тюремную дверь,
Свою защищаем свободу!
В Бутырке, где подлого черта черней
Душа и слова, как обноски,
Не дал Абрамович открыть дверей,
Покуда пел Кржижановский!
Бунташная осень сера, точно зверь,
Но скажут и годы, и воды:
Неволят блюсти вас неволи дверь,
Но вместе укройте свободу!
Умеешь стоять за тюремную дверь —
Учись защитить свободу!

Тяжек путь в геройственном обмане

Тяжек путь в геройственном обмане —
Гибель как бессмертие вдыхать.
Но в свободных синих Первомаях
Надо горе красных вспоминать.
Нам полуденной луны окатыш
Не видать среди вранья ворон,
Красную карибскую Гренаду
И волны горячий гулкий сон.
Горб Земли фанатиков бригада
Круто подминала под бетон.
Да, слепцы. Но их размаха жаднут
Хилые смоленские поля.
Но пришел Порядок в одночасье,
Отупенье бунтом истребя.
И, своих фанаты балахонов
Грязных незапятнанных знамен
Таяли во пламени Закона.
А глупцы их ставили в Закон.
Сумкой лакированную хлопнув,
Отвернулась красная Москва.
Каменная глотка у Европы
Не для этих воплей рождена.
Строит мир проклятая бригада.
Нам же, голоса ее ловя,
Нашу непокорность строить надо,
Чтоб потом сказать: «Земля — моя!»

Артист

Когда от боли никуда не деться
И требуху просвечивает строй,
Был для него театр военных действий
Единственной великою игрой.
Он перешел десятилетий горы.
И криво все — с душой ли, без души.
Согласно моде той на режиссера
Ему вакансию театр предложил.
Патрон был гад, и наш герой сломался,
Театр глохнет — режиссер молчит,
И пеленою бархатных оваций
Надежно темный слух его закрыт.
«Эх, — говорил он, — все к рогатым кину,
Я — черт, не потяну и на козла!»
«Козел — фамилья Кин! Ты выше Кина!»
Патрон вещал, ну а толпа — несла.
Отдал он сердце или сердце — взяли?
В пучине хвори он о том забыл.
Рыдал театр во всемирном зале,
А мимо осветитель проходил.
Вот так над слабым подлость насмеялась,
И на тебе — ведь прав бесстыжий гном:
«Театр дал вино, а где же мясо?!
Нам песня — все, но где же гастроном?!»

9 мая 1983 года

И восемнадцатый тревожный скорбный год
у мировых опять стоит ворот.
Запомнят трусы, коль допустят смерть,
Как мстит жестоко голубая твердь,
Отмытая десятки лет назад,
Познавшая своих ожогов чад,
И, как глаза небесного быка,
Нальются кровью тучи-облака.
Спасти — признать законом синеву
И в конституцию Земли вписать траву,
А также мирный старый добрый дуб,
Он не от лет — от сонма бедствий груб.

Сюрреализм-1983

Красным вечером по площади Дзержинского
Резидент идет-шагает напружиненно,
Не страшит его сегодня КаГЭБэ —
Музе отдан этот день в его судьбе!
Вот, беззубые, сморкаясь, точно кролики,
На костыликах скакали алкоголики,
А за ними шел инкогнито один —
Музам всем товарищ-господин!
За Свободу, Честь и Совесть встал под рампою,
И свою увидел тень вовсю на лампе он:
Он увидел череп, челку и усы,
Он узрел страну ощипанной козы!
Раж его ракетой атомною прет,
И не ясно, то ли тень, то ль сам орет.
Заглотав бесовский атомный восторг,
Ухнул зал, косит на Запад, на Восток!
Заглотали б печи тыщи голосов —
Бриолин из тысяч прахов — для усов —
Вот он, ГОЛОС, — брех золотых элитных псов!
Он когда-то эту челку проклинал,
Но о косточках с усмешкою стонал.
Для чего вновь поднимается рука?
Не иначе — для предсмертного рывка!

А в дальней лазури...

А в дальней лазури родимый дом
Чернеет чужим ознобом.
Не черен черненковский режим,
Не жив... А живое — гробит!
Без младшего взрослого хмур диван,
И шкаф в темноте не движется,
Уныло всхлипнет в ночи чулан,
И дому тревожно дышится,
Дрожит он с покорностью сизаря
Под зимнего ливня косами
В несчастный добавочный день февраля
Обычного високосного.
Практичный дядя — хлебный фургон,
Буханками дышит жареными,
А кто-то глотает камень с пургой,
Отчаяние — с пожарами.

Хотел жару выдать еще пацаном,
О давних узнав об извергах.
И НАШЕНСКОЙ ПРАВДЫ кол и ком
Душат слепыми искрами.
А рядом — не изверги, рядом — беда
Ревет глубиною ерика.
Ты брата теряешь, Афганистан!
Ты друга теряешь, Америка!
В несчастной лазури родимый дым
Взорвался в слепом ознобе.
Не черен черненковский режим,
А павшего честь угробил!

Гласность

Зимнее мутное небо бесцветно,
Так и согласные пусты и бесцветны,
Слово согласно с понятием пустым.
Хочет понятие себе пустоты.
Ветром студеным стыдящим,
После грозы вешним ливнем шумящим,
Сладким расколом приходит Гласность,
Бесцветным согласным — цветную гласность.
Гласные часто бывают плохими,
Но гласные звуки — только цветными:
Радуга эмпиреев, аляповатой помойки унылость,
Чванная искра — мигает нам бранный и модный чулок.
Цвет содержания и голос формы —
Ясность гласных цветов.

Детям застоя

Товарищи! Самих себя проели
И с той досады хмурой озверели!
О, неба хмурость! Это ВЫ лютели,
А мы в ответ метелями взлетели!
Но что вам оголтелые метели —
Падут на вас приманкою капли!
Вас в рай земной призвали с колыбели,
И под крылом плута вы жарко пели,
Знать не желая и грошовой цели,
Вам честь — полгроша, как бы ни скрипели!

1985-й

Переменам судьбу перемены пока не устроили.
Путь и компас — дела наживные, а нужен ли новый пример?
Неужель — старики-дураки — три васнецовские воина,
И наветренной нашей страны пионер?

1986-й

Мы увидели в листьях гербарных
Только сушь кумачовой души?
Сохнем мы под Коммуны гербами,
По-пустому себя засушив.

Песня о дубах

Глуп ли ценный дуб? Не очень.
Что ж рифмуются дубы
С оборотом «на гробы»? —
Потому, что жить охочи!
Дух Судом допущен в Рай,
Но мертвец жилище хвалит:
«Души эти деревья!
Теплых зим им Боже дай!»
...На лесхоз температуру
Гонят молодцев слова:
«Мир построить — не халтурить!
Гроб отгрохать — не халтурить!
Не замай дубов права!!!»
Молодцам три рожи строятся:
«Под ноздрями у ракет
В красной сини новостроечной,
Нашей славной перестроечной
Марширует наш ПАРКЕТ!»
Вот борцы в квартире новой.
На зубах — веселый гриб,
И к хозяину линолеум
Ласков, нежен, словно гроб.
Но, зеленый и свободный,
В небеса росток шагнул,
Чтоб не стать мясной колодой,
А хранить ушедших гул.

Умер безбожный старик Марат,
 Ухнул безбожник, конечно, в ад,
 Но многих горящих он в краску вогнал,
 Стоя еще у геенны врат.
 Прадед — боярин в синем мундире —
 Белый ортодоксальный чирей,
 Мечется, точно паяльник включили —
 Вспомнил духовный роман с Вольтером!
 Вспомнил свой голод и груды карт
 Плюс красный колпак гражданин Бонапарт.
 Кто этот блин превратил в Напльён?
 Кухня Маратова, печка Тулон!
 Только один настоящий Марат
 Был распекону и рад и не рад:
 «Многие рады в Конvente побыть,
 Да нет охоты зарезанным плыть!»
 «Я стрелян, сажён и взашей гнат! —
 Жарко трезвонил Октябрьский Марат, —
 Всех раздраконил чинуш, да беда —
 Пеплом я лег, сдвинув дело на лад!»

1987-й

Когда тряхнуло жизни зданье
 И мы сошлись в кусачий рой,
 То даже Данте, даже Данте
 Стал не указ, а свальный бой.
 И тьмой, и светом исходило
 Зловонье Дантовой войны,
 Ходило Разума светило
 За липкой стаей сатаны.
 А мы — мы улыбались немо,
 Не видя солнца в высоте.
 Но прынул свет — вступился демон
 За крест и солнце на кресте.
 Свята у демона защита —
 За все, чем родина убита,
 Он грянул огненной слезой.
 Но той стезею штормовой
 Он проходил за ради шторма,
 А прежде наглым был рабом.
 В годину злобную с позором

Он правых метит злым клеймом.
Но день настанет, час пробьет,
Оставив когти, зверь уйдет.
А язвам долго дух казнить,
И как с отмытым солнцем быть?
И лишь собою мир спасим
От помешательства вершин.

Письмо ровеснику

Ты вернулся домой, предвкушая простор,
Из-за подлых, смердящих, стреляющих гор:
«Духов» дух пощадил, отпустил до дверей.
Вот гостинец — длиннющая цепь алкашей!
Там тебе вдруг сказали: «Неправде капут!»
Верно — срок свой мотает домовник Верблюд,
Улетел без препон диссидент Хвилибуд —
Что с трибуны был самый большой лизоблюд!
Ты запел, что «распахнуты своды» теперь.
Вот она — без чинуши-хозяина, дверь.
Ты сказал, что любой не потерпишь чумы,
Раз ты вынес две красных и черных зимы.
Так войди же, герой, в день вчерашний войди
И вчерашним слепцам небосвод освети,
Ты — хозяин, ты будней тряпье освяти,
То, что жгли, пусть у жизни идет впереди!
Ты — хозяин теперь, так возьми же весь свет!
Помнишь, пел: «Для меня невозможного нет!»

Баллада о кооперативном шашлыке — 1988

Кот одичавший здоров, как баран,
Подан в шашлычном мареве вам.
Но пусть его минет шашлычный вертел —
Не для него сей ужасный удел.
Уши горкому подливой залив,
Дышит шашлычный кооператив.
Кур подает? Слишком жирен для кур
Кооперативный вельможный шампур!
Черный мангал шашлыками расцвел.
Кот с перепугу в школу пришел.
Там он еду и квартиру нашел:
Славится школа мышьем и крысьем,
Что прикатило с начальством-хамьем.

Ежели кот на шашлык не глядит —
Не оттого, что охотою сыт,
А потому, что подобное в рот
Взять может только голодный народ.
Знаю, Главлит, не пропустите вы
О происхождении частной жратвы.
Но пусть Ваську минет шашлычный вертел —
Не для него златоносный удел!

О МИЛОСТЯХ

«Мы черствы в изобилье», — сказал Николай Добронравов.
Но не всяческий голод приемлет укора такого.
Точно жирных Сатурнов, не ведая выси и низи, осколки,
Подле нищих, взрывая голодную душу, раскинулись сочные корки,
Жаждешь казни транжиры, ведь не только бедняк позабыл
про икорку.

Но недаром двуногие свиньи укору забыли:
Нам ублюдки кидали порою кусман обалденный,
Как блевотины чванной советскую скользкую милость.
И иной, тот, кого на скотину учили начальственной волчьей
указкой,
Выйдя в самую свободу, тотчас самодурственным стал
господином.

РОССИЙСКИЙ ЦЫПЛЕНОК-1992

На Пироговке и на Усачевке
Орлит петух — хозяин бедняка.
Яйцо — корона. Мясо — император.
Дорогу шпорам, кайзер-сенбернар!
В курятниках-хрущобах желто-белых
И сталинских квартирах капитальных
В годину глупой бедности парит
Глупейшая, но выгодная птица.
Возьми ты чирик новый или стольник —
И цыплака добрейшего узришь.
Один порок — имперская двуглавость,
Купеческое жирное брюшко,
А в остальном — орел надежды бедных:
Ни скиптра, ни державы гегемонской,
Ни грозной императорской короны,
Нет ни Креста — ведь с оною Святыней
Неловко христианам пред иными.

Но толстая надежда — пух и мясо,
Напомнят россиянину когда-то О том, что прашур
в бедности бурливой
Чуть не подох, оставшись без жратвы,
Но спас его зимою дорогою
Цыплак, что был на Птичке куплен летом
На новые монеты с цыплаком.

Не хочу двойника!

Не стыжуся родни и любимым двойником не привык тяготиться,
Но опять в ночнике наваждением прожитый день закипел.
Мне в родню набивается усатая очкастая подлая птица,
Вылупляясь из полдня шестидесятых,
что, точно смоленский пригорок, песчанен и бел.
Кто посмел опорочить землянки, корявые рваные зимы,
Где горелое дерево срубов, срубая реальность, ночами
о мертвых ревет!

А из солнечной — нашей уже,
Бунтоватой, но такой безмятежной корзины
Нам стучит и течет честным людям Земли непонятный,
неведомый счет.

Знаю, с циником дети народа как люди Земли — не в родстве мы,
Тезка мой, его свойственник, вроде шаркнулся под грузовик.
Мы не ведали грязи, а за горло взяла нас ее аксиома,
прикидываясь теоремой,
Мык коровий для нас этот гад. Но ЕМУ МЫ — холоп
смердящего мык.

Полдень, ты пестовал меня, до небес города вздыханного мираз-
латые корзины,

Я верну тебя, я не сгину в критиканском проклятом огне!
Осень. Есень. Хоральная просинь. Не надо людей и машины!
Прометей-крючковтор! Все мы — люди!
И была моя партдисциплина во сне, не во мне!
Что мне мудрость огня и мощь социального интеграла —
Мне не надо партийных удач и душевных смертей!
Эта бравая мудрость в нас птицу души расстреляла.
От нее я когда-то хотел одного — Единения Равных Людей.
Диалектика — ад! Но опять бурестройка распастилась адом,
Мы дождались — наружная ветошь горит, раскрывая грозу.
Тяжелее минуты подъема, нестерпимей забытого мною снаряда
Двойника своего я не знал, проклиная,
Стосотую воду на киселе горьким кошмаром несую!

Память Воскресения. 1 мая 1993 —
Светлое Воскресение Христово 1994.
Москва, Калужская застава

Благословенна радужная песнь
Незримого стекла поющего эфира.
Так, в Воскресенья день небес золотая вьсь,
Разлив улыбку мудрую, глядит на прах кумиров.
Они сияли силой, разумом цвели,
Людские муки пожирая зримо.
Но Воскресенье рассвело, и тихо смыло их с земли,
Вампиры в мирной смерти не гонимы.
И Свет, и солнце ясно дышат в День Святой,
Века не замутняясь укоризны хмарью.
Пусть землю Зло грызет оскаленной косою,
Возмездьем Небо в праздник не ударит.
Но шел мирской кумач, лазурью осенен,
Шел, своенравный, не с войною — с миром,
Шел к радости, а получил — не гром! —
Паскудство блеванных чумных копыт звериных.
Над кровью и слезой мочился сатана,
В блевотину живых и мертвых обращая,
Млел зверя командир с вельможного окна,
В себе погромом похоть беса разжигая.
Воскресший Бог не даст живым пылающую месть,
Но годовщина зла не будет Им согрета.
И тягомотит день обвислость киснущих небес,
И зябнущая тишь тревожно-безответна.

Винни-Пух — президент-1993

Был у зайца плюшевого мишка-референт,
А теперь в стране игрушечной мягкий президент.
Милый Винни с лентою президентскою,
Тебе даже брови не к лицу:
Все игрушки хотят реформы,
А усы и брови — реформам тормоз!
Чмокнул мальчик гладенький, застучал копеечкой:
Вот какой наш रुपь российский,
Побокастей, чем фунт английский,
Смастерил его я сам —
Без папы, мамы и покойного дедушки!
Винни-Пух молчит, Винни-Пух сопит:
Потерпите, игрушки,

Не дружите с сивушною кружкой,
Будем мед хлебать за копеечку!
Я один у вас, мохнат, как медовый квас,
Славьтесь, славьтесь, Россия и Англия!
Стану я в паноптикуме — круглый президент,
Будет умный Чернобурик вам и мне референт!
...Иностранцы стоят, ухмыляются:
Вам бы звездочку или медальку,
Лента президента вам очень к лицу,
Но на медальку лишних денег не жалко!
...Раз-два-три Звезда, шагом марш, игрушки,
Цените родные ценности больше меда,
А не то не дадим и йода!
Плачут игрушки: Винни-Винни,
В чем мы повинны,
Любим мед пуще Звезд,
Любим гнезда пуще наград!
Не потяжелел Винни от наград —
Усек опасность преград —
Усек — и кого-то высек.
Кого? Да вот не знаем.
За дело ли? Думаем.

Этастранцы и Этастранки

(штрихи к групповому портрету)

После развала СССР при помощи «заокеанских друзей демократии» и своей пятой колонны и последовавшего вслед за этим обретением Россией независимости от здравого смысла, на её разрушенной территории появилось демографическое новообразование — этастранцы и этастранки. Чтобы не томить читателя, объясню, что это часть населения, родившаяся, выросшая и получившая образование частью в СССР, частью (что помоложе) — в России, объединённая одним — ненавистью к своей Родине и называющая её презрительно «Эта страна»... Чтобы быть точным, что скажу, что предтечами «этастранцев» и «этастранок» в СССР были так называемы фарцовщики (те есть валютные спекулянты), а так же разномастные недовольные жизнью, объединявшиеся под общим названием «диссиденты», а то и ещё хлеще «безродные космополиты»... У нынешних носителей звания, вынесенного в заголовок этого исследования, есть ряд признаков, отличающих их от обычных граждан России. Во первых, все они, как выразился один из их видных представителей, «не бедные люди», успевшие во время чубайсовщины урвать солидные состояния из общенародной собственности. Во-вторых, они относятся к той, максимум одной десятой части населения любой страны, предпочитающей торговлю и банковскую сферу созидательному труду. В-третьих, они полагают себя обладателями «истины в последней инстанции» и агрессивно навязывают её остальному населению, которое считают быдлом и имеют возможность вещать об этом со страниц газет и с экрана телеящика, который они успешно захватили, и все каналы, за исключением одного-двух, превратили в канализацию... В-четвёртых (нет, это скорее во-первых!), они любят гадить в храмах. Причём, понимать это следует расширительно и относить к этому их занятию не только пляски безбашенных девок в Храме Христа Спасителя, но и акции ещё кощунственнее — осквернение дорогих каждому человеку имён и понятий. Недавно одна упитанная» правозащитница» публично назвала мемориальное кладбище героев страны кладбищем домашнего скота. Другой этостранец из «менеджеров», которого в народе зовут рыжим тараканом, тоже публично объявил, что ненавидит Достоевского, что понятно, — ведь писатель

предвидел нынешнюю бесовщину в «Бесах». Этастранки обожают проводить ночное время на «тусовках» — так они называют сборища единомышленников в разных злачных местах. Причём, что интересно, — ходят они туда иногда без лифчиков и без трусов, и не стараются это скрыть. Напротив, всеми правдами и неправдами стараются привлечь внимание «журналюг» (так припечатал пишущую братию один известный певец), чтобы на следующий день вся желтая пресса трубила об их «креативности». И, кроме того, это полуобнажение свершается «на всякий случай» (бывает и такое...) И, наконец, главная отличительная черта: этастранцев и этастранок объединяет в общность одна общая — психическая — известная психиатрам и психотерапевтам уже более двух тысяч лет под названием «бред реформаторства». Они не могут видеть что-то устойчивое, разумное, вечное и объявляют о «судьбоносных реформах». Народ не сразу раскусил это и каждую «реформу» называет грабежом. И это действительно грабёж, ведь инициаторы конечной целью преобразований имеют личную выгоду, обогащение на чём только можно. В своей ненависти ко всему, что, по их мнению, надо реформировать, они постоянно оплевывают советское прошлое и его носителей — людей старшего поколения. Так, недавно, одна «журналистка», недовольная исходом выбора мэра Москвы, сетовала: «Из-за этого поколения дожития... из-за этих покорных му-му страдает избирательный пейзаж. Доживать им осталось не так много, а наш век своим тупорылым голосованием они заедают. Не должна уходящая натура влиять на жизнь цветущую и созидающую...» А ещё раньше, опять-таки этастранка с экзотической фамилией с экрана одного из захваченных каналов, высказалась короче: «Мы будем жить хорошо, когда уйдёт старшее поколение...» Спорить с ними бесполезно, ведь они под «жизнью цветущей и созидающей» понимают одно — возможность грабить Россию и на награбленное создавать «посадочные места» за бугром (чаще всего в Лондоне) наслучай их турнут отсюда... Подробный труд об этастранцах и этастранках будет, вероятно, написан и опубликован рано или поздно. А пока, чтобы определить их место, их статус, говорят в Думу направлен законопроект, предлагающий именовать их «Лицами нетрадиционной национальной ориентации» и урвать в правах с гомосексуалистами илесбиянками...

Как сохранить и приумножить Читателя

Памятка писателю

Юмореска

Чтобы был Писатель, надо, чтобы был Читатель. Писатель зависим от читателя, как Луна от Солнца. Предложение порождается спросом, а если спроса нет, то и предложение неактуально.

Зачем писать, если всё равно всё написанное никто не прочтёт?

А Читатель сейчас в массе своей день ото дня сокращается, все меньше его и меньше, и он может, пожалуй, в скором времени исчезнуть совсем. Если не принять каких-то срочных мер по сохранению и увеличению его популяции.

Поэтому, чтобы сохранить Писателя, надо, в первую очередь, сохранить Читателя. А для того, чтобы это сделать с толком, со знанием дела, профессионально, нужно создать для этого Союз профессиональных читателей по образу и подобию Союза писателей.

Если есть союзы писателей, то почему бы не сделать союзы читателей, логично ведь?

Но почему-то никто этого еще не сделал, а жаль! Хорошая идея.

Конечно, существуют (или, может быть, уже, существовали) какие-то книжные клубы, сообщества, объединения и прочее. Но это не совсем то. Там объединяются люди, любящие книги, объединяются так, как придётся, без всяких там правил и затей.

А чтобы возвести это дело на должную высоту, нужно создать именно союз, такое же профессиональное объединение, какое существует у писателей. Ведь чтобы попасть в такой союз, что нужно? Нужно написать и издать книги, взять рекомендации у каких-то уважаемых людей, писа-

телей, членов этого союза, потом пройти обсуждение и голосование на приемной комиссии. Это непросто. И не все вступают. Но счастливики получают большую награду: звание члена союза и заветную красную корочку.

То же самое нужно сделать и в Союзе читателей. В первую очередь, прием, через который нужно претендующим на членство пройти. Но количество книг тут должно отличаться в разы. Одной-двумя книжками тут точно не обойдешься. Список книг, которые непременно должны быть прочитаны до вступления в Союз читателей, должен быть составлен заранее и предложен для ознакомления вступающим. И список этот, я думаю, получится, очень внушительным. Ну а потом претенденты проходят, консультации, тестирование и экзамен и только после этого принимаются в союз.

В Союзе Читателей тоже должны быть творческие секции по образу и подобию писательских, ну, например, секции поэзии, прозы, драматургии, детской литературы, литературы переводной, сатиры и юмора, критики, публицистики, литературоведения. Конечно, нижняя планка читательского уровня должна быть установлена достаточно высоко и быть одина для всех, ну, например, 100-200-500 книг либо произведений разных видов и жанров должны быть прочитаны всеми и непременно.

А вот далее — на выбор, кому что больше нравится. Кто больше любит читать поэтические книги, вступает в секцию поэзии и там продолжает развивать свое дарование по чтению именно поэтических книг. Кому больше нравится проза, тот пусть вступает в секцию прозы и со своими сподвижниками продолжит брать высоты по чтению романов и повестей.

Ну и так далее.

Естественно, наиболее достойных членов Союза, достигших небывалых высот в искусстве чтения, нужно поощрять, выдавая им дипломы, различные призы и даже денежные премии. Так же, как и писателям. А почему нет? Ведь писатели почему-то получают награды за свои труды, а читатели нет. Это несправедливо, поэтому и нет мотивации быть читателем. Если бы поощряли, то и читателей было бы в разы больше. Труд чтения тоже великий труд, и он также достоин награды! Порой легче что-либо написать, чем потом прочитать написанное. И писателю на написание какого-либо судьбоносного романа дается много лет, а прочитать его бедному загнанному читателю почему-то требуется за очень короткие сроки.

Поэтому все читатели норовят перебежать в писатели, чтобы хоть что-то получить за свои труды. Там и трудов меньше, и чтения больше. Гораздо легче написать одну книжку, чем прочитать 100.

Поэтому и нужно для профессиональных читателей, членов Союза, тоже организовать какой-нибудь Русский Букер или Национальный бестселлер, либо Триумф.

Прочитал всего Пелевина, Акунина — получи Триумф! Прочитал Льва Толстого, Достоевского, Тургенева, Бунина — получи Нацбест! Осилит и тех и других — получи Русский Букер! А как же!

Для тех, кто любит читать толстые книги, неважно даже какого автора, можно будет организовать премию Большая книга. (Представляю себе этих счастливых!)

А тех, кто прочитал почти всё, можно будет наградить читательской Нобелевкой. (Неужто сыщутся такие безумцы?)

А на денежное вознаграждение эти определённо уже счастливые люди могут купить еще больше книг и запоем читать, читать, читать...

Ну и самой лучшей наградой самому достойному читателю будет установление ему после смерти памятника в сквере какой-либо престижной библиотеки или даже на главной площади города. Памятник Великому Читателю!

Ради этого можно будет тогда не только жить, но и читать!

Людмила Осокина (Влодова) училась в Московском государственном историко-архивном институте на факультете архивного дела. Работала корреспондентом и обозревателем в журналах «Клуб», «Юность», «Профсоюз», а также книжным редактором в ИИД «Профиздат».

Стихи печатались в таких изданиях, как «Московский комсомолец»,

«Вечерняя Москва», НГ Ex libris», «Поэтоград», «Юность», «Истоки», «Дети Ра», «Футурум-Арт», «Зинзивер», «День поэзии-2010», «Кольцо А» и во многих других.

Первая книга «Природы затаенное дыхание» вышла в 1996 году в Москве, в Издательском Доме Русанова. В конце 2010 в издательстве «Время» вышла книга стихов и романсов «Кофейная девушка».

Пишет прозу, песни, воспоминания, рецензии, статьи.

Член Московского Союза литераторов, Союза писателей Москвы,

Союза писателей XXI века, Интернационального Союза писателей.

У Эоловой арфы

Эол молчал, но пели гулко
 Деревьев оголённых тени.
 О, музыкальная шкатулка,
 Рыдающая по измене,

Я заключён в тебя по воле
 Богов любви, игравших мною.
 С горы я звал Её и в боли
 Своей тонул, как под волною

В шторм гибнет судно без руля.
 Тревожно вслушивался я
 В немой укор — как выстрел
 меткий! —
 Темневшей в сумраке беседки.

Надёжно спрятавшись за мглою,
 Был Пятигорск в ту ночь — тобою!
 Мой крик и гулкий стон теней
 Он безучастно принимал.

Вдруг стал хребет Кавказский ал —
 Как плаха беспощадных дней,
 Как нож, вспоровший чрево ночи,
 Как знак, что больше не захочет
 Жертв наших Некто в вышине —

Что сердце выгорит в огне...

Из цикла «Михаил Лермонтов»

...И впитывала кровь Поэта
Ливнем взрыхлённая земля...
Всем сердцем содрогаюсь я,
То чёрное представив лето,
Когда никто не заслонил
Его от смертоносной пули,
Когда потом, среди могил,
В глазах собравшихся тонули
И бледный лик, и тяжкий гроб,
И склон пологий Машука —
Такой, как тот, где вверх рука
Его взлетела — Боже! — чтоб
Вздохнул убийца облегчённо
И другу тем же не ответил...

...В какой груди огонь потух!
Певец свободы обречён, но
Как и солнце — жгуч и светел
В веках пребудет вольный дух!..

Память скифа

Памяти Владимира Востокова

В краю лесных, скалистых великанов —
Кавказских гор —
Вонзить спешил я, может, слишком рано,
Свой боевой топор
В врага, нацелившего хищную стрелу
В грудь брата-скифа.
Но, взвизгнув, распрямился лук
И стала мифом
Далёким жизнь моя
И жизнь моих родных...

И вновь родился я —
В веках иных:
На горы, политые кровью,
Смотрю с волнением я, как будто вспоминая,
Что был крещён войной здесь и любовью,
И о горах пел песню, умирая...

Московский зоопарк

Цесарки, павлины, медведи,
Питоны, слоны и щеглы —
Они в зоопарке соседи,
На вид они очень милы.
 В вольере из Арктики мишка.
 И в пятнышках рыжих — жираф.
 И белая юркая мышка,
 И толстый вальжжный удав
Свирепая тень крокодила
Мелькнула за толстым стеклом.
Целуются в губы гориллы,
Им весело жить вчетвером
 Паслись полосатые зебры,
 Карабкался горный козел.
 Забились животные в дебри
 И тигр озирался на мол.
Энергия жизни бурлила,
Струилась по склону вода.
И в клетке мартышка ходила,
Вертелась туда и сюда..

На берегу

На лапах двух медведица стояла
И яростно рычала на самца.
Непрошенного гостя избивала
И выстоять пыталась до конца.

Три медвежонка кувыркались рядом.
Не чувствуя опасности пока,
Медведица врага сверлила взглядом
И силы собирала для рывка.

Самец рычал и пятился к обрыву.
Медведица его пихнула в грудь.
Он в озеро бултых — все кончилось счастливо
И матери пора передохнуть...

Виктор КОЛЛЕГОРСКИЙ

* * *

Всем коровам доярка из Римини
Графский титул прибавила к имени
И такой ерундой
Повышала надой
На сто литров от каждого вымени.

* * *

Обитателя ветхой лачужки
По ночам навещали пьянчужки
И все то, что за год
Произвел химзавод,
Пили прямо из местной речушки.

* * *

Мистер Бин в день рожденья сынишки
Съел один все пампушки и пышки,
Три кадушки грибов,
Порошок для зубов,
Сыр для кошки и коврик для мышки.

* * *

Шейх Сабир после чаю с морошкой
Ел пломбир с шоколадною крошкой.
Крошка чай не пила,
Но была с ним мила
И трясла шоколадною ножкой.

* * *

Клуб любителей сникса и твикерса
В счет доходов компании Виккерса
Приглашает друзей
В шоколадный музей
Карла Марса и Фридриха Сникерса.

* * *

В Гималайзии пан Гималайский
Вместе с мопсом породы малайской
Ел в кафе круассан,
Мопса звал — Мопассан,
А себя величал — Ги Малайский.

* * *

Пес Барбос с кинофабрики в Хосте,
Отправляясь поужинать в гости,
Забегал в казино,
Постучал в домино
И сожрал все игральные кости.

* * *

Говорящая лошадь в Ньюкасле
Не кончала ни школу, ни ясли,
Но умела читать,
Без запинки считать
И готовить на сливочном масле.

* * *

Чудо-лошадь Фру-Фру из Непала
Триста лет прожила и не пала
И жила без забот —
Завела огород
И копытом картошку копала.

* * *

Сердобольный медведь из Певека
Слыл борцом за права человека,
Настояв, чтобы тот
Получал хоть раз в год
Хвост селедки и голову хека.

* * *

Блюдолиз ресторана «Франческа»
На банкете в честь дам Геническа
За пятнадцать минут
Все три тысячи блюд
До зеркального вылизал блеска.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Авдеева Людмила	5	
Баклашкина Татьяна		71, 78
Бакулин Алексей	163	
Балтачева Азалия	238	
Белокрылова Дарья		28
Бикбулатов Малик	236	
Божор Наталья		299
Бондаренко Ольга	161	
Гончар Сергей		190
Гор Эльвира	41	
Гуддедава Петр	274	
Варварица Инна		265
Влодов Юрий	319	
Волкова-Кушнер Ольга		239
Володарский Леонид		134, 291
Дубров Геннадий	463	
Егорова –Нерли Ирина		86
Елфимова Лия	85	
Еремина Елена	200	
Желебенцев Валерий		64
Иодловский Николай		171
Кандарова Филюзя	218	
Карпов Николай	448	
Касперов Андрей	43	
Кебадзе Алексей	144	
Ковалева Ирина		14
Клименко Василий		209
Коллегорский Виктор		283
Крышкевич Илона	155	
Логовская Марина		53
Львова Светлана	77	
Максимов Вадим	422	
Маркович Анри	455	
Мичков Евгений	44	
Мулюков Урал	211	
Наровчатова Ксения		25

Наровчатова Ольга	116, 119	
Наровчатов Сергей	121	
Новикова Екатерина	196	
монахиня Олимпиада (Константинова)	183	
Осокина Людмила	297, 450	
Петровская Карина	302	
Привалова Ольга	233	
Пустовитовский Владимира	245	
Рустанова Раиля	242	5
Рогов Владимир	325	
Рыбаков Валерий	329	
Рябченкова Анастасия	240	
Серафимов Александр	343	
Сергеева Ирэна	153	
Сказительница	333	
Скрипник Валерия	39	
Славороссова Евгения	287	
Столяров Кирилл	103	
Столяров Сергей	115	
Строгова Анастасия	278	
Терехин Вадим	56, 83	
Терещенко Валентин	134	
Трунин Александр	60	
Улыбышева Марина	63	
Фатихова Эльмира	231	
Ушакова Галина	70, 82	
Хачумова Татьяна	210, 251	
Хохлов Владимир	160	
Черняхов Сергей	307	
Чижевская Вера	70	
Шведовский Олег	34	
Шведовская Татьяна	311	
Шведоский Феликс	260	
Шилова Ольга	69	
Яковлев Владимир	304	

И 89 Истоки: Альманах. Вып. 7–8 (49–50). — М.: РИФ «Истоки-плюс», 2014. — 460 с., илл.

«Истокам» — 40 лет. Новая рубрика «Рукопись» возрождает приоритет молодых, начинающих авторов.

На страницы альманаха возвращаются незаслуженно забытые имена классиков советской эпохи. Впервые публикуется заявка на сценарий «Блохи» Сергея Наровчатова. И воспоминания сына об отце — народном артисте Советского Союза Сергее Столярове. Жгучие вопросы современной жизни, нравственные и политические аспекты с кинематографической стремительностью разворачиваются в новой повести А. Серафимова — «Провокаторы». Поэзия, как всегда, представлена ярко и многожанрово. В этом выпуске собраны публикации практически из всех регионов России: Калуги, Уфы, Екатеринбурга, Владивостока, Санкт-Петербурга и Москвы. На страницах и обложке альманаха использованы новые графические работы Ирины Егоровой-Нерли.

Редакторы-составители *Елена Еремина* и *Ирина Антонова*

Рисунок на 1-й полосе обложки и графическое оформление
Ирина Егорова-Нерли

Оформление *Павел Чикин*
Компьютерная верстка *Ирина Чикина*
Корректор *Ирина Алферова*

ООО Редакционно-издательская фирма (РИФ) «Истоки-плюс»

ЛР № 061080

Адрес редакции: Москва, Сущевский вал, 49, корп. 4, оф. 45.

Контактные телефоны: (495) 234-3689, 8-903-268-15-57.

Наш сайт в интернете: www.istoki-roy.ru

E-mail: rifistoki@yandex.ru

Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Заказ № 24.

Печать офсетная. 29,0 уч.-изд. л.

Тираж договорной.

Отпечатано в ООО «Полиграфинформ»,
г. Калуга, пл. Старый Торг, 5.

РИФ
«ИСТОКИ – ПЛЮС»

2014 МАЛЬМАНАХ
ИСТОКИ